

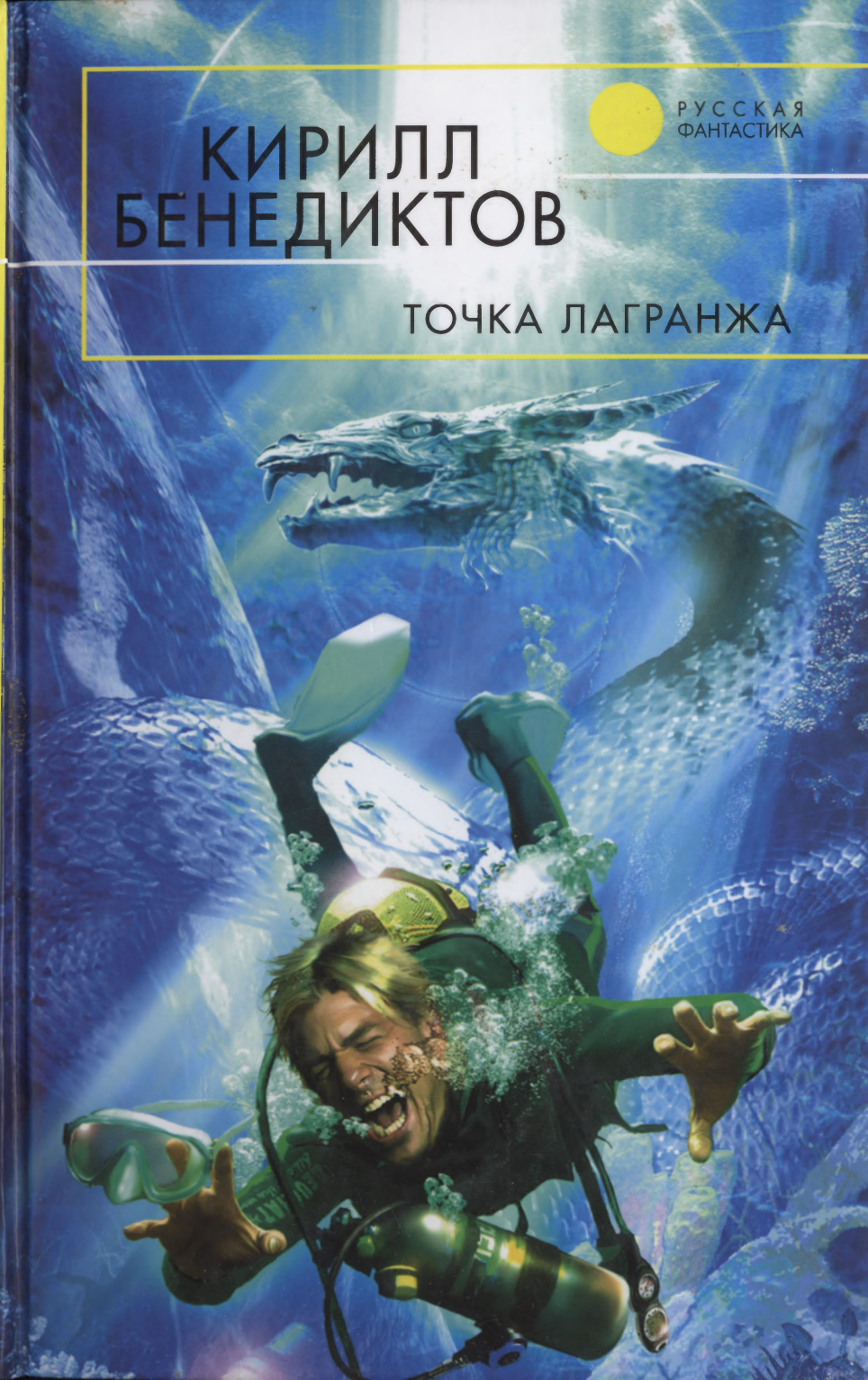
РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

ТОЧКА ЛАГРАНЖА

КИРИЛЛ БЕНЕДИКТОВ

ТОЧКА ЛАГРАНЖА

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

КИРИЛЛ
БЕНЕДИКТОВ

ТОЧКА ЛАГРАНЖА

КИРИЛЛ
БЕНЕДИКТОВ

ТОЧКА
ЛАГРАНЖА

МОСКВА
«ЭКСМО»
2008

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
Б 46

Оформление серии *Е. Савченко*

Серия основана в 2003 году

Иллюстрация на переплете *А. Дубовика*

Б 46 **Бенедиктов К.С.**
Точка Лагранжа: Фантастические повести и рассказы / К.С. Бенедиктов. — М.: Эксмо, 2008. — 480 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-26827-6

Русские дайверы, высадившись на острове в Красном море, сталкиваются с древним ужасом глубин... В волшебном королевстве осуществляется военный проект на основе нанотехнологий... В недалеком безумном будущем продвижение по службе зависит от весьма специфических причин... Загадочный странный текст беспощадно уничтожает своих читателей...

Об этом и многом другом — в новой книге лауреата престижных литературных премий Кирилла Бенедиктова.

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

© Бенедиктов К.С., 2008
ISBN 978-5-699-26827-6 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2008

ПОВЕСТИ

El Corazón

Это легенда о драгоценности, затмившей собой все чудеса Нового Света.

Много веков назад жрецы безымянного народа, обитавшего в горных долинах Анд, поклонялись ей, как воплощению Орла, Пожирающего Души.

Покорившие безымянный народ инки назвали ее Глазом Пачакамака, Властелина Всего Сущего, и отвели ей украшенный золотом придел в главном храме своей империи.

Испанцы, сокрушившие инков, потеряли в борьбе за обладание ею больше доблестных воинов, чем пало при штурме заоблачных цитаделей Вилкабамбы. Они дали ей имя El Corazón, что значит «Сердце».

Так станем называть ее и мы.

1

 ождь начался, когда капитан Анненков добрался до перевала Понго-Понго. Точку перевала отмечала бесформенная груда камней высотой в рост человека — на местном наречии *апачета*. Древний индейский обычай велел проходившим здесь путникам оставлять камень или принесенную из долин горсть земли в знак благодарности божеству — покровителю горных троп. Само божество — какое-нибудь вытесанное из базальта идолище поганое — наверняка пряталось неподалеку, в укромной расщелине или пещерке. Ревниво следило оттуда

за капитаном: положит он скромное приношение в общую кучу или пренебрежет.

Капитан пренебрег.

И немедленно за это поплатился. Божество разгневалось, затопало каменными ногами, зашумело, зашвистело разбойничьим посвистом. Поднялся ветер, небо, только что прозрачное и бездонное, затянуло тяжелыми фиолетовыми тучами с багровой окантовкой, беззвучно заблестали молнии. На капот «Мегги» упали первые крупные капли дождя.

— Чертова кукла, — выругался капитан по-русски. — Вот только ливня мне еще и не хватало!

Он осторожно выжал сцепление и, подтормаживая, повел «фордик» по круто спускающейся вниз дороге. Дорога и в лучшие времена была так себе: неровная гранитная кладка времен инков, совершенно не приспособленная для колесного транспорта двадцатого столетия. Теперь же, под проливным дождем, и вовсе напоминала смертельный аттракцион в цирке Барнума.

— Железка американская! — бормотал Анненков, чудом удерживая «Мегги» на скользкой дороге. — Вот только попробуй снова заглухнуть, на детали разберу!!!

Впереди яростно сверкнуло, открылся усеянный крупными валунами склон, а за ним черный провал — ущелье реки с непроизносимым индейским названием. Ник утверждал, что десять лет назад специально выписанные из Англии инженеры перебросили через ущелье стальной мост новейшей конструкции. Мост этот столь широк, хвалился Ник, что по нему могут проехать в ряд четыре грузовика «Даймлер Моторен Гезельшафт». Строительство обошлось недешево, зато теперь хлопок с плантаций сеньора де Легисамо без задержек попадает на склады Трухильо, откуда на баржах сплавляется в Манаус.

В небесах снова беззвучно вспыхнул ветвистый электрический разряд. В его неверном свете тускло блеснули свинцом покореженные остатки громоздкой металлической конструкции, торчавшие из каменной

осыпи, словно осколки вставной челюсти сказочного великана.

— Это, что ли, мост? — недоуменно спросил сам себя капитан, протирая свободной рукой глаза. — Ох, не нравится мне этот мостик...

Разглядеть в деталях, что произошло с мостом, не удавалось — дождь рушился с неба сплошной серой завесой. Но и увиденного при вспышке было достаточно, чтобы понять: по тому, что от него осталось, не проедут не только тяжелые грузовые повозки, но и маленькая и верткая «Мегги» капитана Анненкова.

Мост был взорван.

Капитану приходилось видеть взорванные мосты. Но то, что было привычно на войне, здесь, в самом сердце погруженной в вековой сон Сьерры, смотрелось дико.

«Землетрясение, — подумал Анненков. — Они в здешних краях не редкость... тряхнуло как следует, мост и развалился...»

Странно, однако: неделю назад он получил телеграфическую депешу от Ника, и там ни о каком землетрясении не было ни слова. Впрочем, о катаклизмах иного рода — тоже.

— Да и какая разница? — вслух спросил себя капитан. — Землетрясение или нет — а на ту сторону мне все равно не перебраться...

Между взорванными опорами в скале была вытесана ровная и широкая площадка. Достаточно широкая, чтобы «Мегги» могла развернуться. Капитан включил фонарик и сверился с картой — от моста, помеченного двойной пунктирной линией, уходили две дороги. Одна вела в горы, к перевалу Понго-Понго — по ней он только что спустился, другая же петляла вдоль реки и упиралась в городишко Трухильо, милях в десяти к северу. Прежде, до того как посланцы туманного Альбиона возвели в этих диких горах свой чудо-мост, единственный путь к родовому гнезду семьи де Легисамо пролегал через Трухильо.

— Для бешеной собаки семь верст — не крюк, — философски заметил Анненков, разворачивая машину. — Еще бы посветлее было, с ветерком домчались бы...

Тьма, окутавшая горы, казалась непроницаемой — возможно, из-за того, что сгустилась в самый разгар светлого весеннего дня. Не сильно помогали и фары — их слабого света хватало только на то, чтобы выхватывать из темноты предметы, расположенные не дальше двух-трех футов от капота машины. К тому же владелец гаража, продавший Анненкову «Мегги», содрал с капитана лишние пятьдесят долларов за специально приспособленный к горным условиям «Форд». На капот обычной модели-А присобачили дополнительный бензобак, а на панель установили обычный краник. Когда машине требовалось выйти на длинный крутой подъем, краник поворачивался, и горючее самотеком поступало в мотор. Поначалу Анненков слегка обалдел от такой изобретательности, но вскоре понял, что по здешним дорогам никак иначе не проедешь. Не разворачивать же машину и ползти на подъем, врубив задний ход, — хотя внизу, в предгорьях, капитану довелось наблюдать и такое экзотическое зрелище.

Именно из-за приваренного к капоту бензобака, мешавшего, честно говоря, обзору, Анненков и не разглядел вовремя стоявшего прямо посреди дороги однорукого индейца. А когда разглядел, тормозить было уже поздно.

Анненков резко вывернул руль. Индеец стоял посреди дороги, как каменная статуя, сжимая в своей единственной руке здоровенный тесак-мачете.

Машина пошла юзом, нога сорвалась с педали, и Анненков почувствовал, что «Мегги» кренится вправо, в сторону пропасти. От края ущелья дорогу отделяло добрых двадцать футов, но ощущение все равно было не из приятных. Под колесами «Форда» отвратительно скрежетало. В боковом зеркальце отражалась фигура однорукого индейца — мерзавец даже головы не по-

вернул, чтобы посмотреть, что случилось с едва не сбившей его машиной.

Потом «Мегги» остановилась — гораздо ближе к обрыву, чем хотелось бы Анненкову, но все-таки достаточно далеко. Капитан привычно хлопнул себя по бедрам, проверяя, на месте ли пистолеты, толкнул дверцу и выбрался из машины.

— Эй, амиго, — крикнул он индейцу, — сделай одолжение, уйди с дороги!

Индеец наконец соизволил посмотреть на капитана. Был он невысок, коренаст, кривоног. Длинные, мокрые от дождя волосы падали ему на плечи. Одет индеец был, к удивлению капитана, в мундир солдата республиканской гвардии. На груди блестели пришитые вкривь и вкось огромные южноамериканские ордена. Пустой рукав кителя болтался на ветру, как серо-зеленое знамя.

— Ну, красавец! — восхитился капитан. — Еще и герой, наверное! А с дороги все равно уйди...

Индеец раскрыл рот и что-то произнес. Ветер дул у Анненкова из-за спины, так что слов он не расслышал. Зато увидел, как рука с мачете поднялась и снова опустилась, явно подтверждая отданный приказ.

Из-за пелены дождя выступили серые размытые тени. Двинулись по дороге к капитану, держа перед собою какие-то длинные палки.

Толпа приблизилась, обтекая неподвижную фигуру Однорукого со всех сторон. Низкорослые, сутулые люди, по большей части индейцы или метисы, одетые в странную смесь военной формы и рваных обносков национальной одежды. Дикая карикатура на армию — разбитую, ободранную, вооруженную чем попало. К длинным палкам, как видел теперь капитан, были прикручены широкие лезвия мачете — получалось что-то вроде самодельных алебард. Двое-трое «солдат» несли топоры. Шагавший впереди разбойничьего вида метис держал в руках винтовку.

Все происходило в полном молчании, но выраже-

ние угрюмых, озлобленных лиц не позволяло сомневаться в истинных намерениях приближавшихся.

— С пониманием, — хмыкнул капитан и вытащил пистолеты.

Пистолеты у капитана были замечательные. На левом бедре висел «кольт» сорок пятого калибра, на правом — тяжелый «маузер», трофей Великой войны. Во время бойни в Мазурских болотах офицер кайзеровской армии Людвиг фон Ратценау, размахивая этим самым «маузером», лихо спрыгнул в обороняемый восемнадцатилетним юнкером Анненковым окоп. Спрыгнул — и напоролся на штык юнкерской винтовки. Анненкову к тому времени уже доводилось убивать врагов, но главным образом издалека. Фон Ратценау оказался первым немцем, которого он прикончил в рукопашном бою. Потом Анненков долго блевал, скорчившись на дне окопа, — мерзкий запах из распоротого живота убитого немца забивал ему ноздри, мешал дышать. Проблевавшись, юнкер на дрожащих ногах приблизился к поверженному врагу и, следуя инструкции, тщательно обыскал его. Все найденные у фон Ратценау документы сдал в особую часть, а «маузер» с готическими ручьями на рукояти оставил себе. Оружие оказалось что надо, мощное и безотказное. По странной привычке давать имена полюбившимся ему предметам или механизмам Анненков назвал «маузер» «Потапычем» — в честь своего ротного, вологодского мужика немереной силы и медвежьей свирепости.

— А ну, стой, раз-два! — скомандовал капитан по-русски и для доходчивости добавил по-испански: — Стоять, голодранцы!

Разбойник-метис нехорошо ухмыльнулся и поднял винтовку. «Потапыч» плюнул огнем, тяжелая пуля срикошетила о камень у ног метиса и с визгом унеслась куда-то в дождь.

Лязгнула, упав на дорогу, винтовка.

Толпа остановилась, затем попятилась.

— Вот это правильно, — одобрил Анненков. — Целее будете, ребята.

Однорукий индеец что-то гортанно крикнул. Над головами серых людей взлетел, рассекая ливень, его мачете.

Что-то черное, вылетев из-за завесы дождя, ударило капитана в плечо. Правая рука мгновенно онемела — четырехфунтовый «Потапыч» теперь оттягивал ее, точно гиря.

— Ах, вот как, — рявкнул, зверея, капитан, — ну, сучьи дети, вы первые начали!

Вскинул «кольт» и начал сажать в толпу пулю за пулей, стараясь целиться в ноги.

Все решилось в первые десять секунд. Невидимый капитану пращник еще дважды метал в него свои каменные заряды, но больше ни разу не попал. Толпа откатилась назад, оставив на земле воющих от боли и страха раненых. Паническое отступление удивительным образом не задело Однорукого — он по-прежнему торчал посреди дороги, как высеченный из гранита истукан.

— Что, дядя, — сказал ему Анненков, — помогли тебе твои ляхи?

Индеец не ответил — наверное, потому, что не читал «Тараса Бульбу».

Правильнее всего было бы пристрелить его тут же, не сходя с места. В конце концов именно он едва не сбросил автомобиль капитана в пропасть и натравил на Анненкова свой разношерстный сброд. Да и что сложного — попасть в неподвижную мишень такого размера в десяти шагах. Правда, барабан «кольта» опустел, но из четырнадцати зарядов «Потапыча» истрачен был только один, а правая рука понемногу начинала оживать. Вот только Анненков по непонятной причине не мог заставить себя выстрелить в Однорукого.

Теперь индеец смотрел на капитана не отрываясь.

Взгляд у него был тяжел, пригибал к земле. «Гипнотизирует, — подумал Анненков, — шаман чертов...»

Он встряхнулся, как выбравшаяся из пруда собака. Напряг мышцы, сжался в тугую пружину, превратился в автомат для убийства. На автоматы гипноз не действует.

Ствол «Потапыча» медленно начал подниматься.

Широкий, лягушечий рот индейца искривился в досадливой гримасе. Видно, Однорукий не ожидал, что белый человек сумеет защититься от его чар.

Ослепительно сверкнула молния. На мгновение капитан увидел отчетливо отпечатавшийся на иссиня-черном фоне грозового неба силуэт индейца, словно бы обрамленный голубоватым электрическим сиянием, а потом перестал видеть вообще. Перед глазами заплясали белые огни, резко запахло озоном. Анненков зажмурился, отступил к машине, держа «Потапыча» наготове. Ощутил спиной ребро открытой дверцы «Форда», остановился.

За спиной у него загремели выстрелы.

Капитан быстро присел, укрывшись за верной старушкой «Мегги». Зрение понемногу возвращалось к нему, он уже различал уходящую во тьму дорогу и извивающихся на ней раненых, похожих на перерубленных лопатой червяков. Вот только Однорукого на дороге больше не было.

В уши ударил стремительный топот копыт. Откуда-то сзади, от руин взорванного моста, налетели всадники на огромных черных конях, пронесли мимо «Форда» и помчались дальше, топча раненых и стреляя в воздух. Всадников было всего четверо, но их атака была так яростна, что Анненкову показалось, будто по дороге проскакал целый эскадрон. Спустя минуту один из всадников вернулся и спрыгнул с седла перед «Мегги», откинул назад капюшон черного плаща.

— Мистер Анненкофф, я полагаю?

«Англичанин, — определил капитан, — выговор

мягкий, южный, похож на девонширский... Скачет лихо, сразу видно, что из кавалеристов... Гусар?»

— Девонширский гусарский полк? — спросил он, поднимаясь. «Потапыч» смиренно смотрел в землю, но его показное равнодушие могло обмануть только тех, кто не знал капитана Анненкова. Впрочем, англичанин был как раз из последних.

— Драгунский, — невозмутимо поправил гордый бритт. — Но в Девонширском гусарском служил мой кузен. Ланселот Стиллоутер, лейтенант королевских драгун, к вашим услугам.

«Непросто ж тебе, бедняге, было с таким имечком в драгунах», — мысленно пожалел Стиллоутера Анненков. Расправил плечи, представился:

— Анненков Юрий Всеволодович, капитан лейбгвардии Уланского полка. Не трудитесь запоминать отчество, мистер Стиллоутер, можете называть меня просто Юрий.

— Отчего же? — слегка изогнул бровь Ланселот. — Очень приятно, Юрий Всево-ло-до-вич!

Экзотическое father's name капитана далось ему с трудом, но он справился. «Никовы штучки, — подумал Анненков. — Муштрует своих наемников, насаждает русский дух, не удивлюсь, если метисы у него тут по воскресеньям в лапту играют...»

— Прошу простить наше опоздание, — Ланселот обозначил короткий извиняющийся кивок. — Вашу телеграмму из Санта-Крус мы получили, но не рассчитали, что вы так быстро переберетесь через перевал. К тому же вчера мятежники взорвали мост, мы не успели вас предупредить...

— Мятежники? — переспросил капитан. — В Сьерре опять бунтуют крестьяне?

— Крестьяне бунтуют всегда, — Ланселот неопределенно махнул рукой. — На этот раз все иначе. Восстают целые провинции. Во главе мятежа — индеец, называющий себя Тупак Юпанки Второй, или Инкарри.

Претендует на происхождение из древнего царского рода...

— Самозванец, конечно, — усмехнулся Анненков. — Что ж, теперь по крайней мере понятно, откуда взялись эти разбойники. Кстати, ваш Тупак случайно не однорукий?

— Нет. — Если Стилуотер и удивился вопросу, то никак этого не показал. — Инкарри — молодой мужчина без каких-либо физических недостатков, пожалуй, чересчур светлокочий для индейца. Говорят, он руководит восстанием из скрытой в горах древней крепости. В наших местах, во всяком случае, он не появлялся.

— Так, значит, это — работа мятежников? — капитан махнул рукой в сторону покореженных опор. — Странно, у тех, что на меня напали, даже ружей не было...

Англичанин пожал широкими плечами.

— Тут неподалеку работала экспедиция из Североамериканских Соединенных Штатов. Геологи. Мятежники разграбили их лагерь, утащили кое-какое оружие, пять ящиков с динамитом. Вполне достаточно, чтобы взорвать мост, думаю, у них еще осталось кое-что про запас.

Анненков прищурился.

— Как же вам удалось переправиться? Вы ведь из поместья, верно?

— Выше по реке — старый подвесной мост. Индейцы его не тронули, они никогда не поднимут руку на то, что построили инки. Нам придется воспользоваться им, чтобы попасть на плато. Приготовьтесь, Юрий, это будет не совсем приятная прогулка.

— Я сюда не гулять приехал, — отрезал капитан. — А машина по вашему подвесному мосту проедет?

Ланселот Стилуотер надул щеки, будто собираясь фыркнуть от смеха, но, будучи джентльменом, сдержался. Ответил бесстрастно:

— Не беспокойтесь, Юрий, эту проблему мы как-нибудь решим.

И неожиданно добавил по-русски:

— Авось!

2

Поместье «Холодная гора» раскинулось у подножия острого как бритва пика, увенчанного голубоватой короной вечных снегов. Место было удивительно живописное — дорога ныряла в рощи апельсиновых деревьев и заросли рододендронов, огибала озера с неправдоподобно прозрачной водой, бежала мимо ослепительно-белых полей хлопчатника. Небо стремительно светлело, грозовые тучи уходили на восток, туда, где за отрогами Кордильеры Бланки раскинулись бескрайние просторы дождевых лесов.

Несмотря на изрядную высоту над уровнем моря, здесь буйно цвели гибискус, пахистахисы и мальвы, окружая старый, выстроенный в колониальном стиле дом бело-розовым облаком. Облако это отражалось в искусственном пруду, живо напомнившем Анненкову парки Гатчины или Царского Села.

Никакой ограды у дома не было — только аккуратно подстриженные колючие кусты, между рядами которых виднелись широкие проходы. Ни малейшего намека не то что на фортификационные сооружения, но даже на скромный палисад. А впрочем, то же самое было и в русских усадьбах, сожженных мужичками в 1917-м. От кого отгораживаться, когда вокруг все свои?

Анненков притормозил и выключил зажигание. По широкой аллее быстрой, подпрыгивающей походкой шел к нему высокий сухопарый человек в белом костюме.

— Юрка! — крикнул он по-русски. — Юрка, кот-обормот, приехал все-таки!

Капитан вылез из «Форда» и пошел ему навстречу, по-медвежьи расставив руки.

— Коля! Сколько ж не виделись, а? Ведь, почитай, лет восемь?

— С Константинополя, Юрка! С самого Золотого Рога! Ты — во Францию, я — в Румынию, так и не встретились больше!

Обнялись. Ник благоухал дорогим французским одеколоном, и Анненкову стало неудобно за свою пропахшую потом и бензиновой гарью куртку.

— Пойдем, Юрка. — Ник небрежно махнул рукой — из кустов, как чертик из табакерки, выскочил маленький смуглый человечек в темно-зеленой форме. — За машину свою не волнуйся, ее в гараж поставят. Ну пойдем, пойдем, нечего на дороге стоять. Сейчас ванну с дороги примешь, переоденешься, и я тебя нашему гранду представляю.

— Вещи мои в машине, — забеспокоился капитан. — Распорядись, чтобы их мне доставили.

— Юрка! Не болтай чепухи! Я уже обо всем позаботился. Два костюма тебе приготовил, деловую тройку и вечерний смокинг, по последней лондонской моде. Примеришь, если что не так, наш портной в два счета подгонит.

— Портной? — изумился Анненков. — Здесь?

— Что ж мы, хуже других? — обиделся его спутник. — Вон, у соседей наших, семьи Эспиноса, даже سینета собственная имеется. Они там новейшие ленты Голливуда крутят — с Валентино, с Гретой Гарбо! Ты ведь, Юрка, думаешь, верно, что мы тут в дикости да запустении живем? А у нас здесь — цивилизация, мон шер.

Анненков незаметно усмехнулся. Николай Александрович Стеллецкий, его старший товарищ по юнкерскому училищу, всегда имел склонность к преувеличениям.

Они вместе воевали на германском фронте, вместе сражались с краснопузыми в Крыму, вместе голодали в богатом и негостеприимном Константинополе. И везде Стеллецкий оставался верен себе — все происходящее вокруг он рассматривал как некий гранди-

озный спектакль, поставленный исключительно с целью поразить его воображение. Возможно, поэтому он никогда не отчаивался, считая уныние не только смертным грехом, но и черной неблагодарностью по отношению к Великому Режиссеру. В 1923 году, когда Анненков подписал контракт на работу грузчиком на сахарном заводе в Марселе, Ник принял предложение сомнительного авантюриста Шторха и отправился в Бухарест, чтобы войти в состав боевой группы, целью которой была организация вооруженного восстания против власти большевиков. После этого капитан несколько лет ничего не слышал о своем друге; среди эмигрантов во Франции ходили слухи, что Шторх оказался агентом ГПУ и сдал доверившихся ему офицеров чекистам. Однако год назад Анненков, обретавшийся в ту пору в Новом Орлеане, неожиданно получил от Стеллецкого письмо; Ник сообщал, что жив и здоров, служит в армии одной южноамериканской страны в чине полковника, но, поскольку занятие это совершенно неприбыльное, зарабатывает себе на жизнь, охраняя крупного хлопкового плантатора. «Приехал бы, что ли, — писал новоиспеченный полковник, — здесь есть где развернуться, особенно с твоими талантами, пейзажи, опять же, просто великолепны, закаты над океаном поражают воображение! А какие здесь женщины, Юра! Поглядев на них, ты забудешь и француженок, и китайнок! Все гибкие, опасные, как пантеры, а в глазах — черный огонь! Приезжай, не пожалеешь, а я тебя пристрою на какую-нибудь синекуру...»

Судя по обилию почтовых штемпелей, письмо было написано давно и упорно гналось вслед за капитаном по всему свету. Анненков перечитал его дважды и спрятал в небольшую деревянную шкатулку, служившую ему архивом. За то время, пока письмо искало капитана, судьба Стеллецкого могла не раз круто измениться, и Анненков не мог быть уверен, что найдет старого друга по указанному адресу. К тому же у него в кои-то веки появилась приличная работа — он обу-

чал стрелковому делу молодых бездельников из богатых семей Нового Орлеана, — и бросать ее ради призрачной карьеры в далекой Южной Америке было бы неразумно.

Все изменилось одним ненастным осенним вечером. К Анненкову, коротавшему время в баре на набережной, подошел шикарно одетый хлыщ и, затушив сигарету в стоявшем перед капитаном блюде с оливками, сообщил, что с ним хочет поговорить дон Витторио. Дон Витторио возглавлял один из самых серьезных гангстерских кланов города, и в другое время капитан отнесся бы к этой информации с должным вниманием. К несчастью, в тот вечер Анненков находился в скверном расположении духа, к тому же он очень любил оливки. Дело кончилось тем, что хлыщ, потеряв широкополую шляпу, вылетел из дверей заведения на ярко освещенную набережную. Той же ночью люди дона Витторио подстерегли капитана, возвращавшегося в свою маленькую квартирку на улице Лафайет.

Дон Витторио послал к строптивому русскому четверых бойцов. Все они считались хорошими стрелками и убежденными трезвенниками. Капитан Анненков был одинок и пьян. Спасла его только привычка носить пистолеты в расстегнутых кобурах.

В последовавшей перестрелке двое гангстеров были убиты, еще двое позорно бежали с поля боя, сам же Анненков отделался сквозным ранением икры. Впрочем, скрываться от полиции пришлось именно ему. Он покинул Луизиану, пересек Карибское море и нашел временное пристанище на Ямайке. Там, лежа на кровати в дешевой, кишасей клопами гостинице, он вспомнил про письмо Ника и решил написать ему ответ.

3

— То-то и видно — цивилизация, — усмехнулся капитан. — Единственный приличный мост — и тот взорван. Пришлось перебираться по каким-то висячим лианам...

— Взорвали мост — ерунда! — возразил Стеллецкий. — Отстроим новый. Главное сейчас — не дать этой сволочи укрепиться на нашем берегу реки. Тебе Ланселот уже рассказывал про Инкарри?

— Про индейского вождя? Да, говорил. А я, знаешь ли, тоже встретил тут одного индейца — без руки. Удивительный тип. Натравил на меня каких-то своих разбойников, пришлось пострелять. А потом взял и растаял в воздухе, представляешь?

Стеллецкий неожиданно помрачнел и крепко взял товарища под локоть.

— Юра, ты про этого однорукого лучше пока не упоминай. Постой, а Ланселоту ты о нем успел рассказать?

Анненков пожал плечами.

— Да, но он, кажется, не обратил внимания...

— Это ты с ним еще в покер не играл. Морда каменная, глаза холодные, никогда не поймешь, какая у него карта на руках. Эх, жаль, конечно, что ты так сразу проболтался, но теперь уж ничего не воротишь. Все равно — больше никому про однорукого ни слова, d'accord?¹

— Ну хорошо, — согласился Анненков. — Надеюсь, ты мне всё объяснишь?

Стеллецкий отпустил его руку.

— Разумеется, Юра, разумеется. Только не прямо сейчас, ладно? Это разговор долгий, не на один час... к тому же непосредственно касающийся твоих будущих обязанностей. Понимаешь, о чем я?

— Нет, — честно ответил капитан и вдруг рассмеялся: — Колька, старый черт, а ты все такой же! Тайные общества, загадочные манускрипты... Когда же ты наконец остепенишься?

Они уже подходили к дверям дома. Высокая, в два человеческих роста, арка, выложенная красным кирпичом, была увита зелеными побегими плюща. Над ар-

¹ Договорились? (фр.)

кой красовался старый, прибитый к стене огромными гвоздями щит с гербом рода де Легисамо. Вставший на дыбы леопард когтил улыбающееся солнце.

— Добро пожаловать, мон шер, — Ник толкнул деревянную (и довольно ветхую с виду) дверь, и она легко распахнулась перед ними. — Уверю тебя, ты не будешь разочарован.

За дверью находился внутренний дворик — патио, неприменный атрибут колониальных домов. Нежно журчал фонтан. По отполированным мраморным плитам двора плясали подгоняемые легким ветерком лепестки роз.

— Красиво, — одобрил Анненков. — Особенно вот эта деталь мне нравится.

Указал на резную деревянную галерею, нависавшую над патио. Ее почти скрывали спадавшие с крыши пышные лозы винограда.

— Правда? — обрадовался Стеллецкий. — Помому, очень живописно. Восемнадцатый век, между прочим. Орнамент делал знаменитый резчик из монастыря Сан-Кристобаль...

— Пулемет там хорошо встанет, — перебил его капитан. — Даже маскировать не надо.

— Пулемет? — переспросил Ник. — А, ну да, ты ж сразу о деле... Хвалю, Юра, хвалю.

На затененной галерее мелькнуло что-то белое. Платье?

— Там девушка, — вполголоса сказал Анненков. — Смотрит на нас.

— Это, верно, Лаура, — улыбнулся Стеллецкий. — Племянница гранда, очень милая девочка. Ей всего пятнадцать. Она еще немного диковата — старается не попадаться никому на глаза.

— А где же остальные? Ты писал, что в поместье будет полно гостей...

— Сейчас время сиесты. Дамы отдыхают... ну, или прячутся на галерее. А хозяин еще с вечера уехал с гостями к водопадам — здесь неподалеку исключительно

красивые водопады. Они должны были уже вернуться, но, видно, их задержала гроза.

— А эти водопады — они на вашей стороне реки? — рассеянно спросил Анненков, следя краем глаза за перемещением белого платья. Теперь он видел еще тонкую смуглую руку, теребившую тяжелую виноградную гроздь.

— На нашей, на нашей, — засмеялся Ник. — Не волнуйся, с ними пять парней Ланселота.

— Это значит, что в поместье осталось трое охранников, — заметил капитан. — Твой англичанин сказал, что их всего дюжина. Четверо поехали встречать меня, пятерых ты отправил сопровождать хозяина. Так?

— Юрка, Юрка! — покачал головой Стеллецкий. — Да я один стою всех этих бездельников. Пока я здесь, «Холодной горе» ничего не угрожает.

Капитан обернулся и внимательно посмотрел на старого друга.

— С пониманием. Только зачем в таком случае тебе понадобился я?

Они вступили в тень галереи, и Анненков потерял из виду следившую за ними девушку.

— Терпение, мон шер, скоро ты все узнаешь. Так, нам сюда, в это крыло. Дом большой, заблудиться в нем несложно, поэтому сначала я буду твоим Вергилием. Твои комнаты — на первом этаже, с окнами в сад. Вот ключ, дверь откроешь сам.

Комнаты оказались небольшими, светлыми и уютными. В гостиной стоял круглый стол и три кресла. Стеллецкий жестом радушного хозяина предложил Анненкову присесть.

— Здесь есть все, что необходимо для жизни. В спальне — платяной шкаф, твои костюмы висят там. Есть отдельная ванная комната, дверь в нее ведет тоже из спальни. Шнур над кроватью — для вызова слуг, не стесняйся дергать несколько раз, эти бездельники обычно спят или шляются где попало. Вот здесь — внимание! — бар. Выбор напитков, как видишь, достоин

ресторации Палкина. Если захочется холодного оранжада, дергай шнур — принесут прямо с кухни. Там, между прочим, стоит настоящий аппарат Одифрена, так что продукты всегда свежайшие. Впрочем, вечером ты сам убедишься. Хозяин сегодня дает торжественный ужин...

— По поводу моего приезда? — удивился капитан. — Что ж ты про меня наговорил?

— Не волнуйся, Юра, ты здесь ни при чем. Вечером прибывает некто фон Корф, важная шишка из германского посольства. У них с грандом секретные коммерческие дела...

Стеллецкий достал из бара пузатую бутылку и плеснул в стаканы прозрачной, терпко пахнущей жидкости. Протянул один Анненкову.

— Ну, со свиданьем, Юрка! Вот уж не чаял, что встретимся!

Капитан опрокинул свой стакан и скривился.

— Чем это ты гостей потчуешь, Ник? Самогонкой, что ли?

— Зачем самогонкой? — обиделся Стеллецкий. — Натуральная писка, та же водка, только виноградная, вроде итальянской граппы. Одичал ты в странствиях, Юрка, потерял нюх...

— Нюх-то я как раз не потерял, — Анненков повел носом над пустым стаканом и скривился еще раз. — А водки нормальной у вас здесь, конечно, не держат?

— Да откуда здесь водка! Пшеницу-то никто не растит...

— Ничего, — капитан скинул куртку, отстегнул ремень с пистолетами, аккуратно повесил его на кресло. — Я из Штатов привез пару бутылок «Смирновской», вечером раздавим. Вот что — ты допивай свою писку, а я сейчас, с твоего позволения, приму ванну.

Пока ванна наполнялась горячей водой, Анненков не спеша разделся перед зеркалом, присел на обтянутую зеленым бархатом козетку, вытянул левую ногу и помассировал ее.левой ногой капитана хронически не

везло. В германскую войну Анненков сломал ее, упав с лошади, при обороне Перекопа на нее плеснуло горячей нефтью, а в Марселе верткий, как угорь, алжирец ударом подкованного ботинка выбил капитану мениск. Излишне уточнять, что пуля нью-орлеанского гангстера, разумеется, тоже попала в левую икру. Порой ногу начинало ломить так, что капитану хотелось ампутировать ее и заменить протезом из кожи и дерева.

Он забрался в ванну, с наслаждением вытянулся в полный рост, закурил толстую кубинскую сигару и некоторое время лежал без движения, лениво стряхивая пепел в массивную бронзовую пепельницу на высокой ножке. Когда сигара была выкурена почти до конца, в дверь коротко постучали и на пороге появился полковник Стеллецкий — без пиджака, со стаканом в загорелой руке.

— Вылезай, Юрка, — не терпящим возражений голосом заявил он. — Хозяин вернулся.

4

Дон Луис Серра де Легисамо, владелец поместья «Холодная гора», был полноват, но подвижен. Чертами бледного лица он напоминал древнего римлянина — твердый подбородок, прямой нос, крутая линия надбровных дуг. Иссиня-черные, зачесанные назад волосы пятнала седина — оттого дон Луис напомнил капитану любимого отцовского пса, спаниеля Ратмира, окрас «перец с солью».

— Месье Анненкофф, — почему-то по-французски обратился он к гостю, — добро пожаловать в мой скромный chateaux¹. Очень рад вашему приезду, месье Стеллецкий много о вас рассказывал...

Рукопожатие у него оказалось неожиданно крепким — Анненков даже поморщился.

— Это большая честь для меня, — ответил он, сра-

¹ Замок (фр.).

зу переходя на испанский. — Я поражен красотой вашей усадьбы...

— Бросьте, — рассмеялся дон Луис. — Вы же еще ничего не видели... Впрочем, Ланселот уже доложил мне, как лихо вы расправились с бандой разбойников у моста.

Стеллецкий кашлянул.

— Это, скорее всего, та самая шайка, что сожгла дом падре Картаги. Мерзавцы, сброд...

— К сожалению, в наших краях сейчас неспокойно, — словно извиняясь, проговорил де Легисамо. — Именно поэтому я и попросил Ника разыскать надежного и опытного офицера, которому можно было бы доверить охрану поместья. Впрочем, о делах мы поговорим позже. Пойдемте, господа, я представлю сеньора Анненкова дамам...

Дамы обнаружили в гостиной. Стройная брюнетка с точеной фигурой и пышной волной рассыпающихся по плечам волос и тоненькая голубоглазая блондинка в розовом платье. При взгляде на нее капитан ощутил какое-то неясное беспокойство — будто бы он уже встречал раньше эту блондинку в розовом, но никак не мог вспомнить, где и при каких обстоятельствах.

— Моя жена Мария, — представил ее хозяин. — Мария, это сеньор Анненков, о котором ты уже, несомненно, слышала от Ника. Еще один твой соотечественник, дорогая. Да, да, Мария у меня тоже русская, ее родители переехали в Южную Америку еще до войны с немцами...

— Очень рада, сеньор Анненков, — Мария улыбнулась, показав ослепительно-белые, ровные зубы. — Я почти не говорю по-русски, совсем все забыла...

Акцент у нее и вправду был ужасный.

— Что вы, — капитан поймал ее тоненькую ладошку, поднес к губам и осторожно поцеловал. — Мне кажется, я вновь очутился в салонах Санкт-Петербурга!

— Это заслуга Ника, — Мария кокетливо стрельнула глазками в Стеллецкого. — Он заставляет меня упражняться в русском языке ежедневно!

— Теперь у тебя будет еще один собеседник, сердечко, — мягко перебил ее дон Луис, беря Анненкова под локоть и подводя его к брюнетке. — Познакомьтесь, это моя кузина, сеньорита Миранда Эстефания Гарсия Кордеро.

Сеньорита Миранда протянула капитану узкую, узанную золотыми браслетами руку.

— Вот и новая жертва «Холодной горы», — без улыбки произнесла она, взглядывая в лицо Анненкова своими непроницаемо-черными глазами. — Вы, должно быть, не знаете, сеньор, — каждый, кто попадает сюда, остается здесь навсегда. Это место проклято.

«Ого! — подумал капитан. — А дамочка-то с норвом!»

— Не сомневаюсь, — сказал он, прикладываясь к ручке Миранды. — Куда можно уехать от таких божественно прекрасных женщин?

Брюнетка одобрительно усмехнулась.

— Что ж, не принимайте это так близко к сердцу — я пошутила.

— А я — нет, — капитан наконец отпустил ее ладонь. — Я был серьезен как никогда.

— Русские офицеры очень галантны, — быстро сказала Мария. — Ах, как я жалею, что не побывала в Санкт-Петербурге до этого ужасного переворота! Папа рассказывал мне, какая в те времена интересная была жизнь... Балы, светские рауты... Мой папа был дипломатом, служил в консульстве в Бразилии. Он часто вспоминал, какую шикарную жизнь они вели в Петербурге с мамой. С тех пор я иногда вижу сны о России... о той, прежней России...

— Мария у нас мечтательница, — снова извинился дон Луис. — Вечно витает в облаках. Я для нее даже башенку специально выстроил в саду — чтобы сидела поближе к небу и мечтала...

Неслышно приблизился слуга с подносом, на котором стояли наполненные золотистым шампанским бокалы.

— Не подумайте дурного, — Миранда взяла бокал и снисходительно поглядела на покрасневшую Марию. — Она мечтает вовсе не о рыцаре на белом коне, тем более что такой рыцарь у нее уже есть. — Быстрый, как укол рапиры, взгляд в сторону де Легисамо. — Заветное желание нашей маленькой принцессы — вернуться в эту ужасную холодную Россию. Скажите, Юрий, правда ли, что у вас там на улицах лежит такой же снег, как здесь на вершинах высоких гор?

Анненков наклонил голову, давая понять, что оценил юмор Миранды.

— Не сомневаюсь, сеньорита, что вы уже спрашивали об этом моего друга Ника. И он наверняка дал вам самые исчерпывающие ответы. Отчего же вы ему не верите?

Брюнетка сделала крошечный глоток шампанского.

— Во-первых, я вообще не очень доверяю мужчинам. Спрашивая нескольких мужчин об одном и том же, можно добиться, по крайней мере, приближения к истине. А во-вторых, дорогой Юрий, неужели вы способны заподозрить меня в банальности? Ника я довожу расспросами о том, ходят ли по улицам русских городов дикие медведи.

— Это правда, — расхохотался Стеллецкий. — Всю душу уже из меня вынула медведями своими!

— Ни за что не поверю, что столь прелестная сеньорита способна вынуть из тебя душу, — Анненков со значением посмотрел на Миранду. — Тем более что у тебя ее, как известно, нет!

Бокал с шампанским выпал из пальцев Марии и звонко разлетелся на куски у ее ног.

— Простите меня, — пробормотала побледневшая девушка. — Я такая неловкая...

— На самом деле неловок я, — смутился капитан. — Мог бы поймать бокал на лету.

— Для этого, мон шер, нужно было на него смотреть, — ехидно заметил Стеллецкий. — Хотя бы краем глаза.

«Неужели ревнует? — подумал Анненков. — К Миранде? Вот так номер!»

На несколько мгновений в гостиной воцарилась та особая неловкая тишина, которая способна испортить даже самый приятный вечер. Положение спас хозяин дома, с учтивой улыбкой поклонившийся маленькому крепышу, затянутому в расшитый серебром мундир.

— Дамы и господа, позвольте представить вам майора Хорхе Гутьерреса. Этот блестящий офицер выполняет в наших краях специальное поручение правительства. Мы встретились сегодня на водопадах, и сеньор Гутьеррес оказался столь любезен, что принял мое приглашение присоединиться к нашему обществу.

— Сеньоры и сеньориты, — хриловатым баритонном проговорил майор, кланяясь. — Польщен и очарован. Нет, не очарован — ослеплен!

— Что за специальное поручение? — сразу же заинтересовалась любопытная Миранда. — Или это секрет?

Жесткие усики Гутьерреса слегка шевельнулись.

— Никаких секретов, во всяком случае, от вас, богини! Я занимаюсь картированием местности. Геодезическая съемка. Звучит скучно, я знаю, но уверяю вас, это настоящее приключение. Не далее как два дня назад я вернулся из ущелья Уанкай, если вам о чем-то говорит это название...

По-видимому, ущелье и впрямь пользовалось у обитателей поместья дурной славой, потому что Мария ахнула и прикрыла рот тонкой ладошкой, а Миранда удивленно подняла брови. Гутьеррес, явно довольный произведенным на дам впечатлением, повернулся к Анненкову и Стеллецкому.

— Сеньоры, прошу меня извинить. Я не успел представиться...

— Ничего страшного, майор, — вальяжно проговорил Ник. — За вас это уже сделал наш хозяин. Полковник Стеллецкий, капитан Анненков, к вашим услугам. Так что вы там рассказывали про Уанкай?

Де Легисамо тронул Анненкова за локоть.

— Ущелье Уанкай считается в наших краях гиблым местом. Поживете у нас подольше — услышите про него много жутких историй. А пока прошу меня извинить — с минуты на минуту должен прибыть фон Корф...

— ...целые россыпи костей, — достиг ушей капитана напористый баритон Гутьерреса. — В основном, конечно, животного происхождения, но среди них я заметил и несколько человеческих. Все они были превосходнейшим образом обглоданы...

— Какие ужасы вы рассказываете, майор! — воскликнула Мария. — Здесь же дети!

— Тетя Мария, — еле слышно пробормотал чей-то смущенный голосок. — Я уже не ребенок...

— Лаура, — вмешалась Миранда, — тебе и впрямь незачем слушать подобные истории. Давай-ка лучше я познакомлю тебя с нашим новым гостем, капитаном Анненковым.

Капитан медленно обернулся. Миранда едва ли не силком тащила к нему худую смуглую девочку в пышном белом платье. Платье было роскошное, расшитое крупным жемчугом, вот только с полудетской внешностью своей хозяйки оно совершенно не сочеталось. Анненкову приходилось видеть, как удачно подобранные наряды меняют облик девочек-подростков, делая их взрослее и соблазнительнее, но здесь был явно не тот случай.

— Сеньор капитан, — Миранда говорила подчеркнуто серьезно, но в глубине ее темных глаз мелькали веселые искорки. — Разрешите представить вам лю-

бимицу нашей семьи, юную Лауру Крус Сауро де Легисамо.

Любимица семьи смотрела себе под ноги и поднимать глаза на капитана явно не собиралась.

— Это вы были на галерее? — спросил Анненков. — Прятались за виноградными лозами?

У Лауры покраснели уши.

— Почему вы так решили? — тихо пробормотала она. — Вам тетя сказала?

— Я вас видел, сеньорита. Солнце как раз освещало галерею, а ваше прекрасное платье просвечивало сквозь листья.

Девочка закусила губу.

— Так я и знала! Ненавижу это платье! Ненавижу!

— Лаура! — строго произнесла Миранда. — Пожалуйста, веди себя как подобает воспитанной девушке. Что подумает о нас сеньор Анненков?

— Если бы не вы, кузина, — казалось, Лаура с трудом сдерживает слезы, — если бы не вы, я бы никогда не надела это ужасное платье... никогда в жизни!

Капитан подобрался, как перед атакой. Женские слезы для него были страшнее иприта.

— Милая Лаура, — сказал он как можно мягче. — Ваше платье великолепно, как, впрочем, и вы сами. Если вы не сочтете эту просьбу чересчур дерзкой, я просил бы вас подарить мне сегодня танец. Уверю вас, я не самый плохой партнер по эту сторону Атлантики.

Пунцовая от смущения Лаура пробормотала что-то неразборчивое и спряталась за широкую спину разносившего напитки слуги.

— Да вы просто светский лев, капитан, — протянула Миранда, испытующе глядя на капитана. — Держу пари, что бедная девочка будет считать минуты до начала танцев...

— Я никогда не заключаю пари с женщинами, — улыбнулся Анненков. — Гораздо разумнее сразу же признать свое поражение.

— Какая-то у вас капитулянтская позиция, — не-

довольно пожала плечами брюнетка. — Смотрите, как бы я с вами не заскучала!

— Уверен, что вас всегда сумеет развлечь майор Гутьеррес.

Миранда надула губки.

— Фи, капитан, вы всегда такой грубый?

Анненков не успел ответить.

— Военный атташе посольства Германии барон Отто фон Корф, — провозгласил мажордом. Голос у него был зычный и гулкий, как у северного оленя в период гона.

— Юрка, — Стеллецкий ткнул приятеля локтем в бок, — а ты помнишь, у нас в училище был такой фон Корф? У него папаша еще служил в кавалергардах...

— Да не может быть! Что ж здесь, по-твоему, парижский салон? Это там, знаешь, в один вечер можно повстречать половину своих петербургских знакомцев...

— Вот увидишь, — зловещим шепотом проговорил Ник. — Если окажется тот самый фон Корф — ты мне ставишь бутылку «бурбона».

Насколько помнил Анненков, юнкер фон Корф был типичным остзейцем — высоким, тощим, с худым неприятным лицом и тусклыми глазами. Человек, появившийся в зале вслед за мажордомом, более всего напоминал кота — большого, сытого, с добродушной, но хитровой мордой. Одет он был в цивильное и на военного походил мало.

— Не он, — хмыкнул Анненков. — Кстати, мы не договорились, что ставишь ты в случае проигрыша. Имей в виду, пisku твою я пить больше не стану!

— Там видно будет, — разочарованно проворчал Стеллецкий. — Эх, а я-то уверен был, что фон Корф — наш...

Пока военный атташе раскланивался с доном Луисом, дамы, нисколько не смущаясь присутствием Анненкова и Стеллецкого, потихоньку обсуждали достоинства и недостатки нового гостя.

— По-моему, господину барону стоило бы занять-

ся своей фигурой, — негромко заметила Миранда. — Я беспокоюсь за судьбу его пиджака.

— А что с его пиджаком, тетя? — В голосе Лауры прозвучало неподдельное любопытство.

— Боюсь, он сейчас треснет, — поджала губы брюнетка. Лаура прыснула.

— Недобрые! — Мария легонько шлепнула девочку веером. — Посмотрите, какой у господина барона веселый взгляд! Не сомневаюсь, он всех нас чудесно развлечет!

— Я бы на твоём месте на это не рассчитывала, моя дорогая. У колбасников грубое чувство юмора. Это тебе не французы и даже не русские!

— Тише, тише! — угрожающе прошептала Мария. — Он идет сюда... или лучше сказать: «катится»?

Барон действительно приближался. Объемистый живот плыл по воздуху, словно цеппелин. Золотая цепочка от часов, спадавшая в широкий карман брюк, позвякивала при ходьбе.

— Дамы, — поклонился он, утопив подбородок в жирных складках шеи. — Господа офицеры! Я поражен, обнаружив в столь диких краях такое изысканное общество!

— Здравствуйте, барон, — сказал Анненков. — Простите мое любопытство: вы случайно не выпускник юнкерского училища в Санкт-Петербурге?

Фон Корф, казалось, совсем не удивился вопросу.

— Нет, капитан. Я никогда не был в Санкт-Петербурге. Однако упомянутое вами училище заканчивал мой дальний родственник по отцовской линии, тоже фон Корф. Знаете, нас, фон Корфов, довольно много в разных частях света. Мы весьма — как это по-испански? — плодовиты!

Лаура захихикала.

— Вы напрасно смеетесь, сеньорита, — добродушно заметил барон. — Представители высшей расы должны заботиться о своем воспроизводстве. Чем больше

здоровых и крепких детей произведут на свет женщины Германии, тем лучше для Рейха и цивилизации.

— О господи, — негромко сказал Стеллецкий по-русски. — Так он из этих...

— Вы знакомы с расовой теорией доктора Ганса Гюнтера, господа? — чувствовалось, что барон оседлал своего любимого конька. — Это величайший ум нашего времени! Вам, дамы, я бы тоже порекомендовал ознакомиться с его трудами, ибо доктор уделял особое внимание проблеме упадка нравственности и распада крепкой нордической семьи!

— Что вы говорите? — проворковала Миранда. — И что же говорит ваш Гюнтер о распаде семьи?

— Я больше не выдержу, — шепнул Стеллецкий Анненкову. — Пойдем и немедленно выпьем, Юрка, иначе я этому борову наговорю гадостей. Ты же знаешь, я колбасников еще с самой войны ненавижу...

— С пониманием, — отозвался капитан. — Интересно, здесь только шампанским потчуют? А как насчет чего-нибудь покрепче?

— Что-нибудь покрепче, сеньор капитан, я предложу вам у себя в кабинете, — проговорил незаметно подошедший сбоку дон Луис. — Постарайтесь незаметно исчезнуть после ужина, хорошо? Ник покажет вам дорогу...

5

— Итак, капитан, — де Легисамо пододвинул к Анненкову украшенный затейливой резьбой ящичек из красного дерева, — наконец-то пришло время поговорить о делах.

Капитан молча открыл ящичек. Там, похожие на маленькие тугие снаряды, лежали сигары — судя по темному загару листа, бразильские.

— Кананера, — подтвердил дон Луис. — Мой тесть работает управляющим табачными плантациями семьи Мендоза в Баие.

— Благодарю. — Анненков размял сигару, понюхал

ее, щелкнул серебряной гильотинкой. «Интересно, — подумал он, — насчет сигар ему тоже Ник нашептал?»

Лет десять назад, сидя в грязном, прокуренном подвале Исмаил-бея на Пере, они с Ником пили дешевую вонючую ракию и строили планы на будущее. В этих планах присутствовали роскошные яхты, тропические острова и знойные мулатки. «Пить мы будем исключительно ром, — говорил Ник, — крепкий ямайский ром! А курить станем сигары, и непременно бразильские — «гавана» сладковата да и слаба. Мы же с тобой привыкли к дрянному турецкому горлодеру, нам только бразильские сигары и подойдут...»

— Вы, вероятно, хотели бы узнать, отчего сеньор Стеллецкий настаивал на вашем срочном приезде, — проговорил дон Луис. — Не так ли?

Анненков, раскуривавший сигару, ограничился утвердительным кивком.

— Дело тут вот в чем. В ближайшие дни я должен буду покинуть поместье. Николай Александрович любезно согласился меня сопровождать. Однако оставить «Холодную гору» без охраны я не могу, особенно сейчас, когда крестьяне бунтуют по всей Сьерре.

— И вы готовы возложить охрану вашего поместья на меня? — спросил капитан. — Дон Луис, мы с вами познакомились несколько часов назад. Я, конечно, польщен таким доверием... но вы не находите этот шаг несколько неосмотрительным?

— Не нахожу, — коротко ответил де Легисамо. — Сеньор Стеллецкий поручился за вас, а ему я доверяю полностью. Николай Александрович — человек чести.

— Разумеется. И все же мне кое-что неясно. У вас есть Ланселот Стилуотер — превосходный офицер, надежный, храбрый. Почему вам понадобился кто-то со стороны?

— Вы сами ответили на свой вопрос, — усмехнулся дон Луис. — Мне нужен именно человек со стороны. Ланселот всех здесь знает, и все знают его. Иногда это плюс, а иногда минус. Сейчас скорее минус.

— Вы ему не доверяете? — прямо спросил Анненков. Де Легисамо прикрыл глаза.

— Не то чтобы я ему не доверял... но я слишком хорошо разбираюсь в его слабостях. А что хуже всего, в них разбираюсь не я один.

«Не доверяет, — сделал вывод капитан. — Подозревает, что Ланселот работает на кого-то еще?»

— Видите ли, Юрий, если бы речь шла только об охране поместья, мне вполне хватило бы Стиллиутера. Собственно, я уже поступал так несколько раз, однако сейчас я рискую гораздо большим, нежели просто старинный фамильный дом и хлопковые плантации.

Анненков молча ждал продолжения. Де Легисамо побарабанил пальцами по подлокотникам кресла.

— Обстоятельства складываются так, что я вынужден оставить здесь свою жену, Марию. Раньше, возвращаясь в столицу, я всегда брал ее с собой. Мария еще так молода, ей скучно в нашей глуши... Но эта моя поездка слишком опасна.

Капитан решил, что пора брать инициативу в свои руки.

— Дон Луис, — сказал он решительно, — я не имею привычки лезть в чужую жизнь, однако если вы действительно собираетесь нанять меня для охраны «Холодной горы», то прошу вас выражаться яснее.

— Муж моей кузины Миранды... — начал де Легисамо и осекся, увидев удивленно поднятые брови капитана.

— Помнится, вы представили ее как «сеньориту». Или я ошибаюсь?

— Не ошибаетесь, — вздохнул хозяин. — Она была замужем недолго, а в двадцать лет обращение «сеньора» способно расстроить девушку больше, чем мы, мужчины, можем себе это представить... Дело в том, что Миранда — вдова.

— Вот как, — глубокомысленно произнес Анненков.

— Ее муж, ныне покойный генерал Мануэль Эр-

нандес Прадо по прозвищу Цезарь, был в числе тех, кто пытался защитить законную власть во время прошлогоднего переворота. Вы наверняка слышали об этих событиях...

Анненков благоразумно не стал его разубеждать.

— К несчастью, мятежники одержали верх. При штурме президентского дворца генерал погиб. Миранда осталась совсем одна, и я предложил ей пожить у нас в поместье... Понимаете, капитан, она мне даже не совсем кузина... скорее дочь... все-таки двадцать лет разницы — это очень много... Именно поэтому я чувствую определенную ответственность за ее судьбу.

— Ваша поездка в столицу как-то связана с делами Миранды?

— Да, напрямую. У генерала Прадо остались в столице влиятельные друзья. Они должны помочь ей вернуть деньги Цезаря. Кроме того, я бы хотел, чтобы Миранда уехала в Соединенные Штаты или в Европу. Но, разумеется, это станет возможно только в том случае, если мне удастся решить вопрос с наследством генерала Прадо.

— С пониманием, — кивнул капитан. — Однако в чем же вы видите опасность?

— У Цезаря остались не только друзья, но и могущественные враги. Вы позволите не вдаваться в подробности?

— Как вам будет угодно, — сухо ответил Анненков. — Значит, вы берете с собой кузину, но не берете сеньору Марию. Из соображений безопасности.

— Это не так, — в черных глазах де Легисамо сверкнули гневные искры. — Миранда тоже останется в поместье. Вам придется охранять троих девушек.

— Марию, Миранду и Лауру? Что ж, не могу сказать, что этот контракт мне не нравится.

— Очень хорошо. — Дон Луис откинулся на спинку кресла и запыхтел сигарой. — Как вы понимаете, я нанимаю вас для того, чтобы ни с одной из троих ничего не случилось. Вообще ничего, капитан.

Анненков задумался.

— То есть, если одна из них оступится на лестнице и сломает ногу, вы посчитаете это моей недоработкой?

— Именно, — усмехнулся де Легисамо. — Вижу, вы действительно все схватываете на лету. Возможно, у вас есть и другие вопросы?

— Сколько человек вы берете с собой?

— Мы едем вдвоем. Я и сеньор Стеллецкий. Конечно, до железной дороги нас будут сопровождать трое всадников Стиллуотера, но они вернутся на следующий день. Таким образом, в вашем распоряжении окажутся все охранники поместья. Ланселот станет вашим заместителем. Вы согласны?

Капитан прищурился.

— Кажется, мы не обговорили вопрос оплаты.

— Я заплачу вам две тысячи североамериканских долларов за месяц работы. Согласитесь, это хорошие деньги, капитан.

Анненков пожал плечами.

— Хорошие деньги за месяц постоянной работы. Но вы, как я понял, собираетесь нанять меня как сезонного рабочего — только на время вашего отсутствия. Меж тем мои расходы на дорогу составили не менее пятисот долларов.

— Расходы я вам возмещу, — проворчал де Легисамо. — Что же касается работы, все зависит от того, как вы справитесь с заданием. Разумеется, место сеньора Стеллецкого я вам обещать не могу...

Капитан укоризненно покачал головой, и дон Луис немного смутился.

— Да вы и сами наверняка не станете на него претендовать. А вот что касается старины Ланселота, тут, как говорится, можно будет подумать...

— Послушайте, — перебил его Анненков, — я совершенно не собираюсь лишать места никого из ваших людей. Я просто хочу знать, есть ли мне смысл соглашаться на эту работу. Я человек небогатый, зара-

батываю на жизнь чем умею. А умею я главным образом воевать.

— Я знаю, — кивнул дон Луис. — Сеньор Стеллецкий рассказывал мне о вашем боевом прошлом.

— Пока что я не очень понимаю, что от меня требуется. Окоротить бунтующих крестьян — это я могу. А нянчиться с тремя девицами, извините, не по моей части.

Де Легисамо помрачнел. Отложил сигару, поднялся с кресла и нервно заходил по кабинету.

— Нянчиться ни с кем не надо! Ваша задача — оградить их, и в первую очередь Марию, от грозящей опасности.

— О которой я до сих пор не имею ни малейшего представления, — холодно заметил Анненков.

— Я расскажу, — пообещал хозяин поместья. — Ваше право — верить мне или не верить, но я расскажу вам все.

Капитан выпустил в воздух сиреневое колечко ароматного дыма, откинулся на спинку кресла и приготовился слушать.

— Начало этой истории уходит в глубь веков, — предупредил де Легисамо. — Вы видели наш герб над воротами?

— Видел. Леопард и солнце. Это имеет какое-то отношение?..

— Имеет. Мой предок, Мансио Серра де Легисамо, участвовал в знаменитом походе Писарро на столицу империи инков, Куско. Это было четыреста лет тому назад...

РАССКАЗ ДОНА ЛУИСА ДЕ ЛЕГИСАМО

Великий город поразил воображение испанцев. Их передовой отряд захватил главный храм инков, Кориқанчу, облицованный тяжелыми плитами золота. Во внутреннем дворе Кориқанчи испанцы нашли удивительный сад — и деревья, и цветы, и початки кукурузы в нем были искусно выкованы из золота и серебра.

Там было еще много великолепных сокровищ, но моему прадеду повезло: он первым сорвал со стены изображение — огромный золотой диск с длинными волнистыми лучами, изображавший солнце. Весил диск не менее шестидесяти килограммов, и как мой предок с ним управился, одному богу известно. Впрочем, Мансио владел сокровищем недолго: в ту же ночь он проиграл свою добычу в кости другому солдату, чье имя затерялось в веках.

Кстати, этот проигрыш принес моему прадеду сомнительную славу: с тех пор появилась поговорка «Проиграть солнце прежде, чем оно взойдет». Мало кто из историков не упомянул об этом случае; но никто не знал, что Мансио Серра де Легисамо все-таки сумел ухватить фортуна за рукав.

Уже под утро он поставил оставшееся у него золото против странного кристалла, найденного одним из конкистадоров в дальнем приделе Кориканчи. Кристалл этот был размером с куриное яйцо; если бы речь шла об алмазе или изумруде, его ценность ни у кого не вызвала бы сомнения. Но даже самые образованные соратники Писарро не могли определить, что это за камень. Он, например, менял цвет — от рубинового до темно-синего. Кроме того, он носил следы обработки, но слишком грубой, явно снижавшей его стоимость. В общем, тот, кто поставил на кон этот кристалл, не слишком-то хорошо представлял, сколько он может стоить. И не очень-то переживал, надо полагать, когда мой прадед кристалл выиграл.

К утру Мансио стал владельцем El Corazón. Так он назвал свой трофей. Действительно, камень немного напоминал сердце — он слегка заострен снизу, а сверху в нем есть ложбинка, сделанная, по всей видимости, искусственно. Что с ним делать, прадед не знал. Королевский казначей, сопровождавший отряд, отказался оценивать кристалл и не включил его в реестр захваченной в Куско добычи. После своего знаменитого проигрыша Мансио остался в буквальном смысле гол

как сокол — у него не хватало средств, чтобы жить, как пристало кабальеро, и он был вынужден продать своего коня. По тем временам это был большой позор. Однако прадед довольно скоро обнаружил, что El Corazón приносит удачу в азартных играх. В его записках этому посвящено несколько страниц, но описание довольно запутанно, и понять, как именно помогал ему камень, нелегко. Мансио считал, что кристалл каким-то образом влиял на «гуморы» противника и заставлял того ошибаться — идти не с той карты, например, или сбивал ему руку при броске костей. При этом он каждый раз менял цвет, становясь то нежно-жемчужным, то багряным, то небесно-голубым. Опасаясь обвинений в колдовстве, прадед спрятал El Corazón в мешочек из плотной ткани, который носил под рубашкой. Талисман служил ему верой и правдой, и спустя каких-то полгода мой предок изрядно разбогател. Он, конечно, старался играть осторожно, поэтому время от времени проигрывал — в этом ему тоже помогал камень. Со временем Мансио решил, что кристалл обладает чем-то вроде разума; во всяком случае, он пытался с ним договариваться, объясняя, чего именно он хочет от того или иного противника. Та часть записок моего прадеда, где рассказывается о попытках наладить контакт с талисманом, зашифрована примитивным шифром — Мансио хорошо понимал, что от разговоров с камнем недалеко до идолопоклонничества, а в те суровые времена можно было попасть на костер и за менее тяжелые преступления...

Волновался он не напрасно. В последние годы жизни моего прадеда, когда о кристалле и его волшебных свойствах стало известно многим, святые отцы действительно попытались обвинить Мансио в колдовстве, но прадед сумел добиться встречи с епископом Сьюдад-де-лос-Рейес, и после этого его уже не тревожили. Как ему удалось переманить на свою сторону могущественного отца церкви, досконально неизвестно; вряд ли речь идет о банальной взятке, потому что, хоть

Мансио и был уже очень богат, церковь весьма неохотно шла на такие сделки. В своих записках прадед вскользь упоминает о том, что El Soqazón помог ему добиться благосклонности епископа. Я считаю весьма вероятным, что к этому моменту Мансио уже понял, что камень можно использовать не только в азартных играх. Косвенно это доказывает его женитьба на племяннице вице-короля, пятнадцатилетней девице, только что приехавшей из Испании. Прадеду к тому моменту исполнилось сорок семь лет, по меркам шестнадцатого века он уже стоял на пороге старости. Однако вице-король был совершенно очарован Мансио; после пышной свадьбы он подарил молодоженам только что отстроенный дворец в Лиме. В этом дворце Мансио Серра и окончил свои дни; в могилу его свела не болезнь, а предательский удар кинжалом. Неизвестный убийца напал на прадеда, когда тот выходил из собора после воскресной мессы; надевать доспехи, идя в церковь, считалось дурным тоном, и кинжал легко пробил расшитый золотом колет, перерезав цепочку, на которой висел мешочек с кристаллом. Нет сомнений, что целью убийцы был именно камень; он попытался сорвать мешочек с шеи Мансио, но тот сжал кристалл в руке так сильно, что позже двое взрослых мужчин долгое время не могли разжать его пальцы. Убийце пришлось спасаться бегством, и камень, таким образом, остался в нашей семье. Мансио умер через несколько часов после того, как его принесли во дворец. El Soqazón достался его молодой вдове, прекрасной Эсмеральде.

Капитан выдохнул ароматный дым.

— Прямо какой-то роман с приключениями, дон Луис. Вы считаете, что все это имело место в действительности?

Де Легисамо пожал плечами:

— Ну конечно. Вам, верно, нелегко представить себе картину того далекого века. Человеческая жизнь ценилась дешево, а сокровища — дорого. К тому же

люди были крайне суеверны, поверить в то, что какой-то камень может служить вместилищем могущественной магии, им было проще, нежели нам с вами — в конфликт «Я» и «Сверх-Я», или как там у господина Фрейда...

— Не читал, — мотнул головой Анненков. — Значит, камень достался вашей прабабке. И ей, конечно, тут же стало везти в азартных играх?

Хозяин поджал губы:

— В шестнадцатом веке дамы не играли в бридж, капитан. У меня нет никаких сведений о том, что сеньора Эсмеральда умела пользоваться магическим кристаллом. Единственное, что достоверно известно, — молодая вдова пользовалась любовью и уважением всей христианской общины Сьюдад-де-лос-Рейес. Возможно, El Corazón и помогал ей... но ни подтвердить, ни опровергнуть это нельзя. Через три года после убийства Мансио она удачно вышла замуж во второй раз. Ее избранником стал граф де ла Роса, весьма толковый администратор, присланный из Испании наводить порядок в новых колониях. Он так влюбился в мою прабабку, что согласился даже оставить ей фамилию первого мужа — таким образом, до конца своих дней она звалась Эсмеральдой Серра де Легисамо. Лет пять или около того супруги жили душа в душу, но затем случилась беда. Пока граф де ла Роса инспектировал отдаленные провинции, воры, проникшие во дворец, похитили El Corazón буквально из-под носа у прабабки. Когда Эсмеральде доложили о пропаже, она так разнервничалась, что упала с высокой лестницы и сломала себе ногу. Вернувшийся домой граф нашел ее в постели, бледной и несчастной. Он поклялся во что бы то ни стало разыскать наглых грабителей и заставил алькальда города заняться этим делом вплотную. Вскоре выяснилось, что заказ на похищение El Corazón получили двое жителей Сьюдад-де-лос-Рейес из числа обедневших конкистадоров. Одного из них нашли в канаве с ножом между ребер, зато второй, бежавший на

побережье, был изловлен и предстал перед де ла Росой. Граф, для которого возвращение реликвии стало не только делом чести, но еще и делом семейным, учинил ему допрос с пристрастием, но так ничего и не добился. Преступник умер в тюрьме. Донья Эсмеральда не простила этого графу де ла Роса, и до конца жизни отношения между ними оставались весьма прохладными. El Согазón пропал на долгие двадцать лет.

Анненков зевнул, слегка прикрыв рот ладонью.

— Прошу меня простить, дон Луис. У меня был тяжелый день.

— Конечно, капитан. Извините и вы меня — я чересчур увлекся семейными преданиями. Время позднее, а мы еще не подошли к сути нашей проблемы...

— Позвольте, я попробую угадать. Вы отправляетесь в столицу, оставляя в поместье две свои самые большие ценности — сеньору Марию и этот ваш кристалл. Поскольку полковник Стеллецкий едет с вами, вы хотите поручить охрану поместья человеку со стороны, который едва ли покусится на ваши сокровища. По какой-то причине — вероятно, вытекающей из той части истории, которую вы не успели мне поведать, — старина Ланселот не подходит для этой миссии. Возможно, вы опасаетесь, что он решит завладеть кристаллом. Верно?

Дон Луис, прищурившись, смотрел на него сквозь сизый сигарный дым.

— До того как поступить ко мне на службу, сеньор Стилуотер был правой рукой Мигеля Эспиносы, каучукового барона из Манауса. Страшный человек этот Эспиноса, алчный и безжалостный. Но дело, собственно, не в его личных качествах, а в том, что его прадед, Хуан Эспиноса, был тем самым удачливым воином, который сорвал El Согазón с груди Инки Тупака Амару, последнего властителя Вилкабамбы.

— Я не очень силен в истории, — признался Анненков. — И уже начинаю путаться.

— Вилкабамба — горное королевство, где инки

правили еще почти полвека после завоевания их страны испанцами. Маленькое, но очень хорошо защищенное. Туда, в заоблачные твердыни, каким-то образом попала похищенная у моей прабабки реликвия. Я полагаю, что верховный жрец Вилкабамбы выкупил ее у грабителей или, точнее, у их заказчика. А может, он сам и был этим заказчиком, теперь уже до правды не докопаться. В течение двадцати лет после похищения El Cогазón все испанцы, посещавшие королевство, отмечали исключительное миролюбие и радушие его правителей. Посланцы вице-короля, отправлявшиеся в горную страну с намерением запугать последних инков и добиться от них безоговорочной капитуляции, возвращались в Сьюдад-де-лос-Рейес совершенно очарованными увиденным и превращались в горячих сторонников мирных переговоров. Вице-король долго не мог понять, в чем дело, но потом кто-то из миссионеров упомянул о большом кроваво-красном кристалле, который вносили в зал для аудиенций на золотом блюде. Поскольку к этому времени слухи о чудесных особенностях El Cогазón распространились по всей стране, сложить два и два оказалось несложно. Вице-король призвал к себе графа де ла Росу, который, несмотря на довольно почтенный возраст, все еще горел желанием вернуть драгоценную реликвию и заслужить прощение своей супруги. Сначала граф собирался отправиться за кристаллом самостоятельно, но пошатнувшееся здоровье вынудило его поручить эту миссию некоему Ордоньесу, иезуиту с весьма сомнительной репутацией. Про этого Ордоньеса известно, что он всегда предпочитал действовать в одиночку. Но на сей раз он почему-то изменил своему правилу и взял себе в помощники юного Гаспара Эспиносу.

— Мне кажется, вы говорили, что того Эспиносу звали Хуан, — заметил Анненков.

— Нет, Хуаном звали его старшего брата, лейтенанта кавалерии. Гаспар же был не воином, а монахом. Эспиноса и Ордоньес прожили в Вилкабамбе не-

сколько месяцев и были допущены ко двору Великого Инки Титу Куси. Судя по воспоминаниям Гаспара, Инка был образованным и умным правителем, благоволившим к испанцам. Впрочем, нельзя исключать, что такое впечатление объяснялось воздействием чар кристалла. Однако Ордоньес всячески избегал встреч с Инкой, тем самым возбуждая в правителе Вилкабамбы любопытство. В конце концов Титу Куси приказал ему явиться во дворец; Ордоньес не посмел послушаться, но прибыл в скромном рваном рубище, перепоясанном веревкой с шипами, весь в шрамах от самоубийства. На Инку его внешний вид произвел огромное впечатление; он не догадался, что истинная причина, заставившая иезуита облачиться во все эти вериги, заключалась в стремлении оградить себя от колдовского влияния El Corazón, и принял его за святого. Как выяснилось позже, совершенно напрасно: при первом же удобном случае Ордоньес отравил Инку, похитил сокровище и попытался скрыться. Индейские воины настигли его у переправы через реку Апуримак, переломали руки и ноги и в таком виде доставили обратно в горную крепость. Там его несколько дней пытали, а потом забили камнями на площади. Гаспар Эспиноса избежал столь страшной участи лишь потому, что находился все это время при наследнике отравленного короля, молодом принце Тупак Амару, и ничего не знал о коварных планах иезуита. Впрочем, ему тоже досталось — его жестоко избили и даже отрезали бронзовым ножом мочку уха, но, учитывая судьбу Ордоньеса, можно считать, что он еще дешево отделался. Молодого монаха с позором выгнали за пределы королевства, и он вернулся в Сьюдад-де-лос-Рейес. История ужасной гибели Ордоньеса всколыхнула общество; голоса, призывавшие раздавить последний очаг сопротивления инков, раздавались все громче, и вице-король не делал ничего, чтобы их заглушить. Самым ярким сторонником карательной экспедиции стал Хуан Эспиноса, чей авторитет среди солдат был очень высок. Я подозре-

ваю, что главная причина, толкавшая его на поиски приключений, крылась в рассказах младшего брата о волшебном кристалле. Во всяком случае, когда испанские отряды форсировали Апуримак и разбили индейскую армию в горных ущельях, Эспиноса-старший не стал тратить время на поиски спрятанного золота, как это сделали многие из его соратников. Взяв с собой десяток верных всадников, он бросился в погоню за Инкой Тупак Амару, настиг его в непроходимых дождевых лесах на восточных склонах Черной Кордильеры и пленил. Приближенных Инки испанцы перебили, а его самого в цепях доставили в Сьюдад-де-лос-Рейес. На первых же допросах выяснилось, что El Corazón Хуан Эспиноса забрал себе. Разумеется, графу де ла Роса это не понравилось. Он приказал дерзкому лейтенанту немедленно вернуть семейную реликвию дома де Легисамо, но тот ответил надменным отказом. «Я и мои люди проливали кровь, чтобы пленить мятежного Инку, — заявил Эспиноса. — Все, что захвачено нами в этом походе, принадлежит нам, за исключением королевской десятины. Ее я готов выплатить золотом». Де ла Роса был в бешенстве. Не для того же он искал El Corazón столько лет, чтобы отдать его в руки какому-то проходимцу! Трудность заключалась в том, что формально он никак не мог заставить лейтенанта вернуть ему кристалл. То, что двадцать лет назад драгоценный камень в форме сердца принадлежал вдове Мансио Серра де Легисамо, не играло никакой роли — ведь Эспиноса действительно завладел им в честном бою. Не играло для всех, кроме самой Эсмеральды. Моя прабабка вцепилась в графа, как бультерьер, требуя, чтобы он вернул ей камень. Судя по всему, она была женщина с норовом, и де ла Роса рассудил, что, выбирая между нарушением закона и постоянными домашними ссорами, следует выбрать первое. Он заплатил каким-то наемникам, те под покровом ночи проникли в дом Хуана Эспиносы и зарезали его спящим. Поскольку кристалла при нем не оказа-

лось, наемники принялись обыскивать дом, и за этим занятием их застал кто-то из слуг. Началась паника, кто-то опрокинул свечу, в доме возник пожар... В суматохе младшему брату Эспиносы, Гаспару, удалось ускользнуть незамеченным. На следующий день во время торжественной мессы в соборе Всех Святых он публично обвинил графа де ла Росу в убийстве Хуана. Назвал и мотив — стремление завладеть фамильным сокровищем.

Дон Луис взял со стола изящную золотую вазочку, сплетенную из нешироких полосок металла. Повертел в руках.

— Так было положено начало кровавой вражде двух семей, де Легисамо и Эспиноса, каждая из которых заявляла о своих правах на волшебный кристалл. Для вас сейчас важно, однако, только одно — Ланселот Стилуотер долгие годы работал на человека, в жилах которого течет кровь Эспиноса.

— И вы полагаете, он может воспользоваться вашим отсутствием, чтобы вернуть своей семье древнюю реликвию?

— Я обязан предусмотреть все варианты, — холодно ответил де Легисамо. — Вы, как человек со стороны, устраиваете меня больше. Вы не имеете никакого отношения к четырехсотлетней войне, которую ведут вокруг драгоценности наши семьи. Вы вообще принадлежите к другой культуре, как и полковник Стеллецкий, впрочем. Для вас El Cogazón — просто камень, не имеющий к тому же рыночной стоимости. Вдобавок вы человек отважный, привычный к насилию и крови. Если потребуется защищать кристалл с оружием в руках, вы не дрогнете...

— Вы забываете о сеньоре Марии, — перебил его Анненков. — О вашей обожаемой супруге.

Дон Луис махнул рукой.

— Разумеется, нет! Я ни на мгновение не перестаю о ней думать. Но тут как раз все просто. Я действительно вас не слишком хорошо знаю, капитан, и не

могу питать никаких иллюзий на ваш счет. Нельзя закрывать глаза на тот факт, что оба вы русские, а соотечественников на чужбине всегда тянет друг к другу. Моя страховка здесь — Ланселот Стилуотер. Он не даст вам ни малейшего шанса договориться с Марией за моей спиной. Как видите, я абсолютно откровенен с вами.

Анненков хмыкнул.

— А что, если Ланселот сам давно уже заглядывается на вашу жену и только и ждет подходящего случая, чтобы сцапать ее и сбежать куда-нибудь на Амазонку?

— Если это случится, я готов съесть все свои сигары, — спокойно ответил де Легисамо. — У Стилуотера есть одна особенность, делающая его идеальной дуэньей. Десять лет назад, когда сельву сотрясали каучуковые войны, его захватила в плен банда Красавчика Рамиреса, злейшего врага Мигеля Эспиносы. Бандиты Рамиреса искалечили Ланселота, изрезали его ножами и бросили в реку на съедение пираньям. Стилуотера спасли индейцы, он выжил и жестоко отомстил своим обидчикам... но перестал испытывать интерес к женщинам. Прошу меня простить, капитан, я не любитель копаться в грязном белье, но эта история имеет непосредственное отношение к вашему заданию.

— Бедный Ланселот, — пробормотал Анненков. — Значит, ему вы поручаете охранять Марию, а мне — кристалл? Что ж, неглупо...

— Нет, — отрезал дон Луис. — За безопасность Марии, так же как за сохранность El Corazón, отвечаете вы. Отвечаете головой. Стилуотер будет подчиняться вам, так же как сейчас он подчиняется полковнику Стеллецкому.

— А это еще почему?

— Очень просто. Ланселот знает здешние края как свои пять пальцев. Если он что-нибудь натворит, то легко сумеет уйти от расплаты, скроется где-нибудь в глуши. Вы — другое дело, вам деваться некуда. Так на кого, по-вашему, нужно возложить всю ответственность?

Капитан подумал, похрустел пальцами.

— С пониманием, — отозвался он наконец. — Знаете что, дон Луис? Ваше первоначальное предложение ни к черту не годится. Десять тысяч долларов — за меньшую сумму я ваши сокровища охранять не буду.

Де Легисамо крикнул.

— Имейте совесть, капитан! Десять тысяч за две недели работы?

— Что ж, — пожал плечами Анненков. — Если вы цените этот ваш кристалл дешевле — я уже не говорю о вашей прекрасной жене, — можете поискать другого специалиста.

— Думаете, взяли меня за горло? — вкрадчиво спросил дон Луис. — Думаете, что узнали все мои тайны и теперь можете диктовать мне свои условия?

Капитан извлек из кармана зубочистку и принялся задумчиво ковырять в зубах.

— В общем-то, вы правы, — тяжело вздохнул де Легисамо. — В сложившихся обстоятельствах мне действительно не к кому больше обратиться. Хорошо, капитан, вы получите свои десять тысяч. Но только в том случае, если безопасность кристалла... и моей жены, разумеется... будет соблюдена на все сто процентов. Если же, не приведи господь, с ними хоть что-нибудь случится, я сам оторву вам голову. Вот этими руками.

Из вежливости Анненков взглянул на руки хозяина дома.

— Договорились, — буркнул он, поднимаясь. — Теперь, пожалуй, самое время взглянуть на вашу семейную реликвию.

6

Темные коридоры старинного колониального дома наводили на мысли о привидениях и прячущихся в густой тени наемных убийцах. Анненков даже мимоходом пожалел о том, что оставил пистолеты у себя в комнате.

Дон Луис уверенно шел впереди с керосиновой

лампой в руке. Лампа раскачивалась от ходьбы, и размытые тени, будто огромные темные крылья, метались по дубовым панелям стен. Пол под ногами похрустывал и скрипел, и эти звуки наполняли душу капитана какой-то смутной, безотчетной тоской — точно так же скрипели разошедшиеся половицы в папенькином доме на Выксе, когда мальчик Юра тайком пробирался ночью в библиотеку, чтобы, забравшись с ногами в старое кресло, погрузиться в волшебный мир заморских стран. И ведь все сбылось, все получилось именно так, как хотелось тогда, в детстве... и дыхание снегов Арктики, и влажная жара джунглей, и бескрайние морские просторы — все это было в его жизни, только почему-то не принесло ни радости, ни счастья. Если бы после дальних странствий можно было вернуться в старый, пахнувший травами и сушеными грибами дом, распахнуть окошко в яблоневый сад, уснуть под треск кузнечиков и уханье филина в дальнем лесу... «Что-то ты, капитан, вздумал жалеть себя, — усмехнулся в темноте Анненков. — Тоже мне, институтка-смолянка!»

— Пришли, — неожиданно сказал де Легисамо, оттанавливаясь. Перед ним темнел узкий дверной проем. Хозяин поместья повесил фонарь на вбитый в массивную притолоку крюк и принялся греметь ключами. — Подземелье старинное, это часть винных погребов, построенных еще в семнадцатом веке. Здесь я храню самые ценные вещи, доставшиеся от предков. Оружие, индейские реликвии, редкие книги, некоторые письма. Ну и, разумеется, El Corazón.

Ключ мягко провернулся в замке. Слишком мягко — Анненков ожидал страшного скрежета. Дон Луис толкнул дверь и бочком протиснулся внутрь.

— Входите, капитан, — позвал он из темноты. — Лампу можете не брать, здесь электрическое освещение...

Что-то щелкнуло, и помещение за дверью залил мягкий золотистый свет. Анненков шагнул через порог и остановился, осматриваясь.

Больше всего комната напоминала склеп. Склеп этот, однако, совсем не выглядел мрачным — стены задрапированы ярко-желтыми портьерами, на полу — пушистый белый ковер из ламьих шкур. Посреди комнаты, на обтянутом алой парчой возвышении, сверкал гранями куб из толстого стекла. Анненков подошел, взгляделся — за стеклом, искусно подсвеченная электрическими лампочками, мерцала изумрудными глазами дивной красоты золотая маска.

— Жемчужина моей коллекции, — с гордостью проговорил дон Луис. — Мой дед выкопал ее в одной из глиняных пирамид на побережье. Ей по меньшей мере две тысячи лет.

— Ай-ай-ай, — покачал головой капитан. — Две тысячи, скажите, пожалуйста!..

— Взгляните сюда, — предложил де Легисамо. — Вот доспех моего далекого предка, Мансио Серра, проигравшего солнце до рассвета. А это — меч, настоящий меч конкистадора, прекрасной толедской работы. Мне кажется, он должен прийтись вам по душе.

Меч действительно был хорош. Трехфутовый клинок из тускло отсвечивающей стали, витая рукоять из чередующихся полосок светлого и темного металла. Вдоль клинка тянулась надпись, выполненная готическим шрифтом на неизвестном Анненкову языке.

— «Если из ножен вон — то не зря!» — любезно перевел дон Луис. — Ну а теперь, если вы налюбовались мечом, я покажу вам свое главное сокровище...

Капитан не без сожаления вернул меч на место. Де Легисамо педантично поправил рукоять и вновь начал рыться в связке ключей.

— Кристалл хранится в сейфе, — сообщил он. — Сейф я заказывал в Германии, у самого Круппа. Там два замка — один открывается ключом, другой — шифром. Вскрыть сейф, не зная шифра, невозможно.

Анненков скептически хмыкнул.

— В Штатах я читал об умельцах, вырезавших сей-

фовые замки бунзенговской горелкой. Современная наука творит чудеса, дон Луис.

— В «Холодной горе» нет бунзенговских горелок, — сухо ответил хозяин. — Сейф можно только взорвать, но в этом случае грабители не уйдут живыми — видите, какой здесь потолок? При взрыве он просто сложится, как карточный домик. Мы, между прочим, довольно глубоко под землей...

— Я вижу, вы все продумали, — похвалил его капитан. — Ну, где же ваше сокровище?

— Прошу, — торжественно произнес де Легисамо, откидывая золотистую портьеру. — Я не стал...

Тут он осекся и замолчал. Анненков с интересом заглянул ему за плечо.

За портьерой действительно был спрятан вмурованный в стену сейф. Массивная металлическая дверца, изготовленная на заводах Круппа, выглядела очень внушительно... если не обращать внимание на дыру с гладкими, словно бы оплавленными краями, располагавшуюся в пяти дюймах ниже диска шифрозамка. Дыру, в которую можно было просунуть кулак взрослого мужчины.

— Санта Мария, — слабым голосом произнес дон Луис. — Это еще что такое?..

Анненков сочувственно кашлянул.

— Похоже, ваш сейф вскрыли, — заметил он. — Мне очень жаль, но, кажется, работы для меня в этом доме больше нет.

Де Легисамо покачнулся и судорожно ухватился за стену.

— Это невозможно... — пробормотал он. — Трехдюймовая легированная сталь... никакая горелка не в состоянии...

Анненков откинул полу пиджака и снял с пояса посеребренную флягу.

— Глотните, дон Луис. Это неплохой шустовский коньяк. Я держу его для самых экстренных случаев.

— Спасибо... Ох, черт, ну и крепкая же штука... Капитан, как вы считаете, сейф пуст?

Анненков подумал.

— Ну, если кристалл был размером с куриное яйцо, то скорее всего его уже там нет. А кроме кристалла вы что-нибудь там хранили?

— Да, — сразу же ответил де Легисамо. — Письма... оригинал мемуаров прадеда... ничего, что могло бы заинтересовать вора...

— Ясно. Давайте все же посмотрим. И вот что — я не советовал бы вам совать руку в дыру. Если замок не поврежден, лучше открыть дверцу обычным способом.

— Конечно, — согласился дон Луис. — Смотрите, капитан... вот этим ключом открывается механический замок...

Ключ повернулся в замке беззвучно. Дрожащие пальцы де Легисамо потянулись к диску.

— Теперь нужно набрать последовательность из семи цифр. Смотрите — 9,2,4,2,9,1,8.

— Не слишком сложная последовательность. Девятка и двойка повторяются два раза.

— Я вкладывал в нее определенный смысл. Теперь нужно еще раз повернуть диск до упора против часовой стрелки... вот так... и тогда дверца откроется.

Раздался громкий щелчок. Дон Луис как-то неуверенно потянул ручку на себя. Массивная дверца отворилась неожиданно легко.

— Н-да, — резюмировал Анненков. — Нашего вора не письма интересовали...

Дно сейфа покрывали пожелтевшие от времени листы тонкой бумаги. Сверху на них были небрежно брошены несколько пухлых конвертов. Больше в сейфе не было ничего.

— Боже всемогущий, — проговорил де Легисамо дрожащим голосом. — Именно этого я всегда и боялся...

Капитан протянул руку и осторожно потрогал края дыры. На ощупь металл казался холодным и очень гладким, словно отшлифованным.

— Чем они это сделали? — проговорил Анненков задумчиво. — На бунзеновскую горелку вроде непохоже...

— Какая разница? — в отчаянии махнул рукой дон Луис. — Какая, черт возьми, разница, чем они это сделали, если El Corazón исчез?

Анненков пожал плечами.

— В общем-то, вы правы. Это не самый важный вопрос. На вашем месте меня куда больше интересовало бы, когда был вскрыт сейф.

— На моем месте? — горько переспросил де Легисамо. — Вы весьма тактичны, капитан.

— Я всего лишь реалист. Пока камушек хранился в сейфе, я мог рассчитывать на неплохую работу. Те, кто его у вас похитил, дон Луис, вытащили у меня из кармана десять тысяч долларов.

Некоторое время де Легисамо непонимающе смотрел на него, потом вдруг схватил за отвороты пиджака и начал с силой трясти.

— Найдите El Corazón! Полковник Стеллецкий намекал, что вы служили в русской контрразведке... Найдите кристалл, капитан, и вы получите куда больше десяти тысяч! Я щедрый человек, я обеспечу вас до конца жизни, только верните мне El Corazón!

— Уберите руки, — ледяным голосом скомандовал Анненков. Де Легисамо немедленно отпустил его пиджак. — Я очень не люблю, когда на меня кричат, дон Луис. Запомните это, если хотите, чтобы я согласился на ваше предложение.

— Хорошо, хорошо, — поспешно согласился хозяин дома. — Простите меня, я совершенно потерял голову. Так вы поможете мне, капитан?

Капитан отодвинул его в сторону и просунул руку в сейф. Вытащил один из конвертов, оглядел, потом зачем-то понюхал и положил обратно.

— Я ведь не сыщик, дон Луис... А тут нужен именно сыщик, какой-нибудь Пинкертон. Сокровище ваше украли. Вполне возможно, что это произошло доволь-

но давно, и сейчас оно уже украшает собой декольте какой-нибудь дамочки из семейства Эспиноса...

Де Легисамо скривился еще сильнее.

— Нет! Это решительно невозможно! Вчера, перед тем как отправиться к водопадам, я спускался сюда и открывал сейф. El Cogazón был на месте.

Капитан присвистнул.

— Что ж, в таком случае наше положение не вполне безнадежно. Скажите, а вы вообще часто приходили сюда... полюбоваться?

К большому удивлению Анненкова, де Легисамо зарделся, как маков цвет.

— Не то чтобы часто... но в общем, время от времени... скажем, раз или два в неделю...

Слова давались ему с таким трудом, будто хозяин поместья признавался в каком-то мелком, но донельзя постыдном грешке.

— В котором часу вы отпирали вчера сейф? — продолжал давить Анненков. Нельзя сказать, что допрос несчастного де Легисамо доставлял ему удовольствие. Во время обороны Крыма капитан несколько месяцев служил адъютантом генерала Климовича, начальника Особого отдела армии Врангеля, вдоволь наглядываясь на методы работы контрразведки и почти всегда сочувствовал ее клиентам. Но дон Луис напросился сам. Перспектива возвращаться на побережье несолоно хлебавши ничуть не прельщала Анненкова.

— Около трех пополудни, — промямлил де Легисамо. Выглядел он совершенно раздавленным. — И пробыл здесь около получаса... Но я совершенно точно помню, что запер сейф.

— Разумеется, заперли, — успокоил его капитан. — В противном случае вору не пришлось бы сверлить такую дыру.

— Да, конечно, конечно, — дон Луис сжал руками виски. — Проклятье, я совершенно потерял способность логически мыслить...

— Пустяки. Хотите еще коньяку?

— Нет! А впрочем... давайте.

Пока де Легисамо прикладывался к фляжке, капитан обошел помещение, внимательно разглядывая развешенные по стенам экспонаты.

— Здесь где-нибудь есть вторая дверь? — спросил он. — Какой-нибудь потайной ход или что-то в этом роде?

Дон Луис у него за спиной закашлялся.

— Нет, здесь нет... Сюда ведет только один путь — тот, которым пришли мы.

— Что значит — «здесь нет»? — перебил Анненков.

— Ну, есть нечто вроде старого подземного хода, который когда-то выводил из второго зала винных погребов к беседке в парке... Понимаете, моя прабабка, женщина очень властная, страшно пилила своего мужа за тягу к спиртному... А прадед...

— С пониманием. Где этот второй зал?

— За лестницей есть такая неприметная дверь...

Капитан почесал бровь.

— У кого еще есть ключи от двери в подвал?

Де Легисамо слегка промедлил с ответом.

— У Крестобаля, мажордома. Но он, разумеется, не стал бы спускаться сюда без моего позволения.

— Давайте не будем спешить с выводами. Кто-нибудь кроме вас знал, какая комбинация открывает дверцу сейфа?

На этот раз дон Луис отреагировал мгновенно.

— Конечно, нет! Я хранил эти цифры в глубочайшей тайне...

— И открыли секрет первому встречному, — мягко укорил де Легисамо Анненков. — То есть мне.

— Ну так сейф в это время уже был вскрыт. Я, кажется, понимаю, к чему вы клоните. Нет, Юрий, — вы позволите называть вас Юрий? — человека, который имел бы одновременно ключи от двери и от сейфа, в поместье нет.

— Однако у вора были ключи от двери в подвал. Если помните, она была заперта.

— Кстати! — де Легисамо хлопнул себя по лбу. — То-то мне показалось это странным...

И он бросился к выходу из комнаты, на ходу шаривая на связке нужный ключ. Анненков поспешил за ним следом.

— Он слишком легко поворачивается, — пробормотал де Легисамо, крутя ключ в замке. — Там всегда что-то заедало, иногда мне даже казалось, что эта чертова дверь больше не откроется. А теперь все идет как по маслу...

— Как по маслу, — задумчиво повторил Анненков. — Ну-ка, ну-ка...

Он извлек из кармана спичечный коробок, вытащил спичку и, мягко отгеснив дону Луиса, вынул ключ из замка. Аккуратно, стараясь не сломать, ввел спичку в замочную скважину, потыкал ей туда-сюда...

— Дайте-ка лампу, — не то попросил, не то приказал он. Де Легисамо сдернул с крючка свою керосинку, поднес почти к лицу капитана. Тот внимательно осмотрел спичку — на желтоватой древесине можно было различить темные разводы.

— Масло, дон Луис. В точку попали. Замочек-то наш смазывали, причем не очень давно...

— Зачем? — удивился де Легисамо. — Все равно скрипа пружин никто бы не услышал...

— Вот и я думаю — зачем? — сокрушенно признался Анненков. — И честно вам скажу — не знаю. Пока не знаю.

— А сможете узнать? Ведь сможете же?

Во взгляде влажных черных глаз дон Луиса было что-то невыносимо щенячье. Капитан отвернулся.

— Пока что я не могу дать вам никаких гарантий. Кстати, как звали вашего батюшку?

— Батюшку? — оторопел хозяин дома. — Хуан Матиас де Легисамо... но какое отношение?..

— Да никакого. Просто неудобно — вы меня по имени, а я вас «дон Луис» да «дон Луис». Уж лучше я

буду вас по русскому обычаю именовать по имени-отчеству — Луис Иванович. Вы ведь не против?

По страдальчески сморщившемуся лицу хозяина дома было видно, что сейчас он готов на все.

— Вы, вероятно, не понимаете, Юрий... Этот кристалл — гордость и достояние нашего рода. Но помимо этого он имеет некую особую ценность... лично для меня...

Анненков задумчиво покрутил в руках спичку.

— Это я уже заметил. И сдастся мне, вы кое-чего недоговариваете.

Де Легисамо раздраженно дернул плечом — свет от фонаря немедленно заплясал по старым каменным стенам.

— Ничего такого, что помогло бы вам в вашем расследовании. Достаточно знать, что El Corazón для меня крайне важен. У вас есть хорошая возможность заключить самый выгодный контракт в вашей жизни, так не теряйте же времени!

— О контракте поговорим позже. Для начала мне нужно будет переговорить с Николаем Александровичем. Что же до вас... вы можете сделать так, чтобы никто не покидал дом в течение хотя бы суток?

— Ну разумеется! — встрепенулся дон Луис. — Так вы думаете, есть шанс, что кристалл все еще в доме?

Капитан бросил последний взгляд на мерцающий стеклянный куб, под которым покоилась бесценная золотая маска, и повернулся спиной к сокровищнице.

— Давайте действовать, Луис Иванович, — устало сказал он. — А посчитать шансы всегда успеем.

7

В гостиной танцевали. Электрический свет был потушен, горели лишь свечи в высоких канделябрах, расставленных по углам утопавшего в тенях зала. Маленький оркестр наигрывал томительную аргентинскую мелодию, качавшую на своих волнах три пары,

державшиеся на порядочном расстоянии друг от друга. Капитан уселся в кресло у самой двери и принялся вычислять, кто есть кто. В ближайшей к нему паре он узнал только мужчину — похожий на кота Отто фон Корф по-хозяйски обнимал за талию полную девицу, туго затянутую в творение портного-минималиста. В центре зала весьма откровенно изгибались Хорхе Гутьеррес и Миранда, а совсем уже в дальнем углу, натуральном краю теней, долговязый Ланселот Стиллуотер бережно прижимал к себе юную Лауру Крус Сауро де Легисамо. Никаких следов Стеллецкого, как, впрочем, и Марии, Анненков в гостиной не обнаружил.

— Бокал вина, сеньор? — вкрадчиво произнес чей-то тихий голос у него за плечом. Анненков скосил глаза. Рядом с креслом склонился в почтительном полупоклоне то ли индеец, то ли метис в зеленой ливрее. В руках у него дрожал мелкой дрожью металлический поднос с бутылкой и двумя бокалами. Вина Анненкову не хотелось, но ничего другого странный официант предложить явно не мог.

— Валяй, — разрешил капитан. Темная, густая, как венозная кровь, жидкость полилась в бокал. Несмотря на дрожащие руки, индеец (или метис) ухитрился не расплескать ни капли. Лицо у него было очень сосредоточенное. Когда Анненков кивнул ему — отчасти в знак благодарности, отчасти намекая, что больше не нуждается в обществе, — официант старательно улыбнулся, обнажив редкие и не вполне белые зубы.

— Хорошее вино, сеньор, — проговорил он. — Погреб нашего хозяина славятся на всю страну...

— Я запомню, — пообещал Анненков. — Да, кстати, милейший, не видел ли ты полковника Стеллецкого?

Официант, продолжая улыбаться, покачал головой.

— Нет, сеньор. Прошу прощения, сеньор.

Поднос в его руках по-прежнему ходил ходуном, бутылка опасно подрагивала. «Еще опрокинет, — недовольно подумал Анненков. — Костюм жалко... хоть и не свой, а все равно жалко...»

— Иди и поищи, — велел он, сопровождая слова взмахом руки. — Как найдешь, доложи, что сеньор Анненков желает немедленно с ним переговорить. Понял?

— Понял, сеньор. — Официант мелко-мелко закивал, приобретя удивительное сходство с китайским болванчиком. — Я все очень хорошо понял.

Поклонился и принялся пятиться в тень, не забывая держать на лице свою дурацкую улыбку. Капитан, у которого беседа с официантом вызвала почему-то слабый приступ гадливости, скептически повертел в руках бокал и поставил его на широкий деревянный подлокотник своего кресла. Вина категорически не хотелось. Хотелось ледяной водки или, на худой конец, виски со льдом.

Музыка наконец смолкла. Лаура, высвободившись из объятий Стилуотера, устремилась к выходу. Гутьеррес и Миранда вежливо раскланивались друг с другом, и только фон Корф не спешил убирать пухлые ладони с талии своей партнерши.

Когда Лаура, слегка пошатываясь, проходила мимо кресла Анненкова, капитан протянул руку и схватил девушку за тонкое запястье.

— Прошу прощения, сеньорита, — проговорил он, поднимаясь, — вы не могли бы уделить мне минуту вашего драгоценного времени?

Даже в полутьме гостиной было видно, как побледнело лицо Лауры.

— Вы меня напугали! У вас в Сибири так принято — прятаться, а потом набрасываться исподтишка? Вы так на медведей охотитесь, да?

— Не обезьянничайте, Лаура, — строго сказал Анненков. — Оставьте плоские шутки про медведей вашей тетушке. В ее устах они, по крайней мере, звучат естественно.

— Вот и говорите ей ваши гадости, — обозлилась девушка и попыталась вырвать руку. Безуспешно — капитан держал ее крепко. — Пустите немедленно!

— Одну минуту, — повторил Анненков. — Лаура, мне нужна ваша помощь. Серьезно.

— Помощь? — девушка недоверчиво сощурилась. — Тетя говорила, что вы будете теперь вместо дяди Ника. Будете защищать нас от кровожадных индейцев и бунтовщиков. Чем же я могу вам помочь?

Капитан улыбнулся.

— Я не уверен, что смогу заменить дядю Ника, милая Лаура. И тем не менее я хотел бы кое о чем вас спросить.

Глядя на порозовевшие щеки Лауры, он с удовлетворением отметил про себя, что первый испуг у нее, кажется, прошел. Теперь девушка казалась заинтригованной.

— Ну так спрашивайте! — капризно заявила она и надула губки. — А что это у вас тут? Вино?

И прежде чем Анненков успел что-либо сказать, схватила бокал и поднесла к губам.

— Ой, какое вкусное! Ничего, что я из вашего бокала? Тетушка такая злюка, никогда не разрешает мне выпить больше пары глоточков...

Капитан машинально обернулся — не видит ли кто. Никто на них, к счастью, не смотрел.

— Ваша тетя совершенно права, — произнес он тоном заправского ментора. — В столь юном возрасте вино пить вредно...

— Да ну вас, — Лаура махнула на него рукой. — Я вот только чуточку пригублю и вам все оставляю... Да, вы что-то там хотели у меня спросить...

— Вы слышали об амулете, который называют El Corazón?

— Ну да... это старинная реликвия нашей семьи...

— Вы ее видели? — продолжал давить Анненков. — Я имею в виду саму реликвию, а не ее изображение.

Губки Лауры задрожали.

— Да... нет... я не помню... кажется, дядюшка показывал его мне, но это было давно, несколько лет назад... А почему вы спрашиваете?

Капитан взял ее тонкие, словно вырезанные из прозрачной бумаги пальчики и осторожно поднес к своему лицу. Лаура не сопротивлялась — верно, решила, что галантный сеньор Анненков собирается их поцеловать. Но мгновения все текли, а капитан по-прежнему задумчиво глядел на руку девушки, ничего не предпринимая.

— Вы ведь левша, не правда ли?

Лаура фыркнула и вырвала руку. Глаза ее сузились и стали похожи на лезвия обсидиановых ножей.

— А вы всегда так оригинально начинаете ухаживать за девушками?

Анненков вздохнул.

— Как ни прискорбно, я не ухаживаю за вами, Лаура. Я пытаюсь понять, могли ли эти изящные пальчики проделать дыру в бронированном ящике, в котором дон Луис хранил El Corazón.

Девушка тоненько вскрикнула.

— Не может быть!

Капитан не успел воспользоваться ее замешательством. За спиной Лауры выросла длинная фигура Ланселота Стиллоутера.

— Друг мой, — произнес англичанин с едва уловимой насмешкой, — мне кажется, вы напугали нашу юную леди. Время позднее, и маленьким девочкам пора спать... Кстати, а что это вы пьете, сеньорита?

— Разбавленное вино, — Лаура быстро облизнула губы. Вина в бокале оставалось разве что на донышке. — Не говорите тете, хорошо, дядя Ланс?

Стиллоутер сделал страшные глаза и выразительно посмотрел на капитана.

— Я все-таки хотел бы знать, — с нажимом проговорил он, — чем вы так напугали Лауру. Я отчетливо слышал ее крик.

Девушка опустила глазки и принялась ковырять пол носком туфельки.

— Да ничего такого, дядя Ланс... просто сеньор

Анненков рассказывал мне страшную историю... про привидения...

Стиллоутер вдруг цепко взял капитана за локоть.

— Вы позволите? Лаура, пожалуйста, никуда не уходи...

Заинтригованный Анненков двинулся вслед за англичанином.

Когда Ланселот Стиллоутер наконец повернулся к нему, в глазах у него плескалось холодное британское бешенство.

— Вас что, не предупредили? — яростно зашипел он. — Лауре нельзя пить! Ни капли!

— В самом деле? Нет, никто меня об этом не предупреждал. Она что, больна?

Видно было, что Стиллоутеру ужасно хочется ответить какой-нибудь резкостью, но традиционное английское воспитание все-таки взяло верх.

— Да, черт возьми! Больна! Но хозяйева дома предпочитают делать вид, что все в порядке, и я не виню их за это! Я целый вечер пасу эту маленькую дрянь, и тут вы с вашим вином! Какого дьявола вам вообще пришло в голову ее угощать?

— Эй, полегче, старина, — дружелюбия в голосе Анненкова заметно поубавилось. — Никто ее не угощал. Бокал стоял себе на кресле с тех самых пор, как его принес индеец...

— Какой индеец? — Стиллоутер нахмурил брови. — Я не видел никакого индейца!

— Ну, официант. Очень навязчивый. Все время улыбается и кивает...

У Ланселота глаза полезли на лоб.

— Официант-индеец? Вы уверены, что его видели?

— Ну, разумеется, видел. А вы что, хотите сказать, что в поместье нет официантов-индейцев?

Несколько секунд Стиллоутер смотрел на него, как на помешанного.

— Черт, я все время забываю, что вы не из здеш-

них... Конечно, нет — с самого Каменного Пира. Впрочем, вы ведь эту историю наверняка не слышали...

— Ну так расскажите, да побыстрее, пока наша дама не заскучала окончательно.

— Двести лет назад слуги «Холодной горы» — тогда здесь еще держали индейцев — составили заговор против дона Сармьенте де Легисамо. Поскольку мечи и тем более ружья индейцам иметь категорически запрещалось, они припрятали в укромных уголках усадьбы множество каменных топоров — страшное, надо сказать, оружие в умелых руках. Дождались подходящего момента — свадьбы одной из хозяйских дочек — и, когда гости как следует перепились, принялись крушить им головы. По счастью, старый Сармьенте всегда таскал с собой два заряженных пистолета; это спасло ему жизнь и помогло подавить бунт, но семнадцать испанцев все-таки погибли. С тех пор в поместье служат только метисы, причем из числа самых проверенных. Вы, вероятно, перепутали, Юрий Всеволодович.

— Вот что, Ланселот, — Анненков незаметно для самого себя перешел на командный тон, — разыщите мажордома и узнайте, кому он поручил снабжать гостей напитками. А я пока доведу до конца разговор с сеньоритой де Легисамо.

Стилуотер возмущенно распушил усы, но капитан не дал ему возразить.

— Поверьте, старина, это не моя прихоть. В поместье кое-что произошло, и дон Луис попросил меня в этом разобраться.

— All right, Юрий Всеволодович. Надеюсь, вы знаете, что делать.

«Обиделся, — подумал Анненков, глядя на окаменевшее лицо лейтенанта королевских драгун. — Джентльмен хренов...»

Вслух он сказал:

— Да, кстати... распорядитесь, чтобы усилили охрану поместья.

Хрящеватые уши Стиллуотера напряглись, словно у взявшей след охотничьей собаки.

— Готовится нападение? Кто вам об этом сказал? Анненков покачал головой.

— Нет, дружище, речь не о внешней угрозе. Мне нужно, чтобы «Холодная гора» превратилась в мышеловку — отсюда никто не должен выскользнуть. Это возможно?

В глазах англичанина мелькнуло разочарование.

— Сложно. Территория слишком велика... впрочем, я прикажу парням взять под наблюдение северную и западную дороги — кроме как по ним из поместья не выберешься. Можно, конечно, попробовать пройти через топи... но для этого нужно быть либо сумасшедшим, либо самоубийцей. Погодите, погодите! Вы говорите — в поместье что-то произошло, так? И хотите закрыть все входы и выходы, чтобы кто-то не улизнул? Неужели кто-то решился ограбить нашего хозяина?

Капитан холодно улыбнулся.

— Ваша проникательность делает вам честь, Ланселот. А теперь, ради всего святого, начинайте принимать меры.

Он отвернулся от Стиллуотера, ощущая сильнейшее замешательство. Да, разумеется, он сообщил англичанину вполне достаточно, чтобы тот догадался, что произошло в поместье. Но не слишком ли быстро Ланселот сложил два и два?

В следующую секунду связное течение его мыслей прервалось. Капитан увидел Лауру.

Лаура танцевала.

Оркестр в гостиной наяривал разухабистую мелодию, но девушка танцевала совсем в другом ритме. Кажалось, она слышит какую-то тайную, звучащую только для нее музыку. Ее тоненькая фигурка изгибалась в волнах этой музыки, словно растущая на дне стремительного потока ниточка водоросли. Глаза у Лауры были закрыты, на пухлых губах блуждала бессмысленная

улыбка. Глядя на нее, Анненков почему-то вспомнил представление театра марионеток, виденное им в Неаполе лет семь назад.

— Лаура! — Он схватил девушку за руки и слегка встряхнул. — Лаура, с вами все в порядке?

Но уже ясно было, что не все. Из рта Лауры стекал тонкий ручеек слюны. Кожа побелела, под ней выступили вздувшиеся синие трубочки вен.

И внезапно, как по команде, оборвалась музыка. Лаура упала на капитана, словно марионетка, которой невидимым ножом перерезали ниточки.

— Доктора! — крикнул Анненков, оборачиваясь. Из гостиной уже спешили к ним Отто фон Корф и маленький майор Гутьеррес. Майор на бегу вытаскивал что-то из внутреннего кармана своего серебряного мундира. Подбежал, рванул лиф роскошного платья Лауры — жемчужины, как горох, брызнули в разные стороны, застучали по паркету.

— Держите голову! — свистящим шепотом приказал он Анненкову. — Выше, выше, вот так!

В руке его угрожающе блеснул металл. В первое мгновение капитану показалось, что Гутьеррес сжимает в пальцах стилет, но это оказалась всего лишь ложка, которую майор ловко просунул между зубов Лауры.

— Чтобы язык не откусила, — деловито объяснил он. — У нас в полку был случай...

Завершить рассказ он не успел. Лаура изогнулась, привсталала... и ее вырвало прямо на щегольской мундир Гутьерреса. Ни на ее белое платье, ни на вечерний смокинг Анненкова, к счастью, не попало ни капли.

— Мьерда! — прошипел сквозь зубы майор. Он выстоялся и брезгливо отбросил ложку. — Да девчонка просто перепила!

Как будто услышав его слова, Лаура открыла глаза.

— Змея! — отчетливо произнесла она, указывая на Гутьерреса. — Санта Мария, это же констриктор! Папа, папочка, забери меня отсюда! Я боюсь эту ужасную змею, папочка! Ну, где же ты? Дядя Ник, не бросай

меня! Я буду хорошей, правда-правда! Только убери от меня эту страшную змею!

Майор в замешательстве отступил на шаг. Анненков слегка потряс Лауру за плечи.

— Девочка, здесь нет никаких змей!

— Есть! — неожиданно завизжала Лаура. — Они повсюду! Повсюду! И вон там, и тут! И вы... — она обернулась и в ужасе уставилась на капитана. — Вы тоже змея! Зачем вы сжимаете меня своими кольцами?

Безумный огонь, пылавший в глазах девушки, заморозил Анненкова. «Ничего себе припадочек, — мысленно восхитился он. — Неудивительно, что старина Ланс так разнервничался...»

Отто фон Корф шагнул к Лауре и неожиданно отвесил ей увесистую оплеуху. Голова девушки мотнулась из стороны в сторону.

— Так поступают с истерическими женщинами, — спокойно объяснил немец. — Как правило, помогает очень хорошо.

Лаура, однако, оказалась исключением из правил. Она не только не пришла в себя, но и попыталась вцепиться зубами в пухлую ладонь военного атташе.

— Ящер! — вскрикнула она. — Огромный ящер с перепончатыми крыльями!

Миранда, черная и стремительная, оттолкнула фон Корфа и опустилась перед девушкой на колени.

— Лаура! — позвала она, крепко сжав виски девушки. — Лаура, девочка, ты меня слышишь?

— А ты — пума! Хищная, безжалостная пума! Ты хочешь разорвать меня на куски!

— С ней часто такое происходит? — вполголоса спросил Анненков у Миранды.

— Такое — впервые. Она что-нибудь пила?

— Да, выпила бокал вина. Стилуотер сказал, что она больна...

Миранда наградила капитана свирепым взглядом.

— Больна, только не тем, о чем вы думаете! Во всяком случае, она не эпилептик. Год назад она потеря-

лась в Черных Топях, отстала от всех во время охоты... и едва не утонула в трясине. Когда ее нашли, она была без сознания, потом долго бредила, рассказывала про огромных змей, про какого-то духа, который вытащил ее из болота... С тех пор у нее случаются нервные припадки, и алкоголь их провоцирует. А вы...

— Ну-ка, Юрка, подвинься, — сказали за спиной у Анненкова по-русски. Капитан обернулся. В дверях стоял Ник, одетый в простые черные брюки и черную же рубашку навыпуск. — Сейчас я ею займусь, — пообещал он. — Я под Каховкой полкового врача подменял...

Он наклонился и легко, словно перышко, поднял девушку на руки. Лауру колотила крупная дрожь, в уголках рта видна была красноватая пена.

— Ну, ну, малышка, — успокаивающе проговорил Стеллецкий, поглаживая ее по растрепавшимся волосам. — Дядя Ник здесь, все будет хорошо...

«Интересно, — подумал Анненков, — каким зверем она наречет Ника?»

Но маленькая паршивка спутала ему все карты.

— Дядя Ник, — прошептала она, прижимаясь к груди Стеллецкого. — Как хорошо, что ты здесь... ты пришел... ты меня спас... я ведь, знаешь, заблудилась в этих пещерах... тут кругом одни змеи и ящеры, такие страшные, просто жуть... я тебя звала-звала... ты почему не шел? Ты представляешь, все кругом такое прозрачное, все видно насквозь... и тебя тоже видно насквозь, я вижу твое сердце... оно бьется там, под ребрами, такое смешное, как маленький красный комочек... Ты же меня любишь, дядя Ник?

Миранда выразительно фыркнула. Стеллецкий смущенно обвел взглядом всех присутствующих.

— Конечно, люблю, конфетка моя... а теперь пойдем, дядя Ник отнесет тебя домой, и ты немного поспишь.

— Я с вами, если позволите, — неожиданно пред-

ложил фон Корф. — В молодости я обучался медицине в Тюбингенском университете.

— Пожалуй, я тоже пойду, — сказал Анненков. — Да и ваша помощь, Миранда, будет совсем не лишней.

— Разумеется, — холодно ответила сеньора Прадо. — Я не настолько стерва, чтобы оставить любимую племянницу наедине с двумя гвардейскими офицерами и одним военным атташе.

8

Рассвет застал капитана в библиотеке. Здесь было чисто, уютно и имелись удобные столы красного дерева. На одном из таких столов стояла пузатая бутылка «Баллантайна» и три высоких стакана. Еще одна бутылка (пустая) помещалась между четвертым и шестым томами «Истории Рима» Моммзена. Пятый том, место которого занимала бутылка, пребывал в руках Ланселота Стилуотера. Британец, казалось, с головой ушел в древнеримскую историю, периодически отрываясь от нее лишь для того, чтобы сделать очередной глоток виски.

— Индеец хотел отравить меня, — убежденно заявил Анненков. — То, что бокал взяла Лаура, — досадная случайность, не более. Вино предназначалось мне.

— Бессмысленно! — покачал головой Стеллецкий. — Зачем кому-то, пусть даже твоему демоническому индейцу, тебя травить? Ты в поместье меньше суток, отношения ни с кем испортить не успел... Одно из двух: или вино здесь вообще ни при чем, или отравить изначально хотели не тебя...

Он потер хрящеватую переносицу.

— И ты знаешь, это какое-то странное отравление... Сначала я ужасно испугался за Лауру, но потом убедился в том, что ничего по-настоящему страшного с ней не происходит. Галлюцинации — да, сильные и яркие, но от галлюцинаций ведь еще никто не умирал... Кстати, после того как фон Корф дал ей морфин, они необъяснимым образом прекратились. Если гал-

люцинации — побочный эффект, то тогда непонятно, какой эффект основной. В общем-то, за исключением рвоты...

— От которой в основном пострадал мундир Гутьерреса, — добавил Анненков. Стилуотер на мгновение оторвался от своего Моммзена и пробурчал что-то одобрителное.

— Вот именно! — Стеллецкий многозначительно поднял вверх указательный палец. — Остается предположить, что тебя просто хотели скомпрометировать. Предположим, ты приглашаешь на танец м..м.. например, сеньориту Кордеро и в самый романтический момент... м... м... травишь ей в декольте. Естественно, скандал. Возникает вопрос, кому это могло понадобиться.

Анненков задумчиво повертел в руках стакан. Виски оставлял на стеклянных стенках маслянистые следы.

— Кто бы это ни был, он не знал, что я не танцую.

Стеллецкий удивленно поднял брови.

— Не танцуешь? Ах, да, прости, я забыл про твою ногу... Ну, я полагаю, таковых здесь большинство. Это нам ничего не даст... Чертовски жаль, что бокал разбился. Я мог бы провести анализ вина...

— У тебя здесь есть лаборатория? Помнится, ты всегда был равнодушен к химии...

Ник досадливо махнул рукой.

— Лаборатория — слишком красиво звучит! Так, каморка... Все реактивы приходится выписывать из столицы, поэтому о серьезных исследованиях я и не мечтаю... Но для такой экспертизы хватило бы и моих скромных возможностей. Впрочем, я почти уверен, что это был не яд...

— Что же тогда?

— Джентльмены, — Ланселот Стилуотер с треском захлопнул книгу. — Исходя из того, что я узнал от вас о галлюцинациях сеньориты де Легисамо, в вино мог быть подмешан отвар из айяуаски.

— Айя... чего? — переспросил Анненков.

— Айяуаска, — терпеливо объяснил англичанин. —

На местном языке означает «лиана душ». Еще ее называют «путь мертвых», потому что считается, что человек, попробовавший ее отвар, отправляется прямоком в мир духов.

— Индейские суеверия, — хмыкнул Ник. — Я что-то такое слышал. Эта лиана содержит наркотик, верно?

Стилуотер поднес к губам бокал, отхлебнул виски и немного посмаковал его во рту.

— Я бы поостерегся назвать это просто суеверием, Николай Александрович. Как вы знаете, в свое время мне пришлось повоевать в Амазонии. Тамошние индейцы используют айяуаску едва ли не каждый день. Саму лиану они называют *натема* или *йаге* и считают вместилищем божественной силы. Заготавливают ее так, как у нас в Англии дрова для камина, — около каждой хижины всегда валяются три-четыре вязанки. Сбирать ее, кстати, имеют право только мужчины. Однако лиана — это еще не все. Чтобы приготовить из нее священный напиток, нужны листья кустарника, называемого *чакруна*. Листья эти считаются вместилищем света, и собирают их только женщины. Когда листья и куски лианы бросают в котел и варят, сила соединяется со светом и получается айяуаска. Действует она на всех по-разному, однако галлюцинации с участием огромных рептилий бывают почти всегда. Честно говоря, я и сам пробовал это зелье. Вдоволь нагладился на всякую мерзость...

— Очень познавательно, — одобрил Анненков. — Вот только я уверен, что в бокале, который дал мне этот чертов индеец, было настоящее вино, а не какой-то отвар из лианы.

Стилуотер иронически изогнул бровь.

— Вот как? Должен заметить, что, если бы вам поднесли стакан с чистым отваром, вас вывернуло бы наизнанку от одного только запаха. Вероятно, тот, кто хотел вас отравить, вначале приготовил эссенцию, а затем смешал ее с вином.

— Вряд ли ваши дикари из джунглей на это спо-

собны, — ухмыльнулся Ник. Встретился глазами с Анненковым и осекся. — Что ты так смотришь, Юрка? Думаешь, это я у себя в лаборатории такими вещами занимаюсь?

Анненков перегнулся через стол и стукнул свой стакан о край стакана Стеллецкого.

— Нет, конечно. Но ведь твоей лабораторией мог воспользоваться кто-то другой...

Повисло напряженное молчание. Наконец Стилуотер вежливо кашлянул.

— Джентльмены, я хотел бы напомнить вам, что таинственное отравление сеньориты Лауры — только одна из трех загадок, которые нам предстоит решить.

— Кстати, он прав, — с облегчением подхватил Стеллецкий. — Самое главное — кто и как взломал сейф и похитил кристалл.

— И куда делся проклятый индеец, — добавил Ланселот. — Кристобаль клянется Мадонной, что никого не посылал относить напитки в гостиную после полуночи. К тому же, как вы сами убедились, Юрий Всеволодович, индейцев среди слуг нет.

Первое, что сделал Стилуотер после того, как велел своим головорезам закрыть входы и выходы из поместья, — согнал всех слуг на кухню, выстроил в шеренгу и показал Анненкову. Капитан несколько раз прошелся вдоль жалкой пародии на строй, придиричиво разглядывая смуглые лица, но никого даже отдаленно напоминающего давешнего индейца не обнаружил.

— Похоже, что мы в тупике, господа, — вздохнул Анненков. — Предположим, что вино отравил индеец; это возможно, хотя мы не знаем, для чего он это сделал и даже кого он хотел отравить. Но кто вскрыл сейф? Тоже он? Ни за что не поверю, что после такого дерзкого ограбления он задержался бы в поместье хотя бы на минуту. Да и потом, здесь на каждом шагу полно слуг, которые прекрасно знают друг друга и мгновенно вычислят чужака. Он должен был чувствовать себя

зайцем в волчьей норе... Если, конечно, он не невидимка...

Неожиданно скользнувшая где-то на периферии сознания мысль заставила его замолчать. Анненков вспомнил, как растаял в воздухе одорукий индеец, встретившийся ему у взорванного моста. «Невидимка, — повторил он про себя, будто пробуя это слово на вкус. — А почему бы и нет?..»

— Слушайте, Ланселот, — спросил капитан, пристально глядя на англичанина. — Помните, вчера у реки я рассказывал вам об одноруком индейце?

Стиллиотер небрежно кивнул и принялся раскуривать сигару. Анненкову показалось, что он нарочно прячет глаза.

— Он исчез, — с нажимом произнес капитан. — Растворился, стал невидимым. Я думал, что мне это показалось в горячке боя. А теперь начинаю сомневаться.

Англичанин равнодушно пожал плечами.

— У вашего официанта тоже не было руки?

— Да нет, с ним все было в порядке. Однако я хотел бы, чтобы вы рассказали мне побольше об одноруком. Сдается мне, вы его знаете.

— Допустим, знаю, и что с того? В этих краях много найдется людей, с которыми Ланселот Стиллиотер хоть раз да не встречался на горных тропах.

Стеллецкий тяжело вздохнул.

— Расскажите ему, Ланселот. Он имеет право знать. Стиллиотер недовольно откашлялся.

— При крещении его назвали Хенаро, но настоящее, индейское, имя его — Руми, что значит «Камень». В молодости он служил в армии, говорят, был героем. А потом во время войны с колумбийцами ему шрапнелью оторвало руку, и он вернулся сюда, в горы. Община была готова его принять, ему даже построили дом, но он отказался от него и ушел жить в пещеры, где когда-то народ чачапояс хоронил своих мертвецов. Там он и жил, среди засушенных трупов, и в деревнях начали поговаривать, будто бы Руми стал брухо — кол-

дуном. Брухо делятся на черных и белых — первые насылают порчу, вторые ее снимают, — так вот, крестьяне считали, что Руми делает и то, и другое. Он мог сначала ради забавы напустить на какого-нибудь сильного работника страшную болезнь, а потом, когда вся община соберет за него выкуп, вылечить...

— Ланселот, — проникновенно сказал Анненков, — ну вот вы англичанин, просвещенный мореплаватель, человек двадцатого столетия... Неужели вы верите в эти сказки?

— Я верю своим глазам, — отрезал Стилуотер. — И своими глазами я видел, как люди, подылавшие от кровавого поноса, выздоравливали, стоило проклятому колдуну обкурить дымом дурмана вылепленную из глины фигурку... Вы же готовы допустить, что индеец стал невидимым? Потом он поссорился с главой клана Эспиноса, хозяином земель, на которых стояла деревня его общины...

«Ага, — подумал капитан, делая мысленную пометку в воображаемом блокноте. — Вот и второй претендент на сокровище!»

— ...и вынужден был бежать. Предполагают, что где-то в своих странствиях он встретил молодого Инкарри и убедил его в том, что Золотой Трон инков только и ждет, пока юноша из угасшего много лет назад рода Атауальпы объявит его своей собственностью.

— Появление Хенаро — плохой знак, — прервал его прислушивавшийся к их разговору Стеллецкий. — Я не совсем понимаю, зачем ему понадобилось играть в свои игры под носом у человека, который не задумываясь отправит его на каторгу. Или, быть может, для него это будет слишком мягко?

— Что же он натворил? — осторожно спросил капитан. — И почему дон Луис должен отправить его на каторгу? Насколько я понимаю, к семейству Эспиноса он питает не самые теплые чувства?

Стилуотер фыркнул, но промолчал. Стеллецкий

бросил на него укоризненный взгляд и снова потянулся к бутылке «Балантайна».

— Это старая история, и довольно мрачная. Здесь не любят ее вспоминать...

РАССКАЗ ЛАНСЕЛОТА СТИЛЛУОТЕРА

...Глория Васко д'Эспиноса была младшей дочерью Мигеля Эспиносы, хозяина плантации «Солнечная долина». Красавица, каких мало. В тринадцать лет отец отправил ее в пансион благородных девиц мадам Колиньи в Манаусе. Там, в городе, распутившемся на болотистых берегах Амазонки, подобно ослепительно-белому цветку, в торговом сердце каучуковой и хлопковой империи, она и встретила молодого дона Луиса.

В те времена я состоял на службе у старого дона Мигеля, в той же должности, что сейчас у де Легисамо. Сказать, что старик ненавидел своего соседа, значит не сказать ничего. Древняя вражда двух соперничавших семейств усугублялась тем, что молодой и предприимчивый дон Луис торговал хлопком куда успешнее конкурентов, постепенно оттесняя Эспиноса куда-то на задворки хлопкового бизнеса. Сам дон Мигель торговлей не занимался, препоручив ведение дел своему старшему сыну Себастьяну Антонио, дураку и пьянице. Понятно, что «Холодная гора» обставляла «Солнечную долину» по всем статьям, а дону Мигелю оставалось только скрежетать зубами.

Во встрече Глории с доном Луисом тоже был виноват хлопок. Де Легисамо прибыл в Манаус, чтобы заключить крупный контракт на поставку большой партии товара. После того как бумаги были подписаны, посредник пригласил его и покупателя отобедать к себе домой. Дочь посредника училась в том же пансионе, что и юная Глория. И именно в этот день Глория д'Эспиноса гостила у своей подруги по случаю какого-то праздника — я уж и не помню какого. Молодые люди увидели друг друга... а дальше все произошло как в

пьесе моего знаменитого соотечественника Билла Шекспира. Две равно уважаемых семьи... в Вероне, где встречаются нас события....

Их роман был бурным и кратким. Прежде чем встревоженные воспитательницы успели сообщить Эспиносе о том, что его дочь тайно встречается с мужчиной из враждебного клана, дон Луис попросту выкрал Глорию из пансиона и увез в столицу. Там они сразу же обвенчались. Свидетелем со стороны жениха был молодой и блестящий офицер Мануэль Эрнандес Прадо, позже получивший прозвище Цезарь.

Старый дон Эспиноса, надо отдать ему должное, действовал очень быстро. Велел мне собрать самых отпетых головорезов, заплатил каждому вперед и самолично бросился в погоню за дерзким соседом. Мне он доверить операцию не захотел и оставил охранять поместье. Впрочем, я на него не в претензии, потому что из этой затеи ничего путного все равно не вышло.

Легенда гласит, что разъяренный Мигель Эспиноса с отрядом отборных головорезов почти нагнал дочь и ее жениха на ступенях собора, но был вынужден отступить перед стальной цепью верных Мануэлю Прадо штыков. Тогда Эспиноса кинулся к своему старинному другу епископу Сьюдад-де-лос-Рейес, требуя признать женитьбу недействительной. Начались долгие и утомительные переговоры. Дон Луис с благородством истинного влюбленного предложил главе семейства Эспиноса забыть старые обиды и связать себя клятвой вечной дружбы. Старик поначалу ни о чем не хотел слышать, но потом, видно, сообразил, что де Легисамо совершенно потерял голову от любви, и поставил условие: он снимет все возражения против брака дон Луиса со своей дочерью в обмен на El Corazón. И дон Луис, к его великому удивлению, сразу же согласился!

Они вернулись в Сьерру вместе — странный отряд, состоявший из наемников Эспиноса и солдат, посланных полковником Прадо для охраны дон Луиса и его юной жены. А потом дон Луис простился с Глори-

ей и отправился в свое поместье, чтобы забрать древнюю реликвию рода де Легисамо и отвезти ее в «Солнечную долину». Глория осталась с отцом — Мигель Эспиноса поклялся, что, как только кристалл окажется у него в руках, он тут же отдаст распоряжение о подготовке к свадебному пиру. Насколько я знал старого мошенника, он не собирался обманывать недавнего врага — сокровище рода де Легисамо было для него важнее любимой дочери. Однако судьба распорядилась иначе...

На следующее утро после возвращения из столицы Глория исчезла. Поехала покататься на лошади и не вернулась. Не вернулся и сопровождавший ее слуга. После полудня старый дон Мигель погнал нас на поиски. К несчастью, в Сьерре слишком легко потеряться и слишком сложно кого-то найти. Мы обнаружили тело Глории лишь к вечеру следующего дня. Глория была по грудь закопана в землю и вся покрыта табуировками. Очень искусными, но... омерзительными. До сих пор я иногда вижу их во сне и просыпаюсь в холодном поту и с бешено бьющимся сердцем. Еще она была раскрашена красной и черной краской, которая выглядела точь-в-точь как засохшая кровь. Двое моих парней блевали, а они были не из впечатлительных.

В Сьерре слухи разносятся быстро. Дон Луис узнал о гибели своей любимой в тот же день и примчался в «Солнечную долину» после захода солнца, один, без солдат, но и без El Corazón — видно, заподозрил старого дона в обмане. А Эспиноса, который и так-то чуть с ума не сошел, увидев Глорию изукрашенной этими адскими рисунками, рассвирепел и велел затравить де Легисамо собаками. Обвинил его в том, что дон Луис якобы подослал к Глории убийц — специально, чтобы не отдавать тестю свое сокровище. Совершенно обезумел. Тогда-то я и оказал дону Луису первую услугу — пустил загонщиков вместе с собаками по другой дороге. Де Легисамо сумел добраться до «Холодной горы» целым и невредимым, а мои парни

неожиданно наткнулись на слугу, который сопровождал Глорию в тот страшный день. Он был уже все равно что мертвый — лежал под высоким скальным гребнем с переломанными руками и ногами, весь ссохшийся от жажды и палящего солнца, — но перед тем, как отдать концы, успел рассказать о том, что случилось с хозяйской дочкой. По его словам выходило, что в ущелье милях в двух от господского дома дорогу им преградили индейцы — человек двадцать. Все они были вымазаны красной и черной краской, а вел их однорукий Руми. Индейцы стащили Глорию и ее слугу с лошадей, связали и бросили на землю. Слуге повезло — он сумел перепилить свои веревки острым кремнем и отполз в безопасное место. Глории, однако, он помочь не успел — явился негодяй Руми и принялся наносить ей на кожу свои богомерзкие татуировки. Девочка, понятно, кричала и плакала, но ей дали глотнуть какого-то питья, и она успокоилась. Такую вот, полусонную, блаженно улыбающуюся, ее и закопали в землю — опустили в неглубокую расщелину и забросали сверху мелкими камнями. Слуга, спрятавшись в своей расщелине, видел, как индейцы вымазали Глорию краской и принялись водить вокруг нее какой-то дьявольский хоровод. Он немного разбирался в индейских делах, потому как сам был полукровкой, и все твердил, что они исполняли очень древний обряд поклонения матери-земле. Раньше, при инках, так иногда приносили в жертву детей — опаивали дурманной настойкой и закапывали по пояс в землю. Сначала слуга надеялся, что к ночи индейцы разойдутся и ему удастся освободить Глорию, но потом что-то его сильно напугало, и он удрал. До дома, правда, так и не добрался — в темноте оступился и упал со скалы. Я так и не узнал, что заставило его бежать не разбирая дороги. Мне показалось, что от увиденного он слегка спятил. Бормотал что-то о духах и гигантских змеях, выползающих прямо из земли. По дороге в усадьбу он умер. Думаю, ему повезло — останься он жив, старый дон

Мигель наверняка содрал бы с него живьем шкуру. Зато не повезло самому дону Мигелю — через несколько дней его хватил удар, и он, проболев пару месяцев, отдал богу душу. Во главе клана встал Себастьян Антонио, работать на которого мне совершенно не хотелось. Я расторг контракт, сел на коня и поехал в «Холодную гору» предлагать свои услуги дону Луису. Что же до однорукого Руми, его так и не поймали. Я мог бы это сделать... но Мигель Эспиноса умер, а Себастьян Антонио предпочел выписать из столицы целый отряд сыщиков. Конечно, они никого не нашли. Искать индейца в Сьерре — совсем не то, что ловить сутенеров в притонах Гуаякиля. К тому же Руми не был дураком и тут же бежал на восток, в Монтанью, сумрачный край дождевых лесов на восточных склонах Кордильер. Там, говорят, до сих пор живут племена, спасавшиеся еще от инкских армий...

Англичанин замолчал и некоторое время сосредоточенно пыхтел сигарой. Капитан разглядывал дно пустого стакана.

— Теперь ты понимаешь, почему упоминать об одноруком при доне Луисе было бы нетактично? — мягко спросил Стеллецкий.

— Надо было промолчать?

— Чертовски жаль, что я не успел его подстрелить там, у реки, — задумчиво проговорил Стиллиуотер. — Одной проблемой сейчас было бы меньше.

— Может, этот индеец и колдун, но вино Юрке подсунул кто-то другой. — Ник с сожалением вытряс из бутылки «Баллантайна» последние капли виски. — Кто-то, у кого было две руки. И мне кажется, господа, что сейф в подвале тоже вскрыл человек, у которого с руками было все в порядке.

— О да, — согласился Анненков. — Продырявить трехдюймовую сталь не каждому под силу.

Стиллиуотер поджал губы.

— Сталь хорошая. Настоящее немецкое качество.

Кстати о немцах: вы не находите странным, джентльмены, появление здесь этого тевтонского борова фон Корфа?

— Не узнаю тебя, Ланселот, — усмехнулся Ник. — Обычно ты более сдержан в своих характеристиках.

Англичанин не принял шуточного тона. Взгляд его прозрачных, слегка навывкате глаз замораживал, как дыхание арктической вьюги.

— Я не считаю себя вправе сдерживаться, когда речь идет о шпионах, Николай Александрович. Отто фон Корф — военный атташе? All right! Но где вы встречали, джентльмены, военного атташе, который едет в забытый богом медвежий угол ради того, чтобы договориться о поставках хлопка? Заметьте — даже не сукна для своей армии, хлопка! По-вашему, с этой пустячной миссией не могли справиться толстозадые немецкие чиновники, которые протирают штаны в торгпредстве?

— Сдается мне, вы не очень-то любите немцев, — заметил Анненков.

— Напротив, — холодно возразил Стиллоутер. — Моя младшая сестра замужем за профессором из Ганновера, так что с тевтонами я в некотором сродстве. Кроме того, у меня нет причин ненавидеть какой-либо народ вообще. Но я чрезвычайно не люблю национал-социалистов.

— Этих шутов гороховых? — удивился капитан. — Бросьте, они ничего из себя не представляют. Я сталкивался с этой публикой, когда жил в Берлине. Их поколачивали все, кому не лень — коммунисты, социал-демократы, просто бюргеры из предместий. И потом, какой из фон Корфа национал-социалист?

— О, — сказал англичанин, подняв палец к потолку, — весьма важный. Я разговаривал с ним вчера вечером. Он, очевидно, рассчитывал произвести на меня впечатление и так и сыпал фамилиями. Гитлер, Гесс, Крупп — со всей этой публикой он накоротке. Может

быть, он просто хвастает, не знаю. Но поверьте мне, джентльмены, этот господин вовсе не военный атташе.

Анненков с трудом подавил зевок. В высокие окна библиотеки уже всю светило солнце.

— Я знал нашего военного советника в Белграде, — проговорил он. — Еще до февральского переворота. Так вот, он тоже не производил впечатления человека, имеющего отношение к армии. Однако же, будучи искусным дипломатом, принес империи немало пользы.

— Никакой он не дипломат, — махнул рукой Стилуотер. — Он ученый, скорее всего историк. Но при этом убежденный национал-социалист.

— Если он и ученый, то какой-то странный, — возразил Стеллецкий. — За ужином он объяснял мне, что мы живем не на поверхности Земли, а в какой-то внутренней полости, небольшом пузыре воздуха внутри безграничной скалы. Представляете? А в междупланетном пространстве вроде бы полно льда, и, когда ледяные глыбы сталкиваются в небе, у нас происходят всякие катастрофы. Ну не бред ли?

— Бред, — не стал спорить Анненков. — Но я так и не понял, к чему вы клоните, господа. Хотите сказать, что эта сытая морда незамеченной пробралась в подвал и непонятным образом вскрыла сейф с сокровищем? Честно говоря, не верю.

Повисло молчание. Потом Ник с грохотом обрушил свой пустой стакан на полированную поверхность стола.

— Да кто угодно это мог быть, понимаешь? Кто угодно! Мы здесь сидим, ломаем головы, а зачем? Все равно ведь ничего не вычислим! Нужно действовать, господа!

Он рывком поднялся, оттолкнув кресло.

— Предлагаю немедленно обыскать весь дом! Чертов индеец не мог куда деться...

— Тогда следует взять с псарни собак, — предложил Стилуотер. — Жаль, что в «Холодной горе» не

держат специально натасканных псов. У старого дона Мигеля Эспиноса, помнится, таких было штук шесть.

Анненков недоуменно взглянул на него, надеясь, что англичанин шутит, но тот, судя по всему, был совершенно серьезен.

— Обойдемся без собак, — отрезал капитан, вставая. В голове у него после бессонной ночи и выпитого виски слегка шумело. — Сейчас половина шестого утра. К девяти мы должны закончить поиски в доме. Ланселот, среди ваших парней есть охотники?

— Охотники? — слегка озадаченно переспросил Стиллиуотер. — Да, есть один парень с востока, он прежде зарабатывал себе на жизнь охотой на ягуаров.

— Отлично. Тогда отправьте его искать следы. Если похититель успел улизнуть, мы должны хотя бы знать, куда он направился. А если не успел — тем лучше. Мы возьмем его до полудня.

В холодных глазах Ланселота Стиллиуотера мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Есть, сэр! — ответил он и поднялся. — Думаю, с вами мы сумеем вернуть El Corazón...

9

ПОЛКОВНИК НИКОЛАЙ СТЕЛЛЕЦКИЙ

Юрка ничуть не изменился с того памятного утра, когда мы прощались с ним в пропахшем рыбой и специями порту Константинополя. Нет, конечно, годы взяли свое: и щетина у него теперь была не иссиня-черная, как когда-то, а словно бы из алюминиевых проволочек, да и вообще он исхудал, стал поджарым, как волк, превратился в тугой узел мускулов и нервов — его энергичная, резкая манера держаться особенно бросалась в глаза на фоне сонной жизни в поместье. Но внутри он остался все тем же надменным мизантропом, которым был все годы нашего знакомства — начиная с юнкерского училища. Он никогда не ставил людей слишком высоко, считая их недалекими и даже ту-

пыми созданиями — разумеется, не по отдельности, а en masse. В этом смысле они с Ланселотом нашли друг друга — англичанин тоже не сходил с ума от любви к человечеству. И если поначалу Ланс относился к Юрке настороженно, то после обыска усадьбы стал смотреть на него как на равного. Видимо, лейтенанту королевских драгун никогда не приходилось видеть, как работают русские военные контрразведчики.

Правда, пропавшее сокровище мы так и не нашли. Юрка расстроился — он всегда переживал, когда что-то складывалось не так, как он задумал или надеялся, — а я едва ли не обрадовался. С Луисом мы знакомы лет шесть, еще с приснопамятного мятежа в Парайбо, и все это время тень фамильного сокровища висит над ним, словно наложенное проклятие. Как-то в Байресе я толковал с одним тамошним поэтом, забавным близоруким юношей, похожим на завсегдатаев «Бродячей собаки», с которыми я водил дружбу в Петербурге, — звали его, кажется, Хорхе. Этот поэт, воздав должное дрянному аргентинскому рому, рассказывал мне о странных предметах, способных магнетически притягивать к себе мысли человека — мало-помалу они завладевают его воображением и становятся для несчастного единственной реальной вещью в мире. Отчасти это похоже на страстную влюбленность, объяснял он, когда все твои помыслы и чувства прикованы, словно каторжник к ядру, к образу любимой. Судьба каждого, кто найдет такой предмет — Хорхе называл его «заир», — сильнейшая психологическая зависимость, а потом неизбежное безумие. Иногда мне казалось, что El Cogazón стал для Луиса таким «заиром». Когда мы достаточно сблизились — испанцы и креолы, как правило, искренни и открыты в дружбе и в этом здорово похожи на нас, — он открыл мне тайну загадочного талисмана, принадлежавшего роду де Легисамо. Я осторожно намекнул Луису, что он мог бы проверить свойства камня на мне. Для чистоты эксперимента я предложил ему записать, чего именно он

хочет от меня добиться, на бумаге, а бумагу эту спрятать в сейф и предъявить лишь после того, как желаемое будет получено (или, соответственно, не будет). Риска в этом я не видел решительно никакого: лет пятнадцать назад в Петербурге модный восточный лекарь Бадмаев с сожалением констатировал, что я почти невосприимчив к гипнозу. Однако Луис наотрез отказался использовать древнюю реликвию, чтобы внушить мне какую-либо идею, сказав, что это несовместимо с его представлениями о дружбе. Я, разумеется, не стал настаивать, поскольку не сомневался: в глубине души он и сам прекрасно понимает, что его сокровище представляет собой всего лишь большой кристалл горного хрусталя причудливой формы. Но Луис продолжал вести себя так, будто был совершенно уверен в чудесных свойствах кристалла — например, уверял меня, что его успехи на поприще торговли хлопком самым тесным образом связаны с древней реликвией. В иные дни он беспрерывно твердил о своем чудесном камне — и должен признаться, что я с трудом сдерживался, чтобы не наговорить ему резкостей. Впрочем, в это время наша дружба уже обрела черты своеобразного делового партнерства — я взял на себя решение вопросов, связанных с безопасностью его хлопкового бизнеса, и получил некую, не слишком большую, долю в доходах от продажи товара. Поэтому я считал необходимым придерживать свои критические замечания при себе. Так продолжалось несколько лет, пока наконец в жизни Луиса не появилась Машенька.

Они познакомились в Баие осенью 1929 года, а уже спустя три месяца Луис привез Машеньку в «Холодную гору» и объявил о том, что они поженились. Кумушки на соседних плантациях, конечно, долго не могли успокоиться: де Легисамо считался в округе завидным женихом. Многие наследницы креольских родов были бы счастливы пойти с ним под венец, однако сам Луис не обращал на них никакого внимания; виной тому были трагические события его юности. И тут

вдруг — неожиданно для всех! — он привозит откуда-то жену, да к тому же не креолку, а русскую. Разумеется, пошли пересуды. К счастью, Машенька благодаря своему кроткому нраву и природному очарованию сумела склонить на свою сторону даже самых рьяных своих противниц и была принята в местное общество. Тут-то Луис вновь принялся твердить мне о своем чудесном кристалле. Мол, только благодаря ему такая красавица, как Машенька, вообще обратила внимание на старого, потрепанного жизнью Луиса де Легисамо. Он уверял меня, что проводил целые ночи, умоляя El Soqazón о помощи, прежде чем Машенька согласилась выйти за него замуж. Вполне возможно, что так оно все и было, но я впервые позволил себе твердо указать своему другу и деловому партнеру, что ему не следует увлекаться подобными идеями и особенно рассказывать о них посторонним. Тонкая, ранимая натура Машеньки, несомненно, восприняла бы этот досужий вымысел как болезненный и, пожалуй, даже предательский удар. Кому приятно узнать, что его выбор был сделан не самостоятельно, под влиянием чувств или рассудка, а в результате каких-то магических манипуляций? И пусть даже это полная чушь, одно только подозрение, что любимый человек способен на подобные козни, может омрачить даже самое светлое чувство...

Все это я изложил Луису, надеясь, что здравый смысл в нем победит власть древнего предрассудка. Но вышло скверно: он решил, что я считаю его сумасшедшим да вдобавок позволяю себе вмешиваться в его личную жизнь. Мы поссорились и даже дрались на дуэли; стрелком Луис оказался никудышным, а я прострелил ему шляпу (само собой, специально) и на том успокоился.

Однако после этого случая он перестал быть со мной откровенен. Да и вообще замкнулся, ушел в себя, стал нелюдимым. Меня это не слишком огорчало — я считал, что чем меньше времени мой друг и партнер

проводит со своими собутыльниками, тем лучше для дела, — а вот Машенька очень переживала. Именно в это время мы с ней очень сблизились, как только могут сблизиться заброшенные судьбой на край света соотечественники, и как-то само собой вышло, что странная мания де Легисамо стала постоянной темой наших разговоров. Луис и Машеньке рассказывал о кристалле — опуская, конечно, трагические детали своей первой неудавшейся женитьбы и пикантные подробности ухаживания за ней самой. При всей романтичности своей натуры Машенька, разумеется, ни секунды не верила в сказки о старинных индейских амулетах, способных подчинять волю и чувства других людей. Но легенда показалась ей очень красивой, а сам кристалл понравился еще больше. Она даже умоляла мужа, чтобы тот позволил ей носить El Cogazón на цепочке, как украшение, но Луис, обычно ни в чем ей не отказывавший, на этот раз уперся как баран. «Кристалл будет храниться в сейфе, — отвечал он, — и ты никогда его не наденешь». Я думаю, Луис боялся, что талисман принесет Машеньке несчастье, ведь он уже стал однажды косвенной причиной гибели Глории, но объяснить этого жене по понятным причинам не мог. Непреклонность де Легисамо только разжигала Машенькино желание сорвать запретный плод, и кто знает, чем бы это все кончилось, если бы мне не пришла в голову простая, но очень удачная мысль. Я посоветовал Машеньке заказать у столичных ювелиров точную копию камня и хранить сей факт в тайне от всех, кроме, разумеется, самого Луиса. Тогда, появляясь в свете — если можно назвать этим словом сборище безнадежно провинциальных плантаторов и членов их семей, — она сможет блистать, считаясь хозяйкой баснословно дорогой безделушки, ради которой многие семьи готовы прозакладывать свой дом и всю свою родню в придачу.

Машенька пришла от моей хитрости в восторг и без особого труда уговорила Луиса оплатить эту малень-

кую мистификацию. Мне пришлось несколько раз съездить в столицу: сначала найти надежного ювелира (контора «Мозес Лазарсон и сыновья»), затем разместить заказ, консультировать изготовление подделки (оригинал, мне, конечно, никто с собой взять не позволил — пришлось довольствоваться рисунками), заплатить двойную цену за то, чтобы Лазарсоны сохранили все в строжайшем секрете, — в общем, несколько месяцев у меня хлопот был полон рот, а что в результате? Машенька пару раз надела фальшивый El Corazón, покрасовалась перед плантаторами и их женами, произвела фурор в высшем обществе Манауса и совершенно охладела к очаровательному украшению. Впрочем, сердиться на нее за такую ветреность я не мог, поскольку к этому времени отношения наши несколько изменились. Луис все больше отдалялся от жены, всецело поглощенный своим бизнесом, и Машенька чувствовала себя одинокой и покинутой. И хотя она по-прежнему не знала ни в чем отказа, мне она казалась редкой и нежной птицей, запертой в золотой клетке. Такой клеткой стала для нее белая башенка, выстроенная де Легисамо в некотором отдалении от хозяйского дома, — Машенька говорила, что коридоры и темные залы старой усадьбы наводят на нее меланхолию. От восточного флигеля к башенке вел крытый переход, обшитый кедровыми панелями, но у Машеньки был и отдельный вход. Сначала Машенька перебиралась в башню только на время отлучек мужа — а Луис по-прежнему часто уезжал то в Манаус, то в столицу, и если в первые месяцы после женитьбы он возвращался из этих разъездов, пылая нетерпением и страстью, то уже через год он задерживался там гораздо дольше, чем требовали того дела. А потом генерал Прадо попытался совершить переворот и был убит во время штурма президентского дворца. Темная история с этим мятежом: достаточно сказать, что люди, пришедшие в результате его подавления к власти, состояли в том же тайном обществе, что и Цезарь, по-

этому представили дело так, будто бы генерал защищал закон и порядок и погиб, исполняя свой святой долг. После смерти генерала поползли слухи о миллионах, осевших на его счетах в европейских банках в результате каких-то очень успешных тайных сделок. Думаю, это миф — не представляю, чем нужно было торговать Цезарю, чтобы сколотить эти миллионы. Но латиноамериканцы склонны к преувеличениям и легко верят в сказки, которые сами же и придумывают, — именно поэтому в столице никто не сомневался в том, что генерал Прадо покинул этот мир сказочно богатым человеком. Охотников за наследством Цезаря сыскалось предостаточно; именно из-за их настойчивости молодая жена генерала, Миранда, была вынуждена искать убежища в «Холодной горе». Вскоре после ее появления стало ясно, что симпатия, которую Луис питает к кухне, далеко выходит за рамки того, что можно считать родственными чувствами. Машенька окончательно перебралась жить в башню... а мне был дарован ключ от ее дверей.

Я рассказываю всю эту долгую историю лишь для того, чтобы объяснить, почему исчезновение талисмана совсем меня не расстроило. Похоже, эта штуковина действительно обладала магическими свойствами, только не теми, о которых говорилось в легенде и в которые верил мой друг и партнер. Мне кажется, что таинственный кристалл окутывала атмосфера какого-то неясного зла, что-то вроде тени невообразимо далекого прошлого, губительной для светлых и чистых чувств. Ничем иным я не могу объяснить внезапное охлаждение Луиса к своей молодой жене — охлаждение, бросившее нас с Машенькой в объятия друг друга, но сделавшее жизнь в «Холодной горе» напряженной и полной скрытых противоречий. В своем грехе я, как, впрочем, и большинство грешников, стремился винить не себя, а некие непреодолимые обстоятельства, и тут El Corazón пришелся как нельзя более кстати. Долго я уговаривал себя, что, если бы не эта каме-

нюка, де Легисамо не сошел бы с ума и не разлюбил Машеньку, а я избежал бы горестной необходимости соблазнять жену друга и делового партнера, прикрывая собственную страсть рассуждениями о духовной помощи и человеколюбии. Конечно, исчезновение кристалла, похищенного чьей-то дерзновенной рукой, уже не могло изменить ситуацию, но мне было бы спокойней знать, что злое волшебство кристалла никогда больше не повлияет на судьбы близких мне людей.

Поэтому если я переживал из-за чего-то тем памятным утром, то вовсе не оттого, что, перевернув вверх дном всю усадьбу, мы так и не обнаружили следов пропавшей драгоценности. По мне, всем стало бы только лучше, если бы она провалилась в ад. Видите ли, вскрытый сейф в сокровищнице Луиса — это прежде всего прокол в моей работе, ведь, пока мы с Луисом не уехали в столицу, за безопасность «Холодной горы» отвечаю я. Так что в то утро я нервничал ничуть не меньше, чем другие участники поисков, хотя мотивы наши были несколько различны. И уж совсем мне стало худо, когда Ланселот обнаружил в высохшем колодце за псарней труп индейца в черно-зеленой форме официанта.

10

Лицо индейца успели попробовать на вкус какие-то мелкие грызуны, но основные черты еще угадывались, и Анненков решил, что труп принадлежит тому самому «слуге», который настойчиво предлагал ему выпить вина.

Ланселот Стиллоутер присел рядом с ним на корточки и внимательно осмотрел повреждения.

— Шея сломана, — сказал он, пыхнув папиросой. Серый столбик пепла упал на щеку индейца. — И голова пробита чем-то тяжелым, видите?

— Вижу. По-моему, сперва его стукнули как раз по голове.

— А потом сбросили в колодец? Да, похоже на правду.

Капитан оглянулся. Трое слуг, помогавших вытаскивать труп из колодца, опасливо жались поодаль.

— Полагаю, никто ничего не видел и не слышал. Но я бы на всякий случай опросил людей.

Ланселот хмуро кивнул.

— А ведь в «Холодной горе» такое впервые, Юрий Всеволодович. У соседей, бывало, подерутся пеоны, иногда кого-нибудь насмерть зарубят... А здесь — никогда.

Анненков перевернул труп и принялся исследовать его карманы.

— Так ведь и драгоценности такие, я полагаю, здесь раньше не пропадали.

Тяжелыми шагами подошел Стеллецкий, остановился в двух шагах от тела, кашлянул.

— Дон Луис хочет поговорить, — сообщил он в пространство.

Капитан извлек из правого кармана сюртука бедняги официанта маленькую железную шкатулочку, не без труда открыл ее, осторожно понюхал содержимое.

— Что за черт? Вы про это нам рассказывали, Ланселот? Айя... хуа... ну, вы поняли?

Англичанин мельком заглянул в шкатулочку и скептически усмехнулся.

— Нет, это просто кока. Местные жуют ее, чтобы поддержать силы. Смешивают с известью и жуют. Здорово помогает от горной болезни.

— Дон Луис хочет поговорить, — повторил Ник. Анненков наконец взбесился.

— Так пусть приходит и разговаривает! — рявкнул он. — Мы делом заняты! Время не ждет!

— Он сейчас у Лауры. Она все еще не пришла в себя.

Стиллиуотер покачал головой.

— Мне очень жаль, сэр. Я обязан опросить слуг. Судя по всему, этого бедолагу прикончили незадолго

перед рассветом, так что есть небольшой шанс, что убийца не успел уйти далеко.

— Если он вообще уходил, — буркнул Анненков, поднимаясь. — Я думаю, что он все еще в доме. И индейца убрали как раз поэтому.

Стеллецкий наморщил лоб.

— Ты хочешь сказать, что похититель и человек, который дал тебе яд, — разные люди?

— Именно. Индеец, скорее всего, просто выполнял поручения преступника и поэтому знал его в лицо. Когда необходимость в помощнике отпала, преступник поспешил от него избавиться.

— Согласен, — Ланселот закурил новую папиросу. — Но почему вы так уверены, что убийца все еще здесь? Может, он давно уже удирает с камнем в кармане по направлению к столице?

Анненков пожал плечами:

— Интуиция. Да еще, быть может, тот факт, что этот тип пытался меня отравить уже после того, как кристалл был похищен из сейфа. Логики в этом поступке — никакой, поскольку я навряд ли представлял для похитителя какую-то опасность. А это значит, что убийца вынашивает еще какие-то планы, о которых мы, господа, пока что ничего не знаем. И это обстоятельство, скажу честно, меня несколько нервирует.

Ник выразительно хмыкнул.

— Будь так любезен, изложи свои соображения гранду. Он, знаешь ли, тоже нервничает.

Капитан вытянул из кармана брюк стальную луковичу часов, откинул крышку и некоторое время что-то считал, шевеля при этом губами.

— Сейчас половина одиннадцатого. Я обещал, что мы возьмем похитителя до полудня, а теперь нам нужно искать еще и убийцу. Хорошо, мы пойдем к дону Луису, тем более что в комнатах Лауры, кстати, обыск еще не проводился. Но на все разговоры с ним у нас есть полчаса. Ланселот, что там ваш охотник?

Англичанин пожал плечами:

— Охотится. Если кто-то пытался бежать из усадьбы сегодня на рассвете, он его найдет. Ну, или, по крайности, найдет следы.

— Время не ждет, — повторил Анненков. — Ладно, Ник, пойдем пообщаемся с Луисом Иванычем.

Комнаты Лауры располагались в северном крыле усадьбы, под самой крышей. Идти туда пришлось по памятной капитану деревянной галерее, увитой виноградом.

— Скажи, Ник... — Анненков остановился, сорвал темно-фиолетовую ягоду, кинул в рот, разжевал и выплюнул за перила — показалось кисло. — А что за дела у вас с грандом в столице?

Стеллецкий помрачнел.

— На рожон лезет гранд, вот что. Помнишь, у нас в полку был такой Саша Авцоев, его еще Овцой звали?

Капитан кивнул и сорвал еще одну ягоду. Эту даже пробовать не стал, покрутил в пальцах и выбросил.

— Так вот, Овца... вроде спокойный же был мужчина, рассудительный... а как доходит до боя, в него словно бес вселяется. Ну, что я тебе рассказываю, ты же сам хорошо все знаешь... То папироски под огнем курит, то в одиночку на роту немцев скачет с шашечкой... В общем, на рожон лез Овца. Напомнить, чем кончилось?

— Вроде убили его, — равнодушно сказал Анненков. — Так что в столице?

— Ты меня чем слушаешь? — обиделся Ник. — Я же тебе русским языком объясняю: гранд хочет предъявить права на наследство Цезаря, а это, между прочим, двести миллионов фунтов стерлингов.

— А он имеет на них право?

— В том-то и дело, что нет. Наследница — Миранда, но ей никто не позволит прикоснуться к деньгам. У генерала Прадо было слишком много влиятельных друзей, которые тоже не прочь откусить от пирога. Луис собирается с ними договариваться.

Капитан с интересом посмотрел на товарища.

— И ты называешь это «лезть на рожон»?

— В столице свои порядки. Такая страна. Если какой-нибудь столичный хлыщ заявится сюда, в Сьерру... ну, вот как этот дурачок Гутьеррес, например... ему придется соблюдать законы Сьерры, понимаешь? Нельзя, например, нанести визит Эспиноса, а потом сразу поехать к де Легисамо, это считается ужасным оскорблением обоих семейств. В столице еще хуже. Там свои могущественные кланы, которые на аристократов Сьерры плевать хотели... в основном это профессиональные военные. Они могут даже происходить из старых креольских родов, но принадлежат уже совсем другому миру. Пока был жив Цезарь, Луиса в этом мире терпели. Но теперь, когда он остался один, с ним церемониться не станут. Прихлопнут, как комара, и все. Я говорил ему! Я много раз говорил ему, но он ничего не хочет слушать. И все из-за этой кошки, Миранды!

— Миранды?

— А ты еще ничего не понял? Гранд влюблен в нее по уши, а она вертит им как хочет. Понятно, если его Миранде пришла в голову блажь получить деньги покойного мужа, он в лепешку расшибется... Да, кстати, этим все и закончится.

— Пожалуй, ее можно понять, — заметил Анненков. — Двести миллионов фунтов — деньги немаленькие. Значит, Луис собирается лезть напрямик в пекло, а ты, конечно же, должен прикрывать ему спину?

Стеллецкий мрачно кивнул. Желваки ходили у него на лице, словно поршни паровой машины.

— Дело-то не во мне... Мне еще до войны цыганка в Царском Селе нагадала, что жизнь у меня будет долгая, а смерть легкая. Машку жалко, понимаешь? Вот закопают нас с грандом, а о ней кто позаботится?

Он судорожно вздохнул и отвернулся.

— Ты поэтому меня сюда вызвал? — очень спокойно спросил Анненков. — Из-за нее?

— Сначала-то — нет, — извиняющимся тоном

пробормотал Ник. — То, первое письмо... я же его написал давно, еще до всей этой истории с наследством. А потом, когда ты ответил, тут уже да, тут надо было что-то предпринимать. Мы с ним тут знаешь как ругались? Он не хотел ждать, рвался в столицу, как будто у него под хвостом горчицей намазано... Потом, правда, успокоился, согласился потерпеть до твоего прибытия...

— Почему? Миранда хватку разжала?

Стеллецкий нехорошо усмехнулся.

— Эта разожмет... Нет, ее-то как раз бесило, что поездка откладывается... Но гранд, похоже, что-то там для себя решил, а своих решений он не меняет. И знаешь что? Сдается мне, что это что-то наверняка было связано с его ненаглядным камнем.

— Так «сдается» или наверняка?

— Доказательств у меня нет. Просто я за эти годы неплохо его изучил. Если он каждый вечер спускается в подвал, значит, наверняка что-то просит у камня.

— Понятно. Ладно, пошли, он там заждался нас, наверное...

В комнатах Лауры было полутемно и пахло лекарствами. Девушка лежала на большой постели под марлевым балдахином, один полог которого был свернут до потолка. У кровати сидел дон Луис — бледный, осунувшийся. За его спиной стояла Миранда, узкие ладони ее покоились на плечах де Легисамо, будто она только что массировала ему шею.

— Пожалуйста, тише, — прошептала она. — Девочка только что уснула.

— Что же она до этого делала? — удивился Анненков. Миранда посмотрела на него, как на идиота.

— Металась в бреду. Несла какую-то дикую чушь про разбитые зеркала и прячущихся в колодцах мертвецов...

— Что? — ахнул Ник. — Откуда она знает?..

— Не кричи, ради всего святого! — зашипела Миранда. Дон Луис неуверенно повел плечами, словно желая высвободиться, но пальчики с накрашенными

черным лаком коготками держали его крепко. — *Про что она знает?..*

— Сеньорита, — ровным голосом сказал Анненков, — полчаса назад мистер Стилуотер обнаружил в пустом колодце тело того самого человека, который вчера в гостиной подал мне отравленное вино. Даже если вам об этом уже сообщили, то откуда о трупе может знать Лаура?

Миранда отшатнулась, словно Анненков помахал у нее перед носом дохлой крысой.

— Святая Мадонна! Какое ужасное совпадение!

Де Легисамо все-таки нашел в себе силы и поднялся. Под глазами у него темнели круги.

— Невероятно, господа! Совпадение и вправду чудовищное, но вы должны понимать...

— Это не совпадение, — громко и отчетливо произнес чей-то голос. Все, включая капитана, вздрогнули от неожиданности. — Не совпадение, отнюдь.

— Дорогой Отто, — укоризненно произнес дон Луис. — Вы так тихо себя вели, что мы забыли о вашем присутствии...

— Я никогда не произвожу лишнего шума, — с достоинством ответил фон Корф, появляясь из-за балдахина. В руках у него была склянка черного стекла и устрашающих размеров шприц. — Инъекции, которые я сделал несчастной девочке, несомненно, помогут. Как видите, она уже спокойно спит. Однако, как ученый, я весьма расстроен тем обстоятельством, что не могу и дальше изучать феномен воздействия айяуаски на психику представителя средиземноморской расы.

11

БАРОН ОТТО ФОН КОРФ

Проклятая латинка отключилась только после четырех кубиков морфина. Если бы солдаты Рейха обладали такой сопротивляемостью к седативным средствам, их боеспособность повысилась бы на порядок! Разуме-

ется, все это легко объяснялось беспримерным всплеском активности коры головного мозга и центральной нервной системы, стимулированных айяуаской. Я много слышал об этом удивительном наркотике, но ни разу не видел его в действии. И уж конечно, меньше всего я ожидал столкнуться с ним здесь, в «Холодной горе», куда прибыл по совершенно иному поводу.

Когда де Легисамо, отводя взгляд и отвратительно потея, сообщил мне о том, что Ключ Души украден, мне потребовалось все мое самообладание, чтобы не пристрелить негодяя на месте. Мерзкий лжец, как и все латины! Признаюсь, сначала я заподозрил дону Луиса в том, что он специально сымитировал похищение Кристалла, чтобы набить цену. Потом одумался — поднимать, собственно, было уже некуда. Коды к номерным счетам в банках Цюриха и Женевы, которые я привез в эту глушь, стоили больше, чем целый вагон золота. Другое дело, что воспользоваться ими де Легисамо не мог — требовалось одобрение остальных членов Триумvirата, президентом которого некогда был Мануэль Гарсия Прадо по прозвищу Цезарь. Надеюсь, вы понимаете, что в таких делах нельзя работать без страховки — ведь, получи хозяин «Холодной горы» все и сразу, он легко мог поддасться соблазну оставить Кристалл себе, а меня сбросить в одно из бездонных ущелий, которыми славятся эти места. Сейчас, когда повсюду бунтуют крестьяне, такую смерть легко списать на мятежников. Поэтому мы договорились, что я отвезу Кристалл в столицу и там в лабораторных условиях проверю его подлинность. Если дон Луис окажется настолько глуп, чтобы всучить мне подделку, бесполезные коды останутся у него в руках, а наше торгпредство предпримет все меры, чтобы затруднить доступ его хлопку на европейские рынки. Ссориться с Рейхом опасно, и де Легисамо об этом хорошо знает.

В случае если Кристалл действительно окажется одним из Трех Утерянных Ключей, я сообщу об этом в Берлин, и, после того как дипкурьеры Рейха увезут из

страны ее величайшее сокровище, использую все свое влияние, чтобы надавить на Триумvirат. Никаких гарантий — друзья покойного Цезаря слишком много о себе мнят, чтобы послушно исполнять чужие приказы, даже если эти приказы исходят из Берлина. И все же шансы на успех предприятия есть, по той же самой причине — ссориться с Рейхом опасно.

Все это я обдумывал, разумеется, не раз и не два, но только теперь, глядя на безобразно потеющего дон Луиса, отчетливо осознал: если и есть в «Холодной горе» человек, которому невыгодно исчезновение Кристалла (кроме меня, разумеется), то это он, дон Луис.

Вторая мысль, которая мелькнула у меня в голове, пока я слушал бессвязные объяснения де Легисамо, — противник нанес упреждающий удар! Кто-то знал о моем приезде в поместье и о том, что истинной целью этого визита будет совсем не заключение договора о поставках хлопка. И что самое главное — этот кто-то хорошо представлял себе, что такое Утерянные Ключи!

Кем мог быть этот неведомый противник, я даже не смел догадываться. За долгие годы, проведенные мной в поисках артефактов исчезнувших с лица земли цивилизаций, я привык к тому, что пропитанная упадническим еврейским духом наука Запада отрицает существование Утерянных Ключей. Верить в их магическую силу мог только Посвященный. Но кто же, кто? На первый взгляд никто из собравшихся в поместье не подходил на эту роль. Я испытал настоящий страх, представив себе, что кто-то из Великих Неизвестных сейчас находится где-то рядом. Ходят слухи, будто бы сам фюрер признавался, что нервничает в присутствии Великих. Если они наводили ужас на гения германской расы, то что говорить обо мне?..

Арийская наука в лице таких авторитетов, как доктор Ганс Гюнцлер и Фридрих Штоффхаузен, неопровержимо доказала, что в период, предшествовавший гибели Северной Атлантиды, или Туле, в магических практиках гиперборейцев использовались артефакты,

условно называемые Ключами. Таких Ключей было три — Ключ Тела, Ключ Души и Ключ Мертвой Матери. Каждый из них давал своему хозяину власть над одной из ипостасей человеческой природы. Вероятно, после гибели Великой Северной цивилизации один из Утерянных Ключей был принесен в Южную Америку тем отрядом атлантов, который пятнадцать тысяч лет назад основал на берегах озера Титикака таинственный город из циклопических плит.

Разумеется, для того чтобы обнаружить Ключ, потребовались годы кропотливой работы. И даже они не дали бы результата, если бы не непростительная для военного человека — хотя и сыгравшая в данном случае положительную роль — болтливость генерала Мануэля Гарсия Прадо. Нельзя отрицать, что этот чванливый и самовлюбленный латин обладал определенными деловыми качествами, позволившими ему взять под контроль всю систему военных поставок как из Рейха, так и из других стран Европы. Разумеется, он был у нас частым гостем — например, самолично приезжал поглядеть, как на заводах Круппа куется сверхсовременное оружие для будущих великих побед арийской расы. Во время одного из таких визитов, отмечая подписание выгодного контракта в ресторане «Король Фридрих» на Альбертинштрассе, он рассказал представителю Круппа историю о таинственном амулете, принадлежащем одному из его друзей, — историю, больше похожую на сказку. Человек Круппа одновременно работал и на Главное управление имперской безопасности; иначе, впрочем, и быть не могло. На следующий же день отчет о разговоре лег на стол самого Гейдриха — он всегда старался вникать в мелочи. У меня в Берлине до сих пор хранятся несколько скрепленных листков бумаги с пометками шефа РСХА, сделанными красным карандашом. Рассказ об амулете подчеркнут трижды; надпись на полях гласит: «Отто, не та ли штука, которую вы искали в Мексике?».

У Гейдриха была великолепная память. Я действи-

тельно участвовал в мексиканской экспедиции доктора Гюнцлера — печальном примере того, как даже самые выдающиеся умы, опираясь на неверную изначально посылку, могут завести дело в тупик. После того как экспедиция, израсходовав свой немалый бюджет до последнего пфеннига, вернулась из тропических лесов Южной Мексики с неубедительной коллекцией нефритовых безделушек, даже вожди партии, покровительствовавшие Гюнцлеру, пришли в ярость. Несмотря на все свои прошлые заслуги, доктор был отстранен от дел и переведен на незначительную должность консультанта Музея Древностей в Берлине. Я сочувствовал старику, но помочь, разумеется, ничем не мог — к тому же после падения Гюнцлера пост руководителя проекта «Утерянные Ключи» доверили именно мне. Правда, это было весьма сомнительное повышение: проект балансировал на грани закрытия, финансирование неуклонно срезали, и требовалось поистине экстраординарное везение, чтобы добиться видимых результатов в этих неблагоприятных условиях.

Бумага Гейдриха все изменила. Со свойственной мне энергией я подключил к делу людей из дипломатического ведомства, военной разведки, Министерства торговли и даже нескольких репортеров. Эта сплетенная мной паутина стоила несравнимо меньше, чем самая скромная из экспедиций старины Гюнцлера, потому что каждый входивший в нее человек работал в основном за идею. Итог же оказался несравнимо более впечатляющим: через полгода я уже точно знал, что древняя реликвия рода де Легисамо — не что иное, как Ключ Души. Более того, я разработал изящный план, согласно которому генерал Прадо должен был принести нам Ключ собственными руками — в обмен на некоторые торговые преференции. Но тут — очень не вовремя — Цезаря прикончили во время мятежа. Подозреваю, что это могли сделать и свои. Латины крайне завистливы, и прочие члены Триумvirата наверняка считали, что генерал Прадо их обделает. Так оно, ко-

нечно, и было, вот только смерть Цезаря не сделала Триумvirат богаче. Предусмотрительный генерал оформил свои швейцарские вклады очень хитрым образом. Для того чтобы получить разрешение на их использование, требовалось одобрение Триумvirата, но сами коды к счетам хранились у цюрихских адвокатов и считались собственностью генерала. Чтобы выстроить новую комбинацию, потребовалось время. Решающий этап операции несколько раз откладывался, и вот теперь, когда этот потеющий идиот сообщил мне, что Кристалл украли, судя по всему, всего лишь за несколько часов до моего приезда, я чувствовал всю горькую иронию ситуации. Чувствовал — но ничего не мог исправить...

Изучение свойств айяуаски, которой отравили девицу, на некоторое время помогло мне отвлечься от горестных размышлений. По своей природе я не могу долго сидеть без дела. А поскольку заниматься изучением чудесных свойств Ключа Души я, по понятным причинам, не мог, пришлось сконцентрироваться на айяуаске. Наблюдения за впавшей в некую разновидность эпилепсии девицей позволили мне сделать несколько весьма важных выводов, которые я предпочел бы обнародовать перед более достойной аудиторией. Однако тупость некоторых присутствовавших в комнате персон в буквальном смысле вывела меня из равновесия. К сожалению, я действительно несколько более импульсивен, чем следовало бы идеальному арийцу. Возможно, виновата кровь прабабки-австриячки.

— Извольте объяснить, барон, — сухо заметил Анненков. — Что вы имеете в виду, говоря о том, что бред Лауры о мертвецах в колодце и найденный мистером Стилуотером труп — не совпадение?

Фон Корф презрительно щелкнул пухлыми пальцами.

— Айяуаска, — проговорил он, будто пробуя слово на вкус. — Лиана духов. Она отправляет сознание человека в свободный, не скованный узами материи полет.

Перемещает астральное тело, как выразились бы европейские оккультисты. Теперь вы понимаете?

— Был у меня один знакомый оккультист, — мрачно сообщил Стеллецкий. — Помер в Константинополе от сифилиса.

Барон пропустил его слова мимо ушей.

— Девушка действительно видела труп в колоде. Точнее, астральное тело девушки его видело. А вот каким образом она поддерживала связь со своим отделившимся астральным телом, находясь в состоянии припадка, — вопрос куда более интересный. Я полагаю, что айяуаска стимулирует какие-то не изученные пока центры коры головного мозга, которые отвечают за... ну, назовем это, если угодно, телепатией. Интересно, что, по мере того как я глушил ее нервные реакции морфином, радиус этой телепатической связи уменьшался. На двух кубиках она видела уже только то, что происходит в доме, на трех — стала рассказывать о разбитых зеркалах...

— А при чем здесь зеркала? — сразу же спросил Анненков. — Разве в доме есть разбитое зеркало?

— Да, кстати, — очнулся от оцепенения дон Луис. — Это очень плохая примета, поэтому слуги всегда очень быстро меняют зеркало, даже если на нем маленькая трещина...

— Ну, тогда велите слугам заменить зеркало в дальней комнате, — немец раздраженно махнул рукой. — Там стоит такое большое трюмо, за которым наша милая фройляйн, очевидно, прихорашивалась по утрам. Боюсь, правда, сейчас это невозможно. Зеркало в трюмо не просто разбито, господа. Оно — как это будет по-испански? — расплавлено.

12

— Да, — констатировал Ник, обойдя трюмо со всех сторон. — Кто-то потруился на славу.

Почти в самом центре зеркала зияла неровная черная дыра с почти оплавившимися гладкими края-

ми. От нее к деревянной раме шла паутина трещин, мелких и побольше. А по краям почерневшего стекла виднелись отпечатки огромных ладоней — как будто кто-то уперся в зеркало раскаленными докрасна металлическими перчатками.

— Призрак из Зазеркалья, — неожиданно сказала Миранда.

Стеллецкий подозрительно посмотрел на нее.

— В детстве я очень любила слушать страшные истории, знаете, дети друг друга пугают? Так вот, там была история про привидение, которое выходило из Зазеркалья. И после него тоже оставались вот такие следы...

Она подошла и осторожно дотронулась до стекла — видно было, что прикосновение к поверхности зеркала чем-то ее разочаровало.

— Холодное, — удивленно протянула она. — А кажется, будто сейчас закипит...

Анненков смотрел на зеркало, по-птичьи склонив голову набок.

— Ладони, — проговорил он задумчиво. — Отпечатки ладоней...

— А что с ними такое? — не понял Стеллецкий. — Ну, большие, да. Так люди разные бывают... Вот у нас в полку был такой унтер-офицер, Андрюха Шмидт, так у него...

— Они одинаковые, — перебил его Анненков. — Видишь, большой палец и там и там — справа? Знаешь, что я думаю? Что это наш друг — Однорукий.

— Кто-кто?

Капитан обернулся. Дон Луис стоял перед ним естественно прямой, как на параде. Лицо его, и без того бледное, казалось теперь фарфоровым.

— Однорукий индеец, — со вздохом ответил Анненков. — Я столкнулся с ним, когда спустился с перевала. Вам, верно, неприятно слушать о нем...

Хриплый смех, вырвавшийся из груди де Легисамо, заставил его замолчать.

— Неприятно? — с нехорошей интонацией повто-

рил дон Луис. — Скажите, капитан, а вам неприятно было бы повстречать в кафе господина Троцкого, или кто там у вас устроил этот кошмарный переворот? Послушайте, мы с вами не дети. Я не верю в существование вечной любви или вечной ненависти, но этого ублюдка я ненавижу. И если потребуется покарать его ценой собственной жизни, я не стану раздумывать ни секунды.

— Вполне возможно, что вам предоставится шанс с ним разобраться. Судя по этим отпечаткам, он был здесь совсем недавно... Господин барон, когда вы увидели разбитое зеркало?

Фон Корф пошевелил усами.

— Часа два назад... Да, с большой степенью вероятности около десяти. Я зашел в эту комнату, поскольку здесь имелся удобный стол, на котором можно было разложить медикаменты, и...

— Кто еще сюда заходил? — перебил его Анненков. Он наклонился к самой дыре и осторожно подцепил с вывернутого наружу зеркального языка какую-то бурю нитку.

— Я, — Миранда, казалось, уже пришла в себя от пережитого потрясения, но голос ее казался ломким, словно стекло. — Помните, когда мы ночью принесли Лауру из гостиной, я выходила за подсвечниками? Так вот они стояли как раз здесь, на окне...

— И вы ничего не заметили? — гул свою линию капитан. — Вы вообще обращали внимание на трюмо, когда искали подсвечники?

— Ну да. Знаете, даже если я на него не смотрела специально, не заметить такое просто невозможно...

Анненков снова извлек из кармана свои стальные часы.

— Это означает, что в три часа ночи с зеркалом все было в порядке. А в десять утра оно уже выглядело так, как сейчас. Вот что, Луис Иванович: ваш кровник почти наверняка прячется где-то в поместье.

Де Легисамо с ненавистью посмотрел на изуродованное зеркало.

— Вы ведь обыскали весь дом, господин Анненков! Почему же вы его не нашли?

Капитан щелкнул крышкой часов.

— Ну, во-первых, не весь. Мы не осмотрели апартаменты Лауры — а Однорукий, скорее всего, прятался именно здесь. Должен признать, это моя ошибка. Я вообразил, что раз в первой комнате находится столько народу, то преступник просто не посмеет находиться поблизости. Кроме того, мы не стали беспокоить вашу жену, Луис Иванович. Она до сих пор еще не спустилась со своей башенки, прислуга уверяет, что у нее болит голова...

— Что за бред! — прервал его де Легисамо. — Вы должны были обыскать все! Невзирая на чьи-то больные головы! Немедленно ступайте и обыщите башню...

Холеное лицо Ника Стеллецкого при этих словах словно окаменело. Анненкову показалось, что его друг едва сдерживается, чтобы не ответить какой-нибудь резкостью.

— Хорошо, — быстро сказал он, — я сейчас же поднимусь на башню. И вот что еще — кем бы ни был человек, похитивший кристалл, он не только вор, но и убийца. Труп в колодце — лучшее тому доказательство. Я настаиваю на том, чтобы и хозяева, и гости поместья носили с собой огнестрельное оружие. Возможно, это позволит нам избежать новых жертв...

— Поддерживаю господина капитана, — раздался чей-то хрипловатый голос.

Анненков круто развернулся на каблуках: в дверях стоял майор Гутьеррес. Его черные волосы блестели от бриолина, оскверненный ночью мундир был чист и отутюжен.

— Я всегда ношу с собой револьвер, — продолжал майор. Он расстегнул висевшую на поясе кобуру и продемонстрировал всем присутствующим небольшой «бульдог» с красиво отделанной красным деревом ру-

кояткой. — Прекрасная машинка, настоящее американское качество!

— Вы позволите? — сказал Анненков, протягивая руку. — Никогда не видел эту модель...

Гутьеррес чуть помедлил, однако все же вложил «бульдог» в раскрытую ладонь капитана. Тот внимательно осмотрел оружие, повертел, зачем-то заглянул в дуло, провел пальцами по рукоятке и со вздохом сожаления отдал майору.

— Согласен с вами, — кивнул он. — Выглядит как настоящее произведение искусства. А каковы боевые характеристики?

Майор довольно ухмыльнулся и убрал револьвер в кобуру.

— Великолепные! Барабан разряжается за шесть секунд, а точность боя просто поразительная. За пятьдесят ярдов попадаю в медную монетку, каково?

Анненков шагнул в сторону, и Гутьеррес увидел зеркало. Ухмылка медленно сползла с его лица.

— Святой Георгий! Что это?

— Руми Однорукий, — де Легисамо произнес эти слова с таким отвращением, как будто выплюнул жабу. — Слыхали об этом мерзавце, майор?

Гутьеррес покачал головой.

— Нет, не приходилось... Впрочем, я ведь не местный... А что с бедной девочкой? Вчера она была совсем плоха...

— А вы не знаете? — язвительно осведомилась Миранда. — Впрочем, вы так быстро исчезли с поля боя...

— Мне нужно было спасти мундир! К тому же мне показалось, что сеньорита просто выпила лишнего.

— Ей подсыпали в вино наркотик. Если бы не господин барон...

— Бросьте, бросьте, — перебил Миранду фон Корф. — Счастлирое совпадение, что я специально интересовался эффектом айяуаски.

Жесткие усики Гутьерреса шевельнулись.

— И что же вам известно об айяуаске?

— Вряд ли больше, чем вам, — любезно улыбнулся фон Корф. — Разве вы не тот самый Хорхе Гутьеррес, который сопровождал экспедицию профессора Брукхаймера из Йельского университета?

Майор прищурился, глаза его стали холодными и колючими.

— Поразительная осведомленность, господин барон. Да, я имел честь помогать экспедиции профессора. Но я выполнял свои непосредственные обязанности — наносил на карту берега реки Карони. Что касается айяуаски, то ей занимался исключительно профессор.

— И он не делился с вами результатами своих изысканий? Совсем не похоже на старину Брукхаймера...

— Он говорил, что шаманы используют ее как лекарственное средство, — неохотно проговорил Гутьеррес. — Вроде бы они считают, что болезнь — это зловредный дух, который прячется или в теле человека, или где-то поблизости, а увидеть его можно только с помощью айяуаски. Есть колдуны, которые пьют отвар сами, впадают в транс и видят, где затаился злой дух... но для этого нужно иметь определенные способности. Поэтому чаще всего айяуаску дают выпить больному, чтобы он, путешествуя в мире духов, рассказывал бы обо всем увиденном шаману.

— Великолепно! — обрадовался фон Корф. — Все-таки общение с профессором Брукхаймером не прошло для вас даром. Так вот, с нашей милой фройляйн произошло примерно то, о чем вы сейчас нам рассказали. Она нанесла визит в мир духов и пыталась об этом рассказать... вот только рядом не оказалось шамана, который смог бы истолковать увиденное ею.

— И о чем же она вам поведала?

— О, ничего особенно любопытного, — отмахнулся атташе. — Впрочем, можете сами с ней поговорить, когда она проснется. Вам наверняка должно быть известно, что люди, принимающие айяуаску, помнят о своих переживаниях и после выхода из транса.

— Не думаю, что это хорошая идея, — резко ска-

зал Стеллецкий. — После тех испытаний, которые выпали на долю Лауры, было бы бесчеловечно заставлять ее вспоминать все снова. Кстати, я настаиваю на том, чтобы мы ни на минуту не оставляли ее одну. Если убийца бродит где-то рядом...

— Черт возьми! — вскинулся де Легисамо. — Хороши же мы с вами, господа! Столпились здесь, как бараны, а ведь дверь из коридора не заперта!

— Натурально не заперта, — подтвердил майор. — И у постели нашей юной сеньориты нет даже сиделки...

— Господа, — вмешался Гутьеррес, — надеюсь, вы позволите мне охранять юную сеньориту. Раз уж прекрасная Миранда обвиняет меня в том, что я бежал вчера с поля боя, то долг чести велит мне искупить эту оплошность. К тому же, как вы видели, я вооружен...

Анненков положил руку на плечо друга.

— Предлагаю согласиться. Не знаю, Луис Иванович, где Ник нужен вам, но я хотел попросить его помочь мне в одном очень важном и деликатном деле.

— Вы собирались осмотреть башню, — напомнил де Легисамо.

— Именно туда я сейчас и направляюсь. Но предпочтительно я хотел бы сказать пару слов Нику, и желательно — наедине.

Дон Луис развел руками.

— Вы ведете расследование, Юрий, не я. Делайте, что считаете нужным.

Анненков коротко кивнул присутствующим и вышел из комнаты. Стеллецкий, помедлив, последовал за ним.

— Ты совершенно прав, — шепнул ему капитан, когда они, пройдя мимо разметавшейся на постели Лауры, оказались в полутемном коридоре. — За девочкой нужно приглядывать.

— Тогда какого черта!.. — начал Стеллецкий, но Анненков зашипел на него, словно рассерженный кот, и Ник замолчал.

— Я не хочу, чтобы убийца знал, что ее охраняет кто-то из нас. Пускай уж лучше Лауру стережет этот павлин Гутьеррес. А вот кто будет приглядывать за ним — это нужно продумать...

— Что, в коридоре торчать? Извини, Юрка, по-моему, глупость придумал...

— Как по-твоему, каким образом Однорукий исчез из комнаты с зеркалом? Это последняя комната анфилады, дверей там нет. Если Луис, Миранда и фон Корф неотлучно находились рядом с постелью Лауры, он должен был каким-то образом проскользнуть мимо них. Только не говори мне, что он на самом деле умеет становиться невидимым...

Стеллецкий энергично потер пальцами виски.

— Черт, после виски голова как ватная... Погоди, получается, он через окно ушел?

— А что тут удивительного? Галерея же идет во-круг всего дома. Уверен, девчонка и сама частенько через окно шастала. Так что следить нужно в первую голову за окном. Думаю, Ланс или кто-нибудь из его людей вполне для этого дела подойдет. А ты мне пока вот с чем помоги...

Капитан осторожно достал из кармана толстую бурую нить.

— У тебя в лаборатории микроскоп имеется? Вот и славно. Сдается мне, эта ниточка может привести нас к похитителю кристалла.

Ник уважительно взглянул на Анненкова.

— Ты историями о Шерлоке Холмсе в юности не увлекался? А то, знаешь, очень похоже.

— Нет, — отрезал Анненков. — Холмс — это не по моей части. Зато я читал жизнеописание американского изобретателя Томаса Эдисона.

— А при чем здесь... — начал было Стеллецкий, но капитан не дал ему договорить.

— И прошу тебя, побыстрее. Про Эдисона я тебе как-нибудь потом расскажу.

Башенка, построенная доном Луисом для своей жены, стояла в глубине сада, метрах в двухстах от западного флигеля. Была она двухцветной — от фундамента до уровня второго этажа шла кладка из дикого камня, темно-красного, оттенка запекшейся крови, а выше начинался тот же белый песчаник, изрезанный причудливыми узорами в стиле мавританских памятников Андалусии.

Капитан взбежал на крыльцо, дернул язычок металлического звонка. Дверь распахнулась неожиданно быстро, словно хозяйка давно стояла за ней, поджидая гостей. Мария куталась в белую ажурную шаль, хотя в доме было совсем не холодно.

— Как хорошо, что вы пришли, Юрий...

Отступила в глубь темной залы, словно заманивая капитана. Анненков невольно залюбовался ее точеной шеей.

— Мария, — позвал он, не двигаясь с места, — стойте!

Она обернулась. Посмотрела выжидающе.

— Мы ищем преступника, Мария, человека, убившего слугу-индейца и выкравшего El Corazón. Убийца может прятаться где угодно. Мне бы не хотелось, чтобы вы подвергали себя опасности, поэтому давайте сделаем так: я пойду первым, а вы будете держаться за моей спиной.

По губам Марии скользнула неуверенная улыбка.

— Вы шутите, Юрий? Убийца... здесь? Но я все утро не покидала башню, если бы сюда зашел кто-то посторонний, я уж наверное бы заметила...

Анненков пожал плечами и вытащил из кобуры «кольт».

— Он не станет расхаживать по дому открыто. Он прячется, как тать в ночи, но, если мы внезапно наткнемся на его убежище, может и напасть. Поэтому слушайте меня и будьте умницей — держитесь за моей спиной.

К его удивлению, Мария не стала спорить. Просто отошла в сторону, предоставив ему возможность идти вперед, размахивать своим «кольтом», играть в героя. Анненков немедленно почувствовал себя идиотом.

— В башне три этажа, — сказала Мария. — Внизу только этот холл и котельная, но она закрыта, а ключ у Ника. На верхних этажах по две комнаты. Прятаться тут особенно негде, разве что на чердаке...

— На чердаке? — быстро переспросил Анненков. — Вы туда поднимались?

— Сегодня? — удивилась сеньора де Легисамо. — Нет, конечно... Что мне там делать?

— Вот с него и начнем. Впрочем, если хотите, можете остаться здесь, внизу.

— Нет уж, Юрий. Это все, конечно, полная чушь, и никого вы там не найдете, но я вас одного не брошу. А вдруг вы споткнетесь в темноте?

...Мария оказалась права. Осмотр чердака ничего не дал. Это было довольно просторное помещение, освещаемое двумя маленькими треугольными оконцами. И капитан с трудом мог представить, чтобы в крохотную треугольную дырку сумел пролезть кто-нибудь крупнее двенадцатилетнего подростка.

Поиск в комнатах также не принес никакого результата. Анненкову удалось осмотреть три комнаты из четырех, в последнюю Маша его самым решительным образом не пустила. «Это моя спальня, — очаровательно потупив глазки, объяснила она. — Прошу вас, капитан, будьте джентльменом! К тому же я там сегодня ночевала и уверяю вас — под кроватью у меня никто не прячется...»

— Хотите выпить, Юрий? — Мария, казалось, пыталась загладить свою несговорчивость. — У меня здесь неплохой бар...

— Что ж, время почти два, можно и позволить себе. Неплохой бар, говорите? Хм, действительно...

— Сама я, разумеется, почти не пью, — застенчи-

во улыбнулась Мария. — Но на всякий случай держу... для гостей...

«Ага, — подумал капитан, — похоже, я догадываюсь, для каких именно гостей!» Вслух он сказал:

— Полагаю, если мы с вами выпьем по стаканчику виски с содовой, большого греха не будет. Честно говоря, устал я за сегодняшнюю ночь, как собака, простите за грубость...

— Прощу, — засмеялась Мария. — Но только если вы немедленно спрячете куда-нибудь ваш ужасный револьвер, он меня пугает... Вот вам ваш виски с содовой, пейте и отдыхайте. А я, если хотите, развлеку вас какой-нибудь пустой болтовней...

— Очень хочу, — серьезно ответил Анненков. — Только вместо болтовни ни о чем я предпочел бы услышать вашу историю. Как вы, русская девушка, оказались в этих забытых богом краях? Меня и самого изрядно помотало по свету, но я бродяга по натуре. К тому же все, что я любил, осталось в России, а значит — безвозвратно погибло...

Звякнули в бокале кубики льда.

— Тогда вы знаете, каково это — потерять все, — вздохнула Мария. — Моя мать была богатой наследницей, очень богатой. Дед, которого я никогда не видела, сделал состояние на поставках нашей армии во время турецкой войны. У него был огромный особняк в Петербурге, вила в Крыму, земли в Херсонской губернии... Для меня сейчас это не больше, чем экзотические названия, а ведь я могла бы там жить! Жить и чувствовать себя полновластной хозяйкой!

— Ну, не знаю, — задумчиво проговорил Анненков. — По мне, так и здешние места очень даже ничего. Что вам мешает чувствовать себя хозяйкой «Холодной горы»?

Губы Марии изогнулись в презрительной усмешке.

— Этого клочка земли? Да и потом, дорогой Юрий, я здесь не совсем хозяйка...

— Да? А кто же?

Мария не ответила — может быть, просто не услышала вопроса. Взгляд ее затуманился, будто она смотрела куда-то далеко-далеко с вершины своей башни.

— Говорили, что отец женился на моей матери из-за денег. Чепуха! Она была невозможно, невероятно красива — я только ее бледная тень. А отец, блестящий молодой дипломат, происходил из старого, благородного, но совершенно обнищавшего рода. Ради него она отвергла многих состоятельных женихов. Конечно, им завидовали, конечно, люди в злобе своей твердили, что если моего отца понять нетрудно, то что заставило мою мать связаться с такой голытьбой, как он, навеки останется загадкой. А у них просто была любовь, огромная, чистая любовь... Сплетни безумно огорчали отца, и он стал добиваться назначения в какую-нибудь далекую страну. В результате его направили в российское консульство в Бразилии, и мама, конечно же, поехала вместе с ним. Я была совсем еще маленькой, мне смутно помнится, как мы плыли на огромном белом пароходе через безбрежный, страшный океан... Потом мы несколько лет жили в Рио-де-Жанейро, и это были лучшие годы моей жизни. Дед присылал нам деньги, много, очень много денег, но даже и без них жалованья консула Российской империи вполне хватало, чтобы жить на широкую ногу... и вдруг случился этот ужасный переворот. Отец потом очень злился на деда, потому что тот так и не поверил, что большевики — это надолго, и не стал переводить деньги за границу. А когда понял, что ошибся, было уже поздно. Они все конфисковали... Дед умер от удара зимой восемнадцатого года, не в силах пережить этот кошмар. Отец получил от большевиков предложение представлять в Бразилии эту их ужасную Совдепию, но он, конечно, отказался. Для нас начались тяжелые годы, годы скитаний, годы нищеты... впрочем, что я вам рассказываю, вы наверняка знакомы с такой жизнью лучше меня. Но отец сделал все, чтобы спасти нас, — с гордостью ответила Мария. — Он работал не покладая рук, спал по

четыре часа в сутки, он использовал все свои блестящие способности и в конце концов добился многого. Бедная мама, к сожалению, не выдержала испытаний. Пять лет назад она скончалась от мозговой лихорадки. Для отца это был тяжелый удар...

Она вытащила из ридикюля белоснежный батистовый платочек и быстрым аккуратным движением промокнула уголки глаз. Потом схватила стакан и решительно отхлебнула.

— А потом к нам в Баию приехал дон Луис.

МАРИЯ ДЕ ЛЕГИСАМО, В ДЕВИЧЕСТВЕ МАЛЮТИНА

Дом семьи Мендоза по праву считался самым роскошным в Баие, и сегодняшний прием должен был продемонстрировать всем, что табачные короли Бразилии, невзирая на страшный кризис, поразивший мир после «черной пятницы» на Уолл-стрит, по-прежнему крепко стоят на ногах. Белый зал, где ломились от яств длинные столы, освещался двенадцатью выпитыми из Франции люстрами, каждая из которых представляла собой уменьшенную копию знаменитой люстры из парижской Grand Opera. Вдоль стен замерли тридцать лакеев, готовых по первому знаку прийти на помощь любому гостю. Посреди всей этой роскоши Маша чувствовала себя очень скованно.

— Не робей, Мари, — тихонько прошептал ей на ушко папенька. — Ты должна произвести впечатление, помнишь? А будешь стоять в уголке и трястись, как заячий хвостик, — никто на тебя и не посмотрит.

«Ну и слава Богу», — подумала Машенька и тут же устыдилась — как она может так думать, как смеет так подводить папеньку? Ведь он так заботится о ней, он столько денег потратил на ее праздничное платье, на ее украшения, на модистку и парикмахера... «Это твой первый бал, — сказал папенька, — и ты должна быть на нем лучшей. Ты очень красива, доченька, почти как мама (тут его голос на мгновение прервался),

но сегодня ты должна быть ВЕЛИКОЛЕПНА. Понимаешь меня, Мари?»

Машенька понимала. Папеньке удалось невозможное — старый Педру Альвареш возвысил его, сделал первым управляющим-непортугальцем в истории семьи, нарушив все существующие традиции. Но положение папеньки оставалось шатким — завистников в Бразилии было не меньше, чем в далекой, снежной России, и он ужасно боялся вновь потерять все. Некоторое время папенька не без успеха играл на бирже, но кризис, потрясший мировую экономику, уничтожил все его капиталы. С тех пор он лелеял мечту выдать Машеньку за богача. Желательно за кого-нибудь из клана Мендоза. И когда Педру Альвареш объявил, что устраивает самый пышный прием в двадцатом столетии, папенька решил использовать свой шанс и разорился на платье, прическу и модистку.

Вот только Машенька самым позорным образом трусила и мешала осуществлению далекоидущих папенькиных планов.

— Иди, — незаметно подтолкнул ее папенька. — Вон там, видишь, собрались девушки? Твоя подружка Розалинда с ними, подойди и заговори с ней. А там, глядишь, молодые люди наконец наберутся смелости и пригласят вас на танец...

И Машенька пошла. Ей казалось, все на нее смотрят, и так переживала из-за этого, что поскользнулась на натертом воском паркетном полу и полетела носом вниз, судорожно пытаясь ухватиться за воздух. Но не упала — кто-то аккуратно поддержал ее за туго стянутую корсетом талию.

— Осторожнее, сеньорита! Я не знаю, куда вы торопитесь, но вряд ли это место находится под паркетом.

Машенька подняла глаза, в которых уже начинала скапливаться предательская влага. Перед ней стоял невысокий, начинающий лысеть мужчина лет сорока, немного похожий на римского патриция с рисунков Карлетти. В глазах мужчины бегали веселые искорки,

и Машенька, разумеется, тут же решила, что он смеется над нею.

— Я благодарна вам, сеньор, за помощь, однако, если бы вы убрали свою руку с моей... с моего платья, было бы куда лучше.

Мужчина немедленно исполнил ее просьбу и вежливо поклонился.

— Луис де Легисамо, к вашим услугам, сеньорита.

«Испанец, — подумала Машенька. — Говорят, они все такие жестокие... не то что добряки португальцы».

— Могу ли я просить вас оказать мне честь и составить пару в следующем танце? — снова блеснул глазами испанец.

Машенька гордо вскинула голову.

— Сожалею, сеньор, но следующий танец мной уже обещан, — это была беспардонная ложь, разумеется, но слова сами срывались у Машеньки с языка. — Позвольте пройти!

— Будьте же милосердны, — весело взмолился де Легисамо, изящно отступая в сторону. — Подарите мне танец после того, который вы так опрометчиво пообещали!

— Я подумаю, сеньор, — сказала Машенька, чувствуя себя настоящей королевой. — Возможно, я потанцую с вами.

И поплыла к Розалинде и ее подругам, уже ни капельки не беспокоясь о том, смотрит ли на нее старый Педру Альвареш. Да пусть бы и смотрел!

Вышло все чрезвычайно удачно. Машенька два раза протанцевала с какими-то мелкими клерками, отвергла рябого Кабрала, сославшись на усталость, и дождалась-таки своего испанца. Музыканты как раз играли аргентинское танго, совсем недавно получившее статус приличного танца, и де Легисамо закружил ее так, что Машенька даже забыла, ради чего она, собственно, явилась на бал.

— Я ослеплен вашей красотой, — шепнул ей Луис, когда она, переводя дыхание, приходила в себя после

танго. — Ничего подобного я никогда не видел. Еще один танец, умоляю!

После третьего танца Машенька отчетливо почувствовала, что их пара становится предметом всеобщего внимания. Розалинда и ее подруги бросали на нее косые взгляды, папенька, обсуждавший с другими управляющими свои скучные дела, смотрел недоуменно, седые брови Педру Альвареша сердито наползли на переносицу. Но ей уже было все равно. К концу бала Машенька влюбилась. Ну, может быть, не совсем влюбилась, но увлеклась несомненно.

В следующее воскресенье де Легисамо нанес им визит. Позже Машенька узнала, что перед этим Луис пригласил папеньку в самый дорогой ресторан Баии, где между коньяком и десертом папенька выторговал себе недурное вспомоществование в виде ежеквартальных отчислений с продаж хлопка де Легисамо на бразильском рынке в обмен на руку своей дочери. Когда Машенька выяснила для себя все эти подробности — не сразу, далеко не сразу! — ей стало ужасно неприятно. Показалось, что ее продавали и покупали, словно племенную кобылу. Возможно, это и стало первой трещинкой в их с Луисом отношениях — парадоксальным образом раздражение, поднявшееся у нее в душе, обратилось не на папеньку, который, собственно, и начал этот позорный торг, а на мужа, хотя понятно было, что влюбленный де Легисамо меньше всего думал о том, как бы не прогадать.

Может быть, думая о сделке, которую Луис заключил с ее отцом, Машенька просто не могла отделаться от мысли, что для ее мужа такие договоренности не внове. Ведь двадцать лет назад он пообещал отдать старому Мигелю Эспиноса величайшее сокровище своего рода в обмен на руку и сердце его дочери Глории...

— Одну минуту, — прервал Машеньку капитан. — Откуда вам стало известно о Глории? Ведь муж не делился с вами такими подробностями, верно?

Машенька отвела взгляд.

— Миранда мне рассказала. Я после этого так долго плакала! Ужасно жалко эту Глорию, но и меня ведь тоже жалко! Знаете, у меня такое чувство, что он до сих пор любит свою мертвую невесту, а я ему понравилась только потому, что чем-то ее напоминаю...

— Вы ничуть не напоминаете Глорию, — мягко возразил Анненков. — Я видел ее портрет у Луиса Ивановича в кабинете. Ничего общего. Если уж кто-то и похож на нее, так это Миранда.

Машенька сердито фыркнула.

— Миранда! Вот уж кто хорошо его понимает! Двоюродная сестра! Если б Луис не был ее кузеном, она уже давно бы меня со свету сжила. Верите?

— С пониманием, — кивнул Анненков. — Значит, вы здесь глубоко несчастны, так?

Машенька немедленно зарделась.

— Ну, не то чтобы совсем... Просто мне очень не хватает участия, ласки, любви... вы мужчина, вы не поймете. Вы можете жить хоть на необитаемом острове, и, если у вас будет сеть, чтобы ловить рыбу, и печка, чтобы ее коптить, вы будете счастливы. А женщинам нужно куда больше... мы без этого не можем существовать...

— И все это вы получили здесь, в «Холодной горе», — утвердительно проговорил капитан. — Однако без участия вашего мужа.

Глаза сеньоры де Легисамо превратились в две колючие ледышки.

— Вам обязательно говорить гадости?

— Я всего лишь называю вещи своими именами, — с достоинством поклонился Анненков. — Если вас это задевает, я готов принести свои извинения. Но я веду расследование и вынужден обходиться без светских условностей.

— Да, это ужасно, — сокрушенно вздохнула Машенька. — Сердечко пропало... Я всегда так называла его — сердечко. Луис так им дорожил, так дорожил...

— Если хотите, чтобы я нашел это «сердечко», отвечайте на вопросы, — посоветовал капитан. — Меня можно не стесняться, я здесь человек новый и навряд ли задержусь надолго. Итак, вы пытались намекнуть на то, что в поместье нашелся некто, заменивший вам внезапно охладевшего к вам мужа, так?

— Ну... допустим... но вы же не скажете об этом Луису?

Анненков глубоко вздохнул. Когда он наконец смог ответить, голос его звучал спокойно и ровно, как обычно.

— Моя задача — отыскать пропавшую драгоценность. Если ради этого придется вытащить из пекла чертову бабушку — я это сделаю. Если для того, чтобы вернуть El Corazón, придется рассказать вашему мужу о том, как и с кем вы ему изменяли, я это сделаю. Другое дело, что я считаю подобный вариант весьма маловероятным. Вы довольны?

— Что ж, — Маша пожалала худенькими плечами. — По крайней мере, честно. Да, Юрий Всеволодович, я действительно нашла здесь одного человека... впрочем, что значит «нашла»? Я его и не искала вовсе. Это была встреча, вы понимаете, что это такое?

— Смею надеяться. И как долго продолжается весь этот треугольник? Пожалуйста, не лгите. Мне чрезвычайно важно узнать все подробности...

— С прошлого года. Луис, конечно же, кое о чем догадывается, но Миранда не дает ему скучать.

— И все-таки еще один вопрос я обязан вам задать. Постарайтесь ответить на него честно.

— Постараюсь, — с вызовом откликнулась Машенька. — Спрашивайте, господин частный сыщик!

— Почему вы так спокойно отнеслись к тому, что вашего мужа взяла в оборот Миранда?

На мгновение Машенька растерялась. Взглянула испуганным зайчонком, но быстро справилась с нахлынувшими эмоциями.

— А что я могла сделать? Она в «Холодной горе» не чужая... ее здесь все с детства знают и любят... а я вы-

скочка, да к тому же иностранка. Ко мне тут не очень хорошо относятся, правда. Мне даже казалось, что меня извести хотят... ну, убить. Там, в старом доме, так жутко, особенно по ночам, я поэтому и попросила Луиса, чтобы для меня построили эту башенку.

— Это произошло до того, как у вас начались отношения с Николаем Александровичем?

Машенька сокрушенно вздохнула.

— Ну вот! А сами говорили, что не будете больше об этом спрашивать... Если вы хотите выведать, не для того ли я выпросила у мужа башенку, чтобы спокойно встречаться с Ником, то нет, не для того. Башню построили два года назад, через год после моего приезда в поместье. Можете спросить у Луиса, он помнит, какие у меня случались ночные кошмары и истерики, когда я ночевала в старом доме...

— Что за кошмары? — деловито поинтересовался Анненков.

Маша передернула плечами.

— Ну, всякие... огромные длинные коридоры, и топот за спиной — кто-то за мной гонится, но обернуться и посмотреть нельзя, иначе — смерть... Зеркала, затягивающие, как омут... Огромные змеи, выползающие из-под старых кроватей... Туман, в котором шевелятся какие-то исполинские, ужасные тени...

— Очень интересно, — вежливо сказал капитан. — А здесь, в башенке, кошмары, стало быть, прекратились?

Машенька недоуменно кивнула — она как будто и сама была поражена таким результатом.

— Да, сразу же. Здесь замечательно спится. Иногда я стелю себе кровать прямо на крыше, под плотным пологом, чтобы насекомые не налетали со всей долины на свет... знаете, как здорово?

— С пониманием. А доступ в башенку есть только у тех, кто владеет ключами, не так ли?

— Ну да. У меня, у Хуаниты — это служанка — и

у дона Луиса. Но он сюда уже очень давно не заходит...

— Вы забыли Николая Александровича, — подсказал Анненков.

— Ну да. В общем, четыре человека. А почему вас это интересует?

Капитан пожал плечами.

— Потому что тот, кто похитил сокровище и убил индейца-официанта, возможно, попытается добраться до вас.

Сеньора де Легисамо побледнела. Анненков заметил про себя, что она вообще очень легко переходила из крайности в крайность — словно где-то внутри у нее было спрятано реле, мгновенно переключающее эмоции.

— Зачем?..

Капитан зевнул, в последний момент успев прикрыть рот ладнью.

— Ну, хотя бы затем, что в поместье было два кристалла в форме сердца, верно? И один из них, изготовленный столичным ювелиром Лазарсоном, должен находиться у вас.

На этот раз Машенька даже не вздрогнула.

— А, эта подделка? И вы всерьез полагаете, что кто-то на нее польстится?

— Для начала мне не мешало бы на нее посмотреть, — заметил Анненков. — К тому же я ведь так и не сподобился увидеть настоящий El Cogazón. Надо хотя бы на копию взглянуть.

— Что ж, — Машенька гордо вытянула шею и стала похожа на балерину, танцующую Маленького Лебеда. — Извольте. Я покажу вам...

Она поднялась с кресла, прошла мимо капитана, обдав его едва уловимым запахом цветочных духов, и скрылась в дальней комнате.

— Милая Маша, — крикнул капитан ей вдогонку. — Я совершенно не собирался вас обижать...

Из комнаты донесся резкий деревянный стук —

видимо, Машенька дернула на себя ящик шкафа. Загремело что-то тяжелое.

— Где же эта стекляшка? — приговаривала сквозь сжатые зубы сеньора де Легисамо. — Я же точно помню, что она была в этой шкатулке... неужели... нет, неужели...

Прошло пять минут. В комнате по-прежнему стучали, швырялись вещами и ругались сквозь зубы. Наконец возня прекратилась, и на пороге возникла Машенька — очень растерянная. В руках у нее был пустой деревянный футляр.

— Юрий Всеволодович, — с трудом произнесла она, не решаясь сделать шаг по направлению к Анненкову. — Юрий Всеволодович, кто-то украл ее: мою копию...

Капитан подошел к ней, мягко вынул из безвольной руки футляр, потом, деликатно подталкивая, усадил в кресло. Налил в стакан на два пальца виски.

— Пейте, — приказал он. — Пейте и постарайтесь прийти в себя. Самое страшное вам уже не грозит.

Зубы Машеньки стукнули о край стакана.

— Что? — робко спросила она, глядя на капитана снизу вверх испуганным котенком. — Что самое страшное?

— Убийца действительно был здесь, — успокоил ее Анненков. — И оставил вас в живых.

14

— Вот что, старина, — сказал капитан, глядя в прозрачные голубые глаза Ланселота Стилуотера. — Мне позарез нужен человек, который мог изготовить копию ключа от башни сеньоры Марии. Сдается мне, вы такого человека знаете.

Стилуотер моргнул.

— Знал, — с нажимом произнес он. — Знал — так будет правильнее. Тот парень, которого нашли в лодке... индеец. Я, честно говоря, сразу понял, кто это, хотя лицо у него и выглядело подпорченным. А гово-

рить вам не стал, чтобы не отвлекать от поисков. Крестьян вы все равно допрашивать не смогли бы — они по-испански говорят с пятого на десятое, все больше по-своему болтают. Пока вы сидели в башне, я навестил деревню, навел кое-какие справки. Звали его Хорхе, он у них был на все руки мастер. И слесарь, и механик...

— И официант, — задумчиво добавил Анненков. — Как выяснилось.

— Вот это как раз удивительно. Наряди официантом какого-нибудь крестьянина, дай ему в руки поднос — он ведь двух шагов пройти не сумеет, обязательно что-нибудь разобьет или разольет. А Хорхе единственный из всей деревни жил когда-то в городе, в Трухильо, работал там в баре. Понимаете, к чему я клоню?

— Тот, кто подослал его ко мне с бокалом отравленного вина, прекрасно знал, что Хорхе справится со своей ролью. Это никак не мог быть человек со стороны, так?

Стиллиуотер пощипал ус.

— Более того, это должен быть кто-то, кто очень хорошо знает крестьян. К примеру, я помнил, что этот парень чинил в «Холодной горе» сломанные замки, но о том, что он подавал кружки в баре, узнал только сегодня, от старосты.

— А что за человек староста?

— Индеец как индеец, жуликуват, но в меру. Желаете с ним поговорить? Он, кстати, один из немногих деревенских жителей, кто хорошо говорит по-испански.

— Хотелось бы, — вздохнул капитан. — Вот только покидать поместье мне сейчас никак нельзя...

Англичанин оттопырил нижнюю губу.

— Я предусмотрел это и прихватил старосту с собой. Он сейчас на кухне со слугами, уплетает хозяйскую ветчину.

— Черт возьми, — сказал Анненков почти растроганно. — Ланселот, иногда мне кажется, что вы читаете мои мысли раньше, чем они появляются у меня в голове!

Капитан уже успел убедиться, что туземцы по большей части выглядят почти одинаково — во всяком случае, на европейский взгляд. Небольшого роста, коренастые, жилистые, с короткими шеями и обожженными беспощадным горным солнцем коричневыми лицами. Все они носили черные или серые пончо и войлочные островерхие шапки. Староста исключением не был — разве что шапка у него была цветастая, расшитая желтыми и красными нитями. Когда Стилуотер и Анненков вошли в кухню, он торопливо вскочил с деревянной скамьи и низко поклонился, утирая тыльной стороной ладони жирный от снеди рот.

— Говоришь по-испански? — рявкнул он на старосту, подходя к нему вплотную. Тот вздрогнул и вжал голову в плечи. Еще бы не вжать — таким командирским голосом капитан Анненков наводил трепет даже на видавших виды седых унтер-офицеров.

— Да, сеньор...

— Кто дал Хорхе форму официанта? Отвечай быстро, говори правду!

— Не знаю, сеньор...

Краем глаза капитан увидел, что слуги, с опасливым любопытством наблюдающие за допросом, стараются отодвинуться подальше.

— Ланселот, — сказал он по-английски, — закрой-те, пожалуйста, двери и проследите, чтобы никто не улизнул.

— Хорхе делал ключи для замков?

— Да, господин.

— Кто из господ в поместье заказывал ему ключи?

— Не знаю, господин...

— Врешь, собака, — капитан резко отбросил полу пиджака и расстегнул кобуру «Потапыча». При виде огромного пистолета глаза индейца испуганно расширились.

— Молодая сеньора, господин... Да, молодая сеньора. Но это было давно...

— Кто еще?

— Не знаю, господин...

— Вы бы отошли, Ланселот, — медленно проговорил по-испански Анненков, вытаскивая «Потапыча». — Мозгов тут сейчас будет — по всей комнате...

Староста икнул и вдруг повалился на колени.

— За что, господин? Я ничего не сделал! Я знаю, что Хорхе делал ключи для молодой сеньоры, потому что она посылала за мной, чтобы спросить, кто в деревне может справиться с этой работой! Но больше я ни о чем не знаю, правда! За что?

— За то, что ты укрываешь убийцу! Ты знаешь, кто нарядил Хорхе официантом, ведь ты же сам рассказал убийце, что бедный парень работал в баре в Трухильо!

Коричневое лицо старосты сделалось пепельно-серым.

— Нет! — сдавленно прохрипел он. — Он сам все знал! Он все про всех знает! Я ничего не говорил ему, клянусь...

— Кто — он? — Анненков ткнул ствол «Потапыча» старосте под подбородок. — Однорукий?

Староста с видимым усилием сглотнул скопившуюся во рту слюну.

— Эх, сеньор... — горько сказал он. — Однорукий... Это же сам Руми, понимаете? Могучий колдун! Кто я против него? Мышь! Он приходит, когда хочет, и уходит, когда ему вздумается. А те, кто встает у него на пути, быстро умирают... и никто в деревне не смеет перечить Руми. Если бы он пришел к Хорхе и сказал ему: «Вот, бери это, надень и иди в поместье», — тот так и сделал бы, и возражать бы не стал...

— Вот ведь хитрая бестия, — покачал головой Стиллуотер. — Заметьте, он ведь до сих пор ни в чем не признался!

Анненков хмыкнул.

— Нам от него не признание сейчас нужно, а факты. А скажи-ка, скользкий ты наш, откуда Руми раздобыл форму официанта? Только не говори мне, что из воздуха наколдовал, — не поверю.

Староста укоризненно посмотрел на него снизу вверх.

— Ну подумайте сами, господин, откуда же он мог ее взять?

— Напекаешь, что он украл ее здесь, в поместье?

Индеец выразительно пожал плечами. Капитан вздохнул и убрал «маузер» в кобуру.

— Значит, твой Однорукий — великий колдун, — задумчиво проговорил Анненков, глядя куда-то сквозь индейца. — Он приходит в деревню и разгуливает по поместью, и никто не может его остановить. Так?

— Выходит так, господин...

— Но ведь должен же он где-то жить? Даже колдунам нужна крыша над головой, верно? У кого оставивался Руми, когда приходил в деревню?

Капитан стрелял наугад, но попал в яблочко. Староста задрожал, как заяц.

— Господин! Да если бы я его не пустил, он наслал бы на всю мою семью страшные хвори! Вот когда Хорхе заартачился и потребовал за ключ двойную плату, у него тут же кровавый понос начался...

— Ну-ка, ну-ка, — перебил его Анненков. — Стало быть, Однорукому ключ тоже Хорхе делал?

Индеец затравленно глядел на него, но не произносил больше ни слова. Капитан поскреб подбородок, попутно отметив, что не мешало бы побриться.

— И это случилось совсем недавно, так? Несколько дней назад?

— Не знаю, господин...

Стиллуотер разочарованно крикнул.

— Ну все, теперь точно ни в чем не признается... Народ тут упрямый, ничего никогда не скажут. Удивительно, что вам из него удалось хоть что-то вытащить...

— Ты мне здесь дурочку-то не валяй! — рявкнул внезапно Анненков. Индеец вытянулся по стойке «смирно» и застыл, не в силах отвести взгляд от налившегося кровью лица капитана. — Ты уже своего колдуна со всеми потрохами мне сдал, понятно? Теперь мне уже

без разницы, будешь ты отпираться или нет. Вот открою сейчас двери — иди на все четыре стороны!

Капитан взмахнул рукой, указывая на заворуженно внимавших его речи слуг.

— А вы все задержаны до окончания расследования. Мистер Стилуотер, распорядитесь отвести всех, кто слышал наш разговор со старостой, в подвал и запереть там.

— За что, сеньор? — немедленно воскликнул толстый, румяный повар, нервно комкавший в руках испачканное жиром полотенце. — Чем мы провинились?

— Кто-то из вас помогал вору и убийце Руми, — не раздумывая, заявил Анненков. — Нет сомнений, что этот кто-то сразу же доложит своему однорукому приятелю о том, как наш друг староста раскрыл все его секреты. А я не хочу, чтобы этот уважаемый человек пал жертвой собственной откровенности и желания помочь следствию.

У старосты отвалилась челюсть.

— Пойдите, сеньор! — крикнул прятавшийся в углу рослый метис с большим мясницким ножом в руках. — Если кто-то здесь и водил дружбу с Одноруким, то это он, старый Фелипе! Он и сейчас пытался мутить воду, все на бунт нас подбивал! Чего Руми ему нашепчет, то он здесь нам и выкладывает! Говорит, мол, скоро Сьерра снова индейской станет, а господ всех на деревьях перевешают...

Анненков укоризненно покачал головой.

— Ай, как нехорошо! Подстрекательство к мятежу! Не знаю, как тут у вас, а у себя в полку я за такие вещи на месте расстреливал.

— Пожалуйста, господин! — на индейца было жалко смотреть. — Я никого не подбивал... лишь передавал то, о чем рассказывал в деревне Руми...

— А кто болтал, что Инкарри со своей армией сюда идет? — мстительно перебил его метис. Другие слуги, как показалось Анненкову, смотрели на него неодобрительно. — Кто пугал: мол, придет Инкарри, так

«Холодную гору» дотла спалит? А что с доном Луисом обещал сделать? Это ж сказать страшно — живым закопать в землю!

— Не губите, господин Ланселот! — Индеец, почувяв, видно, что от Анненкова снисхождения ждать не приходится, обернулся к англичанину. — Я все расскажу, что знаю! Руми поначалу Хорхе отличал, говорил, что Инкарри такие слуги надобны... Это потом уж парень возгордился, за ключ стал цену ломить вдвое...

— А ты откуда знаешь? — подозрительно спросил капитан. — При тебе, что ли, торговались?

— Да нет, — махнул рукой староста. — Сам Хорхе и рассказал, когда кровавый понос его одолел. Прибежал ко мне, трясется весь, белый, как покойник, и говорит: «Курака¹ Фелипе, скажите господину Руми, чтобы снял с меня порчу, я, — говорит, — ему все бесплатно сделаю!» И за живот то и дело хватается. А ведь Руми-то у меня не все время гостевал, он осторожный, опасается долго на одном месте сидеть... Я и говорю: «Чури², где ж я тебе сыщу сейчас господина Руми? Что ж ты ему такое сделал, что он на тебя этакую страсть наслал?» Ну, тут Хорхе мне все и выложил... Как ему господин Руми велел сделать с отливки ключ, да не простой, а хитрый, с подвижной осью, а Хорхе, дурень, осмелился у него плату потребовать, как за два обычных ключа... Ну, Руми разгневался и порчу-то на парня и навел...

— По отливке? — переспросил Анненков. — А сам ты эту отливку видел?

— Нет, не видел, Руми ее с собой носил, а потом разбил. Но Хорхе говорил, что отливка была не очень хорошая, как будто тот, кто ее мастерил, никогда раньше этакого не делал. Если б, говорит, я не был такой умный да смекалистый, нипочем бы с такой работой

¹Курака — старший, вождь (кечуа).

²Чури — сынок, племянник (кечуа).

не справился... Хвастун он был, Хорхе, пустой человек, даром что племянник...

Капитан выразительно приложил палец к губам. Староста немедленно замолчал.

— Где ты нашел Однорукого? Ты ведь нашел его, верно? Ведь кто-то вылечил Хорхе от кровавого поноса?

— Нет, господин, Руми тогда сам пришел, повезло парню, не успел он совсем кровью изойти...

— У Однорукого есть убежище, — перебил его Анненков. — И ты знаешь, где оно находится.

— Откуда мне знать? Болтают, что он в горах в пещерке живет, но где та пещерка, никому не ведомо...

— Возможно, сейчас он говорит правду, — шепнул капитану Стиллиуотер. — Однорукий хитер, как травленный лис, он никому не выдаст свою лежку... Я бы спросил по-другому...

Он вдруг выпучил глаза и быстро-быстро заговорил со старостой на странном, певучем языке здешних жителей. Лицо старосты оживилось, он торопливо закивал и ответил англичанину на том же мелодичном наречии. Капитан распознал только имя «Руми».

— Он говорит, что чаще всего Однорукий появлялся в деревне со стороны Черных Топей. Это гиблое место, болота, через которые даже в сухой сезон опасно ходить. А уж сейчас...

Ланселот оборвал фразу на полуслове. Где-то совсем рядом ударил выстрел. Потом еще один. И еще.

— Похоже, самое интересное мы с вами все-таки пропустили, — усмехнулся Анненков. В каждой руке у него уже было по пистолету. — Хорошо бы успеть в зал до того, как опустят занавес...

15

Капитан торопился напрасно — когда они выскочили в патио, представление было в самом разгаре. На галерее гремели выстрелы, звенели битые стекла, слышалась отборная солдатская ругань на русском, испанском, а также на неизвестных Анненкову наречиях.

Понять, кто с кем сражается, было решительно невозможно — виноградные лозы скрывали детали происходящего лучше всякой маскировки. Где-то на уровне окна спальни Лауры из просветов между плетями винограда валил густой черный дым. «Еще спалют все поместье к чертовой бабушке, — мелькнуло в мозгу капитана. — Вот ведь — называется, в гости заехал...»

Стиллуотер, видно, подумал о том же, потому что, пробегая мимо застывшего в немом изумлении слуги (рот приоткрыт, глаза-пуговицы таращатся на окутанную огнем и дымом галерею), схватил его за плечо, трудноуловимым движением развернул вокруг оси и сильно толкнул в спину с криком:

— Пожарную команду, быстро!

— У вас тут и пожарные свои? — хмыкнул капитан, но ответа не получил — в то же мгновение по мраморной плите патио между ними, взвизгнув, шваркнула пуля. Ланселот огромным прыжком пересек зону поражения и привалился спиной к стене.

— Юрий, сюда! — хрипло каркнул он.

Анненков на бегу с двух рук выстрелил по галерее — пули срезали тяжелую виноградную лозу — и нырнул в спасительную тень.

— Я — в дом, а вы контролируйте двор! — крикнул он Стиллуотеру. — На случай, если кто-нибудь решит спрыгнуть сверху...

Ланселот прорычал что-то утвердительное. Выглядел он довольно зловеще — волевой подбородок выдвинут вперед, словно корабельная пушка из люка, крепкие белые зубы оскалены, как у почуявшего драку бойцовского пса. Ствол зажатого в волосатой лапе англичанина «смит-вессона» хищно обшаривал пространство патио.

Капитан ударил плечом в дверь, вкатился в прохладу дома. Огромный холл был пуст. Отчетливо дребезжали стоявшие в углу рыцарские доспехи — не иначе как облачение прадедушки Мансио Серра, проигравшего солнце. Забрало съехавшего набок шлема

украшала свежая вмятина — след от залетевшей со второго этажа пули.

— Порвали два баяна, — сквозь зубы прошептал Анненков, перебегая к широкой дубовой лестнице, ведущей наверх. — Ну, ребята, пора прекращать этот балаган...

Бесшумно подняться по лестнице не удалось — разошедшиеся ступеньки предательски скрипели под ногами. Как назло, выстрелы наверху смолкли, и негромкие шаги Анненкова прозвучали во внезапно упавшей на дом тишине как каменная поступь командора из бессмертной пьесы про Дон Гуана.

— Эй, — раздался сверху голос Стеллецкого, — на лестнице! Не высовывайтесь! Гад за углом засел, всю галерею простреливает!

Анненков извлек из кармана дорожный несессер, открыл, развернул зеркальце так, чтобы было видно, что происходит на галерее. Осторожно поднял футлярчик над головой.

Война в Крыму, все в дыму. В таком дыму если и можно попасть в цель, то лишь с очень серьезной помощью госпожи Удачи. Скорее всего, именно по этой причине перестрелка и продолжалась так долго — противники друг друга не видели и стреляли по большей части наугад. «Что же делать, если в городе нет других развлечений», — некстати вспомнилась капитану старая американская шутка.

— Ник, — крикнул он по-русски, — вы с кем там воюете?

— С Одноруким, будь он неладен! Рука одна, а палит, сволочь, за целый взвод...

— Расстояние от лестницы до того угла, за которым он прячется?

— Ну... футов пятнадцать... по-нашему метров пять-шесть... Ты это к чему, Юрка?

Анненков быстро убрал «Потапыча» в кобуру, перекрестился и вновь вынул пистолет.

— Попробую прорваться. Постарайтесь мне в спину не пальнуть, орлы.

«Бульдог» в руке майора трижды плюнул огнем. Анненков успел увидеть мелькнувшую внизу черную фигуру с развевающимися длинными волосами. Раздался короткий крик, потом грохот закрывающейся двери.

— Проклятье! — выругался Гутьеррес. — Я же подстрелил его! Точно говорю — подстрелил!

— Не волнуйтесь, — Анненков преодолел последний пролет лестницы, подошел к двери и подергал тяжелое бронзовое кольцо. — Далек он подстреленный не уйдет. А дверь мы сейчас откроем...

Он отошел на несколько шагов, поднял «Потапыча» и трижды выстрелил туда, где должен был находиться засов. Из двери полетели щепы.

— Эй, ворюга! — крикнул капитан. — Сдавайся лучше по-хорошему...

— Крепкая дверь, — заметил Гутьеррес, остановившийся на площадке перед последним пролетом. — Я бы на вашем месте не пожалел патронов...

Анненков выстрелил в четвертый раз.

Он не успел понять, что произошло.

Дверь сорвало с петель и швырнуло прямо на него. Под кирпичным сводом подвала бушевало белое пламя. Оглошшего от грохота капитана отбросило назад, и он крепко приложился затылком о каменную ступеньку.

Как ни высоко ценил Анненков боевые качества своего «маузера», представить, что все это натворил один-единственный выстрел, было выше его сил.

Впереди что-то тяжело ухнуло, и огромный пласт кирпича и известки обрушился с потолка погреба, погасив огонь. В лицо капитану ударил порыв горячего ветра.

Гутьеррес, пошатываясь, спустился с лестницы, прошел мимо Анненкова и приблизился к завалу.

Капитан попытался подняться, цепляясь за стену. Кто-то подхватил его сзади под локти и рывком поставил на ноги. Анненков обернулся и увидел Стеллецкого. Губы Ника смешно и беззвучно шевелились.

— Не слышу ни черта! — крикнул капитан. — Контузило меня, понимаешь?

От крика в ушах у него словно бы лопнул пузырь.

— Нет, не контузило, — добавил он уже тише. — Просто оглох, когда в лоб дверью получил...

Анненков и Стеллецкий подошли к полуобвалившейся арке, за которой когда-то располагался винный погреб. Гутьеррес, опустившись на корточки перед завалом, рылся в кирпичных осколках.

— Как обидно, господа! — бормотал он себе под нос. — Кто бы мог подумать, что негодяй решит уйти с таким шумом!

— Смотрите, — сказал Стеллецкий, вытаскивая из-под завала обгоревший кусок пончо. — Похоже, это все, что осталось от нашего друга — Однорукого...

— Откуда он вообще появился? — спросил Анненков, вглядываясь во тьму взорванного погреба. — Неужели все-таки вернулся к Лауре?

— Именно! — Ник потряс закопченной тряпкой. — Мы едва его не схватили, но он, каналья, верткий, как угорь! Жаль, что тайна кристалла умерла вместе с ним...

— А вот и нет! — в голосе Гутьерреса звенело торжество. — Справедливость торжествует, друзья мои! Смотрите!

Майор поднялся с колен, держа в руках какой-то темный предмет. При ближайшем рассмотрении это оказался мешок из грубой ткани, прожженный в нескольких местах. Сквозь обугленные прорехи виднелось что-то большое и блестящее.

— Вот оно! — Гутьеррес двумя движениями разорвал мешок и извлек на свет его содержимое. — Сокровище дома де Легисамо!

В его ладони покоился крупный розоватый кристалл, формой напоминавший сердце.

— Нехорошо, очень нехорошо с вашей стороны, сеньор Гутьеррес! — с притворной строгостью заявила Миранда, протягивая майору бокал шампанского. — Лишать нас своего общества сразу же после столь бли-

стательного подвига! Неужели вы не можете задержаться в «Холодной горе» еще на пару дней?

Майор галантно поклонился красавице.

— Сожалею, сеньорита, но я человек военный. Геодезическая съемка района должна быть проведена в срок, установленный Генеральным штабом. Я покину поместье на рассвете. Впрочем, пребывание здесь было столь пленительно, что я с удовольствием воспользуюсь вашим гостеприимством через несколько месяцев — если, конечно, вы по-прежнему захотите меня видеть.

— О чем разговор, дорогой Хорхе! — дон Луис дружески приобнял майора за плечи. — Вы всегда будете самым желанным гостем этого дома, клянусь! Мы так вам обязаны... я, моя жена и моя кузина... Хорхе, теперь вы для нас больше, чем друг, — вы член семьи!

У Гутьерреса заблестели глаза.

— Это великая честь для меня, сеньор! Я никогда не забуду ваших слов...

Он поднял бокал с шампанским, отсалютовал им собравшимся в гостиной и сделал большой глоток. Все заплодировали.

— Дорогой майор, — смущаясь, проговорила Лаура, — скажите, а как вам удалось найти El Corazón? Конечно, вы уже рассказывали эту историю, но я тогда лежала без чувств и все пропустила...

Девушка была еще очень бледна, вокруг глаз ее темнели круги. Впрочем, Анненков находил, что некоторая трагичность в облике в сочетании с простым черным платьем ей даже к лицу.

— Ну, рассказывать, собственно, нечего, сеньорита. Пока вы лежали без чувств, негодяй Однорукий проник в вашу спальню.

— Дева Мария! — ахнула Лаура. — Но зачем?..

— Милая, — нравоучительным тоном заметила Миранда, — есть вопросы, которые лучше не задавать. Особенно мужчинам.

— Думаю, этого мы уже никогда не узнаем, — ни-

мало не смутившись, ответил Гутьеррес. — Возможно, нужно было посмотреть, что он станет делать... но я не хотел рисковать вашей жизнью. Я забыл сказать, что стерег ваш покой, спрятавшись за балдахином. Когда Однорукий подошел и склонился над вами, я выскочил из укрытия и схватил его поперек туловища.

— Вы такой смелый! — прошептала Лаура. — Он же мог вас убить!..

Гутьеррес недовольно поморщился.

— Конечно, следовало сразу же ударить его рукояткой револьвера по темечку. Но мне, признаться, показалось нечестным поступать так с калекой... и, как выяснилось, напрасно. Этот калека силен, как ягуар, даром что у него нет одной руки. Он боднул меня головой в подбородок, потом каким-то чудом вывернулся из захвата и хлестнул по глазам чем-то вроде тонкого ремня. От неожиданности я выпустил его, и он тут же метнулся к двери. Я ни черта не видел — дьявольская плеть обожгла глаза, — поэтому выстрелил наугад. На шум прибежал сеньор Стеллецкий, потом к нам присоединился бедняга Пабло... кстати, как он?

— Выкарабкается, — благодушно прогудел фон Корф. — Эти метисы поразительно живучи...

В гостиной повисла неловкая тишина.

— Благодарю, — в голосе Гутьерреса зазвенел металл. — Вообще-то, господин барон, в моих жилах тоже течет индейская кровь...

— Ничего личного, майор! Я говорил как естествоиспытатель и врач...

— Прошу вас, сеньор Гутьеррес, продолжайте! — взмолилась Лаура.

— Втроем мы оттеснили мерзавца на галерею. Там в дело вмешался храбрый сеньор Анненков, и Однорукий понял, что ему не уйти. Тогда он решил прорваться в винный погреб, где загодя заготовил заряд динамита...

— Но откуда же он взял динамит? — скептически ухмыльнулся фон Корф. — Если я правильно вас понял, это был какой-то индейский знахарь, шаман. До-

пустим, айяуаску он в вино подмешать мог, но динамит?..

— Из лагеря североамериканских геологов, — подал голос Ланселот Стиллоутер. — Бунтовщики выкрали там пять ящичков с динамитом. Большая часть ушла на то, чтобы взорвать мост, через который мы доставляли хлопок в Трухильо, но небольшой заряд Однорукий, видимо, сумел пронести в поместье.

Гутьеррес развел руками.

— Возможно, он хотел всего лишь завалить за собою старый подземный ход, но не сумел правильно рассчитать длину запала. Злодей погиб при взрыве, однако украденный им кристалл, к счастью, уцелел. Таким образом, сеньорита, у этой истории, как видите, счастливый конец...

— Очень трогательно, — шепнул Анненков Стиллоутеру. — Но мне почему-то кажется, что эта история далеко не закончена.

— Что вы хотите этим сказать, Юрий Всеволодович? — вполголоса осведомился англичанин. — Думаете, у Руми могли остаться сообщники?

Капитан огляделся по сторонам.

— Давайте отойдем, Ланселот. Этот разговор не для посторонних ушей.

Их тактического отступления никто не заметил — собравшиеся в гостиной были слишком увлечены рассказом Гутьерреса.

— У меня есть одно железное правило, Ланселот, — сказал капитан Анненков. — Пока я не увидел труп врага, я считаю его живым.

— Вы считаете, что Однорукий подстроил все специально? Но зачем тогда было оставлять кристалл?

Анненков внимательно посмотрел на англичанина.

— Вообще-то я предполагал, что вам известно о существовании копии кристалла, изготовленной столичным ювелиром Лазарсоном. Копия эта хранилась у донны Марии и исчезла приблизительно в то же время, что и само сокровище.

Стилуотер крикнул.

— Вообще-то меня трудно удивить, но вам это удалось. Я был уверен, что все секреты поместья мне хорошо известны...

— Не все, — жестко перебил его капитан. — Впрочем, я надеюсь, что до окончания расследования вы ни с кем не станете делиться этой информацией.

— Это предупреждение — лишнее, — голос Стилуотера похолодел. — Значит, вы думаете, Гутьеррес обнаружил копию?..

— Уверен. И очень сомневаюсь, что Однорукий погиб при взрыве. Готов держать пари — когда слуги разберут завал, ничего, кроме пончо, под ним не обнаружится.

— Но черт возьми! Почему же тогда мы бездействуем?

— Торопиться уже нет смысла. Руми добился своей цели — после взрыва вы отозвали своих людей, патрулировавших границы поместья, и он мог беспрепятственно покинуть пределы «Холодной горы». Гутьеррес считает, что Однорукий ошибся с длиной запала, а по мне так наоборот — он рассчитал все превосходно. Обрушившийся свод лишил нас возможности последовать за ним, а Руми, подкинув нам фальшивку, спокойно выбрался из-под земли в парке и ушел вместе с настоящим кристаллом.

Стилуотер пощипал ус.

— Я слышал, что русские — фаталисты, но не предполагал, что до такой степени.

— Фатализм здесь ни при чем. Я просто не сразу до этого додумался — удар дубовой дверью по лбу не слишком способствует интеллектуальной деятельности. А теперь наша единственная надежда — это то, что Однорукий не станет уходить далеко, пока не дожидется...

В дверях гостиной показалась внушительная фигура фон Корфа, и Анненков замолчал.

— Плетете интриги? — ухмыльнулся барон. — Ко-

гда Англия и Россия объединяются, Германии следует насторожиться!

— Ох уж мне этот тевтонский юмор, — процедил сквозь зубы Стиллиутер, когда фон Корф величественно проплыл мимо них и скрылся за углом. — Признаюсь, этот толстяк действует мне на нервы. Исключительно неприятный тип! Между прочим, кристалл пропал в ту ночь, когда он появился в поместье.

— В тот день сюда приехало много гостей, — заметил Анненков. — И я в том числе. Я понимаю, на что вы намекаете, Ланселот: у Руми, скорее всего, действительно был сообщник. Однако далеко не факт, что это наш толстый немецкий друг.

— Вы кого-то подозреваете? — деловито осведомился Стиллиутер. — Есть конкретные соображения?

— Да соображений-то сколько угодно, — вздохнул капитан. — Но прежде нужно попытаться вернуть кристалл.

— Вы же сами только что сказали, что Однорукий ушел!

— Помните, что говорил нам староста? Колдун всегда приходил в деревню со стороны Черных Топей. У него там схрон. Почти наверняка он останется там до завтрашнего утра. А это значит, что у нас впереди целая ночь.

Некоторое время Стиллиутер молчал. Потом сказал, глядя в сторону:

— Соваться в Черные Топи в темноте — верная смерть. Там и днем-то не пройдешь... Если Руми и вправду ушел на болота, мы его уже не поймает.

— Тем не менее я пойду, — отрезал капитан. — Не думаю, что здешние трясины опаснее Мазурских болот...

— Одного я вас не пущу, — сказал Ланселот Стиллиутер мрачно. — Но мне придется предупредить дону Луиса...

— А вот этого не надо! Чем меньше народу будет знать о том, что я отправился ловить Однорукого, тем

лучше. Вот что, Ланселот, не изображайте из себя рыцаря. Я прекрасно справлюсь сам, а для вас найдется работа и в поместье...

— Думаете переупрямить девонширца? — хмыкнул Стилуотер. — Нет уж, пойдем вместе. Пусть однорукий мерзавец испытает на своей шкуре, что такое союз Англии и России!

Анненков вытащил из кармана свой стальной хронометр.

— Сейчас восемь пятнадцать. Ровно в девять встречаемся у конюшен. Болотные сапоги у вас найдутся?

17

Хуже всего была вонь — сложная смесь ароматов гниющих растений, разлагающейся органики и извергаемых болотом миазмов. Анненков замотал лицо мокрым носовым платком, но тошнотворные запахи пробивались даже через ткань. В остальном же Черные Топи оказались не таким уж адским местом — унылая кочковатая равнина, протянувшаяся до самых предгорий. Правда, любоваться пейзажем капитану пришлось недолго — выглянувшая было луна уже к полночи спряталась за плотно закрытыми небо тучами. Это обстоятельство делало поиски почти бессмысленными, и Анненков подумал, что духи здешних мест явно покровительствуют Однорукому.

— Никого мы тут не найдем, — хмуро проговорил Стилуотер, когда они выехали на каменистый участок земли, слегка выступавший из болота. — Даже днем бы не нашли, а в такой темноте и подавно.

— В какой стороне ущелье Уанкай? — спросил капитан, поворачиваясь в седле.

— Дайте сообразить... Вон там, к северо-северо-востоку. А почему вы думаете, что он ушел именно в ущелье?

Анненков пожал плечами.

— Не знаю... интуиция. Дон Луис говорил, места

там страшноватые, да и Гутьеррес рассказывал про горы костей... Где же еще прятаться злому колдуну?

— Хм... ну, может, вы и правы... Так что — туда?

— Туда, — решительно сказал Анненков и тронул поводья. Низкорослый буланый конек, выбранный для него Ланселотом, послушно потрусил по невидимой в темноте тропе.

Спустя четверть часа капитан обнаружил, что потерял Стиллиуотера.

Анненков и Стиллиуотер почти не разговаривали, так что единственным звуком, по которому можно было судить о присутствии другого, было чавканье, издаваемое копытами их лошадей. Когда конек капитана остановился перед заполненной водой бочажиной, чавканье смолкло, и Анненков понял, что остался один.

— Ланселот! — негромко позвал он. — Эй, старина, вы где?

Ночь молчала.

— Ситуация, прямо скажем, хреновая, — сказал капитан сам себе. — Варианта два — либо где-то сзади была развилка, и мистер Стиллиуотер свернул в темноте не туда, либо он тихо утонул в каком-нибудь омуте. Во второе верить не хочется, так что остается вариант номер один.

Он похлопал конька по холке.

— Вопрос: возвращаться ли нам назад или продолжать поиски в направлении ущелья? Что скажешь, коняга?

Анненков соскочил на мягко спружинившую под ногами кочку и прошел вдоль бочага. Пути дальше не было.

— Ну, Горбунок, вот проблема и решилась. Это не англичанин свернул не туда, это мы с тобой не по той тропке пошли. Что ж, будем возвращаться...

Но вышло только хуже. Буланый брел в темноту, руководствуясь одному ему понятными соображениями, иногда останавливаясь и словно бы раздумывая, не повернуть ли назад. Довольно скоро Анненков по-

терял всякое представление о том, куда они движутся. Время от времени ему чудилось, что он слышит в ночи голос Ланселота Стиллуотера, и он принимался громко насвистывать «Long Way to the Thirpregey», но англичанин не отзывался. В конце концов капитан сообщил, что сбивавшие его с толку звуки издает какой-то обитатель Топей, и свистеть перестал.

В бесплодных и бессмысленных скитаниях прошло часа два.

Потом луна неожиданно выглянула в просвет между тучами и осветила блеснувшие черным склоны исполинских гор. Капитану показалось, что на черном фоне слабо мерцает красная искорка, похожая на отблеск далекого костра.

«А ведь я вышел верно, — удивленно подумал Анненков. — Вон та расщелина наверняка и есть ущелье Уанкай... Вот только добраться до него будет непросто...»

В холодном лунном свете было видно, что равнина вплоть до самых гор покрыта темными зеркалами стоячей воды. От островка твердой земли, на которой стоял буланый, ее отделяла плотная стена тростника.

— Ладно, Горбунок, — сказал капитан, спрыгивая с седла на землю. — Попасись тут покамест, а я схожу на разведку.

Он вытащил из притороченной к седлу сумки легкие и прочные болотоходы — подарок предусмотрительного Стиллуотера — и натянул их на сапоги. Потопал ногами, проверяя, не сваливаются ли широкие сплетенные из лозы лапы — и решительно углубился в заросли тростника. Луна, словно дожидавшаяся этого момента, вновь нырнула за тучи, и на Черные Тоги упала непроглядная тьма.

То, что в этой тьме Анненков все же наткнулся на схрон Однорукого, можно было бы назвать чудом, если бы только это не было результатом методичного прочесывания участка болот, примыкавшего к ущелью

Уанкай. За время поисков Анненков успел возненавидеть все на свете. Болотоходы помогали не провалиться в трясину, но этим их полезные функции и ограничивались. Ходить в них было непросто, во всяком случае с непривычки. Несколько раз Анненков поскользнулся и падал в жидкую грязь, в которой копошилась какая-то невидимая в темноте живность. К предплечью немедленно присосалась крупная пиявка — капитан, кривясь от отвращения, оторвал ее и бросил под ноги. К тому моменту, когда обнаруженная им буквально на ощупь тропа вывела Анненкова к небольшому каменистому островку среди болот, капитан промок насквозь и чесался от бесчисленных укусов мелких обитателей Топей.

На островке совсем недавно кто-то был — в круге, выложенном из крупных камней, чадил заваленный мокрым тростником костер. Именно пробившийся сквозь миазмы болот запах дыма и вывел Анненкова к убежищу Руми.

Капитан, вытащив «Потапыча», внимательно обыскал островок. Кроме затушенного костра и убогого тростникового шалаша, здесь больше ничего не было.

Но Однорукий прятался где-то рядом, Анненков это чувствовал.

«Он услышал, что я иду, и ушел с островка, — решил капитан. — Скорее всего, он двинулся в сторону ущелья — до него совсем рукой подать. Что ж, проверим!»

— Ну, — громко сказал он по-испански, — сейчас я покончу с тобой, презренный вор и убийца! Я вижу, где ты прячешься!

То, что догадка его верна, он понял, спустившись по каменистому склону к воде. В темноте вдруг зашлепали удалявшиеся шаги. У Однорукого не выдержали нервы.

— Эй, однорукий дьявол, — крикнул Анненков по-испански, — лучше сдавайся, я тебя все равно живым отсюда не выпущу!

Из темноты донеслось приглушенное ругательство. Судя по звуку, Однорукий опережал капитана шагов на двадцать.

— Я ведь тебя пристрелить могу, как куропатку, — продолжал увещевать противника Анненков. — Ты шумишь так, что на всю округу слышно! Не стреляю, потому что убивать не хочу.

— Лжешь! — крикнул Руми. — Не стреляешь, потому что боишься, как бы я не утонул вместе с Глазом Пачакамака!

— И это тоже, — не стал спорить капитан. — Но если ты отдашь мне кристалл, я отпущу тебя на все четыре стороны, клянусь!

Чавкающие шаги впереди затихли. «Стоит на кочке, осматривается», — подумал Анненков. Хотя вряд ли — чтобы осматриваться в такой непроглядной тьме, нужно иметь глаза совы.

— А куда мне идти без него? — тихо засмеялся индеец. — Мой господин послал меня, чтобы я принес ему сокровище. Если я вернусь к нему с пустыми руками, он скажет: ты, Руми, ни на что не годен, лучше тебе полежать под скалой, подождать, пока на тебя сбросят большой камень. Вот как скажет мой господин, Инкарри.

Пока он говорил, капитан приблизился к нему шагов на пять — во всяком случае, он искренне надеялся, что движется в правильном направлении.

— Ну, извини, Руми, — вздохнул он, поводя перед собой стволом «Потапыча». — Отпустить тебя с камушком я тоже права не имею, сам понимаешь.

Нажал на спусковой крючок — не столько чтобы попасть, сколько надеясь увидеть силуэт врага при вспышке выстрела. Над топью прокатился громовой раскат. С таким грохотом стреляли, наверное, аркебузы первых конкистадоров.

И ничего. Метнулись в стороны крылатые серые тени — то ли птицы, то ли летучие мыши, — на мгновение высунулись из темноты скрюченные мертвые

деревья, торчащие из топей, и мир снова окутала тьма. Если Однорукий и вправду находился где-то там, впереди, то он слишком хорошо прятался.

— У тебя много патронов, Эль Капитано? — как ни в чем не бывало осведомился он, когда эхо выстрела затихло в ночи. Хохотнул противным, скрежещущим смехом.

— Достаточно, приятель. Можешь не считать выстрелы — я всегда таскаю с собой запас.

— Молодец, — похвалил индеец. — Ты был хорошим солдатом у себя на родине?

«Где же он спрячется? — лихорадочно соображал Анненков. — Судя по голосу, градусов на двадцать правее того дерева, которое я вроде бы видел прямо перед собой... Но ведь он же не идиот, наверняка схоронился за какой-нибудь кочкой».

— Как я тебе отвечу, Руми? — серьезно проговорил он. — Плохие солдаты не выживают в той мясорубке, через которую я прошел. А хорошие солдаты не проигрывают битву за свою родину.

— Нет, ты хороший солдат, — не согласился Однорукий. — Я видел, как ты убивал моих людей у моста... Но скажи, Эль Капитано: зачем тебе Глаз Пачакамака? Ты хоть понимаешь, что это такое?

Анненков подумал, одновременно пытаясь бесшумно передвинуться в ту сторону, откуда вроде бы раздавался голос.

— Ловушка, — сказал он наконец. От того места, где засел Однорукий, его отделяло не больше десяти шагов. — Это ловушка для душ.

— Правильно, — удовлетворенно проговорил индеец. — Ловушка. И ты в нее попал, Эль Капитано.

Анненков почувствовал, как под ногами проваливается земля. Невозможно, невероятно — с его болотоходами можно было пройти, не замочив портянки, половину Сиваша, что уж говорить о здешних вымороченных топях, — но он все-таки проваливался, падал в неизвестно откуда взявшуюся яму. С мерзким хлю-

паньем хлынула туда же, в подземную полость, холодная болотная жижа. Капитан раскинул руки и попытался упасть на трясину крестом, но это удалось лишь отчасти. Левая рука действительно зацепилась за что-то напоминающее толстый корень, правая, в которой Анненков сжимал «маузер», ушла в грязь. Внизу страшно урчало и взревывало. Капитан отчаянно молотил ногами, но теперь болотоходы только мешали. Никакой тверди, на которую можно было встать, внизу не было — судя по всему, Анненков провалился в приготовленную заранее западню, что-то вроде гигантского короба из ветвей, с которого вовремя сняли крышку. «Вот сейчас снова накроют, — флегматично подумал капитан, — и будет мне в буквальном смысле слова — крышка». Чертов индеец его перехитрил. Так поступали полесские мужики, уходя от наступающих армий Гинденбурга, — прокладывали по-над топиями обманные гати, а сами заманивали немцев, уходя одним им ведомыми тропами. Где-то над самыми бочагами гати неожиданно заканчивались, передовые отряды немцев останавливались, на них начинали напирать задние, и под тяжестью скопившихся солдат сплетенные из ивняка гати медленно погружались в трясину...

— Вот и все, Эль Капитано, — сказал Однорукий, подходя. Анненков по-прежнему не видел его, да и особенного интереса глазеть по сторонам у капитана не было. Но, судя по голосу, индеец находился где-то совсем близко, шагах в трех-четырех. — Барахтаешься? Молодец. Мужчина должен сражаться до конца, должен быть сильным.

Анненков судорожно цеплялся за корень — левая рука немела, пальцы, впившиеся в дерево, казались ломкими и хрупкими. Он знал, что стоит им разжаться — и он уйдет в разверзшуюся под ногами бездну с головой. Он повернул голову на звук голоса и немедленно хлебнул вонючей холодной жижи.

— Позволь, я помогу тебе, — предложил Руми. Анненков наконец увидел его — темное бесформенное

пятно в окружении таких же пятен тьмы. Но у этого пятна в чернильном сгустке, означавшем руку, что-то смутно поблескивало. Металл.

— Прощай, Эль Капитано, — торжественно проговорил Однорукий, и металл блеснул снова. Наверное, где-то наверху все же пробивался сквозь тучи слабенький лунный свет, потому что иначе этот блеск объяснить было невозможно. Анненков услышал свист и тяжелый, стонущий удар. Корень, за который он держался, вздрогнул и спружинил, а пальцы ощутили прикосновение ледяного металла.

«Мачете! — мелькнуло в мозгу Анненкова. — То самое, что было у него в руке, когда он натравил на меня своих людей перед взорванным мостом! Он хочет отрубить мне пальцы!»

Руми досадливо крикнул и вновь занес мачете над головой. Было ясно, что на этот раз Однорукий не промахнется.

Капитан разжал пальцы быстрее, чем осознал, что делает.

Мачете с глухим стуком ударило в корень. Анненков выбросил вверх левую руку в отчаянной попытке перехватить огромный нож. Пальцы скользнули по металлу, сорвались...

Бездна под ногами издала торжествующий рев.

Капитан повалился на левый бок, из последних сил помогая себе ногами. Один из болотоходов, кажется, свалился с ноги, но непонятно было, лучше стало от этого или хуже. Анненков заорал, дернулся, пытаясь вывинтиться из мягкого капкана болота, и наконец сумел выпростать на поверхность правую руку, сжимавшую «маузер». Несколько раз рванул спусковой крючок.

Отдачей от выстрела его вбило в топь с головой. А потом сверху обрушилось на капитана что-то мягкое и тяжелое.

Анненков вцепился в индейца свободной рукой, потянул вниз, на глубину — тот почему-то не спешил

тонуть, как будто был наполнен изнутри воздухом, — судорожными движениями подминая под себя, и, пока тот не ушел совсем глубоко, выбрался на край западни, используя тело врага как ступеньку. Выбравшись, он долго лежал лицом вниз, сотрясаясь всем телом, с омерзением выплевывая забившую горло болотную жижу. Потом кое-как поднялся на колени, привалился спиной к ближайшей кочке и принялся чистить «маузер», поминутно сплевывая и матерясь. В таком положении и нашел его на рассвете Ланселот Стилуотер, осторожно выехавший на утыканную мертвыми деревьями болотистую проплешину, посреди которой зияла наполненная черной, вязкой на вид водой квадратная яма.

— Вы вовремя, Ланселот, — сказал ему Анненков. — И хорошо, что с лошадьё. Веревка есть? Отлично. Нам придется понырять.

18

— Прежде всего, — сказал капитан Анненков, — я хотел бы с вами попрощаться. Вряд ли мне представится такая возможность после того, как я закончу свой рассказ.

— Это еще почему? — подозрительно спросил дон Луис. Он спустился в гостиную в охотничьем костюме, не успев переодеться после проводов Гутьерреса.

— Да, Юрка, что это ты придумал? — поддержал его Стеллецкий. Ник, в отличие от хозяина «Холодной горы», выглядел по-домашнему: мягкие фланелевые брюки, теплый белый свитер из шерсти альпаки. В руках Стеллецкий рассеянно вертел пузатый бокал с виски.

— Расследование завершено, — пожал плечами Анненков. — Больше мне здесь делать нечего. К тому же я не думаю, что большинство из вас захотят позвать мне руку.

— Сеньор капитан нас интригует, — тонко улыбнулась Миранда. — Вполне в духе английских детек-

тивных романов, которые так замечательно пишет эта... как ее... миссис Кристи.

— О, так даже интереснее! — поддержала ее Машенька. — В этих романах сыщик обязательно собирает всех в одной комнате, запирает двери, а потом объявляет...

Тут она сделала большие глаза, смешно свела к переносице брови и с выражением произнесла:

— Преступник среди нас, господа!

Стеллецкий громко рассмеялся, но смех его прозвучал одиноко.

— Предлагаете закрыть дверь? — без улыбки осведомился Анненков. — В таком случае следует кое-кого подождать; собрались еще не все.

— Так, значит, это правда? — быстро спросил дон Луис. — Ну, насчет того, что преступник действительно один из нас?

Прежде чем ответить, капитан немного подумал.

— Нет, — сказал он наконец. — Это неправда.

— Тогда зачем вся эта комедия с запираанием дверей? Не понимаю!

— Ваша жена уже ответила на этот вопрос. Так интереснее.

— Ну-ну, — скептически хмыкнул дон Луис. — И кого же мы ждем?

— Ланселота Стилуотера. И, возможно, еще одного человека. Впрочем, я могу начать свой рассказ и без них. Предлагаю всем наполнить бокалы — история, которую вам предстоит услышать, довольно долгая.

РАССКАЗ КАПИТАНА АННЕНКОВА

С самого начала я допустил ошибку, которая едва не завела все расследование в тупик. Я очень долго не мог поверить, что кристалл горного хрусталя, который прапрапрадед нашего любезного хозяина выиграл в кости, действительно обладает какими-то особыми свойствами. Должен признаться, что я всегда был боль-

шим скептиком, чем, например, мой друг полковник Стеллецкий, но даже он в магию кристалла не верил. То, что полковник был лично заинтересован в том, чтобы считать El Cogazón простым куском кварца, я понял далеко не сразу.

А ведь разгадка истории лежала буквально на поверхности — достаточно было поверить в магические свойства драгоценности рода де Легисамо. Тогда все сразу вставало на свои места...

Дон Луис неоднократно упоминал о том, что для эффективного использования талисмана нужны особые способности. Это второй ключ к разгадке, на который, к моему стыду, я тоже не обратил поначалу должного внимания.

Дело в том, что сокровище дона Луиса не выполняло желания в буквальном смысле этого слова. Оно вообще ничего не выполняло — его функция заключалась совсем в другом. И здесь я должен поблагодарить господина барона — без его потрясающих познаний в этой области я вряд ли вышел бы на след.

Я не знаю, правда ли El Cogazón создали атланты, как говорит господин барон. Но кто бы это ни был, они создали машину для записи души.

Что представляет собою душа, мы не знаем. Но если представить себе, что это некие колебания волн, подобные звуковым, то их можно будет записать на подходящем для этого материале, в точности так, как Томас Эдисон записал музыку на пластинках для своего фонографа. Мне кажется, что El Cogazón и есть такая пластинка, фонограф и еще что-то, для чего у нас пока нет названия. Он воспринимает мелодию человеческой души и сохраняет ее внутри себя... и там, внутри, эта мелодия постоянно звучит, не затихая ни на мгновение. Когда первый владелец сокровища, Мансио Серра де Легисамо, использовал его для выигрыша в карты или кости, он по простоте своей думал, что волшебный кристалл сбивает руку противника или заставляет его идти не с той масти. На самом деле талис-

ман просто записывал мелодии душ тех, кто сидел с Мансио Серра за одним столом, — и даже, наверное, не мелодии целиком, потому что, если моя догадка верна, для того чтобы записать полноценную копию души, требуется время, — а только наиболее «громкие» их ноты: азарт, алчность, стремление выиграть любым способом, честным или нечестным... А сам Мансио, желая своим противникам проигрыша, каким-то образом влиял на эти ноты... искажал их звучание... превращал музыку в какофонию. И вот еще что очень важно — копия души, запечатленная в кристалле, сохраняет связь со своим оригиналом! Поэтому те, кто садился играть с хозяином талисмана, все время проигрывали. Их души поневоле входили в резонанс с колебаниями кристалла, а руки совершали те действия, которые были выгодны Мансио Серра. Если бы прапрадед дона Луиса как следует разобрался в свойствах доставшегося ему сокровища, ему вообще можно было бы не играть в азартные игры — достаточно было посидеть за обедом с каким-нибудь богачом, и тот совершенно добровольно отдал бы ему все свое состояние... Впрочем, под конец он, наверное, все-таки кое о чем догадался и сам: об этом косвенно свидетельствует история с епископом Сьюдад-де-лос-Рейес и дочкой вице-короля. Однако, догадался он или нет, рассказать наследникам о свойствах кристалла Мансио так и не успел, поэтому всем последующим владельцам сокровища приходилось додумываться до них самостоятельно.

Вот и выходит, что дон Луис колот королевской печатью орехи. Вместо того чтобы использовать кристалл там, где он действительно мог пригодиться — в общении с деловыми партнерами, например, — де Легисамо проводил ночи напролет, разговаривая... с машиной, которая ничем не могла ему помочь в его бизнесе. Зато El Corazón послушно записывал все движения души самого дона Луиса, так что к моменту его знакомства с Машей Малютиной копия, хранившаяся в

кристалле, по сути ничем не отличалась от настоящего, живого де Легисамо...

— Но как же моя торговля хлопком? — возмущенно фыркнул дон Луис. — Вы же не станете отрицать, что я никогда не добился бы таких превосходных результатов, если бы не El Corazón!

— Должен вас разочаровать, — ухмыльнулся Анненков. — Ваши достижения в бизнесе — исключительно ваша заслуга. Никакая магия здесь ни при чем. Я знал некоторых дельцов в Соединенных Штатах, которые верили, будто их миллионы — результат особо теплого к ним отношения со стороны господ бога. Если вам нравится уподобляться этим джентльменам — пожалуйста, но, с моей точки зрения, кристалл никак не может повлиять на котировки акций на бирже.

— А превосходные контракты, которые я заключал с покупателями в Манаусе? — не сдавался дон Луис. — Ведь отчего-то же они выбирали именно мой хлопок!

— Поймите одну простую вещь: El Corazón не работает на расстоянии. Вы всегда брали его с собой на деловые переговоры?

Де Легисамо заметно смутился.

— Нет, я вообще старался не выносить его лишний раз из дому... поездка в Баию была исключением, поскольку дела требовали, чтобы я задержался в Бразилии надолго...

— Кстати о Баие. Когда вы ухаживали за вашей будущей женой, вы надевали El Corazón?

Де Легисамо вскочил с кресла, будто подброшенный пружиной.

— Не стоит задавать мне таких вопросов, сеньор капитан! Я хорошо к вам отношусь, но подобное любопытство выходит за рамки приличий!

— А ведь я вас предупреждал, — вздохнул Анненков. — Мало кто из вас захочет пожать мне руку, когда я закончу свой рассказ... Сядьте, дон Луис. Сядьте и постарайтесь вести себя по-мужски. Вы наняли меня

для того, чтобы я нашел вашу драгоценность, — я это сделал. А теперь, будьте добры, позвольте мне закончить. Хотя вы и не ответили на мой вопрос, я могу предположить, что и во время ухаживаний за сеньоритой Марией кристалл оставался у вас дома. Или в отеле, или где вы там жили в Баие. Это так похоже на вас, дон Луис, — прятать свое сокровище от посторонних глаз. И именно поэтому я утверждаю: в том, что Маша Малютина приняла ваши ухаживания и согласилась выйти за вас замуж, нет никакого волшебства. Вы сами очаровали молоденькую девушку, вы сами произвели благоприятное впечатление на ее отца... а те мольбы, с которыми вы обращались при этом к кристаллу, только добавляли новые штрихи к записанному где-то на хрустальных гранях El Corazón портрету вашей души.

В наступившей тишине стало слышно, как прерывисто дышит Машенька.

— Это... правда? — спросила она, пряча глаза. — Юрий Всеволодович, то, что вы сейчас сказали, это правда? Камень *действительно* никак не мог повлиять на мое решение?

— Если бы ваш муж брал его с собой во время ваших встреч — мог бы. Но он этого не делал. Такой ответ вас устраивает?

— Боже, — еле слышно прошептала Машенька — Анненков не сразу сообразил, что она произнесла это по-русски, — милый божечка, почему, почему я не подумала об этом раньше?

— А что бы это изменило, сеньора? — жестко бросил капитан. — Вы не стали бы мстить мужу? Не стали бы красть El Corazón? Не использовали бы его, чтобы приручить...

— Юрка! — крикнул Стеллецкий, делая шаг по направлению к Анненкову. — Если ты сейчас же не замолчишь, я тебя...

И осекся, увидев в руке капитана огромный «Потапыч».

— О, «маузер»! — уважительно произнес Отто

фон Корф. — Отличное оружие, одобряю ваш выбор, герр капитан!

— Признателен, — слегка поклонился Анненков. — А ты, Ник, держи себя в руках. Я не намерен устраивать здесь голливудский боевик со стрельбой, но если кто-то из вас попытается мне помешать, я буду вынужден защищаться.

Некоторое время в гостиной стояла напряженная тишина. Дамы, как замороженные, широко раскрытыми глазами смотрели на выдающийся ствол «Потапыча», косвенно доказывая тем самым справедливость теории австрийского психоаналитика.

— Не соблаговолите ли объясниться? — откашлявшись, спросил наконец дон Луис. — Вы уверяете, что закончили расследование. Однако вместо того, чтобы предъявить нам преступника, начинаете грозить расправой. Согласитесь, это более чем странно!

— Преступника я вам тоже предъявлю, — усмехнулся капитан. — Но прежде потребую от вас еще немного терпения. Многим из вас будет неприятно услышать то, что сейчас прозвучит. Возможно, кое-кто захочет заткнуть мне рот. Надеюсь, «Потапыч» охладит их горячие головы...

РАССКАЗ КАПИТАНА АННЕНКОВА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

...О волшебных свойствах кристалла Маша Малютина узнала от своего мужа. А узнав, захотела, естественно, убедиться в них на собственном опыте. Но так как дон Луис всячески противился тому, чтобы Маша носила El Corazón, сделать это оказалось непросто. Впрочем, и не так сложно, сделать восковой слепок — не проблема для девушки, знакомой с техникой подделок печатей. Ключ от подвала Мария заказала тому же метису-слесарю Хорхе, который ставил замки в двери ее башни. Не думаю, что его молчание обошлось слишком дорого; правда, в конечном счете от метиса все равно пришлось избавиться, но это уже со-

всем другая история. Что же касается сейфа, то именно Маше не составляло никакого труда разобраться в открывавшей его последовательности цифр. Эти цифры — 9 2 4 2 9 1 8. Двадцать четвертое сентября двадцать девятого года. День, когда дон Луис познакомился со своей будущей женой на приеме во дворце клана Мендоза. Совсем незадолго до этого дня Маше Малютиной исполнилось восемнадцать лет...

Наверное, дон Луис не раз вспоминал при Маше этот день. Да Маша и сама призналась мне, что поначалу они отмечали дату своего знакомства как своего рода личный праздник. Конечно, это было еще до того, как она узнала постыдную тайну его сватовства...

Итак, Маша сумела добраться до сейфа и открыла его. Вероятно, это произошло в одну из отлучек дона Луиса из поместья. Во всяком случае, у нее было время, чтобы познакомиться с кристаллом поближе. И, разумеется, лучше узнать своего мужа.

И это «знакомство» все изменило! Как и подавляющее большинство девушек, Маша любила не столько самого дона Луиса, сколько свое представление о нем. До того как взять в руки El Corazón, Маша видела в муже рыцаря без страха и упрека, блестящего кабальеро, благородного потомка конкистадоров... А проведя ночь наедине с его замурованной в кристалле душой, с ужасом поняла, что вышла замуж за нелюдимого неврастеника, страдающего болезненной страстью к давно умершей возлюбленной, считающего самого себя стариком, никчемной развалиной, готового воспользоваться любыми средствами, чтобы приворожить приглянувшуюся ему молоденькую девочку... Не думаю, что Маша сразу поняла все, что открыл ей кристалл. Имя «Глория», например, ничего ей не говорило, и только годы спустя Миранда рассказала ей о трагической судьбе первой невесты дона Луиса. Но, даже не зная чего-то наверняка, она убедилась, что совершила роковую ошибку, доверившись де Легисамо. То, что произошло в ту ночь, господа, называется разочаровани-

ем. Не имеет значения, что сам дон Луис не сделал ничего, чтобы его молодая жена в нем разочаровалась; такие вещи сплошь да рядом происходят и там, где вообще нет никакого колдовства. Жена может случайно найти письма своего мужа, адресованные не ей; муж, боготворящий свою супругу, может получить от друзей или шантажистов неопровержимые доказательства ее неверности. Прошлое почти каждого из нас таит множество страниц, о которых мы с удовольствием бы забыли. И всегда существует шанс, что те, кто любит нас, те, кто верит нам, могут наткнуться на эти мрачные, неприглядные страницы...

Суммирую: прикоснувшись к заключенной в кристалле душе своего мужа, Маша почувствовала себя пленницей сумасшедшего. Что было делать? Возвращаться в Баию к отцу? У нее не было никакой уверенности в том, что отец примет ее с распростертыми объятиями. Выдав дочь замуж за преуспевающего хлопкового плантатора, он не только поправил свое финансовое положение, но и стал весьма уважаемой фигурой в обществе Баии. Страшно представить, что случилось бы с его репутацией, если бы дочь спустя несколько месяцев вернулась в родительский дом, пытаясь оправдать свое поведение тем, что ее муж оказался душевнобольным... Нет, этот путь не для нее!

Тогда Маша составила план. Ключевым пунктом этого плана являлась подмена настоящего кристалла на поддельный, который совершенно официально должны были изготовить для нее в столице. Конечно, можно было просто убедить дону Луиса в том, что El Corazón следует отдать ей, — теперь, когда она нашла доступ к сейфу, это не выглядело такой уж нереальной задачей, — однако Маша не решилась на такой шаг. Возможно, потому, что до конца не представляла себе, какие силы заключены в кристалле. К тому же ей не хотелось, чтобы подозрительный дон Луис знал, что его сокровище больше ему не принадлежит. Так что вариант с подменой выглядел самым разумным. Конечно,

де Легисамо согласился заказать копию талисмана у столичных ювелиров не по собственной воле. Но он слишком привык советоваться с кристаллом, а мысль о том, что кристалл может подчиняться кому-то еще, в голову ему не приходила...

Остальное, в общем-то, было делом техники.

Получив в свое распоряжение точную копию драгоценности рода де Легисамо, Маша выждала какое-то время и подменила кристалл. Таким образом, душа дон Луиса оказалась полностью в ее власти, и она не замедлила этим воспользоваться. Неожиданное охлаждение между супругами, возведение башенки с отдельным входом — все это результат магии El Cogazón. Подсознательно Маша хотела оказаться как можно дальше от своего мужа, но так как бежать ей было некуда, де Легисамо стал гораздо чаще уезжать по своим торговым делам. Талисман не действовал на расстоянии, и поначалу не до конца выгоревшая страсть к жене вспыхивала в доне Луисе всякий раз, когда он оказывался за пределами «Холодной горы». Тогда он возвращался, летя к Маше, как на крыльях, и вновь с размаху бился о стеклянную стену равнодушия. К тому же, возвратившись, он каждый раз убеждался в том, что ожившие было чувства вновь угасали, и эти метаморфозы изматывали его больше, чем могли бы изматывать самые ожесточенные скандалы и ссоры. Поэтому дон Луис стал задерживаться в своих поездках подолгу, и Маша столкнулась с новым врагом — одиночеством.

По-видимому, именно тогда она и решила проверить свойства кристалла на моем друге, Николае Александровиче Стеллецком.

НИК СТЕЛЛЕЦКИЙ

Юрка был моим другом, мы истоптали плечом к плечу сотни верст во время Великой войны, вместе били германцев и краснопузую сволочь, я выхаживал его, когда он болел испанкой и потел бурым кровавым потом, а он вытащил меня, контуженного, из гиблых

топей Сиваша. Мы делили с ним коней, оружие и женщин, мы были друг другу ближе, чем могут быть братья... и все равно сейчас я готов был его убить. Он не имел права говорить то, что говорил! Сидя на краю стола, покачивая ногой в тяжелом американском ботинке, держа меня — именно меня! — под прицелом своего «маузера», он говорил, говорил, говорил... Бесстрастно, как учили нас в университете мэтры юриспруденции, *sine ira et studio*, размеренным, глуховатым голосом... Боже, как я ненавидел его в эти минуты! Я пригласил его сюда, в «Холодную гору», я сделал все, чтобы гранд дал ему работу, я помог ему выбраться из того дерьма, в котором он оказался после Нового Орлеана, — и чем он мне оплатил? Каждое слово его было точно гвоздь, и гвозди эти он забивал прямо в сердца — мое, Машенькино, гранда... до остальных он, правда, пока не добрался, но и Миранда, и фон Корф сидели неподвижно, боясь пошевелиться, как будто пленные при приближении расстрельной команды. Когда он обвинил Машеньку в том, что она подменила кристалл, мне с трудом удалось подавить в себе звериное желание броситься на него, стащить со стола и избить в кровь. Остановило меня только то, что реакция у Юрки всегда была лучше — прежде чем я добрался бы до его горла, он бы прострелил мне ногу из своего «маузера».

Но когда он заявил, что Машенька якобы испытала магию кристалла на мне, я вдруг почувствовал себя как на фронте, когда безразлично, убьют тебя или нет, — главное, что надо идти в атаку, матерясь и крича, расстреливая черные фигуры врагов и захлебываясь ни с чем не сравнимым упоением битвой. Я медленно — почему-то хотелось все делать медленно и красиво — двинулся к нему через гостиную, и плевать мне было на его «маузер», меня, как броня, защищала моя ненависть к нему и любовь к Машеньке. И я уже почти подошел к Юрке, когда он лениво, почти нехотя, положил «маузер» рядом с собой на край стола, взгля-

нул мне в глаза и сказал все тем же сухим, как ветка в осеннем лесу, голосом:

— Остановись, Ник.

И я остановился. Не потому, что перестал испытывать к нему ненависть, вовсе нет. Просто что-то внутри меня, где-то глубоко в мозгу, приказало моему телу замереть с занесенной на весу ногой. Клянусь, это был не я! Я по-прежнему хотел добраться до Юрки, но препятствие, неожиданно выросшее у меня на пути, казалось непреодолимым. Отчасти это походило на то, как если бы я уткнулся в прозрачную, невидимую стену, только вот стена эта была не передо мной, а у меня в мозгу. Лучше я объяснить не могу.

— Теперь вернись на место, — произнес Юрка. Меня бросило в дрожь. Это был все тот же Юрка Анненков, которого я знал тысячу лет, только теперь я почему-то реагировал на его голос, будто дрессированный пес в цирке Дурова. Я побрел назад на негнущихся ногах, боясь случайно встретиться взглядом с Машенькой.

— Я не гипнотизер, господа, — Анненков поднял руку, предупреждая вопросы. — Это — El Corazón. Лучшее доказательство этому — избирательность воздействия. Если бы я отдал тот же самый приказ господину барону, ничего бы не произошло. К счастью для господина барона, его душу кристалл еще не проглотил. А вот мой друг Ник уже там, со всеми потрохами.

С этими словами он вытащил из-за пазухи какой-то сверток и небрежно кинул его на стол рядом с «маузером». Сверток упал с костяным стуком, и этот звук отчего-то показался мне куда противнее, чем скрип стекла о стекло.

— Что это? — сипло каркнул дон Луис. Он потихоньку выбирался из кресла, двигаясь какими-то рваными, механическими движениями, словно заводная игрушка. Взгляд его был прикован к свертку, как бы вает прикован к сочащемуся жиром окороку взгляд голодного бедняка.

— Да, — кивнул Юрка. — Это именно то, о чем вы думаете, дон Луис. Ваше сокровище.

Готов поклясться, что последнее слово он произнес с плохо скрываемым отвращением.

— Дайте, — прохрипел гранд, выгнув вперед руку с растопыренными пальцами. Мой товарищ отмахнулся от него, как от курицы.

— Сядьте на пол, — приказал он, — и скрестите ноги по-турецки.

Со стороны могло показаться, что де Легисамо ударили под колени. Он опустился на ковер и принялся неловко подбирать под себя коротковатые ноги. На лице у него при этом застыло выражение совершеннейшего недоумения.

— Вот оно, ваше сокровище, — повторил Юрка. — Вы проводили с ним много времени, дон Луис, слышком много! Вы разговаривали с ним, делились своими мечтами и желаниями, вы сделали его своим союзником в бизнесе и в любви, и в конце концов ваше сокровище вас сожрало. Ваша душа сейчас там, в этом чертовом кристалле, я слышу ее музыку! И пока кристалл при мне, я могу заставить вас сделать что угодно. Поверьте, дон Луис, это несложно. И твоя душа, Ник, тоже там. Мария могла добиться своей цели, используя обычные женские чары, но она предпочла помощь амулета. Я не знаю, сумела бы она приручить Ника, если бы не камень. Господа, я знаю моего друга — он не из тех, кто затевает интрижку с женой своего босса, стоит тому отлучиться по делам. Полковник Стеллецкий — настоящий русский офицер, и честь для него не пустой звук. В его грехопадении виновен ваш драгоценный El Corazón — ну и сеньора де Легисамо, разумеется. Она получила то, что хотела — отомстила обманувшему ее мужу, держала его на расстоянии, а себе завела верного рыцаря, готового ради нее на любой подвиг. Ведь так, Маша?

И тут я в первый раз взглянул на Машеньку — осторожно, краем глаза. Взглянул — и обомлел. Лицо ее

застыло белой алебастровой маской, а в глазах была ненависть.

— Вы — подлый человек, Юрий Всеволодович, — раздельно произнесла моя любимая. — Я доверилась вам, а вы меня предали.

К моему удивлению, когда Юрка ответил ей, в его голосе звучало смущение.

— Я предупреждал вас, Маша. Я говорил, что, если мне придется вытащить из пекла чертову бабушку, я это сделаю. Не моя вина, что вы заварили всю эту кашу вокруг кристалла. Но я никогда не говорил, что вы одна виноваты в том, что здесь произошло. Позвольте, я все-таки закончу свой рассказ...

РАССКАЗ КАПИТАНА АННЕНКОВА (ПРОДОЛЖЕНИЕ)

...Владея кристаллом, сеньора де Легисамо чувствовала себя настоящей королевой «Холодной горы». Но наслаждаться тайной властью ей пришлось недолго. В столице вспыхнул мятеж, стоивший жизни генералу Прадо. Молодая вдова генерала, двоюродная сестра дона Луиса, которую Маша видела до того только на свадьбе, переехала жить в поместье.

Конечно же, Маша попробовала приручить Миранду так же, как мужа, Ника и, возможно, Ланселота. Однако у нее ничего не вышло. Почему? Точного ответа у меня нет. Есть только версии. Возможно, Миранда по сравнению со своим двоюродным братом и с Ником оказалась орешком покрепче. Для создания полноценной «копии» души требовалось время, а его-то Миранда Маше и не дала. Вторая версия заключается в том, что у женщин попросту нет души. За это предположение меня могут повесить, распять и заживо сварить в кипятке суфражистки, которых так много расплодилось в последние годы в Соединенных Штатах, но я, слава богу, оттуда уже убрался и возвращаться туда не намерен. Как бы то ни было, коса нашла на камень. Миранда сразу почувствовала, что в поместье творится

что-то странное. Ее кузен не обращал внимания не только на свою молодую жену, но и на ее шашни со своим другом и партнером по бизнесу. А Миранда очень хорошо знала, чем заканчиваются подобные треугольники. Однажды дон Луис просто не вернется из очередной деловой поездки или сломает себе шею на охоте, и «Холодная гора» вместе со всей торговлей хлопком достанется Марии и ее любовнику. Такой расклад Миранду, конечно же, не устраивал, и она объявила Марии войну. Типично женскую войну, в искусстве которой она могла дать сто очков вперед своему покойному мужу, гениальному стратегу и тактику по прозвищу Цезарь.

Перипетии этой войны мне неизвестны. Однако известен итог — стороны подписали пакт о ненападении и договорились сотрудничать. По-видимому, Миранда сумела каким-то образом загнать Марию в угол, и та была вынуждена раскрыть ей тайну кристалла. Сначала Миранда, разумеется, ей не поверила, но, увидев своими глазами, как подчиняются воле новой родственницы дон Луис и Ник, поняла, что наткнулась на невероятное по силе воздействия оружие. Поняла — и предложила Марии сделку. В обмен на молчание Мария должна была одалживать ей кристалл — может быть, речь шла о периоде в несколько дней или даже недель. Миранде El Cogazón понадобился для того, чтобы убедить де Легисамо помочь ей в получении наследства Цезаря — двухсот миллионов фунтов стерлингов, лежащих на номерных счетах в швейцарских банках. А чтобы Мария не чувствовала себя жертвой шантажа, Миранда пообещала ей, что, как только деньги окажутся у нее в руках, она уедет в Европу вместе с двоюродным братом. Мария же останется в «Холодной горе» с Ником — она ведь, кажется, именно этого и добивалась?

Мария, конечно же, согласилась — а что еще ей оставалось делать? — и даже научила Миранду управлять кристаллом. Все произошло так естественно, что

дон Луис и сам не понял, каким образом поменял свое отношение к столь рано овдовевшей кузине. Он принялся готовить почву для переговоров о возвращении денег Цезаря его вдове... и сразу же попал в поле зрения германского посольства. Ваш выход, господин барон.

— Мне скрывать нечего, — ухмыльнулся фон Корф. — Я с самого начала заявлял, что прибыл сюда в поисках артефакта, известного как Ключ Души. Если в вашем свертке именно он, я готов приобрести его у законного владельца за вполне приемлемую цену. Двести миллионов фунтов стерлингов!

И он захохотал, донельзя довольный своей шуткой.

— Совершенно верно, — кивнул Анненков. — Чтобы получить наследство Цезаря, де Легисамо должен был отдать El Corazón. Сам он никогда не пошел бы на такую сделку, но его уже давно никто не спрашивал. Тот кристалл, с которым он продолжал советовать в подвале, был всего лишь искусной подделкой, изготовленной ювелиром Лазарсоном, а настоящий El Corazón переходил от Марии к Миранде и позволял этим дамам контролировать все происходящее в поместье. Так что дон Луис ответил согласием на щедрое предложение господина барона и пригласил его приехать в «Холодную гору». Он рассудил, что предъявлять претензии Триумвирату куда сподручнее, имея в резерве козырную карту в лице покровителей из Берлина. Вас, Миранда, он в свои планы не посвящал, потому-то вы так бесились, не понимая, какая сила удерживает вашего кузена от беспрекословного подчинения кристаллу. А ведь на самом деле дон Луис отнюдь не сопротивлялся, просто выбирал наиболее эффективную стратегию для выполнения вашей воли.

— Санта Мадонна, — спокойно произнесла Миранда. — А я-то уж беспокоиться начала: не обманула ли меня где моя свояченица?

Она сидела на краешке козетки, необычно строгая и собранная. Роскошные черные волосы были заколоты в пучок на затылке.

— Значит, вы подтверждаете, — не то спросил, не то сказал Анненков. Миранда выразительно пожала плечами.

— Какой смысл отрицать? Я никому не желала зла. Если бы не эта маленькая дрянь, все остались бы довольны...

МИРАНДА ЭСТЕФАНΙΑ ГАРСИЯ КОРДЕРО, ВДОВА ЦЕЗАРЯ

Я так и знала, что маленькая дрянь сдаст нас всех. Жаль, что я не сумела избавиться от нее раньше. Но племянниц обычно не душат во сне подушкой и не травят мышьяком — хотя порой стоило бы. Я собиралась отправить Лауру в Манаус, в пансион благородных девиц мадам Колиньи, а для этого нужны были деньги, и значит, следовало снова давить на Луиса. Честно говоря, я просто боялась делать это лишний раз — после того, как я заставила его вмешаться в спор за наследство моего покойного мужа, он стал совсем дерганый. Стерва Мари четыре года распоряжалась его душой, нимало не задумываясь о том, как это отражается на его здоровье, но я-то так не могла! Я любила Луиса, пусть и не так, как Цезаря, но все-таки любила. Когда я забрала его у Мари, он был совершенно опустошенный, выпотрошенный, как каплун, которого готовятся набить яблоками к Рождеству. Казалось, стоит надавить на него чуть посильнее — и он сломается, сойдет с ума или решится на самоубийство. Мне стоило больших трудов вновь пробудить в нем интерес к жизни, и пусть для этого мне пришлось переступить через себя, нарушать законы земные и небесные, ложиться в постель с собственным кузенком — я ни о чем не жалею! Та сломанная марионетка, которую я обнаружила в «Холодной горе» год назад, никогда не справилась бы с соратниками Цезаря по Триумвирату. Я вылечила Луиса, отогрела его бедное замерзшее сердце, вернула ему радость борьбы и подарила ему новую цель. Не скрою, иногда мне казалось, что он не слишком торо-

пится решать вопрос с наследством, и я немного подгоняла его... теперь-то я знаю, что он просто хотел подготовить свою атаку на Триумvirат как следует. Мой Цезарь бы это понял. Он вообще очень тепло относился к Луису, жалел его, считал непутевым, слишком привязанным к давно умершей Глории. Мне кажется, если Цезарь видит сейчас меня с небес, он не должен слишком на меня сердиться. Он не может не видеть, что я хотела только добра.

Если бы не Лаура! Она вмешалась в нашу игру, как злой ребенок, который мстит взрослым за недостаточное внимание к нему и, улучив момент, сбрасывает со стола все карты. Я все тянула с ее отправкой в пансион, а эта дрянь тем временем ухитрилась влюбиться в Ника Стеллецкого!

Она ходила за ним как хвостик, она глядела ему в рот и едва только не вешалась ему на шею на глазах у гостей и слуг. Ник, разумеется, не обращал на нее никакого внимания — он был уже давно накрепко привязан к Мари и ни на кого другого смотреть не хотел. Другая бы на месте Лауры смирилась — но маленькая дешевка оказалась настырной! Она стала следить за Ником, очень быстро выяснила, у кого он проводит ночи, а потом каким-то образом узнала про кристалл. Подозреваю, что ей рассказал о нем ее дружок Однорукий. Почему-то он выделял ее из всех обитателей поместья. Может быть, потому, что они были чем-то похожи — привычкой все время скрываться в тени, бесшумно перемещаться по дому, подслушивать и подглядывать... Когда Однорукий, тихо, как змея, проскользнул в поместье, среди слуг сразу поползли слухи — мол, Руми вернулся, чтобы отомстить хозяину за давнюю обиду. Что за обида, известно никому не было, но ведь этим бездельникам нет ничего слаще, чем чесать языками, особенно перемывая косточки господам. Луис, конечно, ничего не знал — при нем-то старались не болтать, помнили еще, каков бывает хозяин в гневе. Ну и я поначалу не очень верила, а потом

столкнулась с ним лицом к лицу, и как раз из-за этой соплячки... Однажды я застала Лауру в своей спальне — как она проникла туда, уму непостижимо. Эта дрянь обладает удивительным даром бесшумно перемещаться по всему дому, закрытых дверей для нее, по моему, не существует. Но моя спальня — это святыня, заходить туда без моего приглашения никому не позволено! Я разъярилась, вытащила соплячку в коридор и там несколько раз ударила ее — несильно, просто чтобы поставить на место... Лаура отшатнулась, вскрикнула — и тут из темноты бесшумно выскользнул какой-то мерзкий демон. Однорукий! Он зашипел на меня, как разъяренная пума, глаза у него налились кровью, и, глядя на его дьявольскую рожу, я... я испугалась. Стыдно в этом признаваться, когда в тебе течет кровь двадцати поколений благородных кабальеро, завоевателей и администраторов, склонявших головы только перед королем. Когда в свои двадцать лет ты уже извела и славу, и власть, пусть даже эти слава и власть были завоеваны твоим мужем. Но как они смотрели на меня, эти блестящие гвардейские офицеры, когда мы шли с моим Цезарем принимать поздравления от самого Эль Президенте! Я хорошо помню, как все заискивали перед Цезарем, как его так называемые друзья и соратники пытались добиться его благосклонности, в том числе и подлизываясь ко мне... Пусть в глазах толпы моя власть была лишь отражением того великолепия, что окружало моего мужа, я-то знала, что Цезарь любит меня больше всех на свете! И что он сделает все, что я захочу, — стоит мне только захотеть. Потому что, когда мы оказывались с ним наедине, за закрытыми дверями, где никто не мог нас увидеть, он переставал быть грозным Цезарем и превращался совсем в другого человека... очень нежного, очень любящего и боготворящего свою возлюбленную. То есть меня.

И вот я, Миранда Эстефания Гарсия Кордеро, перед которой стоял на коленях могущественнейший человек страны, — я испугалась какого-то грязного ин-

дейца! Позор! Я взвизгнула и спряталась в своей спальне, дрожа, как замерзшая на горном ветру лама. А когда немного успокоилась, то сделала два важных вывода: во-первых, слухи о том, что однорукий Руми разгуливает по поместью, как по собственному дому, оказались правдой, а во-вторых, Лаура почему-то пользуется его покровительством. Конечно, можно было сложить два и два уже тогда... но я была слишком напугана и слишком зла на Лауру. А ведь Однорукий вернулся не просто так! Он пришел за сокровищем де Легисамо, он пришел, чтобы забрать El Corazón! И с помощью Лауры это ему почти удалось...

РАССКАЗ КАПИТАНА АННЕНКОВА (ОКОНЧАНИЕ)

Благодарю, сеньорита. Почти так все и происходило. Только Руми, конечно же, не разгуливал по поместью, как по родному дому, — это преувеличение. Он прятался в деревне, в доме старосты, которого запугал до полусмерти, и подбивал тамошних крестьян на бунт. На землях же «Холодной горы» появлялся только в исключительных случаях, опасаясь людей Стиллиутера. Встреча, так испугавшая Миранду, была скорее случайностью, хотя, возможно, Однорукий специально караулил у дверей ее спальни, пока Лаура обыскивала комнату в поисках кристалла.

Отношения между Лаурой и Руми долгое время оставались для меня загадкой. Потом, однако, я вспомнил рассказ Миранды о том, как Лаура чуть не утонула в болоте и что ее спас некий добрый дух. Вчера я убедился в том, что Однорукий знает Черные Топи как свои пять пальцев, — и понял, кто был тем самым «добрым духом».

Они действительно очень походили друг на друга — оба одинокие, всем чужие, обреченные прятаться в тени. Шестнадцатилетней девочке нужны приключения, таинственные встречи, игры с переодеваниями — все это появилось в ее жизни после встречи с Руми.

Однорукий быстро завоевал расположение Лауры, рассказывая ей волшебные истории и показывая фокусы, на которые был большой мастер. В конце концов Лаура призналась ему в своих чувствах к полковнику Стеллецкому и пожаловалась на то, что «дядя Ник» совсем не обращает на нее внимания. Тогда-то Руми и посвятил ее в тайну кристалла — сказал, что у дона Луиса есть верное средство, которое поможет Лауре отбить Ника у тетки Марии и привяжет его крепче любого приворотного зелья. Лауре нужно только выяснить, где хранится кристалл, а добыть его Руми поможет...

И Лаура выяснила — вот только пошла по ложному следу. После того как Миранда спугнула ее, застав в своей спальне, девочка принялась следить за доном Луисом и довольно быстро выяснила, где находится сейф с кристаллом. Дверь в сокровищницу задержала Однорукого ненадолго — он поручил Лауре сделать восковую отливку ключа и заказал ключ тому же злополучному Хорхе, который уже делал эту работу для сеньоры Марии. Кстати, Лаура плохо справилась со своим заданием, отливка вышла неважной, и вряд ли у Хорхе получилось бы изготовить сложный ключ со скользящей осью, но у него, судя по всему, хранилась старая заготовка. Сейчас уже невозможно восстановить все детали — я не знаю, почему Хорхе вдруг решил потребовать двойную плату. Возможно, в качестве компенсации за свою предусмотрительность. Вышло, однако, совсем не так, как предполагал недалекий слесарь. Руми разозлился и припугнул Хорхе «порчей» — на самом деле, очевидно, просто подсыпал ему какой-нибудь отравы в питье. Насмерть перепуганный индеец был вынужден просить прощения у могущественного брюхо и поклялся выполнять все его приказы. Несколько дней спустя Однорукий воспользовался столь опрометчиво данной клятвой...

Дальше все было делом техники. Однорукий смазал замок маслом — я обнаружил в замке следы масла

и воска в ту же ночь, когда мы с доном Луисом спу-
скались в подвал, — и проник в сокровищницу.

Я окончательно уверился в том, что преступление совершил индеец, когда увидел нетронутые витрины с древним золотом. Как сказал мне Ланселот Стиллоу-тер, «индейцы никогда не поднимут руку на то, что сделали инки». С точки зрения Руми, хозяин дома оказал древним ювелирам большую честь, поместив их изделия за стекло, на красивый бархат, под лучи электрических ламп. Господин барон объяснил мне, что золото ценилось инками не как драгоценный металл, а как божественная эманация, которой следовало оказывать соответствующие почести. Поэтому-то Одно-рукий и не прикоснулся к хранившимся в витринах экспонатам, ограничившись лишь спрятым в сейфе кристаллом. Держу пари, что, если бы преступление совершил белый человек, он наверняка прихватил с собой пригоршню золотых украшений или, по крайней мере, ту великолепную маску с изумрудами.

Но, черт возьми, даже зная, что кражу совершил Руми, я все равно не понимал, как именно он это сделал! Не понимал, пока Ник не познакомил меня с результатами химического анализа того волокна, образец которого я снял с зеркала в комнатах Лауры. Если помните, господа, и сейф, и зеркало подверглись воздействию одной и той же субстанции. Чем бы ни была эта субстанция, одно было несомненно — она плавилась и сталь, и стекло, но при этом не оказывала никакого воздействия на найденную мной нить. Существует известный анекдот о том, как к Томасу Эдисону пришел проситься в ученики некий студент, одержимый идеей создания всеобщего растворителя. Эдисон выгнал невежу, заявив, что если такой растворитель будет разъедать любой материал, его попросту не в чем будет хранить. Так вот, субстанция, которую использовал Руми, чтобы вскрыть сейф и оставить следы на зеркале, безусловно в чем-то хранилась. К счастью, в лаборатории Ника, как бы он ни жаловался на ее бедность, оказалось

достаточно реактивов, чтобы определить, что это были за волокна. В здешних горах, господа, растет неприхотливый колючий кустарник, известный ботаникам как *Euphonia Montagna*, а местным жителям — как «сети дьявола». Попавшая в него лама, как правило, не может выпутаться и погибает от голода, поскольку листья и ветви *Euphonia* несъедобны даже для этого всеядного животного. Зато «сети дьявола» абсолютно невосприимчивы к огню, поэтому иногда из них плетут ограды вокруг домов — считается, что дом, окруженный такой изгородью, уцелеет, даже если пожар охватит всю деревню. Из этого же кустарника инки изготавливали сосуды, в которых хранили свой легендарный «жидкий огонь». Так называлось вещество, при помощи которого мастера инков размягчали огромные каменные глыбы для строительства дворцов и храмов. Многие из этих глыб, весом до нескольких сотен тонн, имеют десятки выступов и углов, к каждому из которых идеально точно подогнан соответствующий каменный блок. Качество отделки, немыслимое даже для современной техники! А ведь в распоряжении мастеров инков были только бронзовые инструменты — и «жидкий огонь»!

К несчастью для Руми, кристалл оказался подделкой — впрочем, Лаура об этом знать, конечно же, не могла. Наш колдун попал в пикантную ситуацию — все кругом (исключая, разумеется, Марию и Миранду) были уверены, что похищен настоящий *El Corazón*, в то время как речь шла о краже куска горного хрусталя стоимостью не больше ста долларов. Дон Луис, между прочим, пообещал заплатить мне десять тысяч, если я найду пропавшее сокровище и вора, — а между тем сам вор понятия не имел, где это сокровище спрятано. Что было делать бедняге Однорукому? Любой другой на его месте постарался бы скрыться, но Руми был не из таковских. По каким-то причинам, известным лишь ему одному, он решил использовать для поисков истинного кристалла меня. Но поскольку он все-таки был

колдуном и, стало быть, думал не совсем так, как мы, то решил мне немного помочь. С помощью все того же бедолаги Хорхе, который мог попасть в поместье, не вызывая лишних подозрений, Руми подсунил мне бокал вина с разведенным в нем отваром айяуаски — как видите, Отто, я уже научился правильно произносить это слово! Как мне любезно объяснил господин барон, шаманы в джунглях дают больным выпить этого отвара, а потом слушают их бред и определяют, где прячутся вызывавшие болезнь злые духи и кто навел на их пациентов порчу. Что-то в этом роде собирался проделать и Руми, только я подозреваю, что он хотел использовать меня в качестве сыщика в мире духов. Возможно, впрочем, что он пытался убить одним выстрелом двух зайцев, убирая с дистанции наиболее опасного соперника: впади я в транс у всех на глазах, это самым драматическим образом скомпрометировало бы меня перед доном Луисом. Конечно, мне обеспечили бы надежный уход, и совсем несложно было бы подстроить так, что у моей постели дежурила бы Лаура. Ей-то я и разболтал бы все секреты, которые бы открыли мне духи...

— Почему же колдун сам не мог найти кристалл с помощью айяуаски? — недоверчиво спросила Миранда.

— Я тоже задавал себе этот вопрос, сеньорита. В общем-то, это было бы логично. Но еще логичнее было бы с самого начала использовать айяуаску, не прибегая к помощи Лауры. Если же Руми этого не сделал, значит, очевидно, просто не мог.

— Ничего удивительного, — пророкотал господин барон. — Айяуаскеры испокон веков делились на черных и белых. Белые могут пить айяуаску сами и путешествуют по миру духов в обличье летучей мыши или птицы-нырка. Но таких всегда было очень немного, потому что считается, будто у магов-людей в мире духов есть могущественные враги. Черные, которых гораздо больше, умеют погружать в транс и отчасти управ-

лять путешествиями других людей. Наш одорукий друг, несомненно, относился к числу черных.

— Вот видите, — пожал плечами Анненков. — Ларчик просто открывался. Вполне вероятно, дьявольский план бы сработал — однако снова вышла промашка, и опять по вине Лауры, которая выпила предназначавшуюся мне айяуаску. В результате на поиски кристалла в мире духов устремилась именно она.

— Ага! — воскликнул фон Корф. — Теперь я понимаю, что означал весь этот delirium про бесконечные коридоры и мерцающее в темноте сердце! Девочка искала потерянный Ключ Души!

— Собственно, рассказывать мне больше почти не о чем. Пока я искал El Corazón, сопоставляя данные перекрестных допросов, — простите, я имел в виду, беседуя с различными участниками событий, — Однорукий пытался подобраться к Лауре. И в конце концов у него это получилось.

— Как — получилось? — поразились Миранда. — Ведь героический майор Гутьеррес спас нашу девочку из лап негодяя!

Анненков задумчиво поскреб подбородок, на котором уже начала пробиваться жесткая синеватая щетина, потом наклонил голову, словно к чему-то прислушиваясь.

— Думаю, сеньорита, на этот вопрос лучше отвечать не мне. Если вы потерпите буквально еще одну минуту...

Но так долго ждать не пришлось. Не успел капитан договорить, дубовые двери гостиной с грохотом распахнулись, и в зал не вошел, а ввалился Ланселот Стилуотер с каким-то мешком через плечо.

— Леди и джентльмены, — объявил он, с трудом переводя дыхание, — прошу простить мой вид. Черт возьми, я давно не охотился на лис, но эта скачка была круче!

Стилуотер свалил свою ношу на пол и придержал за веревку, туго стягивающую джутовую ткань. Дамы

ахнули. Из мешка, гневно сверкая черными, как отверстия оружейных стволов, глазами, торчала голова майора Гутьерреса.

— Майор? — слабым голосом спросил по-прежнему сидевший на полу дон Луис. — Почему вы в таком виде?

Гутьеррес не удостоил его ответом — только брезгливо дернул жесткой щеточкой усов.

— Похоже, он такой же майор, как я вице-король Индии, — усмехнулся Ланселот Стилуотер. — Когда я его догнал, он ехал в компании дюжины бандитских рож, и могу поклясться — многих из них я уже видел раньше. Это те самые мятежники, что взорвали мост над Урубамбой, а он у них — самый главный.

— Английская собака! — с едва сдерживаемой ненавистью проговорил лжемайор. — Ты сдохнешь, как и все твои дружки-оккупанты! Сьерра просыпается, англичанин! Когда вас начнут вешать, в Сьерре не хватит деревьев!

— Зачем вы влезли в эту игру? — укоризненно спросил его Анненков. — Захотелось пощекотать нервы? Такому человеку, как вы, не к лицу самому бегать с револьвером. Конечно, Однорукий бы сам не справился, но вы же могли послать ему на помощь кого-нибудь другого, не так ли?

Пленник не удостоил его ответом.

— Признаться, я не ожидал от вождя мятежа такой неосмотрительности, — продолжал капитан. — Видимо, El Corazón действительно был слишком важен для наследника трона инков. Сокровище наконец попало к Однорукому, но без посторонней помощи он вряд ли сумел бы выбраться из поместья. Благодаря Ланселоту Стилуотеру «Холодная гора» превратилась в настоящую мышеловку. Тогда майор Гутьеррес, — прошу прощения, тот, кто выдавал себя за майора Гутьерреса, — решил, что пришла пора включиться в игру. Он остался дежурить у постели Лауры, а потом устроил настоящий спектакль со стрельбой и погоней. В конце

концов героический майор вернул дону Луису его сокровище, чем заслужил его безмерную благодарность. Но что гораздо важнее, после этого триумфа патрули, охранявшие выходы из «Холодной горы», были отозваны, и Руми получил возможность беспрепятственно выскользнуть из поместья вместе с талисманом.

— El Sorazón у меня, — бесцветным голосом сказал дон Луис.

— То, что вам вернул Гутьеррес, — прошу прощения, я по привычке, — это подделка, та самая, которую изготовил Лазарсон и которую вы последние годы хранили в своем чудо-сейфе. Настоящий кристалл остался у Однорукого. Когда стало ясно, что Руми больше никто не ищет, его настоящий хозяин посчитал, что пришла пора покинуть гостеприимное общество.

— Ого, — присвистнул Стилуотер. — Значит, я таскал на плече коронованную особу? Что ж, прошу прощения...

— Инкарри? — недоуменно поднял брови Отто фон Корф. — Так это вас генерал Прадо хотел сделать новым Эль Президенте? Это для ваших отрядов он закуpal оружие у Круппа?

— Генерал Прадо был великим человеком, — гордо ответил майор. — Если бы его не убили, страной бы уже правили законные наследники инков. Но генерал пал жертвой тех, кого он считал своими друзьями, тех, кто лгал ему, строил козни у него за спиной. Оружие, купленное генералом, не дошло до наших солдат. Я был слушателем военной академии, где генерал Прадо читал курс тактики. Из уважения к своему учителю я велел Руми не трогать его женщину, когда стало ясно, что Глаз Пачакамака хранится именно у нее. На этом мы потеряли драгоценное время, и сокровище вернулось к вам, белые собаки.

— Не волнуйтесь, Ваше Величество, — перебил его капитан Анненков. — Оно вернулось ненадолго.

Он соскользнул со стола и, встав боком к собрав-

шимся в гостиной, развернул сверток. На зеленое сукно выпал прозрачный камень размером с куриное яйцо.

— В этой древней хреновине, — сказал капитан Анненков, — заперты души бесчисленного множества людей. Ник, дон Луис, Ланселот, Мансио Серра де Легисамо, половина мужчин из клана Эспиноса... Но это только на поверхности. Там, в глубине, столько безымянных душ, что ими можно заселить целый город. И мне это не нравится.

Он взял лежавший рядом «Потапыч» и, держа его за ствол, поднял над поблескивающим в свете электрических ламп хрустальным сердцем.

— Я отпускаю их на свободу, — сказал капитан Анненков, опуская тяжелую рукоять «маузера» на голубоватую поверхность кристалла. — Всех.

— Нет! — неожиданно тонким голосом сказал дон Луис, протягивая к нему руки. С места он, впрочем, так и не двинулся, как будто невидимые цепи приковывали его к полу.

Раздался громкий треск. El Corazón разлетелся на сотни мелких осколков, с сухим паучьим шелестом посыпавшихся на дорогой персидский ковер. Пока осколки сыпались, в гостиной стояла мертвая тишина.

— Не может быть, — выдохнула наконец Маша. Алебастровая бледность ее лица понемногу сменялась розоватым румянцем. Как будто в Галатею вдохнули наконец искру жизни. — Все кончилось? Это и правда был El Corazón?

— А ты разве не чувствуешь, милая? — строго проговорила Миранда. — Сколько раз я думала, каково же это будет — разбить чертову игрушку... Вот, значит, как...

— Я тоже хотела, — слабо улыбнулась Маша. — Много, много раз хотела и никогда не могла решить...

Ланселот Стиллаутер кашлянул и слегка покачал головой.

— Бьюсь об заклад, вы не ожидали от наших дам

такой реакции, Юрий Всеволодович. Я лично полагал, они как минимум попробуют выцарапать вам глаза. В любом случае вы мужественный человек!

— Что бы вы понимали, Стиллиуотер, — с плохо скрываемым презрением произнесла Миранда. — Это был протез, понимаете? Вместо того чтобы полагаться на свою красоту, на свои чары, на умение кружить голову вам, баранам, мы были вынуждены использовать *это...* эту подделку!

— Чудовищно непрактичное решение! — перебил ее фон Корф, грузно выбираясь из кресла. — Вы горько разочаровали меня, герр Анненкофф! Я оказывал вам всяческую помощь в надежде, что вы будете содействовать мне в получении этого артефакта! Ключ Души необходим Рейху, необходим партии и лично фюреру! А вы... вы его уничтожили! Впрочем, вы, русские, всегда были варварами! Разрушать — о, это у вас получается превосходно!

— За всех не говори, колбасник, — мрачно бросил Стеллецкий. Он медленно приближался к россыпи хрустальных осколков, бывших некогда драгоценностью рода де Легисамо. — А то ведь мы тоже можем вам кое-что припомнить... как вы нашим краснопузым деньжат подбрасывали, чтобы они в войсках за мир агитировали... здесь небось так же хотели сработать?

Продолжая бормотать, он опустил на колени и погрузил пальцы в затухающий хрустальный блеск.

— Швайне, — негромко сказал господин барон, но Ник его услышал. Несколько мгновений он еще стоял на коленях, перебирая осколки, потом замер. Даже под белым свитером было заметно, как напряглись его мускулы.

— Ага, — удовлетворенно пробормотал он, поднимаясь во весь рост. — Швайне, значит. С пониманием, как говорит Юрка...

И наотмашь, открытой ладонью, хлестнул господина барона по широкому красному лицу.

— О! — поднял брови Ланселот Стиллоутер. — Международный конфликт!

Отто фон Корф, ставший похожим на перезревший помидор, слепо шарил рукой на поясе, пытаясь найти то ли шпагу, то ли пистолет.

— Вы безоружны, господин барон, — подсказал ему капитан Анненков. — Так что советую извиниться — я Ника знаю, он немчуру не любит. Даже драться не станет — ухо откусит, и все дела.

Фон Корф зашипел, как рассерженный индюк, и принялся замысловато ругаться по-немецки, но его уже никто не слушал, потому что в этот момент лже-Гутьеррес неожиданно запел высоким и очень чистым голосом. Слов не понимал никто, кроме, возможно, Стиллоутера, но это было совершенно неважно. Как неважным казалось то, что пение это не сопровождается музыкой, и то, что сам певец стоит, завернутый в дурацкий джутовый мешок.

*Сутти куита айсариспа
Кайльях самуни, Пачамама
Йавар конкор льясучуспа
Чай йа тамуни, Пачамама...*

Имя призывая твое, я направляюсь к тебе, Пачамама; на кровоточащих коленях я приближаюсь к тебе, Пачамама; обрывая цветы панти, я склоняюсь перед тобой, Пачамама... Золотой камень в одеждах из радуги, звездный цветок, Пачакамак... небесное озеро, серебряный кувшин, Господин, Который Все Видит, взгляни на нас, Пачакамак, солнечное тепло, дающее жизнь, детей своих не оставь, Пачакамак...

Инкарри замолк, и в наступившей тишине вдруг громко хлопнула дверь.

— Дон Луис, — негромко сказал капитан Анненков.

И правда — пока все слушали песню, хозяин поместья куда-то исчез. Даже Ланселот Стиллоутер, не-

дреманное око «Холодной горы», осматривался по сторонам с самым недоуменным видом.

— Луисито! — крикнула Миранда, бросаясь к дверям. — Луисито, *mi soqazón*, постой!

Зацокали вниз по лестнице ее каблучки. Мария беспомощно переводила взгляд со Стеллецкого на Анненкова. В глазах у нее блестели слезы.

— Все позади, — сказал ей капитан Анненков. — Все уже прошло, Маша. Все прошло.

Он засунул «маузер» в кобуру, одернул пиджак и не торопясь подошел к окну гостиной. Из окна открывался чудесный вид на долину — подстриженные кусты, голубое зеркало пруда, заросли бело-розовых мальв. От усадьбы к близким горам протянулась прямая, как стрела, дорога, и по этой дороге, прильнув к шее прекрасного белого жеребца, бешеным галопом скакал всадник в охотничьем костюме.

*Из слез, что я пролил,
Возник источник;
Влагой моей печали
Другие утоляют жажду...*

Коралловый остров

Правило номер один заключается в том, что вы не должны нырять с людьми, в которых вы не уверены.

Запомните, что, если у вас нет хорошего бадди, вы не можете быть уверены в том, что у вас есть резервный источник воздуха.

И раз уж вы нашли себе бадди, которому можно доверять, обращайтесь с ним хорошо — однажды может оказаться, что ваша жизнь будет зависеть от него.

Дэн Уолкер

1

руизная яхта «Хатшепсут», водоизмещением в восемь тонн, порт приписки — Дахаб, владелец — туристическая компания «Лагуна Трэвел», арендаторы — Самойлов Олег Игоревич и Кольцов Максим Эдуардович, капитан — Ахмад Саид-бей, команда — два безымянных египтянина, пассажиры — Самойлова Татьяна Алексеевна и Нетреба Оксана Петровна, — вошла в территориальные воды Судана вечером 21 октября.

Дневная жара уже спала, воздух был чист и прозрачен, как хорошо промытый хрусталь. Африканский берег — волнистая линия желто-серых холмов — казался близким, так хорошо различимы были отдельные детали пейзажа. От маленького причала, за которым громоздились одинаковые белые коробки домов,

скользил по отшлифованной закатом линзе моря пограничный катер. Флаг с ярко-зеленым треугольником безжизненно свисал с похожего на длинную удочку флагштока.

Максим сидел на свернутом бухтой канате, курил длинную египетскую сигариллу и смотрел, как приближается катер. Золотой отблеск закатного солнца танцевал на ржавом борту посуды, превращая ее в сказочный корабль из страны Эльдорадо.

Астматически пыхтя, подошел Ахмад Саид-бей, кашлянул, требуя к себе внимания. Максим лениво повернул голову. Капитан, очень важный и несколько даже надутый, держал в руках пухлую пластиковую папку.

— Суданцы, — произнес Ахмад Саид-бей на своем странном английском. — Будут проверять документы. Очень долго. Очень... — он запнулся и замолчал.

— Тщательно? — подсказал Максим. Капитан закивал.

— Да, да. Тщательно. Могут даже потребовать идти в порт. Нужен бакшиш, ОК?

— Сколько?

— Двести долларов, — Саид-бей закатил глаза. — Суданцы очень жадные, очень...

— У вас же есть лицензия, — укоризненно заметил Максим. — Зачем же тогда мы купили вам лицензию?

Лицензия на сафари у берегов Судана обошлась им в четыре тысячи — столько же стоила сама аренда яхты на две недели. Сам Саид-бей никогда бы не потратился на лицензию: египтяне вообще не питают особой склонности к венчурному бизнесу. Теперь же благодаря щедрым русским он мог целых два года возить туристов в заповедные, не опустошенные курортным бумом южные воды Красного моря. Впрочем, благодарность, которую капитан «Хатшепсут» испытывал к своим клиентам, ничуть не влияла на его желание вытрясти из них лишнюю копейку.

— Без лицензии они бы нас арестовали, — ничуть

не смущаясь, заявил он. — А может, даже расстреляли бы. Вот так, — коричневый палец указал Максиму на грудь, — пух-пух!

— Хорошо, — Максим вздохнул и поднялся с канатов. Выкинул сигариллу за борт и с удовольствием выдохнул сизый дым в лицо капитану. — Я поговорю с ними. Сам.

В глазах Саид-бея мелькнуло разочарование.

— А мистер Олег? Может, суданцы захотят видеть и его тоже?

— Обойдутся, — отрезал Максим. — Скажите им, что мистер Олег и его леди плохо себя чувствуют. Тем более что это правда.

После грандиозной прощальной попойки, которую закатили им питерские ребята в Эль-Гуне, чувствовать себя хорошо мог бы только мутант с печенью слона. Максима спасла приобретенная еще в студенчестве привычка прочищать себе желудок после каждой пятой рюмки. Олег такой привычки не имел и в результате весь день проболел у себя в каюте. Таня, как настоящая жена декабриста, сидела у его койки, меняла холодные компрессы на лоб, подавала воду с алька-зельцером и терпеливо выслушивала мужнино нытье. Потрясающая женщина, в сотый раз подумал Максим. И почему она досталась Олегу?..

Катер был уже совсем близко. Оглушительно тархтел старый движок, с наветренной стороны тянуло резкой бензиновой вонью. Максим, закулив новую сигариллу, невнимательно наблюдал, как суетятся египетские матросы, швартуя яхту бортом к пограничному судну. Солнце стремительно исчезало, его последние отблески дрожали на зубчатых вершинах далеких гор. «Хатшепсут» проваливалась в синие сумерки, хрусталь превращался в темный сапфир. Ярко-белая форма суданцев светилась в подступающей темноте.

Командир пограничников поднялся на борт, небрежно козырнул, смерил Максима презрительным взглядом и повернулся к капитану. Спросил что-то по-араб-

ски. Ахмад Саид-бей шелестел бумагами, бормотал полузадушенным голосом. Максим подошел к нему и встал перед суданцем.

— Добрый день, майор, — сказал он по-английски. Вряд ли командир пограничников был майором, но обращение ему явно понравилось — с лакированного черного лица исчезло выражение презрения. — Мы — дайверы из России. У нас сафари, две недели. Судан — прекрасная страна. Лучшее море в мире...

— Лисенс, — перебил его пограничник. Максим кивнул капитану. Ахмад Саид-бей протянул суданцу разноцветный лист формата А-4, предусмотрительно запаянный в целлофан. Стоявшие за спиной командира солдаты вытянули шеи, чтобы поглазеть на документ — похоже, это была первая легальная лицензия, которую они видели в своей жизни.

— Все законно, майор. Мы очень любим вашу страну. Вот здесь маленький подарок для вас и ваших людей.

Максим протянул пограничнику плотный пакет, изукрашенный сфинксами и пирамидами, — память о посещении сувенирной лавки в Хургаде. Теперь в пакете находилась литровая бутылка водки «Чайковский», тонкую шейку которой охватывала желтая резинка. За резинку была аккуратно заправлена купюра с изображением Франклина. Одна, что бы там ни говорил капитан Саид-бей.

Суданец заглянул в пакет. Пошевелил бровями.

— Хорошо, — сказал он без всякого выражения и опять заговорил с капитаном по-арабски. Тот быстро отвечал, ухитряясь одновременно улыбаться Максиму.

— Если яхта быть в порядке, — медленно проговорил пограничник, выслушав речь Саид-бея, — вы мочь следовать дальше. До третьего ноября. Потом — назад, в Египет. Какие места вы хотите делать визит?

Саид-бей услужливо развернул карту. Один из солдат зажег фонарик — темнота быстро доедала палубу «Хатшепсут».

— Сначала пойдем сюда, — Максим ткнул неза-

жженным концом сигариллы в почти невидимые глазу точки коралловых рифов. — Потом — дальше на юг, к мысу Рас-Диша. Затем — к отмелям Абу-Дахара. Это здесь. Может быть, сюда...

Сигарилла поползла по глянцевой синеве Красного моря. Пограничник хмыкнул.

— Не сюда, — неожиданно грубо сказал он. Его черный палец отпихнул сигариллу Максима к африканскому побережью. — Сюда — плавать нет. Нельзя.

Максим удивленно поднял глаза.

— Почему — нельзя? Запретная территория? Военная база?

В темноте сверкнули неправдоподобно белые белки глаз.

— Нет. Просто плохо. Вернуться — нет. Многие вернуться — нет. Понятно?

— Отсюда? — Максим аккуратно вернул сигариллу на место и очертил ей маленький кружок. — Отсюда многие не возвращаются?

— Да, — теперь в голосе офицера звучало раздражение. — Если вы не дураки, не идти сюда. Ваша лиценс в порядке, ОК, мочь следовать дальше. Сюда идти — не мочь. Все понятно, нет?

— Все ясно, майор, — успокаивающе сказал Максим. — Вы нам прекрасно все объяснили.

На катере вспыхнул яркий прожектор. Его луч скользнул по палубе «Хатшепсут» и остановился на сходнях, переброшенных через борт яхты. Офицер коротко кивнул капитану и повернулся к Максиму спиной.

— Сколько вы ему дали? — трагическим шепотом спросил Саид-бей, когда катер, оглушительно стуча двигателем, отвалил от «Хатшепсут» и взял курс на берег. — Обычно суданцы очень придирчивы, все смотрят, все ощупывают... Вы, наверное, дали ему слишком много...

Максим помолчал. Потом развернул карту и указал капитану на маленькую темную отметину.

— Если доставишь нас туда, — сказал он, — получишь куда больше.

Издалека остров казался золотой медалью, приколотой к лазоревому мундиру моря. За полосой неправдоподобно желтого песка вставала ажурная изгородь перистых пальм. Над темно-зелеными кронами лениво парили крупные белые птицы.

— Красотища! — восхищенно протянула Оксана, прильнув к окулярам бинокля. — Как в кино!

Максим похлопал ее по круглой оттопыренной попке, перечеркнутой тонкой белой ниточкой стрингов.

— Лучше, котенок, — сказал он снисходительно. — Гораздо лучше, чем в кино.

На душе у него было беспокойно. Остров выглядел мирным, живописным, совершенно безопасным. Между тем в квадрате, помеченном на карте кончиком сигариллы, больше ничего не было. Голубая пустыня моря и золотое пятнышко острова. Именно сюда суданские пограничники почему-то не рекомендовали им заходить.

— А там есть отель? А то каюта так надоела... Мне хочется выспаться на шикарной кровати, а тебе, Максик?

— Нет там никаких отелей. Это необитаемый остров, понимаешь? Потерпишь со своей кроватью до Москвы...

Оксана была хорошей девушкой — доброй, не подлой, по-своему верной. Но иногда простодушие Оксаны раздражало Максима так, что ему хотелось ее ударить.

— Ну и зачем? — Оксана обиженно надула слегка подправленные силиконом губки. — Вы нарочно, что ли, в самую глушь забрались? Ни отелей, ни джакузи, едим уже третий день одно и то же...

— Конечно, котенок, — терпеливо ответил Кольцов. — У нас же сафари, приключение. Чем меньше вокруг народу...

Остановись.

Он замер с открытым ртом, будто испугавшись, что голос, прозвучавший у него в голове, может услы-

шать кто-нибудь другой. Оксана, разумеется, ничего не заметила.

— ...тем больше рыбы в море. У популярных курортов давно уже все распугали. А здесь до сих пор живут гигантские манты — восемь метров размах крыльев. Хочешь увидеть восьмиметровую манти?

— Не нужны мне ваши дурацкие манты. Я кровать хочу восьмиметровую. И ванну... Ой!

Оксана заплясала у фальшборта, не выпуская из рук бинокля.

— А вот и не необитаемый твой остров!

— Что ты там увидела? — спросил Максим, подходя. Он попытался отобрать у нее бинокль, но это оказалось трудным делом: Оксана хихикала, изворачивалась, отпихивала его загорелым бедром и в результате едва не выронила дорожную цейссовскую оптику за борт. В конце концов Максим одержал победу и поднес трофей к глазам.

Островок, судя по всему, был атоллom — на это намекали и плавная закругленность его береговой линии, и голубое пятнышко центральной лагуны, блестевшее за изгородью пальм. Там, у лагуны, стояло какое-то длинное низкое строение — то ли склад, то ли барак. Никаких людей, впрочем, на островке заметно не было.

— Разве ты кого-то там видела? Просто заброшенная хижина, вот и все. Может, ее построили контрабандисты, чтобы хранить свои товары.

Во всяком случае, мне бы этого очень хотелось.

— А вот и нет! Там кто-то живет. Может, это такой экзотический отель, как на Сейшелах, — бунгало на сваях, прямо над морем. Туда ездят влюбленные и молодожены проводить медовый месяц. Очень романтично, между прочим! Трахаешься, а под тобой волны шумят...

— Этот твой отель построен из гнилых досок, — сказал Максим. — И обломков какой-то проржавевшей посуды, насколько я вижу. И живут там только клопы и песчаные блохи... О, черт!

Над крышей развалюхи поднимался едва замет-

ный, почти сливающийся с жарким полуденным маревом дымок.

— Ну-с, и что вы там обнаружили? — произнес за спиною Максима вальяжный голос партнера. — Копи царя Соломона? Стриптиз-клуб имени царицы Савской?

Максим медленно обернулся. Чета Самойловых наконец-то изволила выйти на палубу. Олег, невысокий полноватый блондин с обрюзгшим, вялым лицом, и Татьяна — холеная стройная брюнетка с зелеными глазами лесной колдуньи. При виде Татьяны Максим, как всегда, испытал приступ ревности, смешанной с острейшим желанием. За пять лет их знакомства желание это не ослабевало ни на минуту, а вот ревность становилась все сильнее и сильнее. Пять лет назад, когда Таня Смирнова пришла в компанию ОМСИ с дипломом Лондонской школы экономики, у Максима с Олегом были равные шансы затащить в постель молодого сексапильного консультанта по фондовым рынкам. Олег успел первым — он вообще был везунчиком, — и Максим не стал бы переживать, если бы дело закончилось только постелью. Но Олег, женатый к тому времени вторым браком на глупой, как доска, и такой же плоской топ-модели Альмирке, неожиданно развелся и повел выпускницу London School of Economic под венец. Альмирка, даром что дура, сумела отсудить у него пару миллионов и коттедж в ближнем Подмосковье, и уже тогда Максим почувствовал укол ревности — коттедж был записан на баланс фирмы, его потеря обернулась ударом по общему делу. А главное, стало ясно, что Олег Татьяну уже никуда не отпустит и шансов у Максима нет.

Два года назад Самойлов на заседании совета директоров неожиданно предложил сделать Татьяну младшим партнером, и никто не посмел возразить. И сам Максим, конечно, голосовал «за», куда бы он делся, интересно. И вот теперь, спустя годы, он по-прежнему сходит с ума по красавице, умнице, младшему партнеру процветающей компании и по совместительству жене декабриста, а сам вынужден довольствоваться услугами примитивных секс-бомбочек вроде Оксаны.

«Ничего, — подумал он, избегая смотреть на Татьяну. — Скоро все пойдет по-другому. Совсем-совсем по-другому!»

— На острове есть обитатели, — сказал он. — По крайней мере один. Вот, можешь полюбоваться.

Олег подошел и протянул пухлую руку. Эта рука выглядела так, словно никогда не держала инструмента тяжелее паркеровской авторучки. Типичная рука вчерашнего мальчика-мажора из семьи потомственной советской элиты. Кольцов, вынужденный зарабатывать себе на хлеб с первого курса института, ненавидел такие руки.

— Ну-ка, ну-ка, — без особого интереса проговорил Самойлов. — Да, действительно вроде кто-то сидит. Слушайте, маркиз, почему бы вам не отправиться на берег и не потолковать с этим островитянином? Может, у него на этот клочок суши есть какие-то виды. Не хотелось бы, знаете, нарушать местное законодательство...

— Разрешите выполнять, сэр? — стараясь скрыть сарказм, спросил Максим. Олег рассеянно кивнул.

— Возьми с собой на всякий случай первую серию грузов для лагеря. Переночуем под пальмами.

— Слушаюсь, сэр, — Кольцов все-таки не стерпел и взял под воображаемый козырек. — Все будет сделано в лучшем виде, сэр...

Олег посмотрел на него почти по-человечески — на секунду Максиму даже захотелось его простить и отказаться от своего плана.

— Слушай, ты действительно думаешь, что это смешно? Ладно, считай, что я ничего не говорил... Иди работай, бадди...¹

¹ Бадди — от английского *buddy*, приятель — партнер по погружению. Хотя некоторые энтузиасты практикуют так называемый соло-дайвинг (одиночные погружения), одна из самых старых традиций подводного плавания заключается в том, что погружения всегда нужно совершать с партнером. Вот этот-то партнер и называется бадди.

Старик был высохшим, худым, желтым, как бумага, из которой капитан Саид-бей крутил свои вонючие папиросы. Он сидел в древнем кресле-качалке, угрожающе скрипевшем при каждом его движении, и время от времени подносил к пергаментным губам банку пива «Миллер». Отхлебывал он оттуда или нет, Кольцов не видел.

— Добрый день, — поздоровался Максим. Голос прозвучал как-то неуверенно.

Старик вновь поднес ко рту свою банку, но глаза так и не раскрыл.

— Он, наверное, по-английски не говорит, — прошептала Оксана, прятаясь у него за спиной.

— А я не говорю по-арабски, — огрызнулся Максим и повторил, на этот раз чуть громче: — Здравствуйте, мистер!

— Салам, — произнес старик равнодушно. Губы его при этом не шевельнулись. Слово прозвучало как бы само собой и осталось висеть в жарком воздухе.

— Точно не спикает, — вздохнула Оксана едва ли не с облегчением.

— Ну и хрен бы с ним, — пробормотал Кольцов, осматриваясь. Строение, которое он разглядывал с борта яхты в бинокль, вблизи оказалось еще более жалким и несуразным. Низкое, длинное, похожее на ангар для лодки, а не на человеческое жилище. «Как он туда забирается? — подумал Кольцов. — На четвереньках, что ли?»

Если бы не дурацкая уродливая хижина, на острове было бы очень красиво. Песок, пальмы, неправдоподобно синее зеркало лагуны. «Идеальное место, — подумал Кольцов. — Лучше не придумать».

— Будем ставить лагерь, — сказал он решительно. — На той стороне, чтобы дедушке не мешать.

Тут он вдруг понял, что дедушка открыл наконец свои глаза и смотрит на него неприятным немигающим взглядом.

— Ну, чего уставился? — грубо спросил Кольцов по-русски. — Нравлюсь я тебе, что ли?

Старик не ответил. Молча смотрел на Максима неподвижными черными глазами. Потом поднес к губам банку «Миллера» и сделал большой, неожиданно звучный глоток.

Максим неожиданно разозлился.

— Пошли отсюда, нечего с ним разговаривать.

— Да я и не разговариваю! — возмутилась Оксана. — Ты же сам, Максик...

«А ведь она права! Зачем я вообще сюда поперся? Разрешения у этой обезьяны спрашивать? Смешно... Нервничаешь ты, Максим Эдуардович, сильно нервничаешь, а это не есть хорошо... Ну-ка, соберись, тряпка, и займись наконец делом!»

Белый песок взлетал из-под белых теннисных туфель Кольцова. Прочь от выжившего из ума старика, прочь от его мерзкого жилища, от зловещего скрипа разваливающегося кресла-качалки!

На берегу он немного отдышался. Сердце колотилось в груди, как после подъема пешком на двенадцатый этаж.

Олег стоял на палубе «Хатшепсут», облокотившись о фальшборт, и с интересом рассматривал запыхавшегося Максима. Так хозяин смотрит на любимого спаниеля, притащившего ему из болота не ожидаемую утку, а чей-то рванный ботинок.

— Ну что там, маркиз? Огневая поддержка не требуется?

— Пустое, граф, — откликнулся Максим. Его бесила дурацкая привычка партнера называть его «маркизом», он предпочитал интернациональное «бадди». — Там какой-то африканец преклонных годов хлещет дрянное американское пиво. Нам он не помешает.

— Отлично. Тогда мы высаживаемся. До вечера успеем сделать пару дайвов.

Кольцов пожал плечами и уселся прямо на песок.

Он все еще чувствовал на себе немигающий взгляд старика. Взгляд был липким, он словно приклеился к одежде и, что самое неприятное, к коже Максима, и оторвать его можно было только с кровью.

4

Первый дайв они сделали с палубы «Хатшепсут» — яхта отошла от острова к проглядывавшему сквозь волны сине-зеленому массиву рифа и бросила якорь у его южной стены. Чередование светлых и темных пятен на поверхности подсказывало Максиму, что риф, начинаясь отсюда, выгибается под водой подобием значка доллара, а остров, на котором они разбили лагерь, представляет собою верхнюю полукруглую закорючку этого значка. Что ж, превосходно — они смогут пройти вдоль изогнутой стены рифа до самого острова.

Ни Кольцов, ни Самойлов не были новичками — правда, у Максима опыта было побольше. Он начал заниматься дайвингом лет семь назад, когда это экстремальное времяпрепровождение только начало входить в моду у верхушки российского среднего класса. Олег присоединился позже, под впечатлением рассказов и фотографий, которые Максим привозил из своих путешествий.

Когда Кольцов закончил подгонку снаряжения, Олег все еще топтался возле своего ящика. Максим подошел к нему и привычно поправил перекосившийся пони-баллон.

— Бадди, — сказал он чуть насмешливо, — вас снова ведет влево.

— Пояс неотрегулирован, — пробурчал Олег недовольно. — Опять Ахметка грузила перепутал...

Как у многих дайверов со стажем, у него были собственные, хорошо сбалансированные наборы свинцовых грузов, которые вкладывались в специальные брезентовые пояса и равномерно распределялись по пояснице. Грузила Олега были к тому же помечены специальным клеймом: значком ОС, сплетенным из

начальных букв его имени и фамилии. Все эти мелкие понты партнера бесили Кольцова не меньше, чем игры в маркизов и графов.

По правилам дайвинга, совершающие совместное погружение всегда проверяют снаряжение друг у друга. Максим тщательно осмотрел регулятор своего бабди, подтянул ремни БСД¹ и ритуально постучал ногтем по стеклу манометра. Потом терпеливо дождался, пока Олег проверит его акваланг.

— Ну что, — сказал он, опуская на глаза дорогую маску Mares Esa. — Указывайте путь, командор.

— Давай вдоль рифа, — предложил Олег. — Идем сначала на двадцать пять, потом по обстоятельствам, но я не думаю, что здесь будет глубоко.

Макс сложил большой и указательный палец в кольцо — стандартный жест дайверов «ОК» — и пошел на корму, где в специальных боксах стояли ласты.

В море он шагнул прямо с кормы.

Золотая плеть закатного солнца хлестнула по глазам. В следующий миг Максим, как пушечное ядро, вошел в воду, и золото сменилось холодным изумрудным свечением.

Он сразу же отплыл в сторону, чтобы Олег, традиционно погружавшийся вторым, не свалился ему на голову. По правую руку от него сквозь водяную толщу проглядывала темная громада рифа. Солнечные лучи освещали лишь те ее грани, которые почти соприкасались с поверхностью воды, и из-за этого казалось, что верхушка рифа купается в расплавленном зеленоватом серебре.

Тяжелый Самойлов погрузился метра на три глубже, поддул компенсатор и поплавок завис в воде рядом с Максимом. Лицо Олега за шестислойным стеклом маски сияло неподдельным счастьем. Это всегда

¹ Б С Д — компенсатор плавучести. Жилет, в который нагнетается воздух из баллона с газовой смесью. Может также поддуваться ртом через специальный клапан.

поражало Максима — партнер, желчный и угрюмый в обыденной жизни, волшебным образом преображался, стоило ему надеть акваланг и оказаться в море. Как если бы Олег Самойлов был рожденной в океане амфибией, чем-то вроде современного Ихтиандра, вынужденного носить личину преуспевающего бизнесмена. На суше ему было плохо, он задыхался и кашлял, постоянно пребывая в дурном расположении духа. И, лишь возвращаясь в родную стихию, чувствовал себя полноценным человеком.

Самойлов показал пальцем на риф — «идем туда». Максим снова сложил пальцы колючкой и, грациозно перебирая ластами, двинулся к темной громаде.

Это тоже была традиция: Самойлов всегда пропускал Кольцова вперед. Обставлялось все это так, будто старший партнер признает техническое превосходство младшего, но Максим достаточно хорошо знал Самойлова, чтобы питать на его счет какие-либо иллюзии. При всей своей любви к морским глубинам Олег был человеком осторожным и избегал ненужного риска.

Риф поднимался из глубины моря, словно затонувший средневековый замок с бойницами, трещинами в стенах, полуразрушенными башнями и массивными контрфорсами. Стайки разноцветных рыб паслись над бурыми и зелеными пластинами кораллов, напоминавших исполинские грибы.

Максим шевельнул ластами и, стравливая воздух из жилета-компенсатора, ушел на глубину. Стена рифа справа ощетичилась зарослями древовидных кораллов, в просветах между которыми темнели глубокие расщелины. В одной такой щели, особенно узкой и мрачной, мелькнуло длинное глянцевое-черное змеиное тело мурены.

«Ничего особенного, — подумал Максим слегка разочарованно. — Обычный риф, красивый, но ничем не отличающийся от тех, что мы видели в египетских водах... Похоже, все, что рассказывали о чудесах Судана, — только рекламная ерунда...»

Впрочем, подводные красоты занимали его сейчас меньше всего. Цепкий взгляд Кольцова, как луч радара, ощупывал коралловый массив, составляя его карту. Зрительная память у Максима была исключительной.

Дно обнаружилось на глубине восемнадцати метров. На белом песке чернели какие-то обломки, обросшие ракушками и серо-зелеными водорослями. Кольцов подплыл ближе и, достав из чехла нож, отковырнул кусок нароста. Обломок оказался металлическим — ржавая изогнутая пластина, похожая на фрагмент корпуса лодки. Максим подумал, что здесь затонул разбившийся о скалы небольшой моторный катер.

Подождав, когда приблизится Олег, он жестами показал ему, как собирается двигаться дальше — над самым дном вдоль подошвы рифа. Там, за частоколом странных черных камней конусообразной формы, рос целый коралловый лес — зародыш нового рифа, отделившийся от старого массива. Проплывая над ним, Максим распугал целую стаю рыб-попугаев, клевавших ветки альционарии. В тени рифа двигалась величественная, как «Наутилус» капитана Немо, крупная рыба-наполеон. Самойлов попытался приблизиться к ней и схватить за хвост — с некоторыми экземплярами такое проходило, но эта рыба дружелюбием не отличалась. С неожиданным проворством развернувшись к Олегу, она так выразительно шлепнула своими огромными губами, что Самойлов отпрянул, нашаривая на поясе нож.

«Ну же, милая! — едва удержался от восклицания Максим. — Сделай за меня всю работу!» Уже не первый год он мечтал о том, что партнер, имевший на родине репутацию беспощадной акулы бизнеса, встретит на своем пути настоящую акулу или кого-нибудь столь же опасного и смертоносного. Однако хищницы глубин, словно сговорившись, обходили Самойлова стороной — даже у берегов Австралии, где акулы нападают на человека чаще всего, ни одна из них не прояви-

ла к Олегу ни малейшего интереса. Всерьез рассчитывать на то, что работу акулы выполнит большая, но, в сущности, безобидная рыба-наполеон, Максим, разумеется, не мог. Просто очень хотелось.

Конечно, нож не понадобился. Прежде чем Самойлов вытащил его из чехла, наполеон, вновь продемонстрировав исключительную грацию, повернулся, взмахнул огромным, как лопасть пропеллера, хвостом и исчез в зарослях альционарии. Максим разочарованно проводил его взглядом и внезапно замер, покачиваясь на мягкой ладони придонного течения.

Впереди, чуть выше того места, куда уплыл наполеон, зияло треугольное отверстие пещеры. Довольно большое — два дайвера могли вплыть туда, взявшись за руки. Пещеры всегда манили Максима. Иногда в них можно было встретить что-нибудь действительно интересное: редкий вид рыб, избегающих появляться на открытых просторах, природные скульптуры из сплетающихся между собою кораллов или затаившегося ската, похожего на инопланетное существо. Подплыв к партнеру, Кольцов постучал его по плечу и вытянул руку в направлении черного треугольника.

Олег быстро закивал. Он тоже любил пещеры — еще бы не любить, если первым, как всегда, идет верный бадди. Главная опасность подводных пещер Красного моря — колонии рыб-крылаток, довольно пугливых и от этого непредсказуемых. Крылатки — твари ночные, днем они обычно спят в расщелинах и гротах, прячась от каких-то неведомых врагов. Если аквалангист случайно заплывет в такое убежище, то перепуганные рыбы, скорее всего, начнут метаться по пещере, неизбежно задевая непрошеного гостя своими крыльями-иглами. Яд крылатки, вообще говоря, не смертелен, хотя может вызвать временный паралич и судороги. Но с ними — как с осами: если человека укусит одна оса, дело закончится волдырем, а если укусят двадцать ос одновременно, можно проститься с жизнью. Максим слышал несколько историй о дайверах, которые

так и не смогли выбраться из пещер, облюбованных крылатками, хотя лично никого из таких бедолаг не знал.

Треугольное отверстие при ближайшем рассмотрении оказалось трапецией, причем на удивление правильной. Кораллы, росшие по краям, были словно подстрижены исполинскими ножницами. В глубине пещеры колыхалась бахрома темно-бордовых водорослей. Максим, взяв в левую руку фонарь, а в правую — нож, поплыл к этому занавесу, знаками показав Олегу, чтобы тот держался в двух метрах позади.

Водоросли раздвинулись, открыв почти круглый туннель, под небольшим углом уходящий вверх. Луч фонаря скользнул по неестественно гладким, казавшимся отполированными стенам. Максим никогда в жизни не видел ничего подобного. Искусственный туннель такой длины и такого диаметра, проложенный прямо в теле живого кораллового рифа, должен был убить этот риф за пару лет. Но никаких признаков близкой гибели экосистемы видно не было, напротив, она росла и развивалась, отпочковывая новые колонии. Значит, туннель возник естественным путем? Но кто же отшлифовал эти стены?

Крылаток в туннеле видно не было, и Максим осторожно двинулся дальше, прикидывая, куда может вывести загадочный ход. Он плыл медленно, время от времени притрагиваясь к гладким стенам. Потом ему показалось, что он видит блеснувший впереди свет. Максим оглянулся — Самойлов следовал за ним на оговоренной дистанции и нервно вертел головой. Кольцов указал на фонарь партнера, а потом выключил свой. Олег последовал его примеру, и в туннеле воцарилась ночь.

Нет, он не ошибся — метрах в тридцати впереди сквозь толщу воды действительно пробивался слабый отблеск солнечного сияния. Где-то там был выход или, по крайней мере, отверстие. Максим вновь включил фонарь и поплыл навстречу свету.

— Не ходи туда, — в десятый раз повторила Оксана, сосредоточенно намазывая вытянутую ногу кремом для загара. — Старик этот, по-моему, из ума вышел. Да и выглядит так, как будто переболел сифаком и проказой одновременно.

— Это от солнца, — возразила Татьяна. — В Африке многие так выглядят.

Она перекинула через плечо ремень фотоаппарата и поправила козырек бейсболки. На бейсболке, купленной еще в Дахабе, безмятежно улыбался условный фараон с испанской бородкой.

— Я задерживаться не буду, — успокоила она Оксану. — Если мальчики вернутся раньше, скажи, что я гуляю по острову.

Прозвучало это слишком уж по-хозяйски. Как приказ, а не как просьба. Впрочем, чему удивляться? Между женой старшего босса компании и временной подругой босса младшего — пропасть, которую не перепрыгнуть, какими бы длинными у тебя ни были ноги. Татьяна всю дорогу старалась вести себя с Оксаной «как подруга», хотя прекрасно понимала тщетность этих усилий. Ну, и конечно, иногда срывалась. Пусть даже и в такой безобидной форме, как сейчас.

Общество Оксаны было ей в тягость. Нет, девочка вовсе не была глупой, как считали Олег и Максим. Более того, Татьяна вовсе не исключала, что при определенных обстоятельствах у этой киевляночки хватит ума женить на себе Максима. Так сказать, окольцевать Кольцова. Возможно, тогда они и смогли бы общаться на равных. Но не раньше.

Удаляясь от лагеря, Татьяна с каждым шагом чувствовала себя все спокойнее. Она вообще любила и ценила возможность побыть подальше от людей, ради этого и согласилась на дайвинг-сафари. Сама Татьяна с аквалангом погружалась два или три раза и никакого удовольствия от этого занятия не испытывала. Но тут просчитала все плюсы и минусы и пришла к выво-

ду, что плюсов больше. Мужчины почти все время торчат под водой, Оксану можно игнорировать или оставить на хозяйстве и наслаждаться свободой и одиночеством. Ну, придется в крайнем случае нырнуть разок, полюбоваться на каких-нибудь особенно удивительных рыб... невелика цена за две недели покоя и тишины.

Неправдоподобно синее зеркало лагуны блеснуло из-за частокола перистых пальм. В груди у Татьяны кольнуло — то ли предвкушение чего-то необычного и хорошего, то ли непонятная тревога.

Развалюха, о которой рассказывала Оксана, оказалась не такой уж и страшной — обычная времянка, сложенная по принципу «тяп-ляп» из подручных материалов. А старик и вправду был колоритен — сухой, как папирус, весь в каких-то свисающих серых складках (словно у шарпея, но без шерсти и не таких мясистых), с кожей, изрытой оспинами и покрытой пятнами солнечных ожогов. Татьяна, находясь под впечатлением рассказов Оксаны, опасалась, что от него будет вонять немытым телом и даже, может быть, гниющей заживо плотью, — но нет, старик ничем таким не благоухал. Разве что табаком — вместо описанной Оксаной банки с пивом он держал в руках еле тлеющую сигару и время от времени выдыхал сизый дым.

— Салам алейкум, — вежливо произнесла Татьяна, подходя. Она вряд ли сумела бы объяснить, зачем ей понадобилось заговаривать с этим странным Робинзоном, особенно учитывая ее недавнее желание побыть в тишине и одиночестве. Сначала она хотела просто снять его издали — телевик к дорогущей зеркалке Nikon позволил бы это сделать. Но, стоило Татьяне увидеть обитателя острова, планы ее неожиданно изменились. В конце концов, из всей компании она одна свободно говорит по-арабски. Почему бы не воспользоваться своим преимуществом и не узнать у таинственного старикана, что он забыл на этом торчащем из моря куске кораллового рифа?

Но старикан не дал Татьяне возможности щегольнуть своей эрудицией.

— Что вы забыли на этом острове? — спросил он на чистом английском. «Почти без акцента», — машинально отметила обладающая отменным слухом Татьяна и только потом сообразила, что старик задал ей тот же самый вопрос, который собиралась задать ему она.

Самым позорным образом Татьяна Самойлова растерялась.

— Вы говорите по-английски? — пролепетала она. Старик поднял пергаментные веки и посмотрел на нее тяжелым, неприятным взглядом.

— И по-французски, и по-итальянски. Но я не слышал ответа ни на одном из этих языков. Что вы здесь забыли? Что оставили?

Татьяна уже справилась с первым потрясением и взяла себя в руки.

— Мы путешествуем, — ответила она с достоинством. — Наша яхта бросила якорь в бухте. Мы... ну да, мы дайверы. Это значит, что мы погружаемся в море с аквалангом. Дайвинг, знаете?

Старик смотрел на нее, как на умалишенную.

— Разумеется, знаю. Но я, черт возьми, не о том вас спрашиваю. Море большое, очень большое. Погружаться можно где угодно. Какого хрена вы приплыли именно сюда?

То, что Татьяна перевела как «какого хрена», в оригинале было весьма экспрессивным сленговым выражением, которое редко употребляли англичане и довольно часто — американцы, особенно выходцы из южных штатов. «А старичок-то — полиглот!» — снова удивилась она.

— Маршрут составляю не я, — дипломатично ответила Татьяна. — Нас отвез сюда наш капитан. Мой муж платит ему деньги, а куда уж нас за эти деньги везти, капитан сам решает.

— Дура ты, — сказал старик со вздохом. Сигара при этом едва не выскочила у него изо рта, но он каким-то

невероятным образом изогнул губу и вновь поймал ее в полете. — Твой муж платит капитану деньги, а тот везет вас в самое проклятое место Красного моря. Хороший, должно быть, у вас капитан.

— А почему это ваш остров проклят? — Татьяна выдавила из себя улыбку. «Дуру» она решила пропустить мимо ушей. В конце концов, что делать, когда тебя походя оскорбляет какой-то сомнительный туземец? Настоящая леди просто не замечает такого.

— Потому что так захотели боги, — непонятно ответил старикан. — На самом деле сюда очень редко приплывают корабли. Больше того — мой остров не всегда находился выше уровня моря. Порой он годами спит в морской пучине.

— Ага, — подхватила Татьяна, — и пальмы в пучине растут, хотя и медленно. Без солнышка-то...

— Самое разумное, что вы можете сделать, — сказал старик, проигнорировав ее иронию, — это сесть на свой корабль и плыть отсюда куда глаза глядят, пока не поздно. Потому что поздно может стать очень скоро.

— Мы вам мешаем? — спросила Самойлова с подкупающей прямоотой. Точнее, кого-нибудь из ее московских друзей эта прямоота и подкупила бы. Старик попросту не обратил на нее никакого внимания.

— Нет, — равнодушно отозвался он. — Вы мне мешать никак не можете.

Он снова посмотрел на Татьяну неприятным, пригибающим к земле взглядом.

— Не успеет день дважды смениться ночью, — сказал он, — один из вас умрет. И это будет только начало. Поверь, я знаю, о чем говорю. Лучше всего вам сейчас же уплыть прочь.

Татьяна несколько принужденно рассмеялась.

— Я не думаю, что смогу уплыть без своего мужа. А он намеревается нырять здесь по крайней мере два дня...

— Что ж, — сказал старик. — Значит, такова ваша судьба. Не говори потом, что я тебя не предупреждал...

Он откинулся на скрипнувшую спинку своей качалки и вновь занялся сигарой. Про Татьяну он словно бы забыл.

«Сумасшедший, — решила она. — Вот почему Оксанка меня отговаривала к нему подходить — он, верно, и ей тоже какую-нибудь чушь наплел...»

— Могу я спросить? — вежливо обратилась она к старику, сосредоточенно выдыхавшему сизый дым. — Вы здесь живете, на острове? Вы суданец?

Старика этот вопрос почему-то очень рассмешил.

— Что такое Судан? Всего лишь имя для холмов, лесов и песка, одно из сотни имен, которые носила эта земля. Нет, я не суданец. Я — повелитель Пунта. Это мой остров.

— Я бы хотела вас сфотографировать, — решила наконец Татьяна. Беседовать с умалишенным дальше было бесперспективным занятием. — Можно?

— Попробуй, — равнодушно отозвался старик. — Вряд ли у тебя что-то получится, но почему бы не попробовать?

Самойлова расстегнула чехол и вытащила Nikon. Отошла на пару шагов, чтобы в кадр попал не только старик, но и его качалка, и притулившаяся к пальме хибара.

Сделав серию снимков — в режиме «автосъемка», «портрет» и «пейзаж», — она вывела их на дисплей. Вместо старика на каждой фотографии расплывалось какое-то размытое черное пятно.

— Вы знали, что у меня ничего не получится? — спросила она. Старик насмешливо выпятил губу — сигара опять каким-то чудом не вывалилась у него изо рта.

— Это мой остров, леди. Никто лучше меня не знает, что на нем может случиться, а что — нет. Можешь не тратить время зря.

Он вдруг резко отвернулся от Татьяны и уставился на синее зеркало лагуны. Самойлова испытала стран-

ное ощущение — будто чья-то рука отпустила невидимую уздечку, которая все это время была накинута ей на шею.

«Гипнотизер, — подумала она. — Он меня просто ввел в транс, и я фотографировала совсем не то, что хотела...»

Нет, неправда — на снимках четко были видны пальмы, низкая вытянутая лачуга, даже часть кресла-качалки. Та часть, которую не закрывало уродливое темное пятно.

Старик произнес что-то на неизвестном Татьяне языке — полусвистящем, полушипящем. Голос у него был раздраженный.

Гладкое зеркало лагуны разбилось. Метрах в двадцати от берега из воды высунулась чья-то черная голова.

Татьяна закричала.

6

— ...Прямо в центральную лагуну, — увлеченно рассказывал Олег в камеру. — Длина туннеля — метров семьдесят, я такого в жизни не видел! Подтверди, Макс!

— Подтверждаю, — Кольцов помахал рукой. — Совершенно уникальная штука. Выглядит так, будто кто-то его отполировал изнутри.

— Я думаю, течение, — перебил его Самойлов. — Хотя, конечно, версия о базе фашистских подводных лодок мне нравится больше...

— Мальчики, как интересно! — пискнула Оксана. — Я тоже туда хочу!

Татьяна сунула ей в руки работающий в режиме видеосъемки Nikon и встала перед объективом.

— Теперь представьте, как я перепугалась, когда увидела, что кто-то всплывает из лагуны! Я даже сначала решила, что это какие-то чудовища вроде Несси. Откуда же мне было знать, что лагуна сообщается с открытым морем?

— Вот такой таинственный остров мы открыли, — Олег подошел и обнял жену за талию. — Смотрите,

завидуйте — мы здесь первые! Если не считать впавшего в маразм негра, который маячит где-то на заднем плане...

— Он не негр, — возразила Татьяна. — Он вообще непонятно кто. По-английски, между прочим, разговаривает не хуже меня...

Оксана опустила камеру.

— Ролик отснят. Пойдем купаться? Ужас как хочется посмотреть на этот туннель...

— Сейчас уже поздно, котенок. — Кольцов вытащил из переносного холодильника две бутылки пива «Саккара» и протянул одну девушке. — Солнце сядет минут через двадцать. Завтра с утра пойдем под воду все вместе.

— Танечка, найди, пожалуйста, чехол для подводной съемки, — попросил Олег. — Хочу снимать в этом туннеле, хотя, боюсь, там слишком темно.

«Слишком темно, — повторил про себя Максим. — А это мысль!»

— Со вспышкой, может, что-нибудь и получится, — сказал он. — Надо попробовать.

— Давайте, давайте попробуем! — затормошила его Оксана. — Давайте прямо сейчас! Ну, подумаешь, солнце зайдет! Как будто мы ночью ни разу не погружались!

Ее трескотня разозлила Татьяну.

— Между прочим, — отдельно произнесла она, — этот негр, который на самом деле не негр, сказал, чтобы мы вообще как можно скорее убирались отсюда. Здесь опасно, понятно?

Она пожалела о своих словах прежде, чем закончила фразу. Мужчины посмотрели на нее с легкой жалостью. «Трусишка, — отчетливо читалось во взгляде Олега. — И почему ты у меня такая трусишка?»

— Старый пень просто хочет получить с нас бакшиш, — хмыкнул Кольцов. — Я вспомнил: в Каире около Сфинкса промышлял точно такой же тип. Похож на этого, как близнец. Тоже пугал всякими ужаса-

ми, рассказывал про проклятие фараона, а когда получил десять баксов, сразу же о нем забыл и запел совсем по-другому...

— Кстати, ты заметил: наши египтяне на берег не сошли, — задумчиво проговорил Олег.

«Умница, — с благодарностью подумала Татьяна, — какой он все-таки умница... Поддерживает меня, пусть и считает трусихой».

— Вот именно! — подхватила она. — Даже Ахметка, который таскается за нашей Оксаной, как хвостик, и тот остался на яхте!

— Что? — нахмурился Кольцов. Нахмурился вроде бы всерьез, но Татьяна безошибочно распознала в его голосе фальшь. — Дорогая, это правда? Обезьянка положила на тебя свой блудливый глаз?

Оксана загадочно улыбнулась.

— Ну и что здесь такого? Пусть хоть шею себе свернет, если ему так хочется... Ты же знаешь, я вся твоя, мой сладкий котик!

«Какая пошлость, — подумала Татьяна. — Но как удивительно они подходят друг другу!»

В который раз она поблагодарила небо за то, что пять лет назад приняла предложение Олега. Конечно, Самойлов проигрывал Максу внешне... и плечи у него были уже, и животик больше, в общем, совсем не голливудский типаж. Но за все эти годы она ни разу не пожалела о своем выборе. И не только потому, что Самойлов был главным боссом ОМСИ, а Кольцов лишь его правой рукой.

Главное заключалось в том, что она могла представить себе, как прожить всю жизнь с таким человеком, как Олег, а как прожить жизнь с Максимом — не понимала. Это же, должно быть, ужасно скучно — жить с таким человеком. Он весь такой целеустремленный, такой правильный, так заботится о том, чтобы во всем и всегда быть первым... Казалось странным, что при такой нацеленности на успех Максим был в компании вторым номером. «А это потому, — подумала Татья-

на, — что Олег талантлив, а он — нет. В Олеге есть божья искра, а Максим холоден, как зола. И никогда ему не стать номером первым!»

Если бы Кольцов умел читать мысли, он бы наверняка рассмеялся. Номером первым он собирался стать в ближайшие двадцать четыре часа.

7

В туннель решили спуститься из лагуны. Кольцов на маленьком «Зодиаке»¹ навесил «Хатшепсут», которая по-прежнему стояла на якоре у южной оконечности рифа, и попытался уговорить капитана отрядить на остров одного из матросов. Оставлять лагерь без присмотра, имея соседом по острову подозрительного старика, не хотелось. Но Саид-бей уперся, как ишак, — нес какую-то чушь про то, что граждане Египта не имеют права ступать на суданскую землю и тому подобный бред. Скорее всего, он просто рассчитывал срубить с арендаторов дополнительный бакшиш, но Кольцов полагал, что и так слишком много заплатил капитану за то, что тот привел яхту к острову. Так и не договорившись, они расстались, крайне недовольные друг другом.

Пришлось бросать жребий — выяснять, кто же останется в лавке. Татьяна, правда, сразу же сказала, что не претендует на то, чтобы лезть под воду, но ее никто не послушал. Олег зажал в кулаке четыре спички — три длинные, одну короткую. Короткая досталась Оксане.

— Так нечестно! — обиделась та. — Вы все туннель уже видели, Таня сама отказывалась! А я больше всех хотела его поглядеть, и мне ж теперь оставаться!

— Тоже мне проблема, — попыталась утешить ее Самойлова. — Иди вместо меня, я вообще туда не рвусь...

— Ну уж нет, — возразил Олег, недовольно погля-

¹ «Зодиак» — надувная лодка с подвесным мотором. Используется для погружения с аквалангом.

дев на жену. — Зачем тогда было жребий бросать? Отказываться от результатов жребия — гневить судьбу. Татьяна идет первой, Оксана второй. Дискуссия закончена.

— Ну и ладно, — Оксана закусила губу и отвернулась. Ей до смерти не хотелось оставаться на острове одной, но показывать свой страх не хотелось еще больше. В конце концов, в их маленькой компании все роли уже расписаны. У нее ампула дуры, а не трусики.

— Не волнуйся, котенок, — Кольцов полез в палатку, покопался там и вылез обратно с ракетницей в руках. — Вот, это тебе на всякий случай. Спокойней будет.

— Да вы же ее не увидите! А эти, на яхте, и не пошевелиятся даже...

Максим снисходительно улыбнулся.

— Во-первых, я уверен, что она тебе не понадобится. Во-вторых, если капитан яхты, увидев сигнальную ракету, не придет тебе на помощь, на него можно будет смело подавать в суд, и он это знает. В-третьих, ракетницу можно использовать как оружие. Видишь, здесь два ствола? Первую ракету в небо, вторую — врагу в живот.

— Ну, спасибо, Максик, утешил, — пробормотала шокированная девушка, но ракетницу взяла.

Вода в лагуне была почти горячей.

Ласты надевать пришлось уже на глубине — дно, усеянное острыми кораллами, не позволяло войти в воду спиной вперед, как делается обычно при погружении с берега. На ногах у дайверов были специальные боты из толстой резины с укрепленной подошвой, оберегающие от порезов и — теоретически — от шипов ядовитых рыб, прячущихся в песке. Несмотря на все предосторожности, Татьяна пару раз чуть не вывихнула лодыжку и сильно поцарапала колено. Они уже почти добрались до середины лагуны, а глубины все еще не было. Наконец дно резко ушло вниз. Татьяна надула жилет-компенсатор и легла на спину, натягивая ласты.

«Странно, — подумала она, — это не лагуна получается, а воронка какая-то... Точно, воронка с туннелем посередине. Удивительно, что здесь нет водоворота...»

Подплыл Олег, вооруженный спрятанной в прозрачный пластиковый чехол камерой.

— Ну как, солнышко? Не очень волнуешься?

Татьяна попыталась пожать плечами, но в положении «лежа на воде» это оказалось не так просто.

— Да нет, не особенно... Лапа вот не надевается, Олежка. Поможешь?

— С удовольствием, — он что-то сделал с ластой, и она легко наделась на резиновый ботинок. — Значит, расклад такой: в туннеле впереди идет Макс, за ним ты, потом я. Это чтобы ты не отстала. Когда выйдем из туннеля, мы с тобой пойдем рядом, параллельным курсом. Главное, не забывай все время дышать, как я тебя учил. Дыхание не задерживай, договорились?

— Конечно, милый, — она поцеловала его в нос и натянула маску. Сжала зубами загубник шланга регулятора, показала мужу колечко из двух пальцев — ОК — и нажала клапан, стравливающий воздух из БСД.

Туннель она увидела сразу же, как только оказалась под водой.

Если лагуна напоминала Татьяне нестерпимо-синий глаз острова, то туннель был зрачком этого глаза — круглым, черным, гипнотизирующим. Отверстие диаметром метра в три окружали коралловые заросли кроваво-красного цвета. В одном месте коралловая изгородь была смята, словно на хрупкие алые конструкции наступила нога гиганта. Или даже не так: будто бы из глубины туннеля выкатился исполинский шар для боулинга и разнес кораллы, как кегли. В этом месте погружаться в туннель было удобнее всего. Кольцов включил фонарь и помахал Татьяне рукой. При мысли о том, что придется следовать за ним в темноту, девушку передернуло. Олег успокаивающе притронулся к ее плечу. Его глаза за голубоватым стеклом маски улыбались.

«Был бы он таким всегда, — некстати подумала Татьяна. — Да я готова за это даже каждый день нырять с его дурацким аквалангом... Что я, собственно, и делаю. Вот для чего — чтобы видеть своего Олежку счастливым и веселым, а не злым и замученным, как в Москве...»

Она улыбнулась мужу в ответ и, вытянув перед собой руки, последовала за Максимом.

Ничего особенно интересного в туннеле не было — во всяком случае, на взгляд Татьяны. Скучные гладкие стены, редкие пугливые рыбы, прячущиеся в тень при приближении людей... Когда туннель наконец кончился и они выбрались на открытое место у подножия рифа, Татьяна почувствовала облегчение.

«А я и не знала, что страдаю клаустрофобией, — усмехнулась она про себя. — Бедная Оксанка, она так рвется посмотреть на этот подводный дымоход, совершенно не подозревая, что наши мужчины, как всегда, все преувеличили... База нацистских подлодок, как же!»

Олег подплыл к ней, широко улыбнулся. Глаза его за стеклом маски возбужденно блестели. «Как ребенок, честное слово! — подумала Татьяна. — Ну, пусть радуется...»

Кольцов между тем нашел еще что-то — он отдался от них уже метров на тридцать и висел теперь над роскошным куполом апельсиновых кораллов, подавая им знаки «плывите сюда!». Приблизившись, Татьяна увидела, что купол раскинулся на самом краю обрыва, уходящего вниз, в темно-синюю глубину моря. Максим указывал на какой-то темный предмет, лежащий у самого основания кораллового куста. Указывал, но брать почему-то не спешил.

Это была рыба, безобразная, покрытая бородавками и какими-то сочащимися гноем язвами, с плоской головой и выпученными глазами, прикрытыми белой пленкой. Рыба, судя по всему, умирала: в боку у нее зияла дыра размером с кулак, хотя кто мог позариться

на такое страшилище, представить себе было сложно. Из дыры медленно вытекала бурая кровь.

Кольцов подплыл к Олегу, показал ему на камеру: снимай, мол. Сам опустился на дно, стянул с левой ноги ласту и очень осторожно подвел ее под издыхающее чудовище. Медленно, боясь спугнуть, поднял ласту вместе с ужасной рыбой на уровень груди и повернулся к объективу камеры.

Татьяна наблюдала за его манипуляциями с плохо скрываемым отвращением. Ясно было, что рыба очень опасна и что Кольцов просто рисуется. Зачем подвергать себя бессмысленному риску? Лишний раз покрасоваться перед ней, показать, какой он герой? Хвастаться потом фотографиями в Москве — я и смертельно опасное чудовище морских глубин? А то, что чудовищедохлое, на фотографиях не видно. Что ж, вполне в духе Кольцова...

Рыба внезапно открыла глаза и шевельнула хвостом — очень слабо, но достаточно для того, чтобы Максим тут же сбросил ее с ласты. Страшилище медленно опустилось на грунт, не подавая больше никаких признаков жизни. На ласте Кольцова остались бурые разводы и неприятно поблескивающая слизь. Максим отплыл на безопасное расстояние и вытер ласту о песок.

Олег парил над обрывом, вглядываясь в темноту. Потом сделал неуверенное движение, словно бы хотел опуститься вниз, но обернулся и посмотрел на Кольцова.

«Не хочу туда!» — подумала Татьяна, но поняла, что ее мнение не играет здесь никакой роли. Она даже сказать толком ничего не может, только помотать головой — и никто, конечно, не станет ее слушать. Максим, разумеется, горел желанием разведать что-нибудь новое. Он подплыл к ним, посмотрел туда, куда указывал Олег, и уверенно кивнул. Сделал легкое движение ластами и ушел на глубину.

Спускаться было жутковато, но, по крайней мере, не так скучно, как плыть по дурацкому туннелю. То,

что они принимали за дно, оказалось всего лишь широкой, как поле, площадкой, венчающей древние коралловые структуры, уходившие в сине-зеленую тьму. В нагромождениях уже мертвых, превратившихся в камень полипов угадывались руины древнего затонувшего города — массивные контрфорсы, тонкие минареты, зубчатые стены. Глубокие расселины, прорезавшие темную гору, казались мрачными провалами между облепленными водорослями и ракушками колоннами исполинского храма. Какому божеству поклонялись в этом храме до того, как над его крышей сомкнулись морские волны, страшно было даже подумать.

А еще ниже они увидели то, что поначалу представилось им игрой света и теней, хотя того света, что проникал сюда с поверхности, для подобной игры было явно недостаточно. То ли аркады, то ли стрельчатые галереи, вырезанные кем-то в известняке. Темные провалы полукруглых окон, нависающие над бездной фестоны каменных кружев. Целый потаенный мир, надежно укрытый от посторонних глаз под толщей вод.

8

Только оказавшись на берегу, Татьяна почувствовала навалившуюся усталость. Измотанными выглядели и мужчины. Олега пошатывало, Кольцов, ругаясь сквозь зубы, швырнул подбежавшей Оксане под ноги ласты и принялся стягивать с себя гидрокостюм.

— Ну что там, мальчики? — щебетала Оксана, собирая его вещи. — Видели что-нибудь новенькое? Ну, что вы молчите?

— Там полно пещер, — проговорил Олег, снимая маску. — Не гора, а швейцарский сыр какой-то. Заблудиться — элементарно.

— Здорово! А вы еще туда пойдете? Только, чур, я с вами! Ведь пойдете, да?

— Пойдем, — Олег помог Татьяне освободиться от тяжелого баллона. — Только мы там пробыли на де-

сять минут дольше расчетного времени. Теперь четыре часа отдыхать. Ты, Оксаночка, пока приготовь нам пожевать чего-нибудь...

— Да я ж уже приготовила! Рис с морепродуктами — пальчики оближете! — Оксана, державшая в руках костюм и ласты Максима, вдруг осеклась и уставилась на свое бедро. — Что ж это такое, мамочка моя?

Она взвизгнула и выронила снаряжение. Татьяна смотрела на нее, не понимая, что происходит, — на загорелой коже девушки с пугающей быстротой расплзлось винно-красное пятно размером с чайное блюдце. Оксана кричала уже не только от страха, но и от боли — казалось, что еще мгновение, и она начнет кататься по земле, как человек, охваченный пламенем. Олег с Максимом подбежали к ней и крепко схватили за руки.

— погоди, котенок, не дергайся! — Максим повернулся к Татьяне и скомандовал: — Аптечку, быстро!

Татьяна метнулась к палаткам, несколько секунд соображала, где же аптечка, потом вспомнила, рывком откинула крышку контейнера, выхватила сумку с красным крестом, бросилась обратно к лагуне. Оксана, не переставая истошно кричать, билась в руках мужчин, пятно на ее бедре достигло уже размеров тарелки. Максим выхватил у Самойловой аптечку и, опустившись на корточки, извлек из нее шприц и ампулу с каким-то лекарством.

— Держи ее! — рявкнул Олег. — Мне одному не справиться, она сильная, как лошадь!

Татьяна перехватила руку Оксаны и прижала к себе, стараясь не дотрагиваться до жуткого пятна. Кольцов наполнил лекарством шприц и без всяких церемоний всадил иглу в бедро подруги. Оксана дико взвыла и вырвала руку, угодив Самойловой по челюсти.

— Стоп, стоп, уже все! — Кольцов выдернул иглу и сжал Оксану в стальных объятиях. — Теперь все будет хорошо, я вколал тебе антидот...

Оксана обмякла, глаза ее закатились. «Обморок», — решила про себя Татьяна, опасливо трогая челюсть.

— Что это было? — спросила она дрожащим голосом. Олег пожал плечами.

— Похоже на укус какого-то ядовитого насекомого. Смотри, уже проходит...

Пятно на бедре девушки бледнело, теряя ярко-бордовый оттенок, хотя меньше пока не становилось. Но и расти, по крайней мере, тоже перестало.

— Боюсь, это я виноват, — сказал Кольцов, осторожно поднимая потерявшую сознание Оксану на руки. — На ласте, видимо, остались следы яда рыбы-каменя, хотя, честно говоря, я не понимаю, как это могло произойти. Я же вытер ее, да и потом мы еще сорок минут находились под водой — все должно было смыть начисто...

— Рыба-камень? Та уродина, которую вы фотографировали?

— Ну да, — подтвердил Олег. — Бородавчатка. Самая ядовитая тварь во всем Красном море. Оксана прижала ласту к бедру, вот и получила ожог...

«Не успеет день дважды смениться ночью, один из вас умрет», — вспомнила Татьяна слова выжившего из ума старика. Ее передернуло.

— Но это же не смертельно? — робко спросила она. К огромному ее облегчению, Олег покачал головой.

— Ну что ты, нет, конечно. Вот если наступить на нее босой ногой, тогда все, гроб с музыкой. А так — ожог и ожог. Завтра будет прыгать, как коза.

— Найди мне еще адреналин с кортизолом, — деловито распорядился Кольцов. — А ты, Танечка, вскипяти воду и разведи там перманганат калия, ей сейчас будет полезен горячий компресс.

— Да, не повезло девочке, — хмыкнул Олег, роясь в аптечке. — Так и не увидит туннель и пещеры. Вот что значит — не судьба...

— Может, еще и увидит. Вряд ли мы до завтра успеем исследовать все эти норы...

— Зачем они вам вообще нужны? — нервно перебила Кольцова Татьяна. — Ничего стоящего там нет,

по-моему. Уж лучше за мантами охотиться, и то интереснее...

— Ничего себе! — возмутился Максим. — Ничего стоящего! Да такого подводного дворца нигде не найдешь! Ты знаешь, какой у меня стаж? Семь лет! Тысяча с лишним дайвов! И я за все эти годы ничего подобного не видел!

— Посмотрим, — Олег примирительно поднял руки. — После обеда мы с Максом еще раз туда спустимся, а там уже решим — оставаться здесь или нет. Что скажете, маркиз?

— Согласен с вами, граф, — откликнулся Кольцов. — В любом случае мы уже — первооткрыватели. Теперь осталось лишь подтвердить наш статус. Танюша, солнышко, перекинь, пожалуйста, файлы с камеры на ноутбук — нам понадобится много свободного места на карте памяти...

Его энтузиазм покорибил Татьяну. Как бы она сама ни относилась к Оксане, но Кольцов мог бы и не веселиться так открыто, когда его девушка лежит без сознания. А его, похоже, беспокоят только детали предстоящего погружения. Хотя, конечно, первую помощь он оказал Оксане быстро и четко, чего уж тут.

Она открыла ноутбук, подключила к нему камеру и скопировала файлы на хард-диск. Всего тридцать четыре кадра и шесть видеороликов — негусто. Проверив, открываются ли файлы на ноутбуке, Самойлова стерла их из памяти Nikona.

9

Пока что все шло по плану. Благодаря так вовремя попавшейся под руку бородавчатке Оксану удалось вывести из игры, не навлекая на себя особых подозрений. Первоначально Кольцов собирался просто запретить девушке спускаться с ними в лабиринт пещер, но запрет нужно было как-то обосновать. Оксана, в отличие от Татьяны, была неплохим дайвером, не уровня мастера, но все-таки неплохим. А брать ее с собой оз-

начало идти на неоправданный риск. Конечно, свидетель *несчастливого случая* может оказаться очень полезным — но лишь при условии, что он увидит именно то, что нужно. А вот это предугадать было почти невозможно. Нельзя исключать и варианта, при котором от свидетеля тоже придется избавляться. А два *несчастливых случая* подряд — это все-таки перебор. Поэтому рыба-камень оказалась для Максима (а может, и для Оксаны) просто подарком судьбы. Жалко, конечно, девочку, но ничего страшного, полежит денечек, и к завтрашнему дню будет как новенькая. А вот для некоторых завтра уже не наступит...

Кольцов сделал над собою усилие и согнал с лица мстительную улыбку. Все-таки очень сложно оставаться спокойным, когда до реализации плана, уже давно ставшего смыслом жизни, остались считанные минуты. Сколько лет он ждал подходящего случая, чтобы расправиться с партнером? Три года, четыре? Когда впервые увидел Олега и Татьяну, сидящих во главе стола на десятилетнем юбилее компании? Компании, которую они с Олегом когда-то создавали вместе, с нуля, и которая каким-то удивительным образом стала вдруг *семейным* предприятием четы Самойловых?

«Предательство, — подумал Максим, — вот за что я осуждаю его на смерть. Я многое могу простить, но предательство — не способен...»

На этот раз он собирался подчеркнуто медленно, краем глаза наблюдая за натягивающим гидрокостюм Самойловым.

— Что-то вы не торопитесь сегодня, маркиз, — недовольно проговорил Олег, подходя. — На солнышке разморило?

Было невыносимо жарко. Термометр показывал сорок градусов, чересчур для конца октября. Но Максим почти не замечал жары.

— Проверьте меня, граф, — попросил он. — Что-то я и вправду какой-то квелый...

Самойлов бегло осмотрел его снаряжение, слегка

подтянул ремень спереди и поощрительно хлопнул партнера по плечу.

— Ваша очередь, маркиз.

У Максима перехватило дыхание. Манометр пони-баллона Олега был неисправен — точнее говоря, испорчен. Стрелка на нем показывала 200 атмосфер, но в действительности баллон был пуст. Более внимательный дайвер мог бы почувствовать, что баллон весит меньше, чем обычно, но Кольцов рассчитывал на то, что Самойлов, всегда надевающий пони-баллон после основного, ничего не заметит. И оказался прав.

Кольцов привычно постучал ногтем по стеклу манометра. Стрелка не шелохнулась — она была приклеена прозрачным клеем, который Максим нашел в магазинчике художественных принадлежностей. Помимо прозрачности, этот клей имел еще одно полезное свойство — он легко смывался водой.

— Порядок, — сказал Максим. — Можем погружаться.

На этот раз туннель они прошли быстро, не глаза по сторонам. По предварительной договоренности на исследование лабиринта пещер отводилось полчаса, плюс десять минут на спуск, пятнадцать минут на подъем. Почти часовой дайв на приличной глубине — серьезная задача даже для опытного дайв-мастера. Именно поэтому уже отработанные этапы маршрута проходили, не теряя лишнего времени. Выплыли из заросшей бурыми водорослями трапециевидной дыры, прошли над площадкой, на которой Кольцов играл с полудухлой рыбой-камнем, и «прыгнули» с обрыва. Галереи, в которые они так и не рискнули заглянуть утром, начинались ниже отметки в тридцать метров, а где заканчивались, сложно было даже представить. Максим вспомнил подводные башни Blue Hole — знаменитой Голубой Дыры, природного заповедника у берегов Синайского полуострова, где он погружался прошлым летом с командой обезбашенных технодайверов. Blue Hole не зря называют Могилой дайв-мастеров — бла-

годаря удивительному капризу природы солнечные лучи пронизывают эту голубую бездну на глубину более ста метров, и многие опытные аквалангисты не могут устоять перед искушением и опускаются все ниже и ниже, пытаясь достичь границ освещенного пространства. Сам Кольцов никогда не погружался глубже семидесяти метров — слишком велик риск азотной истерии, отравления закисью азота, тем самым соединением, которое в просторечии называется «веселящим газом». Отравленный закисью азота дайвер испытывает чувство эйфории и полностью теряет контроль за происходящим. Может рвануть еще глубже, туда, где чудовищное давление раздавит его череп, как скорлупу яйца, может взмыть вверх, забыв о необходимости декомпрессионных остановок¹, а то и просто почувствует себя неуязвимым и сорвет с себя маску. Разрабатывая свой план, Кольцов, разумеется, думал и о таком варианте, но в конце концов посчитал его трудноосуществимым. То решение, которое он принял после длительных раздумий, казалось почти идеальным — с поправкой на то, что по-настоящему идеальных решений в жизни не бывает.

Даже эти, древние, уровни рифа не были полностью мертвыми, как показалось им утром. Верхний ярус пещер был полускрыт зарослями хлыстообразных горгонарий, чьи красные и оранжевые нити медленно колыхались в такт едва заметному течению. Кольцов проплыл между ветвями горгонарий, спугнув стайку алых каменных окуней, и, держа перед собою включенный фонарь, углубился в чернильную тень пещеры.

Здесь было холодно и очень мрачно. Свет фонаря выхватывал из темноты изломы причудливо изогнутых стен, уродливые наросты на потолке, воронкообраз-

¹ Декомпрессионные остановки — остановки, которые дайвер обязан делать, поднимаясь с большой глубины (рассчитываются при помощи специальных таблиц). Делаются для предотвращения образования пузырьков азота в крови (декомпрессионная болезнь).

ные провалы в полу, ведущие на нижние уровни лабиринта. Несколько раз Кольцов останавливался, чтобы сделать снимок, и тогда вязкую тьму разрывала яркая вспышка электрического света. Самойлов следовал за ним, выдерживая обычную дистанцию в два метра.

«Если бы ты знал, что тебя ожидает, то рванул бы из этой норы как ошпаренный», — усмехнулся про себя Максим. Он чувствовал почти сексуальное возбуждение — его цель была совсем рядом, достаточно было только протянуть руку. «Ну-ну, не торопись, — осадил он себя. — Не хватало еще запороть все спешкой на последнем этапе. Прежде всего надо незаметно зайти к нему за спину. А это не так уж и просто».

Он посмотрел на таймер — прошло уже пятнадцать минут с момента их погружения, и пять из них они провели на глубине сорок метров. Следовало торопиться, еще десять минут — и пора будет поворачивать обратно. И опять Самойлов пропустит его вперед, как, впрочем, и всегда. «Может быть, это не случайно? — в который раз подумал Максим. — Может, он подсознательно чувствовал что-то все эти годы и поэтому старался не поворачиваться ко мне спиной?»

Пещера, по которой они плыли, постепенно расширялась, превращаясь в просторную галерею, стены которой скрывала густая тень. Вода стала совсем холодной, это чувствовалось даже сквозь хорошо изолирующий тепло неопреновый гидрокостюм. Максим уловил впереди какое-то движение и остановился, взяв на изготовку камеру.

Вспышка на мгновение приоткрыла завесу мрака, осветив толстые грибообразные колонны, за которыми медленно скользило что-то смутное, огромное — то ли рыба, то ли змея, то ли какая-нибудь доисторическая тварь вроде знаменитой шотландской Несси. А может быть, это колыхались в первозданной тьме похожие на змей стебли гигантской водоросли. Максим не успел рассмотреть открывшуюся ему картину как следует, потому что как раз в этот момент луч фо-

наря, которым светил ему в спину Самойлов, вильнул куда-то в сторону и уперся в одну из приплюснутых колонн. Палец Кольцова нажал на кнопку фонаря раньше, чем он успел сообразить, что делает. Оказавшись в полной темноте, Максим резко ушел вверх и вбок. Олег, казалось, не сразу заметил его исчезновение, продолжая водить лучом фонаря по колонне. Кольцов, стараясь двигаться очень осторожно, начал заходить партнеру за спину.

Луч фонаря заметался по пещере — Самойлов понял, что внезапно остался один. Слишком поздно. Максим приблизился к нему сзади, протянул руку и одним выверенным движением закрутил вентиль баллона.

Олег обычно использовал пятнадцатилитровые баллоны «Viking», идеально подходившие под его рост и вес. Дорогие американские баллоны имели только один существенный недостаток — вентильный механизм на них находился ниже массивной насадки-переходника для «октопуса»¹ и дотянуться до него можно было, только сняв жилет.

Самойлов был достаточно опытным дайвером, чтобы не поддаваться панике. Воздух может кончиться у аквалангиста по сотне разных причин, и совершенно обязательно перебирать их все. Он начал разворачиваться к Кольцову, одновременно выпустив из рук фонарь. Тот, медленно кружа, опустился на каменный пол галереи. Луч его скользнул по ногам Кольцова, и тот невольно подался назад, в темноту.

Самойлов, справившись с секундным замешательством, выплюнул загубник. Схватил закрепленный на груди шланг пони-баллона, с силой выдул из него воду, впился в него зубами...

В эту секунду Кольцов включил свой фонарь.

Он увидел искаженное невыразимым ужасом лицо партнера, его глаза, готовые выскочить из орбит,

¹ О к т о п у с — резервный аппарат дыхания, подключенный к основному баллону.

его сведенные судорогой челюсти, сомкнувшиеся на силиконовом загубнике пустого пони-баллона. На короткую долю секунды он испытал ни с чем не сравнимое ощущение безраздельной власти над жизнью человека, который всерьез полагал себя лучше, успешнее и талантливее его, Кольцова. Еще несколько мгновений он мог спасти Самойлова — для этого было достаточно приблизиться и дать ему шланг своего пони-баллона или загубник «октопуса». И эти мгновения были сладостнее всего, что он испытал в своей жизни.

Кольцов отступил назад, во тьму. Олег протягивал к нему руки — вряд ли он видел Максима, только свет его фонаря — и приближался какими-то странными рывками. Воздуха у него в легких должно было хватить еще на полминуты, не больше. Все, что требовалось от Кольцова — терпеть и ждать.

Самойлов, по-видимому, понял, что помощь не придет. Он все еще не мог поверить в то, что все кончено, что вся его жизнь, сплошная череда побед и успехов, заканчивается здесь, в мрачной холодной пещере глубоко под водой. Только теперь он наконец сообразил, что ему нужно выпутываться из жилета и попробовать разобраться, что случилось с вентильным механизмом. Но время уже было упущено.

Когда он попытался расстегнуть ремни жилета, Максим выплыл из тени, перехватил его руки и сжал их так крепко, словно собирался сломать Олегу запястья. Годы посещения фитнес-клубов, изматывающей работы на тренажерах, тонны железа, которые он выжимал лежа, сидя и стоя, занятия в залах бокса и дзюдо, горные лыжи и дайвинг — вся его спортивная подготовка была лишь прелюдией к этому триумфальному движению. Он удерживал Самойлова на безопасном расстоянии от себя, не давая ему выскользнуть из жилета, и ждал его последнего вдоха. И когда Олег выплюнул наконец бесполезный загубник, чтобы сделать этот вдох, и вода под давлением в пять атмосфер хлынула ему в легкие, Максим смотрел ему в глаза.

На «Хатшепсут» была установлена спутниковая антенна, что позволяло выходить в Интернет, используя технологию WiFi. Татьяна настроила соединение и набрала строчку yandex.ru.

Она ввела в поисковик «ядовитые рыбы Красного моря», «бородавчатка» и «рыба-камень». Информации по всем трем запросам нашлось так много, что пришлось вводить дополнительный параметр «лечение». С некоторым удивлением она узнала, что все меры, принятые Кольцовым, были совершенно правильными — даже горячий компресс с перманганатом калия, который показался ей издевательством над пострадавшей (еще бы — лечить ожог кипятком!), рекомендовался медиками как хорошее подручное средство нейтрализации нейротоксинов.

«При оказании своевременной первой помощи ожог проходит за 6 — 8 часов», — прочла она на одном из сайтов.

— Потерпи, милая, — сказала Татьяна, потрепав Оксану по растрепанным белокурым волосам. — Скоро твои мучения закончатся.

— Совсем? — через силу усмехнулась девушка. Она лежала на надувном матрасе под тентом, слегка защищавшим от палящего солнца. Татьяна сидела рядом на раскладном стульчике с ноутбуком на коленях.

— Дурочка ты, — почти ласково проговорила Самойлова. Пальцы ее автоматически пробежали по клавишам ноутбука, набирая «рыба-камень летальный исход». «Если нечаянно наступить или дотронуться... стреляющие иглы проникают под кожу... обожженное место распухает, в нем возникает пульсирующая боль... дыхание становится затрудненным, сердцебиение учащенным, в некоторых случаях возникает частичный паралич... боль не прекращается в течение нескольких дней... иногда возможен летальный исход». Что значит «в течение нескольких дней»? А как же «проходит за 6—8 часов»? Вот ведь воистину, не Всемирная сеть, а

всемирная помойка, каждый что хочет, то и пишет... — Как ты себя чувствуешь? Сердечко не частит?

— Да вроде нормально... Слушай, Танечка, ну что ты возле меня все сидишь, как возле умирающей? Ты ж со мной как мама родная, мне, конечно, приятно, но тебе ж тоже хочется отдохнуть! Сходи вон, искупайся, тебе ж жарко, наверное...

«Стесняется, — неожиданно поняла Самойлова, впервые подумав об Оксане без привычного раздражения. — Не хочет быть мне в тягость... Странно, почему некоторые люди обычно раскрываются с хорошей стороны именно тогда, когда им плохо?»

— Схожу, не волнуйся. Сейчас еще немножко по сайтам полажу и обязательно искупаюсь...

«Повелитель Пунта», — набрала она в строке поиска неожиданно для себя. Как там говорил старик? I am Lord of Punt. Повелитель Пунта... Что-то очень знакомое...

«Сказал он мне: «Не много у тебя мирры, то, что есть, — это ладан. Я же повелитель Пунта, и мирра в нем принадлежит мне».

Мирра, ладан? Что-то из Библии? Нет, гораздо раньше. Вот что говорит нам ссылка на энциклопедию Британника: цитата взята из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», с древнеегипетского папируса эпохи Среднего царства...

Расследование увлекло Татьяну. Поначалу она искала информацию на англоязычных сайтах (сказывалась привычка, приобретенная за годы учебы в Лондоне), но вскоре выяснила, что папирус был обнаружен русским египтологом Голенищевым и изучался главным образом тоже в России. Существовало несколько переводов этого текста, в том числе стихотворных, но все они отличались друг от друга незначительно. И говорилось в них об одном и том же...

Сказал сопровождающий лучший: «Да будет благополучно сердце твое, о князь. Вот достигли мы родных берегов; схвачена колотушка, вбит причальный

столб, передний канат отган на землю; воздаются хвалы, прославляют бога; каждый обнимает товарища своего; команда наша пришла невредимой — нет потерь в войске нашем.

Достигли мы границ конечных Вават, миновали мы Сен-мут. Вот же мы, пришли мы в мире на землю нашу, достигли мы ее. Слушай же меня, о князь.

Отправился я к руднику царя, спустился я в море на корабле: 120 локтей в длину его, 40 локтей в ширину его, 120 гребцов на нем, избранных Египта. Видели они небо, видели они землю, храбрее сердца их, чем у львов. Предсказали они бурю прежде, чем пришла непогода, до того, как случилась она.

Буря вышла, когда мы были в море, до того, как коснулись мы земли. Поднялся ветер, сделал он удвоенные волны там в восемь локтей. Вот бревно. Ухватился я за него. Начал корабль погибать. Из тех, кто был на нем, не стало ни одного. А я был отнесен к острову волной моря. Провел я три дня в одиночестве, только сердце мое было в качестве сотоварища моего. Спал я в кроне дерева, обнимал я тень. Нашел я инжир, виноград там, лук всякий, плоды кау там вместе с некут, огурцы, подобные возделанным, рыбы там вместе с птицами, — нет того, чего не было бы на нем.

Насытился я и положил на землю то многое, что было в руках моих. Взял я огниво, разжег я огонь, принес я огненную жертву богам. Тогда услышал я раскаты грома. Подумал я — это волны моря. Ломались деревья, земля дрожала. Открыл я лицо мое и увидел я — Змей это.

И вот он шел — в нем 30 локтей в длину, борода его, больше она, чем два локтя, тело его покрыто золотом, брови его из лазурита настоящего. Извивался он, двигаясь вперед.

Открыл он рот свой ко мне, я же на животе моем перед ним. Сказал он мне: «Кто принес тебя, мальй, кто принес тебя? Если промедлишь ты с ответом мне,

кто принес тебя на остров этот, сделаю я так, что будешь ты пеплом, исчезнешь ты!»

Взял он меня в рот свой и потащил он меня к месту отдохновения своего. Положил он меня без повреждений. Был я цел и невредим. Открыл он рот свой ко мне — я же на животе моем перед ним. Тогда сказал он мне: «Кто принес тебя, кто принес тебя, малый, кто принес тебя к острову этому в море, берега которого в волнах?» Тогда ответил я ему это — руки мои согнуты в благоговейном жесте перед ним.

Сказал я ему: «Спустился я к руднику по поручению царя на корабле, у которого 120 локтей в длину, 40 локтей в ширину, гребцов 120 на нем, избранных Египта. Видели они небо, видели они землю. Храбрее сердца их, чем у львов. Предсказали они непогоду прежде, чем пришла буря, до того, как случилась она. Каждый там — храбро сердце его. Сильнее рука его более, чем у товарища его. Не было нерадивых среди них. Буря вышла, когда мы были в море, до того, как коснулись мы земли. Поднялся ветер, сделал он удвоение волны в восемь локтей. Вот бревно. Ухватился я за него. Стал корабль погибать. Из тех, кто был на нем, не осталось ни одного, кроме меня. И вот я перед тобой. Принесло меня к острову этому волной моря».

Сказал тогда он мне: «Не бойся, не бойся, малый, не прячь лицо твое. Достиг ты меня. Вот бог, дал он жизнь тебе, принес он тебя к острову этому Ка. Не существует того, чего не было бы внутри его. Наполнен он вещами всякими прекрасными. Вот проведешь ты месяц за месяцем — всего четыре месяца — на острове этом, и придет корабль от родных берегов. Команда там, знакомая тебе. Отправишься ты с ними к родным берегам. Умрешь ты в городе своем. Сколь радостно рассказывать об испытании, когда прошло все печальное. Расскажу же я тебе нечто подобное, случившееся на острове этом.

Был я на нем вместе с соплеменниками и детьми, был среди них. Было нас 75 змей — детей с братьями

и сестрами моими. Не напомнил я тебе о дочери меньшей, принесенной мне судьбой. Тогда звезда упала. Стали они огнем в руке ее. Случилось же, что не было меня вместе с ними, когда сторели они, не было меня среди них. Тогда умер я душой из-за них, когда нашел я их в виде трупа единого. Если силен ты и крепко сердце твое, наполнишь ты объятия твои детьми твоими, поцелуешь ты жену свою, увидишь ты дом свой — прекрасно это более, чем все. Достигнешь ты родных берегов, будешь ты там среди соотечественников твоих, да будешь ты».

Распростерся я на животе моем, прикоснулся я к земле перед ним. Сказал же я ему: «Поведаю я о могуществе твоём царю, чтобы узнал он о величии твоём, сделаю я, что принесут тебе иби, хекену, иуцнеб, хесаит, лаган для храма — угодит он бога всякого в нем. Расскажу я обо всем случившемся со мной, об увиденном мной могуществе твоём. Будут поклоняться тебе в городе перед Высшим Советом земли всей. Зарежу я для тебя быков для огненной жертвы, совершу я жертвоприношение для тебя птицами. Распоряжусь я, чтобы доставили для тебя корабли, груженные ценностями всякими Египта, как подобает делать это для бога, любящего людей, из страны далекой, о которой не знают люди».

Тогда засмеялся он надо мной, над тем, что сказал я глупость в понимании его. Сказал он мне: «Не много у тебя мирры, то, что есть, — это лаган. Я же повелитель Пунта, и мирра в нем принадлежит мне. Что же касается хекену, о котором ты сказал, что будет принесен мне, то много места для него на острове этом. Случится же следующее: покинешь ты место это. Никогда не увидишь ты остров этот — станет он волной».

Корабль тот пришел, как и предсказал он. Отправился я, влез на высокое дерево и узнал тех, которые на нем. Тогда отправился я сообщить об этом, но понял я, что он уже знает это. Тогда сказал он мне: «Да

будешь ты здрав, да будешь ты здрав, малый, в доме твоём. Да увидишь ты детей своих. Сделай имя мое прекрасным в городе твоём — вот это надлежит сделать тебе». Тогда пал я на живот мой. Руки мои согнуты в благоговейном жесте перед ним. Дал он мне груз: мирру, хекену, иуцнеб, хесаит, тишелс, шаасех, черную краску для глаз, хвосты жирафов, большой слиток лагана, бивни слона, охотничьих собак, обезьян гемуф, обезьян киу — ценности разные прекрасные. Тогда погрузил я это на корабль этот, и пал я на живот мой, чтобы восхвалить бога за него.

Тогда сказал он мне: «Вот приблизишься ты к родным берегам через два месяца, наполнишь ты объятия твои детьми твоими, воскреснешь ты в гробнице твоей». Тогда спустился я к берегу вблизи корабля этого, поднял я лицо и призвал воинов, находившихся на корабле этом. Воздал я хвалы на берегу владыке острова этого. Те, кто на нем, сделали подобное же. Плавание это совершили на север, к резиденции царя. Приблизились мы к родным берегам через два месяца, в соответствии со сказанным им. И пошел я к царю. Вот пришел я к нему и принес дары эти, доставленные с острова этого. Восхвалил он бога за меня перед Высшим Советом земли всей. Наградил он меня титулом «сопровождающий», получил я людей его»¹.

«В соответствии со сказанным им, — повторила про себя Татьяна. — Корабль тот пришел, как и предсказал он. — И еще: — Не успеет день дважды смениться ночью, один из вас умрет...»

Она посмотрела на Оксану. Та дремала, прикрыв глаза рукой с аляповатым золотым браслетом. Ожог на ее бедре заметно побледнел.

— Ты поспи пока, — тихо сказала Татьяна, закрывая ноутбук. — А я и вправду схожу прогуляюсь...

¹ «Сказка о потерпевшем кораблекрушение», XXI в. до н.э. Египет, эпоха Среднего царства. Перевод Т.А. Шерковой.

Вторая часть плана была технически проще первой. Но сил, как ни странно, потребовала гораздо больше. Может быть, потому, что почти все время, которым располагал Кольцов, ушло на схватку с Олегом.

Первым делом Максим подтащил безжизненное тело партнера к торчавшему из стены треугольному скальному выступу и с некоторым трудом перепилил об острый каменный край шланг высокого давления. Раздался довольно громкий хлопок, шланг разорвало пополам так, что края половинок распушились мелкой махрой. Из шланга ударил фонтан вскипающих пузырей. Воздух, сжатый в баллоне под давлением в 200 атмосфер, вышел из него меньше чем за минуту.

Максим обнял Самойлова за плечи и выволок его из пещеры. Поглядел на приборную консоль: времени почти не оставалось. Он провел на глубине почти на десять минут дольше расчетного времени, теперь нужно было сделать две декомпрессионные остановки, а воздуха у него самого оставалось немного. «Не успеть», — мелькнула предательская мысль, но Кольцов тут же подавил приступ паники. Он с самого начала не собирался возвращаться через туннель, а планировал подняться на поверхность за пределами рифа, так, чтобы его заметили с «Хатшепсут». Самое главное — не допустить ошибки сейчас, на последнем этапе плана.

Прежде всего следовало замести все следы. Собственно, вероятность того, что кто-то захочет провести расследование несчастного случая, произошедшего в территориальных водах Судана — страны, где давно уже правили бал коррупция и беззаконие, — была крайне невелика. Но Кольцов задумывал идеальное убийство и должен был предусмотреть любые случайности.

Он поднялся до площадки, на которой утром нашел рыбу-камень, и принялся стаскивать с Самойлова сбрую пони-баллона. Пустой баллон с испорченным манометром повесил себе на спину, кое-как закрепив

ремнем, а свой, с четырьмя литрами драгоценной газовой смеси, отдал мертвому бадди. На эту операцию ушло еще пять минут. Компьютер на консоли уже давно мигал красной лампочкой: пора всплывать! Воздух на исходе! Во рту ощущался характерный кислородный привкус — «вкус последнего глотка», как шутят склонные к черному юмору дайверы.

Он обхватил Самойлова руками крест-накрест и, стравив остатки воздуха в БСД, начал медленно подниматься на поверхность.

12

— Вы назвали себя повелителем Пунта, — медленно произнесла Татьяна, глядя в немигающие глаза старика. — Пунт — это очень древнее слово.

— А мне очень много лет, леди — ответил старик. На этот раз он курил кальян — роскошную медную башню, изукрашенную лазурью и серебром. Все прочие декорации оставались неизменными — противно скрипящее кресло-качалка, длинная и низкая лачуга на заднем плане, разбросанные по песку пустые банки из-под пива «Миллер».

— Вы знаете легенду о потерпевшем кораблекрушение? Это тоже очень древняя легенда. Там Змей говорит человеку: «Я — повелитель Пунта». Знаете?

Старик ответил не сразу. Затянулся ароматным дымом кальяна, отчего его пергаментная кожа еще теснее обтянула костистые скулы. Потом медленно сложил худые руки на впалой груди и принялся мерно раскачиваться в своем кресле.

— Это смешная сказка, леди. За многие тысячи лет было всего три человека, которым удалось вернуться с моего острова живыми. Потерпевший кораблекрушение был первым из них. От него люди услышали сказку о добром Змее.

— А другие два? — Татьяна вдруг почувствовала, что готова поверить старику. — Кто они были?

— Одного звали Моисей, — отозвался старик. —

Он был жрецом солнечного бога. Имя второго никому не известно, он никогда не рассказывал о встрече со Змеем и ушел из мира вместе со своей тайной.

— Ничего себе, — сказала Татьяна по-русски. Старик удивленно поднял бровь, и она снова перешла на английский. — А почему не вернулись остальные? Повелитель Пунта их убивал?

— Нет, леди. Они все делали сами.

— Почему? Из-за сокровищ?

Старик усмехнулся.

— Посмотри вокруг, — предложил он. — Ты видишь здесь сокровища? Ты видишь мирру, хекену, иуцнеб, хесаит, тишелс, шаасех, черную краску для глаз, хвосты жирафов, слитки ладана, бивни слона, охотничьих собак, обезьян гемуф, обезьян киу? Видишь золото и серебро? Видишь скрижали, на которых записана древняя мудрость погибших племен?

— Ничего я здесь не вижу, — сказала Татьяна с раздражением. — Одни банки из-под пива.

— Каждый видит то, что хочет видеть. Кое-кто верил, что остров Ка хранит все сокровища Пунта. Кто-то приходил сюда, чтобы получить власть. Иные приплывали, чтобы удовлетворить жажду мести. Но все они приносили свою смерть с собой.

Татьяна напряглась. Наступило время задать главный вопрос.

— Вы умеете предсказывать будущее? Как тот, легендарный повелитель Пунта?

Молчание.

— Вы сказали, что один из нас умрет в ближайшие два дня. Сегодня Оксана... подруга делового партнера моего мужа... получила очень сильный ожог. Рыба-камень, знаете? Бородавчатка. Вы ее имели в виду? Она умрет?

— Она умрет, — не стал спорить старик. — Как и все вы. Но я имел в виду не ее. Тот человек... он уже мертв. Это твой муж.

Несколько секунд смысл слов старика не доходил

до Самойловой — ей даже показалось, что он перестал говорить по-английски и перешел на тот самый свистяще-шипящий язык, который так поразил ее в прошлый раз.

А потом она поняла — и вскочила на ноги, словно укушенная скорпионом.

— Что вы врете! — закричала Татьяна. — Вы все врете! Мой муж жив! Он сейчас вернется и вобьет ваш лживый язык вам в глотку! Старый мерзавец!

На старика ее крик не произвел никакого впечатления. Он приткнулся к кальяну, просто перестав обращать внимание на Самойлову. Татьяна хотела бросить ему в лицо что-нибудь особенно обидное, но не нашла слов, развернулась и побежала обратно в лагерь.

Там все было по-прежнему. Оксана все еще не просыпалась, пятно на ее бедре приобрело нежно-розовый оттенок и было по виду неотличимо от солнечного ожога. Часы показывали половину пятого, мужчины ушли в море почти час назад. Татьяна ощутила липкое прикосновение страха. Старик, конечно, был обыкновенным сумасшедшим, пусть даже и знатоком древнеегипетского фольклора, и верить в то, что он действительно умеет предсказывать будущее, могла бы только какая-нибудь дурочка вроде Оксаны. Но Олег и Максим уже должны были вернуться, шепнул Татьяне мерзкий внутренний голос. А их все еще нет...

«Жаль, что Олегу нельзя позвонить на мобильный», — подумала Татьяна и едва не рассмеялась истерическим смехом. Привыкла, что в Москве муж доступен в любую минуту, даже на самом важном совещании никогда не отключает телефон, номер которого знает только она. У Олега не было от нее никаких тайн, он слишком дорожил их отношениями. Не позволял себе никаких мальчишников и саун со шлюхами, стандартных грешков деловых мужчин. И был всегда доступен по мобильному телефону, где бы ни находился. Но то — в Москве...

«Вернись, — попросила Татьяна, глядя на непод-

вижное зеркало лагуны, — пожалуйста, вернись. Я никогда больше не оставляю тебя одного, я буду нырять с этим дурацким аквалангом столько раз, сколько ты захочешь, только, пожалуйста, вернись!»

Она смотрела на лагуну, боясь даже на мгновение отвести взгляд, как будто это могло разрушить что-то очень хрупкое и важное. Поэтому она не сразу обратила внимание на крики, доносившиеся со стороны «Хатшепсут». А когда наконец поняла, что матросы кричат по-арабски «Беда, беда!», целую минуту не могла заставить себя повернуться.

13

— Мы потеряли друг друга в лабиринте, — с трудом подбирая слова, проговорил Кольцов. Руки его дрожали — наливая себе и Татьяне коньяк в пластиковые стаканчики, половину он разлил на песок. — Там... там сам черт ногу сломит. Я, как обычно, плыл впереди, потом увидел, что Олега за мной нет... вернулся к выходу... а его и там нет. Видимо, он повернул в какой-то из боковых коридоров. Я минут двадцать его искал. Ты же знаешь, по инструкции я должен был сразу вернуться на поверхность и ждать...

«Это правда, — тупо подумала Татьяна. — Кто только придумал эти людоедские инструкции для дайверов? «Если вы потеряли вашего бадди под водой, ищите его не более пяти минут, а затем поднимайтесь на поверхность». Конечно, авторы инструкции исходили из принципа минимализации жертв. Но ей-то от этого не легче!

— У меня уже воздух кончался, когда я его нашел, — Кольцов выпил свой коньяк, как воду, даже не поморщившись. — Он застрял в таком длинном узком кармане, там и развернуться-то было негде... Я надеялся, конечно, что Олег еще жив. Долго не мог поверить, Танюш... совал ему свой октопус... а он, понимаешь, он уже не мог...

Голос его прервался. Он схватил бутылку и сделал большой глоток прямо из горлышка.

— Прости, Танечка, прости... Олег — он для меня был как брат... Больше, чем брат...

«Больше, чем брат, — повторила про себя Татьяна. — А ведь правда, больше. Друг, старший партнер по бизнесу, бадди... Кто тебя вывел в люди, кому ты обязан всем, что сейчас имеешь? Олегу. А что толку, если ты даже спасти его не сумел?»

— Прекрати, — сказала она неожиданно резко. — Прекрати, пожалуйста, у меня болит голова.

«Что я такое говорю? — изумилась Самойлова. — Какая голова? Олежка погиб, муж мой, любовь моя, а у меня, видите ли, голова болит! Нет, это не я, это кто-то внутри меня говорит моим голосом, это какой-то паразит, забравшийся в мое тело, как в фильме «Чужой»...»

Максима, однако, ее слова совершенно не удивили. Он часто закивал и плеснул себе еще коньяка.

— Конечно, Танечка. Ты выпей таблетку и ложись спать. Я все устрою. Сейчас свяжемся с береговой охраной, сообщим о том, что у нас случилось, дождемся их, все формальности уладим, и обратно в Египет. В Дахаб не пойдем, это долго, по такой жаре... ну, ты понимаешь. Высадимся сразу на границе, там до Асуана рукой подать, а в Асуане есть международный аэропорт. Послезавтра уже будем в Москве.

— Да, — механически, как кукла, повторила Татьяна. — Послезавтра будем в Москве.

«Вы все умрете», — сказал страшный старик. Теперь она знала, что он не был умалишенным. Он точно знал, что Олег мертв. Каким образом — Татьяна понять не могла. Но он знал. И если он предрек им всем смерть на этом острове, значит, ни один из них не вернется в Москву.

Вот только говорить об этом Кольцову не нужно.

— Иди, Максим. Я побуду тут... с Оксаной.

— Как она? — спросил Кольцов. Равнодушно, как будто судьба девушки его совсем не интересовала.

— Лучше уже. Спит только все время.

— Я ей вколол димедрол с тавегилом, — сказал Максим. — Может до утра продрыхнуть.

«Что-то не так, — подумала Татьяна беспомощно. — Как-то он странно говорит, только я не понимаю, в чем эта странность... Сейчас вот сосредоточусь и пойму...»

— Я возьму «Зодиак», — Кольцов поднялся резким, энергичным движением большого хищника. От его растерянности не осталось и следа. — Не волнуйся, я скоро вернусь.

«Он слишком спокоен, — поняла вдруг Самойлова. — Он играл, когда глотал слезы и проливал коньяк... На самом деле он совершенно спокоен, вот что показалось мне странным. Он рассуждает четко, по-деловому, как будто ведет заседание совета директоров. Или как будто все уже продумал... давным-давно... »

Она замерла, пораженная внезапно мелькнувшим подозрением. Даже перестала дышать. Кольцов шел по берегу, направляясь к привязанному к пальме «Зодиаку». Высокий, широкоплечий, уверенный в себе. Слишком уверенный в себе.

«Это невозможно, — кричал ее рассудок, съезжаясь под ледяным взглядом поселившегося у нее внутри Чужого. — Он бы никогда так не поступил! Он всем был обязан Олегу, без Олега он — никто! И потом, они же друзья, сколько раз они погружались вместе и вместе выпутывались из разных переделок... Ты ошибаешься, Максим не мог, не мог специально оставить его там умирать!»

— А ты проверь, — насмешливо ответил рассудку голос завладевшего ее телом паразита. — Ты ведь можешь кое-что проверить, так давай, сделай это! Довольно тешить себя иллюзиями!

Татьяна откинула крышку ноутбука. Папка «Красное море, 24 октября». Фотографии и видеоролики, сделанные Олегом сегодня с утра.

Вот они спускаются по туннелю... Камера рыщет

по гладким, словно отполированным стенам, время от времени в объектив попадает сама Татьяна — ее длинные ноги, туго затянутая в синий неопрен попка... Ну конечно, ничего удивительного — Олег, снимавший ролик, плыл за ней, вот и не упустил случая лишний раз запечатлеть любимую женушку для истории...

Татьяна всхлипнула и ткнула курсором в другой видеофайл.

Это был именно тот ролик, который она искала. Кольцов, чрезвычайно гордый собой, держит на ласте чудовищную бородавчатку. Позирует перед камерой, выпячивает грудь — не аквалангист, а живая скульптура «Повелитель глубин». Но вот рыба-камень делает вялое движение хвостом... из распоротого бока ее поднимается темное облачко то ли крови, то ли яда, и Максим, мгновенно потеряв всякую важность, скидывает рыбу на дно. Уродина медленно опускается к подножию кораллового куста, а Кольцов, проворно отплыв в сторону, пытается вытереть ласту о песок. Олег продолжает зачем-то держать его в объективе камеры, и Таня вдруг понимает, что движение, которым Максим вытирает ласту, на самом деле всего лишь имитация движения — между плоскостью ласты и поверхностью дна отчетливо виден разрыв в несколько сантиметров.

Она прокрутила этот ролик несколько раз, пока окончательно не убедилась в том, что Кольцов и не думал вытирать яд рыбы-камня со своей ласты. Только делал вид. А выбравшись на берег, демонстративно швырнул ласты под ноги Оксане, прекрасно зная, что она так или иначе к ним притронется. А это означало...

«Теперь у тебя достаточно информации, — вновь прозвучал в ее голове голос Чужого. — Выводы делай сама».

Некоторое время она сидела неподвижно, пытаясь привыкнуть к открывшейся ей новой, отвратительной картине мира. Полными слез глазами смотрела на нарисованный яркими, щедрыми красками пейзаж рай-

ского острова, за которым проступало что-то невыразимо страшное, бесконечно чуждое. Таня видела темно-синюю плиту моря в белых крапинках бурунов, голубое, словно затянутое прозрачной дымкой небо над ним, полоску вскипающего прибоя у первой линии рифов, плетеные стволы пальм с гнущимися по ветру желтовато-зелеными листьями. Видела косо взлетающих над волнами чаек, похожих на оторвавшиеся от полосы прибоя бурунчики. Видела застывшую на фоне окутанного дымкой неба белоснежную красавицу яхту и спешащую к ней надувную моторную лодку, у руля которой сидел убийца ее мужа. А за всей этой фальшивой красотой она каким-то внутренним зрением видела мертвое тело с посиневшим лицом, лежащее на палубе «Хатшепсут» и небрежно прикрытое куском парусины.

14

— Зачем ты пришла? — спросил старик по-русски. Таня обомлела. Она уже смирилась с тем, что хозяин острова может предсказывать будущее, но это было уже слишком. — Я могу говорить на любом языке. Ты еще не поняла, кто я? Я — повелитель Пунта.

Она покорно склонила голову.

— Прошу вас простить меня... Я была права, что не верила вам. Мой муж действительно погиб в море...

Старик ничего не ответил, но что-то в его холодном, немигающем взгляде подсказало Тане, что он ждет продолжения.

— Мне кажется, это не был несчастный случай.

И снова молчание.

— Вы ведь знаете все... скажите — это Кольцов его убил? Кольцов — его деловой партнер. Я думаю, что это сделал он. Скажите мне!

— Это что-то изменит? — поинтересовался старик. — Если я скажу тебе, что твоего мужа убил его товарищ, это вернет твоего мужа к жизни? Воскреснет он в гробнице своей?

Таня закусила губу и помотала головой.

— Нет. Но я хочу знать...

— Да, — сказал старик без всякого выражения. — Твоего мужа убили. Его товарищ напал на него сзади и убил. Стало ли тебе легче?

— Зачем? — прошептала Таня. — Зачем он это сделал?

И опять хозяин острова ответил не сразу.

— Ты уверена, что хочешь это узнать?

— Уверена. Скажите мне. Скажите мне все.

Луч закатного солнца отразился от блестящего зеркала лагуны и ударил старику в лицо. Старик прикрыл глаза рукой, и на мгновение Тане показалось, что она видит струящиеся переливы серебристой чешуи.

— Из-за тебя. Товарищ твоего мужа желал тебя. Он убеждал себя в том, что хочет убить своего друга, чтобы завладеть его имуществом, его деньгами, приобщить себе компанию, которая принадлежала им обоим. Но на самом деле он хотел только тебя.

— Он бы не смог, — быстро сказала Таня. — Он бы не смог прибрать к рукам компанию, потому что на самом деле она принадлежала нам троим...

— Вот именно, — усмехнулся старик. — Вам троим. Убив твоего мужа, он делал первый шаг к тому, чтобы завладеть тобой. Вам пришлось бы вместе вести дела. Понемногу он окружил бы тебя заботой. Постарался бы сделать так, чтобы ты привыкла к нему, чтобы ты не могла без него обходиться. Он знал, что, когда боль утраты станет не такой острой, ты сама согласишься...

— Нет! — крикнула Таня. — Никогда! Он никогда не сможет...

И осеклась.

Поняла, что именно так все и случилось бы. Несмотря на то, что Максим никогда не нравился ей и не питал на этот счет никаких иллюзий. У нее просто не осталось бы другого выхода. Это Кольцов рассчитал очень четко.

Несколько минут она сидела молча, глядя в одну

точку. Старик неторопливо раскачивался в кресле-качалке.

— Я хочу отомстить, — сказала она наконец. — Вы сможете мне помочь?

На этот раз молчание хозяина острова едва не раздавило ее. Тянулось бесконечное ожидание. Потом старик открыл наконец свой черный, похожий на пещеру рот.

— Я помогу тебе. Но тебе придется заплатить, и цена будет велика.

— Почему? — спросила Таня, чувствуя, как отпускает ее вцепившаяся в сердце безысходность. — Почему вы не потребовали никакой платы с потерпевшего кораблекрушение? Или это просто сказка?

— Нет, — голос повелителя Пунта прозвучал холодно и твердо. — Это не сказка. Тот, которого ты называешь потерпевшим кораблекрушение, ничего не просил у меня. Он просто хотел вернуться домой.

— А я, — сказала Таня решительно, — хочу, чтобы этот подонок попал в ад. И для этого я готова сделать все, что потребуется.

— Потребуется немного, — успокоил ее старик. — Принеси мне тело своего мужа.

15

Оксана проснулась от холода.

Пока она спала, на остров спустилась ночь, но никто не позаботился укрыть ее хотя бы полотенцем. Теперь ее бил озноб, легкий ветерок, дувший с моря, казался ледяным. Бедро все еще болело, хотя и не так невыносимо, как раньше.

— Эй, — позвала Оксана слабым, охрипшим голосом. — Эй, кто-нибудь! Попить дайте!

Горло саднило так, словно его изнутри начистили наждаком. Ужасно хотелось горячего чаю с лимоном. Но никто не спешил принести ей даже простой воды.

«Куда же все подевались? — подумала девушка. Сон еще не до конца выпустил ее из своих мягких

лап, в голове была какая-то вата. — Ну, мужики, наверное, в море, хотя какие сейчас погружения, вон, ночь на дворе... А где же Танька? Тут ведь сидела, рядышком...»

Она со стоном приподнялась на своем матрасе, увидела опрокинутый раскладной стульчик, косо воткнувшийся в песок ноутбук и ощутила острый укол тревоги. Похоже, Татьяна убежала, бросив ее на произвол судьбы. «Что-то случилось, — решила Оксана. — И не с Танькой, а с кем-то из мужиков».

Над раскинутыми веером верхушками пальм висела серебряная, неестественно яркая луна. В ее свете покрытая пупырышками кожа девушки отливала мертвенной синевой.

«Как покойница, честное слово! — ужаснулась Оксана, пытаясь встать на ноги. Получилось это у нее только с третьей попытки. — Вот же уроды, бросили голую на берегу, а сами куда-то свалили. Тоже мне, друзья называется...»

Лагерь был пуст. Ветер с моря трепал расстегнутые клапаны палаток. Тент, под которым спала Оксана, покосился, потому что одна из опор выскочила из песка, и вот-вот готов был рухнуть. Костер, судя по холодным углям, не разводили со вчерашнего вечера. «Они меня бросили, — подумала девушка. — Уплыли, на хрен, на своей яхте, а меня бросили здесь. Одну на острове, с этим жутким сифилитиком...»

Не успела она как следует испугаться, как увидела огни «Хатшепсут» — яхта по-прежнему стояла на якоре недалеко от берега. Да и вряд ли ее спутники стали бы бросать на берегу дорогие палатки и снаряжение. По крайней мере, баулы с гидрокостюмами и баллонами они точно вряд ли оставили бы.

Оксана, бормоча под нос невнятные ругательства, рылась в вещах, пытаясь найти термос, — она помнила, что перед утренним погружением заваривала чай на всю компанию. Термос она так и не нашла, но откопала джинсы и кофту, которые сразу же на себя и

натянула. Стало немного теплее, чаю по-прежнему хотелось. В лунном свете что-то блеснуло, и Оксана, протянув руку, вытащила из песка бутылку «Хеннеси», в которой еще плескалось на два пальца коньяку.

— Коньяк, — проговорила она жалобно, — не чай, конечно, но тоже ничего...

Она запрокинула бутылку к небу и осушила ее одним большим глотком. Закашлялась.

Что-то огромное, черное закрыло собой блестящую монету луны. Сразу стало темно, сильный порыв ветра зашумел жесткими листьями пальм.

Оксана медленно, преодолевая рвущийся из глубины души страх, повернулась. Над перистыми кронами деревьев поднималась гибкая, как гигантский хлыст, тень. Тень поднялась в зенит, замерла, раскачиваясь, затем закрутилась черной спиралью и принялась опускаться. Оксана ожидала услышать хруст ломаемых, как спички, деревьев, но все происходило в полнейшей тишине. Только когда тень исчезла окончательно, со стороны лагуны донесся слабый плеск волн.

Оксана выронила пустую бутылку и, не обращая внимания на боль в обожженном бедре, бросилась к берегу. Где-то там должна была находиться надувная лодка, на которой можно будет добраться до яхты. Пусть ее компаньоны посчитают ее трусихой, пусть даже обвинят ее в том, что она забрала лодку, бросив всех на произвол судьбы, но на этом страшном острове она больше не останется ни на минуту. Но где же эта чертова лодка?

«Зодиак» исчез. Оксана точно помнила, что Максим привязывал его крепким канатом к кривой, похожей на изогнутую саблю, пальме. Теперь там не было ни лодки, ни каната. Берег был пуст. Лагерь брошен. Оксана окончательно уверилась: пока она спала, на острове произошло что-то страшное.

«Надо уходить, — повторяла она про себя, — надо немедленно уходить!» Но как? Добираться до яхты вплавь? Днем она, пожалуй, рискнула бы, но не сей-

час, не в крошечной темноте, когда можно запросто разбить голову о рифы в полосе прилива. Что же делать? А что, если надеть акваланг и попробовать пройти под водой? Если сразу уйти на глубину, волны будут не страшны... А с полным баллоном можно, пожалуй, не только до яхты доплыть, но и до суданского берега...

Но для этого нужно было возвращаться в лагерь. Снаряжение осталось там... во всяком случае, два баула она видела точно. Вернуться?

Пока Оксана раздумывала, что ей предпринять, в серебряной полосе лунного света, протянувшейся между островом и яхтой, мелькнула какая-то черная точка. «Зодиак»? Нет, не слышно тарахтения мотора, разве что кто-то идет на веслах... Тогда что же это? Оксана приподнялась на цыпочки и принялась пристально всматриваться вдаль. Точек, оказывается, было две, и они приближались к острову — не так быстро, как хотелось бы девушке, но все-таки приближались. Вскоре Оксане удалось различить появляющуюся над волнами маску аквалангиста — стекло поблескивало в лунном сиянии. Но за головой плывущего к острову дайвера двигался какой-то черный вытянутый предмет. Пока Оксана безуспешно старалась понять, что это такое, пловец свернул в сторону и покинул лунную дорожку. Вместе с ним пропал из зоны видимости и загадочный предмет.

Оксана запаниковала. Таинственный аквалангист явно не собирался выходить на берег там, где она его ждала. Судя по всему, он решил обогнуть остров с запада. Идти к нему навстречу? Но кто знает, что творится там, на обратной стороне острова, куда Оксана не удосужилась заглянуть и при свете дня? Это Татьяна, неугомонная душа, успела облазить весь остров, а Оксана, как порядочная, все время сидела в лагере, с ракетницей на коленях...

Мысль о ракетнице неожиданно придала ей мужества. Ну конечно, как же она могла забыть! Сейчас она вернется в лагерь, отыщет ракетницу — какое-ни-

какое, но оружие! — и отправится на поиски аквалангиста. А если не найдет, то, по крайней мере, сумеет подать сигнал на «Хатшепсут».

Ракетница лежала там, где она ее и оставила, — на пластиковом контейнере с грузовыми поясами, в их с Максимом палатке. Оксана припомнила инструкции Кольцова, проверила, заряжен ли пистолет, и, держа его перед собой, осторожно двинулась вдоль берега.

Песчаная полоска пляжа, по которой она шла, оказалась усеяна осколками кораллов, острыми раковинами и какими-то шипастыми шариками, которые искололи ей все пятки. С каждым шагом Оксана все больше жалела, что не задержалась в лагере еще на пару минут, чтобы найти фонарик. «А умная девочка к тому же надела бы нормальную обувь, а не таскалась по острову в дурацких вьетнамках», — мысленно обругала она себя. В следующую секунду она услышала впереди какой-то звук и резко остановилась.

За небольшой пальмовой рощицей, спускающейся почти к самой полосе прибоя, что-то двигалось. Оксана слышала чье-то прерывистое дыхание, шорох песка, невнятное бормотание — кто-то волок по песку что-то тяжелое, часто останавливаясь, ругаясь вполголоса, кашляя и отплевываясь. Почему-то эти звуки ужасно напугали Оксану — ей представилось, что там, за пальмами, ворочается какое-то огромное животное, что-то вроде медведя, хотя откуда взятись медведю на коралловом острове? Захотелось повернуться и бежать куда глаза глядят, но тут до Оксаны внезапно дошло, что голос, который она слышит, принадлежит женщине. Это открытие сразу успокоило ее. Сжимая обеими руками ракетницу, она решительно пересекла рощу и вышла на залитую луной прогалину.

Она увидела тонкую, гибкую фигуру, в которую вцепилась какая-то темная, бесформенная туша. В первое мгновение Оксане показалось, что туша тянет свою жертву к морю, и, только увидев глубокую борозду, проложенную в мокром песке, она поняла,

что все обстоит как раз наоборот: обладательница стройной фигуры изо всех сил пыталась оттащить свою ношу в глубь острова.

— Таня? — неуверенно произнесла девушка. Фигура выпрямилась, темная туша безжизненно сползла к ее ногам.

— А, это ты, — казалось, Татьяна совсем не удивлена. — Очень вовремя. Помоги мне, пожалуйста, а то я одна не справлюсь.

Оксана осторожно приблизилась, по-прежнему держа пистолет на изготовку. Вгляделась в то, что черной грудой лежало у ног Татьяны, и едва сдержалась, чтобы не закричать.

— Это Олег, — сказала Татьяна ровным голосом. — Он умер.

— Меня сейчас стошнит, — проговорила Оксана, стараясь не смотреть на распухшее, синее лицо Самойлова. — Зачем ты его туда тащишь?

— Так надо. И ты мне сейчас поможешь.

— Я не могу, — прошептала Оксана. — Я боюсь мертвецов... Танечка, пожалуйста, не надо...

— Закинь его руку себе на шею, — скомандовала Татьяна, не обращая внимания на ее бормотание. — Стой, погоди, я сама. Не дергайся, стой спокойно. Да не дрожи так! Все, потащили. Видишь, вдвоем гораздо легче...

16

Максим сидел в каюте Саид-бея и ждал, пока тот закончит составлять протокол несчастного случая. Квалификация Саид-бея могла вызвать сомнения у любого нормального человека, но формально капитан считался руководителем сафари, а значит, составление юридических документов лежало именно на нем.

Писал Саид-бей по-арабски, время от времени зачитывая Кольцову отдельные абзацы и переводя их на английский. Максим записывал английский текст на отдельном листе бумаги, так что в итоге должно было получиться два протокола.

— Нарушив инструкцию, мистер Самойлов удалился от своего партнера, — переводил Саид-бей. — Он заплыл в опасное место, где получил повреждение шланга своего дыхательного аппарата... Вы записали?

— «Опасное место» — очень расплывчатый термин, — заметил Максим. — Я нашел его в расщелине, где было полно острых камней. Один из этих камней разорвал ему шланг. Это нужно обязательно отметить.

— Хорошо, — не стал спорить Саид-бей и что-то исправил в своей бумажке. — Так... получил повреждение шланга своего дыхательного аппарата... По неизвестным причинам — в скобках: по-видимому, находясь в состоянии стресса — мистер Самойлов не воспользовался своим пони-баллоном, хотя тот был в полном порядке...

Все оказалось даже проще, чем предполагал Максим. Капитан нес ответственность за безопасность участников сафари, поэтому протокол в любом случае был бы составлен так, чтобы возложить всю вину на самого погибшего. А суданская береговая охрана, с которой удалось связаться только с третьей попытки, наотрез отказалась выслать к острову катер, потребовав, чтобы «Хатшепсут» сама шла в ближайший порт.

«И зачем только я так заморачивался? — лениво подумал Кольцов. — Какое, к чертям, расследование? Никому ничего не надо... Но все-таки я молодец. Получилось у меня идеальное убийство!»

Однако прежнего возбуждения он от этой мысли не почувствовал. Восторг первых минут прошел, на душе было тяжело, как в душной и прокуренной комнате.

Кто-то с силой забарабанил в дверь каюты. Саид-бей недовольно отложил ручку, кряхтя поднялся и откинул задвижку замка. На пороге стоял один из матросов — тот самый Ахметка, который ходил хвостом за Оксаной. Лицо у него было белое, как брынза.

Он что-то быстро залопотал по-арабски. Саид-бей задышал с присвистом, побагровел и вдруг громко гаркнул на Ахметку так, что того вынесло в коридор. Потом повернулся к Максиму и, запинаясь, проговорил:

— Матрос говорит, мистер Самойлов пропал...

Кольцову показалось, что он ослышался.

— Что значит — пропал? Он же мертвый!

На Саид-бея было жалко смотреть. Он стал совсем красным, на лбу его выступили крупные капли пота.

— Тело, — пробормотал он, подыскивая подходящее английское слово. — Труп. Труп мистера Самойлова пропал...

Кольцов выскочил из каюты и бросился на палубу. Кусок парусины, под которым все это время лежало тело Олега, был небрежно отброшен к фальшборту. Свет фонаря, раскачивавшегося на мачте, скользил по темному пятну на досках палубы — гидрокостюм с Самойлова снимать не стали, и воды под ним натекло изрядно. «И осталось от него одно мокрое место, — подумал Максим, — вот уж, действительно...»

Куда делся труп, он понял почти сразу: достаточно было посветить фонарем, чтобы увидеть тянущийся к корме мокрый след. Кто-то отволол тело на корму и скинул его в воду. Вопрос только — зачем?

— Соберите команду, — приказал он Саид-бею. — Обыщите «Хатшепсут» — всю, до последнего закоулка. И выясните, может быть, это кто-то из ваших бездельников выкинул труп за борт. А я возьму «Зодиак» и обойду вокруг яхты. Утонуть он не мог, значит, болтается где-то поблизости.

Неприятности, однако, на этом не закончились. «Зодиак», принайтованный к борту «Хатшепсут» канатом, напоминал скомканную грудку тряпья. Кто-то проколол его боковые секции ножом, и теперь тяжелый мотор «Ямаха» полностью ушел в воду, борта лодки сдулись и над волнами торчал только ее вздернутый нос.

Кольцов заскрипел зубами. Тот, кто похитил труп Самойлова, действовал по хорошо продуманному плану. А это означало...

...Что у него появился враг. Враг, который, возможно, догадывается о том, что Самойлов погиб не случайно. Правда, для чего врагу понадобилось тело Олега, Кольцов все равно не понимал. И это было хуже всего.

«Нужно уходить, — сказал себе Максим. — Нужно срочно забирать Таню и эту дуру Оксанку и уходить в ближайший суданский порт. Вот только как теперь эвакуировать лагерь без «Зодиака»?

На яхте была еще маленькая, так называемая капитанская шлюпка, рассчитанная на двоих человек. Именно на ней Максима доставили на остров после того, как он поднялся на поверхность с телом Самойлова поблизости от «Хатшепсут». Правда, матрос, который отвез Кольцова на остров, наотрез отказался подходить к самому берегу и рванул обратно к яхте сразу же, как только Максим, матерясь, прыгнул со шлюпки в воду. Чертовы египтяне, суеверны, словно бабы! Все члены команды, включая Саид-бея, боялись острова, как чумы.

Капитанскую шлюпку Саид-бей отдавать не хотел. Ругался, брызгал слюной, жаловался, что русские принесли ему столько несчастий, сколько у него не было за всю жизнь. Остров проклят, кричал он, наливаясь дурной кровью и заходясь астматическим кашлем, к нему вообще нельзя было приближаться, а глупые русские ступили на его землю и навлекли на свою голову страшные кары... Он уже потерял «Зодиак», а ведь он стоит целое состояние! (Про то, что лодка была застрахована, Саид-бей, разумеется, не вспомнил.) Теперь у него хотят отобрать и шлюпку! Немыслимая наглость!

Перекричать капитана было нереально. Кольцов достал бумажник и начал выкладывать перед Саид-беем двадцатидолларовые банкноты. На десятой банкноте капитан несколько поутих, на двадцатой — замолчал совсем. Капитанскую шлюпку Кольцов получил в свое распоряжение за пятьсот долларов. Ему показалось, что Саид-бей включил в эту сумму и стоимость самой шлюпки — видимо, назад получить ее уже не считывал.

Сопровождать его, разумеется, никто не захотел. Спустили шлюпку на воду — и на том спасибо. Берясь за весла, Кольцов остро пожалел о том, что из оружия при нем только подводный нож. В лагере, правда, ле-

жит зачехленное гарпунное ружье, купленное на черном рынке в Дахабе. Но до него еще нужно добраться...

Он греб к острову, уверенный в том, что его таинственный враг ждет его там.

17

Тащить Самойлова пришлось не так уж и далеко, хотя Оксане этот путь показался бесконечным. Мертвое тело было просто нереально тяжелым, как хрупкая Таня смогла вытянуть его из воды, оставалось загадкой. Впрочем, Оксане было не до загадок. Ее трясло от страха, кофта, соприкасавшаяся с гидрокостюмом Олега, моментально промокла и прилипла к коже. «А что, если это кровь? — пугала себя Оксана. — Вдруг я уже вся в его крови перемазалась...»

Ей ужасно хотелось бросить труп и бежать куда глаза глядят, но она не могла. Стыдно было в этом признаваться, но она боялась Татьяну. В Самойловой что-то изменилось, как будто лопнула целлофановая кукла, и из разошедшейся оболочки выглянула совершенно другая женщина. И эта женщина имела над Оксаной какую-то загадочную власть.

Они проломились через какие-то кусты, оцарапавшие Оксане лицо и руки, и вышли к центральной лагуне. В неподвижной воде отражался круглый серебряный глаз луны. Неподалеку, метрах в тридцати, чернела под пальмами жалкая лачуга старика, похожая на собранный из подручных материалов ангар для лодки.

— Нам нужно отнести его туда, — сказала Татьяна, показывая на хижину. Сказала так буднично, словно отдавала распоряжение приготовить обед.

— Я не хочу, — пролепетала Оксана. — Там этот ужасный старик...

— Он не ужасный, — ответила Татьяна. — И не старик. И его там нет.

«Откуда ты знаешь?» — хотела спросить Оксана, но не смогла заставить себя открыть рот. Говорить с этой новой Татьяной было еще страшнее, чем тащить

труп. Она знала что-то такое, чего Оксана предпочла бы не знать никогда в жизни.

Они немножко передохнули, снова подхватили мертвого Олега под мышки и потащили его к лачуге старика. Когда до хижины оставалось шагов пятнадцать, Оксана заметила, что в ней горит свет.

Нет, «горит» — это не то слово. Мертвенное синеватое свечение едва сочилось из щелей лачуги, как будто там, внутри, на последнем издыхании работала кварцевая лампа. Песок, на который попадали отблески этого странного света, казался черным.

Оксана почувствовала, как у нее подгибаются колени. Ей представилось, как синий свет падает ей на лицо и оно на глазах чернеет, превращаясь в обугленную маску. Она отпустила руку мертвеца и рухнула на землю, всхлипывая и размазывая по щекам слезы.

— Не пойду дальше! — бессвязно бормотала она, молотя кулачками по песку. — Не пойду! Отпусти меня, Танечка, пожалуйста! Там ужас какой-то, я не хочу, не хочу туда идти!

Небрежно заткнутая за пояс ракетница вывалилась на песок, но Оксана этого не заметила. Ей хотелось только одного: чтобы ее оставили в покое. Она понимала, что, если Татьяна сейчас скажет: «Хватит реветь, тряпка, вставай!», ей придется вставать и тащить труп дальше. К счастью, Татьяне, видно, надоели ее истерики.

— Как хочешь, — равнодушно отозвалась она. — Сама справлюсь.

Самойлова закинула обе руки трупа себе на шею и, покачиваясь под его тяжестью, побрела к хижине. Оксана, глотая слезы и сопли, смотрела ей вслед.

Она видела, как Татьяна свалила свою жуткую носу на землю у самой двери лачуги. Как встала на колени перед этой дверью и несколько раз поклонилась ей — низко-низко. Смотреть на это было очень страшно, но заставить себя отвернуться Оксана не могла.

Потом дверь открылась, и на лоснящийся неопре-

новый костюм Татьяны упал отблеск синего света. У порога хижины произошло какое-то движение — Оксане показалось, что Самойлова заталкивает труп мужа в открывшуюся дверь. Мелькнуло что-то черное, похожее на шланг регулятора. В следующую секунду синий свет потускнел, дверь закрылась. Стало очень тихо. Оксана слышала, как вода в лагуне с едва различимым шелестом трется о берег.

Она стояла на четвереньках, глядя на слегка подсвеченный синим силуэт лачуги. Нужно было уходить как можно скорее, пока не случилось что-то совсем уже кошмарное, что вот-вот — она чувствовала это — должно было случиться на этом острове. Уходить, убежать, добираться вплавь до яхты, умолять капитана скорее сниматься с якоря и возвращаться в Египет. Но она не могла даже пошевелиться.

«Божечка, — тихо скулила про себя Оксана, — божечка мой родненький, я плохая девочка, я знаю... Я в тебя не верила, родителей не слушала, уехала в эту чертову Москву, век бы ее не видеть... Как будто дома плохо, ой, божечка, какая ж я глупая! Но я правда больше не буду, я все эти глупости брошу, замуж выйду, ребеночка рожу... В церковь ходить буду хоть каждый день! Только, божечка, пожалуйста, сделай так, чтоб я жива осталась... Я так боюсь, так боюсь... Пожалей же меня, я ж тут совсем одна, на этом острове...»

Слезы стекали по ее щекам и падали на песок.

Слезы мешали ей видеть, застилали глаза пеленой. Потом Оксана услышала скрип старых досок, скрежет жести и поняла, что дверь отворилась снова.

— Пойдем, — сказал в недостижимой вышине голос Татьяны. — Вытри слезы и вставай. Он ждет тебя.

Провести лодку через рифы ночью оказалось чертовски сложным делом, но Кольцов справился. Причалил он в сотне метров от лагеря — на всякий случай. Он вытащил шлюпку на песок и забросал ее пальмо-

выми листьями. История с «Зодиаком» его многому научила.

Фонарь он включать не стал — луна давала достаточно света, чтобы без особого шума приблизиться к лагерю. Максим крался между пальмами, сжимая в руке нож и чувствуя себя совершенным идиотом. Кем бы ни был его загадочный противник, одну победу ему уже удалось одержать — он сломал четко выверенный сценарий Кольцова, превратил его из уважаемого туриста в какого-то нелепого диверсанта, вынужденного играть в казаки-разбойники. От кого он прячется на острове, где кроме него и девчонок живет только сумасшедший старик? От этого старика? Максим ни на минуту не допускал мысли, что у древней развалины хватит сил, чтобы доплыть до яхты, украсть труп Самойлова и напоследок дюжину раз продырявить «Зодиак». Но почему он так уверен, что старик живет на острове один? Он что, обошел весь этот дурацкий атолл? Да и хибара старика, если хорошенько подумать, с самого начала показалась ему непропорционально длинной для одного человека. Низкой, да, но очень длинной...

К тому моменту, когда Максим добрался до лагеря, он был практически уверен, что имеет дело с человеком, который все это время скрывался в хижине у лагуны. Новая игра обретала хоть какой-то смысл: теперь Кольцову противостоял уже не бесплотный «призрак острова», а вполне реальный араб, Мустафа или Ибрагим, скрывавшийся здесь от суданских властей. Вот только для чего ему понадобился труп Самойлова?

Выходить на открытое место Кольцов не решился. Он тенью скользнул за свою палатку и осторожно, чтобы не производить лишнего шума, вспорол ножом прочную ткань. Жаль, конечно, вещь дорогая, но жизнь дороже. Отогнув разрезанный кусок, заглянул внутрь — палатка была пуста. Максим ужом заполз внутрь, встал на четвереньки и осмотрелся. Вещи вроде бы пребывали в относительном порядке, то есть в беспорядке, конечно, но таком, который не наводит на мысли об обыске или визите стаи обезьян. Кольцов зачем-то потрогал

матрас Оксаны, покрутил в руках брошенное у изголовья зеркальце. Похоже, девушка в палатку не возвращалась.

Контейнер, в котором лежало гарпунное ружье, был на месте. Кольцов откинул крышку, вытащил тяжелый сверток, расчехлил оружие. Руки почти не дрожали. Зарядил ружье двухсотграммовым трезубцем, взвел пружину и поставил на предохранитель. Почувствовал, как успокаивается зачистившее было сердце.

«Ну, — мысленно сказал он невидимому противнику, — вот теперь поиграем...»

Покинул он палатку так же, как и вошел в нее, — ползком через проделанное в задней стенке отверстие. Уверенность уверенностью, а осторожность еще никому не вредила. К тому же гарпунное ружье — не автомат, очередь из него не дашь. В крайнем случае можно врезать по черепу...

Он обошел пляж по большой дуге, стараясь держаться в тени пальм. Убедился, что в лагере действительно никого нет, и только после этого рискнул подойти к покосившемуся тенту, под которым несколько часов назад оставил убитую горем Таню и спящую Оксану.

Если где и похозяйничала стая взбесившихся обезьян, то как раз под тентом. Все здесь было перевернуто вверх дном, раскрытый ноутбук валялся в песке, на экране застыл поставленный на паузу кадр утреннего видеоролика. Матрас, на котором спала Оксана, был отброшен почти к погасшему костру, аптечка перевернута, лекарства раскиданы в радиусе двух метров. Валялась пустая бутылка из-под «Хеннеси» — а ведь Максим четко помнил, что не допил коньяк. Впрочем, это как раз могли сделать и сами девушки. Напились и устроили пьяный дебош? Кольцов скептически хмыкнул. Нет, похоже, здесь тоже побывал его таинственный враг. И хорошо, если девушкам удалось убежать...

При мысли о том, что Таня могла попасть в лапы какому-нибудь арабскому хмырю, у Максима противно засосало под ложечкой. Таня, такая гордая, такая неприступная... Все эти годы она хранила верность своему

обожаемому мужу, своему Олежке, — это Кольцов знал точно, этот вопрос выясняли для него в Москве серьезные люди, привыкшие отвечать за свои слова. И Олега Кольцов заранее готов был ей простить — в конце концов, Олег уже заплатил ему ужасом своих последних секунд за все те годы, что Татьяна провела рядом с ним. Но представить, что его Таню насилует грязный араб, было выше его сил. Все равно что выиграть Самый Главный Приз на Самых Главных Соревнованиях и смотреть, как блестящий золотой кубок затаптывает в вонючую грязь толпа пьяных гогочущих уродов.

«Надо идти к хижине, — сказал он себе. — Таня скорее всего там, а если нет, надо брать старого мухомора за шиворот и вытряхивать из него всю правду».

Он уловил сзади какое-то движение, резко развернулся — и никого не увидел. Вроде бы что-то светлое мелькнуло между стволами пальм. Птица? Какой-нибудь зверек вроде лемура? Чушь, откуда здесь лемуры... Сердце колотилось, как будто Максим только что пробежал пятикилометровый кросс. Светлое пятно мелькнуло снова, на этот раз уже дальше. Это человек, понял вдруг Кольцов. Голый человек...

Он пригнулся и побежал вслед за удаляющимся светлым силуэтом.

Максим и забыл, каким, в сущности, маленьким был их коралловый остров. Он проскочил пальмовую рощу и вылетел на берег лагуны. Луна заливала пляж своим холодным сиянием, и холодным серебром светилась обнаженная кожа стоявшей на берегу девушки.

— Оксана? — проговорил Кольцов хрипло. — Оксана, девочка, что с тобой?

Девушка повернулась и посмотрела ему в глаза. Взгляд ее Максиму не понравился. Он уже видел однажды у нее такой взгляд — когда увозил Оксану из ночного клуба, где она слегка перебрала экстази.

— Со мной? — переспросила она непонимающе. — Со мной все в порядке, милый.

«Бред какой-то, — подумал Максим. — Неужели

они действительно напились с горя и затеяли какие-нибудь русалочки и игрища?»

— Почему ты голая? Простудишься, холодно же! И где Татьяна?

— Простужусь? — Оксана улыбнулась, блеснув красивыми крепкими зубами. — Нет, милый, не беспокойся. Мне это не грозит.

Она вскинула руки, словно хотела снять с неба луну и бросить ее в лагуну. Двинулась навстречу Максиму, зазывно покачивая бедрами.

«Нализалась какой-нибудь гадости, — брезгливо подумал Кольцов. — Или нашла в аптечке таблетки... Закинулась и бегаешь теперь голая по острову...»

— Где Татьяна? — повторил он, повысив голос. — Ты ее видела?

Оксана рассмеялась и подошла к нему совсем близко. Стояла в двух шагах, дразня своей наготой, холодная и прекрасная.

— Видела, милый. С ней все хорошо. Пойдем купаться, а? Пойдем! Вода такая теплая...

Максим не шелохнулся, и тогда она положила руки ему на плечи. Руки у нее были ледяные.

— Ты совсем замерзла, — сказал он, стараясь говорить медленно и внятно, как разговаривают с пьяными или сумасшедшими. — Тебе нужно немедленно одеться и выпить чего-нибудь согревающего. Но прежде скажи мне, где Татьяна.

— А зачем она тебе, милый? Может быть, ты любишь ее больше, чем меня? А? Может быть, ты вообще приплыл на этот остров только ради нее? Я ведь права, Максик?

— Не мели чепухи, — Кольцов попытался отстраниться, но Оксана держала его крепко. — Я приехал за вами обеими. Мы плывем в Египет, немедленно. У меня нет времени на эти дурацкие выяснения отношений...

— Они совсем не дурацкие! — обиделась Оксана. — Я ведь правда думала, что ты меня любишь. За-

муж за тебя хотела, хотя и знала, что ты на мне никогда не женишься. Но надеялась, знаешь, как надеялась!

Она прижалась к нему всем телом, обвила руками, ткнулась ледяными губами в ухо, торопливо зашептала:

— И все тебе прощала, даже то, что ты все это время любил Татьяну. Думаешь, не видела? Глупыш! Да я бы все тебе простила, только бы быть с тобой. А вот рыбу эту — извини, не прощу.

— Какую рыбу? — тупо спросил Кольцов и вдруг почувствовал боль.словно дюжина раскаленных игл вонзилась ему в правую ногу. Он дернулся, взглянул вниз — и замер от ужаса и отвращения.

На бедре Оксаны багровым клеймом проступал давешний ожог. Нет, не просто ожог — там, где мину-ту назад была чистая, отшлифованная лунным серебром кожа, вспухали страшные волдыри, раскрывались кровоточащие язвы, лопались мерзкие гнойники. Со-чившаяся из них сукровица, как кислота, прожгла его джинсы там, где они соприкасались с ногой девушки, и теперь разъедала его плоть.

— Мне тоже было больно, — доверительно шепнула ему Оксана. — Очень больно было, милый.

Кольцов рванулся, пытаясь освободиться, — безуспешно. Девушка будто приклеилась к нему, ее руки сомкнулись у него за спиной стальным капканом. Боль в ноге с каждой секундой становилась все невыносимей. Максим взвыл и изо всех сил ударил Оксану головой в лицо.

Хрустнула кость. Из носа Оксаны хлынула темная кровь, и девушка отпрянула, на мгновение ослабив хватку. Кольцов оттолкнул ее и, прихрамывая, бросился бежать.

Добежав до лагуны, он обернулся. Оксана, всхли-пывая, ползала по песку и в драку явно больше не рва-лась. «Так тебе и надо, сука, — подумал Максим со злостью. — Скажи спасибо, что вообще не убил...»

Он вытащил нож и располосовал правую штанину от лодыжки до середины бедра. Нога выглядела так, будто на нее плеснули крутым кипятком.

— Ах ты, тварь, — растерянно пробормотал он, — как же ты меня так, а?

Вместо ответа Кольцов услышал громкий металлический щелчок. На этот раз боль пронзила левую ногу. Он закричал и, покачнувшись, упал на колени.

Из левой ноги Максима торчал металлический стержень — тот самый двухсотграммовый трезубец, которым он собственноручно зарядил гарпунное ружье. Ружье он, видимо, выронил, когда боролся с Оксаной. Вот что она искала, ползая на четвереньках!

Хитрая сука!

Кольцов попытался встать и не смог. Попытался вырвать трезубец из бедра — и чуть не потерял сознание от боли. В конце концов он пополз по песку, опираясь на руки и то и дело заваливаясь на правый бок, словно искалеченный рак-отшельник. Оксана приблизилась к нему, сжимая в руках разряженное ружье.

«Она же с ума сошла, как я сразу не понял! — подумал Максим. — Сейчас забудь меня этим ружьем насмерть...»

Он полз по берегу, не замечая, что движется по направлению к хижине старика. Оксана медленно шла за ним, словно наслаждаясь его унижением и страхом. Лицо ее, залитое кровью, напоминало маску жестокой богини мщениия.

— Ксана, — прохрипел Кольцов, чувствуя, что силы оставляют его. — Ксана, девочка, я прошу тебя! Мы же не чужие друг другу люди! Давай прекратим все это безумие, ну пожалуйста! Я люблю тебя, девочка! Хочешь замуж — прекрасно. Вернемся в Москву и сразу же идем в загс. Я знаю, ты всегда хотела венчаться — мы повенчаемся. Полетим в свадебное путешествие на Сейшелы, в отель, где можно трахаться прямо над волнами... Только прошу тебя, брось это ружье и помоги мне. Я все для тебя сделаю, обещаю...

Он продолжал бормотать бессмысленные слова, а сам все отползал и отползал от надвигающейся на него обнаженной, окровавленной богини, пока не наткнулся спиной на что-то твердое, наполовину зако-

панное в песок. Камень? Нет, вроде бы металл. Кольцов со стоном повалился на бок, попытался дотянуться до твердого предмета. Пальцы сомкнулись на пластиковой рукоятке, нащупали металлическую скобу, спусковой крючок...

Ракетница.

«Благодарю тебя, господи!»

Времени на раздумья не оставалось. Оксана была уже в пяти шагах, уже поднимала ружье, чтобы ударить. Молясь, чтобы пистолет был заряжен, Кольцов выбросил вперед руку с ракетницей и потянул тугой крючок на себя.

Перед глазами у него вспыхнул огненный цветок. Ракета, шипя, прочертила короткую сверкающую дугу и ударила Оксану в живот.

Девушка закричала.

Кольцов, приподнявшись на локтях, смотрел, как она зажимает руками расплывающееся по животу темное пятно. Богиня мщениия в одно мгновение превратилась в маленькую, смертельно напуганную девочку.

«Смертельно, — подумал Максим. — Ключевое слово — смертельно».

Он смотрел, как его бывшая подруга корчится на песке, и не испытывал ничего, кроме холодного любопытства естествоиспытателя. Как выглядит смерть под водой, он уже видел. Теперь пришла пора посмотреть, как выглядит смерть на суше...

— Ты убил ее, — произнес чей-то голос у него за спиной. — Зачем ты убил ее, Максим?

Кольцов вывернул шею так, что хрустнули позвонки. Оказывается, он почти дополз до уродливой лачуги сумасшедшего старика — до нее оставалось от силы пятнадцать шагов. А на полпути между ним и хижиной стояла Татьяна.

Она тоже была совершенно обнаженной. И выглядела куда соблазнительнее, чем Оксана. Но Максиму сейчас было не до эротических переживаний.

— Я защищался, — прохрипел он. — Видишь гарпун? Она стреляла в меня. Хотела убить...

— Хотела? — усмехнулась Самойлова, и Кольцов вдруг подумал, что если она дотронется до него, то ее руки будут такими же ледяными, как и у Оксаны. — Но убил ее ты. Как и моего мужа, да, Максим?

— Нет! — взвизгнул Кольцов. — Я не убивал Олега! Это был несчастный случай! Несчастный случай, понимаешь?

Татьяна подошла ближе и присела рядом с ним на корточки. Прямо перед собой Максим видел ее крепкие маленькие груди с выпуклыми коричневыми сосками. Кожа ее отливала голубым и казалась почти прозрачной.

— Ты ударил его в спину, — сказала она спокойно. — Олег всегда опасался, что ты сумеешь оказаться у него за спиной. Поэтому всегда шел вторым. Но ты перехитрил его.

Кольцову показалось, что в голосе ее промелькнуло что-то вроде уважения. Внезапно он понял, что врать больше не имеет смысла. Что все, что он сейчас может ей сказать, не будет иметь никакого значения. Все, кроме...

— Танечка, — задыхаясь от волнения, проговорил он, — Танечка, я люблю тебя. Я сделал это ради тебя. Я не мог выносить этого унижения, пойми! Он жил с тобой, спал с тобой, он сделал из тебя икону и молился на тебя... А какое он имел право? Ведь ты же для меня предназначена, ты же моя судьба, я люблю тебя, Танечка...

Татьяна негромко засмеялась.

— Пять минут назад ты признавался в любви Оксане. А потом застрелил ее.

Она снисходительно потрепала его по щеке и выпрямилась во весь рост.

— Может, ты и меня застрелишь, а, Макс? У тебя в ракетнице как раз остался один патрон.

Кольцова будто хлестнули по лицу мокрой тряпкой. Он приподнялся на локтях и швырнул пистолет прямо ей под ноги.

— Таня! Да как ты могла подумать! Я — тебя? Да я ради тебя весь мир на колени поставлю! Вот увидишь,

это не просто слова. У тебя будет все, все, понимаешь? То, что тебе давал Олег, — пыль по сравнению с тем, что дам тебе я! Только будь со мной, Танечка! Я никогда никого не любил, кроме тебя!

— Как трогательно, — сказала Татьяна, поднимая ракетницу. — А я никогда не любила никого, кроме своего мужа.

Она направила пистолет на Максима и улыбнулась.

— Если ты думаешь, что я не смогу выстрелить в тебя, убудок, то сильно ошибаешься. Я сделаю это с удовольствием. Но, поскольку ты так красиво говорил здесь о своих чувствах, то я, пожалуй, дам тебе шанс.

— Шанс? — растерянно переспросил Максим. Он не мог поверить, что так ошибся в этой женщине. Как ему могло показаться, что она на его стороне? Что она разгадала его замысел, но не осуждает его, а даже в некоторой степени гордится им?

— Если ты сумеешь переплыть лагуну, я обещаю оставить тебе жизнь. Не буду преследовать тебя, не сдам тебя полиции. Живи, если сможешь. Но сначала ты должен переплыть лагуну.

— Я ранен, — быстро сказал Кольцов. — Как я поплыву с такой железкой в ноге?

Ствол ракетницы уперся ему в переносицу.

— А вот это меня уже не волнует. Ставки сделаны, как говорят в Лас-Вегасе. Ну же, я жду!

Максим неловко развернулся и пополз к воде. Правую ногу как будто поджаривали на адской сковороде, левую сводило судорогой каждый раз, когда торчавший из нее гарпун задевал за камень или втыкался в песок. «Ничего, — думал он, стараясь не закричать от боли, — я переплыву эту чертову лагуну. На одних руках переплыву. Подумаешь, гарпун...»

Оказалось, однако, что он недооценил все коварство Татьянинного замысла. Дно лагуны у самого берега состояло сплошь из острых, как бритва, кораллов и скользких камней. Руки Максима превратились в изрезанные и кровоточащие куски мяса прежде, чем он добрался до настоящей глубины.

Когда дно под ногами Кольцова наконец провалилось вниз, он сделал глубокий вдох и перевернулся на спину, едва сдерживаясь, чтобы не завывать от боли. Черный купол южного неба висел над ним, отражаясь в водах лагуны россыпью крупных звезд.

До берега было метров двадцать. «Спасен, — подумал Максим. — Даже если она сейчас выстрелит в меня, то наверняка не попадет».

Мысль эта не принесла ему никакой радости. Все, что происходило с ним в последние полчаса, казалось кошмарным сном, и единственным желанием Максима было поскорее проснуться.

Что-то с силой потянуло его вниз. Он глотнул соленой воды, вынырнул, отплеываясь, забил руками по неподвижному зеркалу лагуны.

И снова ушел под воду.

Максим был хорошим пловцом и неплохим ныряльщиком. Перед тем как уйти на глубину, он успел как следует вдохнуть воздух. Его тренированным легким этого должно было хватить минуты на полторы.

Сначала он ничего не увидел — подымавшаяся со дна илистая муть клубилась вокруг, словно дымовая завеса. Он чувствовал, что кто-то, вцепившийся сзади в пояс его джинсов, тянет его все глубже и глубже. Пытался извернуться, чтобы схватиться с невидимым врагом врукопашную, и не мог.

А потом хватка ослабла, и Максим все-таки повернулся к своему противнику.

У него за спиной скалился Олег. У Олега было посиневшее, раздувшееся лицо и мертвые, лишенные всякого выражения глаза.

Но он улыбался.

Старик сидит в своем кресле, скрипучем и древнем, отхлебывает из банки дрянное американское пиво и смотрит на воды лагуны. Он сидит так много, много дней. Так много, что уже не помнит, сколько их было.

Не помнит, менялся ли узор созвездий над островом. Приплывали ли на остров корабли с изящными изогнутыми носами, с грузом мирры, золота и черных жемчужин, которые порой снятся ему в красочных снах.

Он не помнит, как его зовут. Он — повелитель Пунта, и этот ничего не значащий уже много тысяч лет титул заменяет ему имя.

Боги стареют, вот печальная истина, которую открывают для себя все бессмертные на этой земле. Боги становятся дряхлыми и забывчивыми. Они перестают вмешиваться в судьбы людей, предоставляя их самим себе. Когда-то старику казалось забавным играть с людьми, искажая или выпрямляя линии их судеб. Это время прошло. Теперь он устал и потерял интерес к играм. Если людям хочется играть, он не мешает им — только и всего.

Люди раз за разом приходят на остров, будто надеются найти здесь скрытые сокровища. Ведь его остров — это остров Ка, и не существует того, чего не было бы внутри его. «Наполнен он вещами всякими прекрасными», — говорил он когда-то египетскому мореходу, и это была правда. Но не вся.

Не существует того, чего не было бы внутри его. Все, что находит свое отражение в душе человека, есть и на острове. В этом — вторая, ужасная часть правды острова Ка.

Старик смотрит на сонную гладь лагуны и грезит о кораблях с парусами, золотыми, как восходящее солнце.

Автор выражает глубокую признательность своему инструктору Ахмаду Мохаммеду из Макади-Бей — за профессиональную подготовку, своему другу Владимиру Смирнову — за своевременные консультации и ценные советы, а так же своему *baggi* Кэтрин — за резервный источник воздуха.

РАССКАЗЫ
ИЗ ЧЕРНОГО СУНДУКА

Точка Лагранжа

1

Н родольный разрез — самый легкий. Лезвие скальпеля почти без сопротивления погружается в подрагивающую плоть, рассекая кожу и мышцы. Глубоко резать не нужно, достаточно, чтобы в рассеченные ткани входила первая фаланга указательного пальца.

Мишутка тонко постанывает, уткнувшись лицом в насквозь пропитанную слезами подушечку. Рот у него заклеен скотчем, поэтому кричать он не может — только стонет и плачет. Мишутке одиннадцать, он уже почти взрослый, и Стас не испытывает к нему особой жалости. В одиннадцать лет пора уметь держать себя в руках.

Разрез начинает сильно кровить. Стас матерится сквозь зубы и пытается поставить дренаж. Получается не слишком хорошо — никакого медицинского образования у Стаса нет, если не считать таковым наблюдения за действиями Доктора, и весь его небольшой опыт приобретен главным образом методом проб и ошибок. Истечь кровью Мишутке все равно не грозит, но кровь мешает Стасу точно определить длину и ширину разреза, а это очень важно. Во всяком случае, так говорил Доктор.

Звонит телефон. От неожиданности Стас едва не роняет скальпель — он уверен, что выдернул провод из розетки, готовясь к операции. Оказывается, нет. Ладно, кто бы это ни был, брать трубку Стас не собирается.

Мишутка мычит что-то осмысленное. Что-то отдаленно похожее на «мама, мама». Возможно, он думает, что это звонит его мама, и хочет, чтобы Стас с ней поговорил. Ага, разбежался!

Стас со злостью сплевывает на пол и, нехорошо прищурившись, приступает к поперечному разрезу. Плоть разворачивается мясистыми лепестками. Четыре лепестка, обрамляющих кровавый тугой бутон. Тело Мишутки выгибается дугой. Тьфу ты, какие мы нежные! Одиннадцать лет! Позорище...

Телефон продолжает звонить. Кто же это такой настырный?

— Ммм! Ооо! Ммм! — стонет Мишутка.

— Будешь дергаться, отрежу руку, — рычит на него Стас. — Или ногу, мне без разницы!

Все равно, конечно, дергается. Ну, может, не так сильно, как раньше, но дергается. Хуже девчонки, честное слово! Черт бы побрал Ленку! Где только она находит таких уродов? Одиннадцать лет — почти сто-процентный непроходняк, шанс на удачное вживание — минимальный. Настолько минимальный, что и высчитывать его не хочется. Стас кромсает парнишку с тягостной уверенностью в том, что все это — боль, кровь, стоны «мама» — зря. Ничего хорошего из этого не выйдет. И дай-то бог, чтобы не вышло чего-нибудь плохого...

Еще пять минут уходит на вырезание креста под правой лопаткой. Теперь худая Мишуткина спина напоминает тушку освежеванного барана. Мальчик уже не стонет и не дергается — наверное, потерял сознание от боли.

Чего проще, думает Стас зло, сунуть пацану под нос тряпку с эфиром или просто дать по башке кувалдой, обмотанной ватином... Нет, нельзя. Доктор строго-настрого запретил использовать анестезию. Любую. Вот если сам вырубится — тогда ладно. Это вроде как не считается. Почему? Спросить бы у Доктора... Только вот Доктор уже никому ничего не расскажет...

Дренаж. Еще дренаж. Крест под левой лопаткой неожиданно перестает кровить, и Стас, не веря своему везению, быстро открывает контейнер с Пакостью. Личинки тихо дышат в своих гнездах, ворсистые бока едва заметно поднимаются и опадают. Стас хватается хромированные щипчики, осторожно вытаскивает крайнюю личинку и помещает ее в разрез. Белые ворсинки мгновенно наливаются багровым. Личинка жадно пьет Мишуткину кровь, раздувается, как пузырь, заполняя собой всю рану. Ворсинки распрямляются, впиваясь в рассеченную ткань, прорастают сквозь плоть, становятся ею... Смотреть на это неприятно. Стас аккуратно прикрывает имплантированную Пакость полуотрезанными «лепестками» Мишуткиной кожи. Зашивать ничего не нужно, личинка сама по себе и иголка с ниткой, и антисептик.

С разрезом под правой лопаткой приходится повозиться подольше, но в конце концов вторую личинку тоже удается пристроить. Стас кидает скальпель в таз, стягивает перчатки и в первый раз за всю операцию позволяет себе взглянуть на часы. Двенадцать минут, удовлетворенно думает он, на семь минут быстрее, чем в прошлый раз. Сам Доктор, наверное, похвалил бы меня за это...

И тут он понимает, что телефон звонит по-прежнему.

Двенадцать минут? Ну, хорошо, даже если десять... Кому же он так понадобился?

Секунду Стас размышляет, стоит ли брать трубку. По правилам Мишутку нужно сейчас обтереть гигиеническими салфетками, накрыть чем-нибудь теплым и отвезти в инкубатор. Там, в тишине и темноте, он будет спать — может быть, несколько часов, а может, несколько дней. А пока он спит, личинки Пакоستي будут потихоньку изменять его метаболизм, превращая Мишутку в Нового Человека. Ното Novus, как выразился Доктор. Процесс запущен, и теперь его уже не остановить, так что не имеет значения, попадет Ми-

шутка в инкубатор немедленно или тремя минутами позже...

— Слушаю, — говорит Стас, поднося трубку к уху. — Говорите, ну!

На том конце провода, видно, отчаялись до него дозвониться, потому что отвечают не сразу. Но в конце концов отвечают.

Ленка. Только она умеет так пронзительно визжать в телефонную трубку.

— Стас! Стас! А-а-а! Стас! Беги! Они уже, наверное, у тебя! Они полчаса назад ушли! Они убьют тебя, Стас!

Стас произвольно оглядывается. В операционной он, разумеется, по-прежнему один — если не считать прикрученного к столу и не подающего признаков жизни Homo Novus'a.

— Ленка, — говорит он спокойно, — хватит орать, говори спокойно. Сколько их?

Ленка послушно перестает визжать.

— Человек десять... Джемал со своими ублюдками... У них цепи, Стас, заточки...

— Пушки? — интересуется он на всякий случай. Хотя откуда ей знать?

— М-м-м, — мычит Ленка, и Стас отчетливо представляет, как она трясет своей белокурой головкой. — Может быть... Стас, беги, пожалуйста! Ты... ты операцию сделал?

— Сделал, — отвечает он и бросает трубку. Полчаса — действительно много. До бункера не так просто добраться, но Джемал хорошо знает этот район. С детства...

Он начинает действовать — так же собранно и четко, как во время операции, только гораздо быстрее. Наскоро обтирает Мишутку, осторожно отлепляет скотч, отвязывает жгуты, переносит легкого, словно соломенное чучелко, паренька на каталку и вывозит из операционной. Инкубатор расположен в подвале, по коридору до поворота, потом направо и еще раз направо.

Пол коридора все время идет под уклон, так что каталка постоянно набирает скорость, нужно следить, чтобы ее не занесло и не шваркнуло об стену. На двадцать секунд притормозить перед металлическими дверями инкубатора, повернуть ключ в тугом замке, открыть двери...

В инкубаторе всегда пахнет — да что там пахнет, пованивает! — чем-то похожим на гниющую органику. Как будто под одной из массивных чугунных ванн, выстроенных в ряд, некоторое время назад сдохла крыса. Конечно, это невозможно — в бункере вообще нет крыс. Еще при Докторе всех крыс вытравили специальной плесенью, похожей на ту, что используется для выращивания Пакости, но с другими свойствами. Откуда же тогда этот мерзкий запах?

Стас с Мишуткой на руках пробирается между ванн, ударяется ногой о чугунные края, шипит от боли. Ванн в инкубаторе тридцать штук — у Доктора были грандиозные планы. Разбившиеся о рифы жесточайшей действительности. И о медные лбы Защитников.

— Ну, вот так, — успокаивающе шепчет Стас, добравшись до самой дальней ванны. Она почти до краев забита какой-то мягкой рухлядью, ветошью, старыми тряпками — Мишутка погружается в них, как в пуховую перину. — Все, дальше сам...

Джемал и его ублюдки в бункер не пойдут. Все Защитники панически боятся подхватить здесь какую-нибудь заразу. Стас знает, что такое невозможно чисто физически — Пакость не передается ни воздушно-капельным, ни бытовым, ни, в конце концов, даже половым путем, единственный способ ее подхватить — это имплантировать созревшие личинки в открытую рану. Но объяснять это Джемалу он не собирается. Бойтся — и слава богу. По крайней мере, Мишутке Защитники ничего не сделают...

Сам он выбирается из бункера через окно кладовки. Окно выходит на задний двор. Конечно, Джемал не настолько глуп, чтобы не выставить здесь пост —

просто так, на всякий случай. Он же не знает, что Ленка предупредила Стаса. Джемал наверняка ожидает, что Стас выйдет из бункера как обычно, то есть через главный вход. Но на всякий случай он посылает на задний двор четверых своих парней. И это очень, очень плохо. Четверо — слишком много даже для Стаса, хотя ему уже почти девятнадцать, а бойцам Джемала от силы шестнадцать.

Они идут к нему ленивым, обманчиво вальким шагом, на смуглых лицах — ухмылки, руки, выпирающие из рукавов ослепительно белых футболок, бугрятся мускулами. У одного из могучего кулака действительно струится вниз блестящая новенькая цепь, слегка побрякивая тяжелыми звеньями. Но только у одного. Остальные вроде бы не вооружены. Или, по крайней мере, не демонстрируют оружия.

Стас заискивающе улыбается им, поднимает руки вверх, показывая, что не хочет драки. На указательном пальце правой руки — кольцо брелка с ключами. Два ключа, один от гаража, где стоит раздолбанный Стасов «Памир», другой от квартиры, где деньги лежат. Или лежали. В любом случае, никто из Защитников в эту квартиру не зайдет — для них она страшнее бункера. В этой квартире жил и умер Доктор.

— Иди, иди, девочка, — ухмыляется тот, что с цепью. — Сейчас мы тебя будем любить, все вместе...

Улыбка Стаса неуверенно гаснет. Он как бы по инерции делает еще несколько шагов по направлению к бойцам, а потом резко взмахивает правой рукой.

Ключи, коротко звякнув, летят в лицо богатырю с цепью. Тот рефлекторно пытается предотвратить столкновение, грозящее ему в худшем случае царапиной, — и цепь бестолково взмывает в воздух. Стас хирургически точным движением перехватывает ее левой рукой и дергает на себя. Богатырь, которому только что удалось отбить смертельно опасную атаку Летающих Ключей, самым позорным образом теряет равновесие и рушится на Стаса. Стас отпрыгивает, налетает на дру-

гого бойца, бьет его кулаком в горло и, не дожидаясь, пока в драку включатся остальные, со всех ног несется к узкому проходу между стеной бункера и оградой госпиталя. Драться с четырьмя Защитниками — мало-приятное занятие с непредсказуемым исходом. Если есть возможность убежать, надо убежать. В конце концов, Стас не герой. Он хирург. Так говорил Доктор.

А Доктор всегда говорил правду.

2

Доктор говорил так:

— Человечество умерло. Его больше не существует. Все, что осталось — разобщенные группы искалеченных, несчастных убожков, жалкие остатки восьми миллиардов, владевших этой планетой. Генетический мусор, способный воспроизводить только такой же мусор. Или еще худший мусор. Отбросы. Грязь под ногтями Бога. Первые люди были глиной, последние стали дерьмом. Еще сто лет, и на Земле не останется даже воспоминания о Homo Sapiens.

Стас поначалу смеялся:

— Да ладно вам врать-то! У нас на районе — нормальные здоровые пацаны. И девчонки — вы видели, какие у нас девчонки? Видели Ленку-белую? Таких, как она, даже в Крепости нет — к ней один хрен оттуда подкатывал, в семью свою звал, только Ленка его послала... У нее дети наверняка здоровые будут, особенно если в нормальную семью попадет...

— Вот именно, — осаживал его Доктор. — Если попадет. А где эти нормальные семьи? Ты хоть одну знаешь?

Стас задумывался. В семьях, которые он знал, уро-дов было немного, можно сказать, почти что и не было. Но почти ведь не считается. По обычаю, девушка, приходящая в семью, становится законной женой всех взрослых мужчин семьи. И кто из них сделает ей ребенка, зависит только от случая...

— Стерилизация, — кипятился Доктор, — только

стерилизация пятидесяти процентов взрослых! Вот единственное средство остановить расплозающуюся заразу! Но никто не пойдет на это в условиях, когда все население планеты может уместиться в границах одного-единственного мегаполиса!

Удивительно еще, как спокойно он произносил это слово. За одни только разговоры о стерилизации можно было загромоздить года на три исправительных работ.

— Что же делать? — спрашивал Стас, боязливо оглядываясь. Доктор хмыкал и раскрывал свой металлический чемоданчик.

— Преодолевать качественный порог, — непонятно отвечал он. — Эпидемии тридцатых косили род людской как траву, и многим казалось, что еще пара лет — и наступит конец света. Однако потом колесницы неожиданно остановились...

— Какие колесницы?

— Джаггернаута, — отвечал Доктор еще более непонятно. — И система даже пришла в некое подобие равновесия. Эпидемии сошли на нет, но зато начались мутации. Понимаешь, мальчик, это как если бы кто-то спустил всю воду из моря и оставил только самую чуточку на дне. Представляешь, что бы там осталось? Ил, грязь, гниющая биомасса...

— Что же делать? — снова спрашивал Стас, косясь на чемоданчик. В чемоданчике лежали пузырьки из толстого стекла, в которых плескались разноцветные жидкости. Было там и еще кое-что, но совсем уж непонятное, похожее на большие, затянутые бурой паутиной соты. — Вы знаете, что делать, Доктор?

— Перед тем как эпидемии набрали силу, — говорил Доктор, — в Центре, где я работал, придумали одну штуку. Нам не хватило каких-то десяти лет — если бы ее довели до ума, метавирусы были бы нам не страшны. Это было что-то вроде очень мощного биологического антиоружия.

Стас смотрел на него, не понимая.

— Антиоружия? Как это?

— Долго объяснять, — отмахивался Доктор. — Про-

сто представь, что человеку, получившему дозу этого средства, были не страшны ни вирусные аэрозоли, ни зараженная вода, ни токсин-энзимы... А ведь оно еще и продолжительность жизни увеличивало...

— Так в чем же дело? Почему сейчас нельзя его использовать?

— Работы не были завершены, — объяснял Доктор. — Это средство действует, но избирательно и каждый раз по-разному. Точнее, функция защиты у него сохраняется всегда, а вот побочные эффекты...

— Что за побочные эффекты?

Доктор кривился, как будто учуяв запах тухлятины.

— Разные. Невозможно предсказать. И еще одно — мы научились вводить его... ее... это средство... только детям. Не старше двенадцати. Тебе, например, уже поздно, мой мальчик. Сколько тебе лет?

— Пятнадцать.

— Тебя она просто убьет, — сокрушенно качал головой Доктор. — Но я мог бы научить тебя работать с ней, и, когда я доведу свои исследования до конца, мы смогли бы вместе прививать детей... мне нужны помощники, один я не справлюсь... здесь, у вас, довольно много здоровых детей, с которыми можно работать...

У Стаса загорались глаза, и он снова наклонился над чемоданчиком.

— Это она, да? — спрашивал он и тут же спохватывался: — А почему вы все время говорите про средство «она»? Она — это такая вакцина, да?

И тогда Доктор покачал головой.

— Нет, мальчик. Это не вакцина. Это вообще не похоже на все, о чем ты слышал до того. А «она»... знаешь, в Центре, где я работал, мы дали ей кодовое имя. Мы назвали ее Пакость.

Стас добирается до Убежища уже в темноте. Петляет по вымершим улочкам Желтого Квартала, получившего свое название от странной болезни, погубившей его жителей, — кожа у них становилась желтой и

хрупкой, как осенние листья, отслаивалась тонкими сухими пленками, а новая почему-то не нарастала... Сейчас Желтый Квартал — самое безопасное место в городе. Вирус, вызвавший болезнь, мутировал и поражает теперь только собак и кошек. Но известно об этом опять-таки немногим, так что шансы встретить здесь кого-то из Защитников равны нулю.

Убежище расположено в глубине запущенного сада, обнесенного двумя рядами колючей проволоки. Когда-то в саду находился фильтрационный пункт: коллеги Доктора отделяли здесь зерна от плевел, то есть тех, кто был уже безнадежен, от тех, кому еще можно было чем-то помочь. Потом безнадежные убили коллег Доктора и насадили их головы на шипы ограждения. Самому Доктору повезло — он в тот день находился далеко от фильтрационного пункта, в своем исследовательском центре. А когда вернулся, в живых не было уже никого — ни убийц, ни убитых...

Стас обходит защищенный колючкой сад по большой дуге. Забирается на крышу полуразвалившегося кирпичного сарая, оттуда на дерево, чьи могучие ветви протянулись к ограде бывшего фильтрационного лагеря, словно покрытые коростой руки больных «червивой горячкой». К одной из ветвей привязана тарзанка — шнур из гибкого материала с небольшой перекладиной на конце. В свободном состоянии тарзанка совсем маленькая, снизу, с земли, ее не видно. Но стоит Стасу, вцепившись в перекладину, оттолкнуться ногами от развилки, шнур начинает вытягиваться. Стаса проносит чуть выше ошестинившегося шипами ограждения — он инстинктивно поджимает ноги, чтобы не зацепиться кроссовками за проволоку. Отпускает перекладину и мягко падает в огромную кучу осенней листвы, заботливо собранную здесь Младшими. Тарзанка с тихим чмоканием сокращается до своей обычной длины и исчезает в ветвях дерева. Младшие обожают эту игру, да и сам Стас любил ее, когда был поменьше. Сейчас он предпочитает возвращаться в Убежище, как

все взрослые люди — через ворота. Но если Джемал и остальные Защитники взялись за него всерьез, у ворот, скорее всего, ждет засада...

Первым его замечает Скворец. Он, как обычно, бродит по ночному саду, наострив ушки и вглядываясь в непроглядную тьму. Впрочем, это для Стаса тьма непроглядная, а Скворушка видит в темноте не хуже спецназовца, оснащенного прибором ночного видения. А может, и лучше. Больше никак Пакость на нем не отразилась. Скворец по-прежнему часто простужается, вечно ходит с соплями под носом, не умеет передвигать предметы взглядом, обеззараживать воду усилием воли — он всего лишь превосходно видит в темноте. И на том спасибо...

— Стас, — доносится откуда-то из темноты его свистящий шепот, — ты сбежал?

— Не сбежал, а ушел, — в тон ему шипит Стас. — Навалял там кой-кому и ушел... А почему шепотом-то?

Невидимый Скворец тихо смеется.

— Да не знаю, — говорит он уже нормальным голосом. — Чтоб тебя не напугать... Давай, Стас, там тебя уже заждались все... Белая прям с ума сходит... Со всем свихнулась девка...

— Ты мне порассуждай тут, — ворчит Стас. — Ладно, гуляй дальше, Вождь Белое Перо...

Он продолжает свой путь по невидимой дорожке, ориентируясь на мерцающие мягким золотистым светом окна Убежища. Полгода назад Ленка приволокла откуда-то целый рулон полупрозрачной, медового цвета материи и сшила занавески на все окна старого дома. С тех самых пор Стас заметил, что полюбил возвращаться в Убежище по вечерам...

Ленка с визгом бросается ему на шею, как только он переступает порог. Не стесняясь Младших, целует его в губы, в нос, лоб, уши. Царапает ему шею своими длиннющими ногтями. И что-то говорит, говорит, говорит...

— ...они сначала сюда пришли, сказали, что к тебе,

по делу... я говорю: «Он занят!», а Джемал мне — молчи, су... ой, в общем, нехорошее слово сказал... молчи, значит, нам твой пацан нужен. Это он так про тебя, Стас, ты понял? Потом Андрей к ним вышел, они поговорили, довольно мирно так... а потом Андрея вдруг ударили, и он упал...

— Что? — Стас не верит своим ушам. — Как это — ударили?

Защитники боятся тех, кому были имплантированы личинки Пакости. Виной тому все те же суеверия о том, что Пакость заразна. За четыре года работы с личинками Стас слышал о двух случаях, когда ребят, получивших прививку, пытались убить с большого расстояния — в одного стреляли из винтовки, на второго скинули с пятого этажа мешок с цементом. В обоих случаях ребята остались живы и здоровы. Но чтобы кто-то из Защитников пытался ударить привитого — такого на его памяти не было никогда.

— Цепью, — шмыгает носом Ленка. — Старой такой, ржавой цепью, они там же ее и кинули... Крикнули, чтобы мы готовились к смерти, и ушли...

— Что с Андреем? — Стас осторожно отстраняет Ленку от себя и обводит взглядом зал. Младшие смотрят на них во все глаза — как же, когда еще выпадет случай поглядеть на милующихся взрослых. Андрея среди них не видно.

— Он у себя в комнате, спит. С ним все нормально, ссадина затянулась уже, просто перенервничал очень. Сказал, что они приходили, чтобы убить...

Стас скрипит зубами. Ну конечно, никого более подходящего для переговоров с противником в Убежище не нашлось. Обязательно нужно было вылезти Андрею, в котором Пакость необычайно обострила способность к эмпатии — считыванию эмоций собеседника...

— Если бы пришли убивать, убили бы, — жестко говорит он. — Пугали...

— Они хотели убить тебя! А потом уже разобрать-

ся с остальными... Они еще придут, вот увидишь... Как ты от них убежал? И что с Мишуткой?

Стас улыбается — широко, неискренне. Улыбка предназначена не Ленке, а Младшим.

— С Мишуткой все хорошо, — громко объявляет он. — Сейчас он спит, как сурок. Когда проснется, вернется к нам и снова станет с нами играть.

— Ура! — вопит очкарик Назар. — Стас, а он сможет шарики в воздухе держать?

У Назара редкая способность — он умеет левитировать небольшие предметы. Например, шарики для пинг-понга. Каждый раз, когда Стас возвращается после очередной операции, он пристает к нему с одними и теми же вопросами — так хочется ему поиграть в шарики с кем-нибудь, обладающим таким же даром...

Стас разводит руками — мол, не знаю. Младшие всегда с радостным нетерпением ожидают возвращения привитых: наверное, раньше дети так же ждали Нового года, чтобы посмотреть, какие подарки лежат под елкой. Стасу приходится делать вид, что ему тоже не терпится; на самом деле он очень боится. Доктор говорил, что для детей младше одиннадцати Пакость не представляет никакой опасности, и, как обычно, говорил правду. Но два года назад восьмилетний Давидик вернулся из инкубатора, наделенный странной и страшной способностью проникать в чужие сны. Первые несколько дней все шло как обычно, а потом Младших стали изводить кошмары. Стас и Ленка сидели с ними, поили седативными коктейлями, оставляли в спальнях включенные ночники — ничего не помогало. А однажды кошмар приснился самому Стасу.

Он до сих пор вспоминает об этом со странной смесью ужаса и отвращения. Никаких деталей того сна Стас, к счастью для себя, не помнит — помнит только ощущение ничтожности и заброшенности, как будто он — крохотная пылинка — вращается в абсолютно пустом, холодном и равнодушном пространстве, а откуда-то сверху, с немыслимых высот, наблюдают за

ним чьи-то огромные, невыразимо чужие глаза. На следующий день он случайно наткнулся на взгляд восьмилетнего Давидика и вздрогнул — он узнал эти глаза...

— Стас! Стас! — верещат Младшие, подбегая к нему. По-своему они очень тактичны — пока Стас разговаривал с Ленкой, никто им не мешал. Но теперь, когда Стас отстранил Ленку и обратился ко всем собравшимся в зале, самое время выразить свой восторг по поводу чудесного спасения любимого вождя. Младшие виснут у него на плечах, на локтях, щекочут шею и живот, пытаются повалить на диван. Стас честно возится с ними до одиннадцати, хотя сил у него уже совсем не осталось — операция, бегство от бойцов Джемала и долгая дорога домой вымотали его до предела. В одиннадцать Ленка, чудесным образом превратившаяся из Ленки Зареванной Дурочки в Ленку Строгую Воспитательницу, загоняет Младших в спальни. Младшие спят по двое в комнате — это тоже недоброе наследство Давидика. Когда-то, еще при Докторе, и привитые, и непривитые дети спали вместе в одном большом дортуаре. Но Давидику легче было входить в сны тех, кто спал с ним рядом, и дети очень скоро это поняли. «Элои, — непонятно говорил Доктор. — Смешно требовать от элоев, чтобы они засыпали рядом с морлоком». Потом за Давидиком приехали люди из Крепости и увезли его с собой. Стас слышал, как Доктор объяснял им что-то про «идеального гипнократа», а они кивали и с опаской посматривали на маленького Давидика. Давидик уехал, но тени снов, в которых он успел похозяйничать, прочно угнездились в темных углах дортуара...

Полночь. Стас сидит у камина, в котором потрескивают смолистые поленья, лениво наблюдает за алыми переливами углей, медленно погружается в дрему. Сзади неслышно подходит Ленка, обвиняет его шею тонкими руками, приникает губами к самому уху, шепчет:

— Стасенька... Стасенька мой... как хорошо, что ты вернулся...

Стас бурчит что-то неразборчивое. Почему-то вспоминается мычание Мишутки. Интересно, лениво думает он, долго ли проспит Мишутка? И каким он вернется?

— Стасенька, — продолжает нашептывать ему на ухо Ленка, — а давай отсюда уедем? Ну, давай, правда... Эти уроды-Защитники нам все равно жизни не дадут... сколько ж можно от них бегать, а, Стаська? А в Крепости тебя сразу примут, знаешь, как они хотят, чтобы у них свой Доктор был?

Стас делает резкое движение головой, освобождаясь от ее нежного захвата.

— Я не Доктор, — говорит он. — И никогда не был Доктором. А теперь уже никогда и не буду.

Это правда. Если бы Доктор поучил его еще года два-три, возможно, из него и вышел бы толк. А так он просто Стас, хирург-самоучка. И если даже предположить, что хирург-самоучка кому-то понадобился в Крепости, то что он будет там делать без своих Младших? Без госпиталя, без инкубатора? Особенно без инкубатора?

Если бы инкубатор можно было оборудовать где угодно, его давно уже перетащили бы в Крепость. Но Доктор говорил, что для инкубатора подходит только одно место в городе. Стас много раз спрашивал его, почему это так, и Доктор каждый раз отвечал, но всегда непонятно. «Фэн-шуй», говорил Доктор, и «геомантия», и «теллурические течения». Когда Доктор заболел и почувствовал, что дело плохо, он сам завел со Стасом разговор об инкубаторе.

— Никуда не пытайся его переносить... Пакость нельзя выращивать где попало... она питается не только аминокислотами, понимаешь? Нет, вижу, не понимаешь... ну, тогда просто запомни: инкубатор должен всегда быть в подвале госпиталя... и оперировать ты всегда будешь только там... и никогда не давай детям

наркоз, Пакость должна чувствовать страдания, это очень сильный стимул...

Потом он начинал бредить, и Стас окончательно переставал понимать, о чем идет речь.

— Что внизу, то и наверху, — бормотал Доктор, и крупный, неприятно пахнущий пот выступал на его пористой коже. — Гермес Трисмегист, Трижды Величайший... Задача трех тел, точки Лагранжа... Все, что происходит, происходит потому, что мы разгневали Землю... Болезни имеют волновую природу... ядро планеты испускает смертельные колебания, вирусы мутируют, небеса отвечают огнем... Инкубатор — точка Лагранжа, гнев ядра гасится гневом небес, личинки растут в зараженной плоти и пожирают ее, превращая в броню и металл... Номо Novus восстанет из грязи и тлена, он придет, сверкающий, как тысячи солнц, он поднимет руку и дотронется до свода небес... И у него будут крылья, у него обязательно будут большие, красивые крылья...

А потом Доктор умер, и Стас лишился единственного человека, которому можно было задавать вопросы.

— Нет, — повторяет он, но уже не так резко. — В Крепости нам делать нечего. Наше место здесь, с Младшими.

— Мы их обманываем, — тихонько говорит Ленка. — Мы рассказываем им сказки, они думают, что все это игра. А потом ты уводишь их в госпиталь, и они ложатся под нож... а возвращаются совсем другими...

Неправда, хочет возразить Стас, они остаются такими же! Но ничего не произносит, понимая, что Ленка права. Младшие действительно меняются. Они продолжают играть, они остаются все теми же забавными мальчишками и девчонками, но где-то глубоко внутри у них растет чужеродная органика, плесень, вырабатываемая личинками, превращает их в Номо Novus'ов, в суперменов, которые не знают, что такое болезни, владеют телекинезом и умеют проникать в чужие сны...

Мы их боимся, неожиданно понимает Стас, и Ленка, и я — мы их просто боимся...

— Давай лучше спать, — шепчет он Ленке. — Завтра будет тяжелый день...

Они ложатся здесь же, в зале, на большом диване, на котором так любят прыгать Младшие. Уютно мерцают огоньки в камине. Ленка прижимается к Стасу, он обнимает ее, зарывается лицом в ее белокурые, горьковато пахнущие волосы... и неожиданно засыпает, проваливаясь в сон, словно в разверзшуюся под ногами пропасть.

Среди ночи Стас просыпается — то ли от холода, то ли от какого-то странного звука. Огонь в камине погас, Ленка сопит, завернувшись в теплый шерстяной плед. Стас нашаривает упавшее на пол грубое верблюжье одеяло, натягивает на себя и некоторое время лежит, прислушиваясь к поглотившей Убежище тишине. Он никак не может избавиться от тягостного, словно изжога, ощущения — в окружающем его мире что-то изменилось.

Потом он засыпает снова, но сон его неглубок и тревожен.

Ему снится Доктор, погружающий в его распоротый живот белые комочки личинок.

4

Защитники приходят утром, и на этот раз их уже не десять и не двадцать.

Их целая армия.

На экране монитора видно, что часть из них приехала на байках. Байкеры затянуты в черную клепаную кожу, на ногах у них остроносые, подкованные металлом сапоги. Похоже, что это отряд из другого города — во всяком случае, раньше Стас их на улицах не встречал.

В центре полукольца огромных хромированных чопперов — навороченный джип Джемала. Сам Джемал стоит перед воротами, сжимая в руках обычную

бейсбольную битую, и лупит ею по стальным листам обшивки. Грохот такой, что с голых ветвей деревьев в саду Убежища срываются черные, как кляксы, галки и стаями кружат в прозрачном осеннем небе.

— Здравствуй, Джемал, — говорит Стас, подходя к воротам. — Чего стучишь-то?

— А, это ты, Стас! — с веселой злостью кричит Джемал. — Выходи, дорогой, поговорим как мужчина с женщиной...

— Твои люди вчера ударили моего пацана, — говорит Стас. — Кто ты после этого, Джемал? Ты — мужчина? Я в этом сомневаюсь...

Удар дерева о металл.

— Ты — паршивый ублюдок! — рычит Джемал. — Ты разносишь по нашему городу заразу! Я предупредил тебя, Стас, я говорил тебе, чтобы ты остановился, но ты не слушал меня! Ты украл малого из семьи моего племянника Арсена, и ты за него ответишь кровью, понял?

— Ну, зайди сюда, Джемал, раз ты такой смелый! — спокойно предлагает Стас. — Зайди, и мы все обсудим...

Он действительно почти не играет сейчас. Джемал и его Защитники уже не впервые появляются перед воротами Убежища, но у них еще ни разу не хватило духу войти внутрь. Между тем что-то подсказывает Стасу, что сегодня события могут пойти по другому сценарию.

— Приглашаешь, значит? — нехорошо усмехается Джемал. — Ну, принимай гостей, Стасик...

Стас не отрываясь глядит на экран монитора. Джемал оборачивается к своей армии, машет рукой. Чопперы нехотя расползаются в стороны, и на площадь выезжает небольшой грузовичок. Спереди у грузовичка — устрашающего вида «кенгурятник», рама из сваренных хромированных труб. Грузовик разгоняется, ревет двигатель, выбрасывая из выхлопной трубы клоуна сизого дыма... Стас разворачивается и со всех ног

мчится к Убежищу. На крыльце дома — Ленка и Младшие. Все они смотрят на него, в их глазах — недоумение. Они на своей территории, что может им здесь угрожать?

За спиной Стаса раздается тяжелый глухой удар, металлический лязг. Ворота, судя по всему, вынесены напроочь. Младшие нестройно визжат. Стас уже совсем рядом с крыльцом, он кричит детям, чтобы они скорее спрятались в доме, но они, конечно же, толпятся на пороге, пытаясь как следует разглядеть, что творится около ворот.

Стас врезается в группу Младших, сносит кого-то на пол, но не задерживается, чтобы помочь, а сразу устремляется в дом. Огромными прыжками взлетает на второй этаж, распахивает дверь своей комнаты, вытаскивает из-под кровати чехол с винтовкой.

Из окна ему видно, как во двор через снесенные грузовиком ворота, не торопясь, заезжают байкеры. Между ними вразвалочку шагает Джемал, помахивая своей битой. За Джемалом медленно катится его джип, битком набитый бойцами. И это только авангард, передовая группа. А ведь есть еще та безмолвная толпа, которую Джемал вывел на площадь...

Гулко хлопает внизу дверь. Ленка, слава богу, сообразила убрать Младших от греха подальше. Черт возьми, с бессильной злостью думает Стас, как же они осмелились?..

— Стас, — кричит Джемал, поднимая свою битку. — Если выйдешь, мы твоих ублюдков не тронем, обещаю! Даю тебе три минуты, потом пеняй на себя. Девку твою я лично оприходуя, понял?

Стас поднимает винтовку, досылает патрон в патронник, прижимает приклад к плечу... Делает шаг к окну, несколько секунд прицеливается, мягко нажимает спусковой крючок.

Пуля выбивает бейсбольную битку из руки Джемала. Отдача заставляет Стаса сморщиться от боли в плече.

— Ах ты, тварь позорная! — орет Джемал, пятясь

назад. Видно, что он не ожидал от Стаса такой выходки. — Не хочешь по-хорошему, да? Ладно, будет тебе по-плохому!

Он поворачивается и машет рукой байкерам. Как по мановению волшебной палочки, у каждого из них оказывается в руках бутылка с каким-то темным составом. Байкеры синхронно размахиваются, швыряют бутылки в стену Убежища. Звон разбитого стекла, истошные крики Младших. Откуда-то снизу начинает валить жирный черный дым.

— Ленка! — кричит Стас, отступая от окна. — Звони в Крепость, быстро! Они сейчас тут все спалют!

Его начинает бить озноб. Он впервые понимает, что Защитники действительно пришли убивать. И дело тут не в Мишутке, которого он якобы украл из семьи Джемалова племянника, — Стас никогда не крадет детей, они приходят в Убежище сами, ведь с Младшими так интересно играть... Дело в том, что чаша терпения тех, кто столпился перед воротами, переполнена. Когда-то это должно было случиться. Сегодняшний день ничем не хуже других дней...

Стас впервые смотрит на осаждающих Убежище Защитников другими глазами. Он видит людей, пришедших защищать свой привычный мир. Для этих людей он, Стас, ничем не лучше тех ученых, что двадцать лет назад выпустили из секретных лабораторий смертельные штаммы вирусов. Только вирусы, убившие шесть миллиардов человек из восьми, нельзя было увидеть невооруженным глазом, а чума, которая распознается из Убежища, видна всем и каждому.

За окнами ревет пламя — Стас еще не видит его, только слышит, но хорошо представляет, как страшно должно быть сейчас Младшим. Надо их уводить, думает он, вот только куда? Через забор никто из них не перелезет, разве вот только Назар сумеет кого-нибудь левитировать, да и то вряд ли — он никогда не поднимал взглядом ничего тяжелее шарика для пинг-понга...

— Сжечь заразу! — торжествующе орут Защитники. — Сжечь заразу! Сжечь заразу!

Стас колеблется. Нужно отстреливаться, но теперь, когда атакующие подожгли дом, палить поверх голов бессмысленно. Это никого не напугает, а значит, нужно стрелять на поражение. Стас совсем не уверен, что ему удастся выстрелить в человека, пусть даже человек этот желает его смерти...

Снизу раздается душераздирающий вопль Ленки. Стас выскакивает на лестницу, держа перед собой винтовку, и останавливается, будто споткнувшись о невидимую стену. В каминном зале полно народу. Черные байкеры, бритые бойцы Джемала — всего человек двадцать. Дверь вырвана с мясом — валяется во дворе, привязанная металлическим тросом к кенгурятнику грузовичка. Младшие жмутся к стенам, в ужасе глядя на загораживающего дверной проем Джемала, за спиной которого бушует пламя. В правой руке Джемал держит огромный нож, в левой — белокурые пряди Ленкиных волос. Ленка стоит перед ним на коленях, Джемал слегка поглаживает ее шею острием своего ножа.

— Бросай винтовку, Стас, — предлагает он, — и с твоей телкой ничего не случится.

— Я тебе не верю, — говорит Стас, удивляясь, почему его голос совсем не дрожит. — Я тебе не верю, Джемал. Ты боишься, ты до смерти перепуган. Ты вошел туда, куда нельзя входить тебе и таким, как ты. Поэтому я тебе не верю. Отпусти ее, и тогда мы поговорим.

— Ага, — говорит Джемал, глядя на него взглядом человека, который только что придумал классную шутку. — Значит, ты хочешь диктовать мне условия? Петр!

Он кивает одному из своих — высокому, тощему, как жердь, парню, и тот, мгновенно выбросив вперед длинную руку, выхватывает из группы Младших Скворушку — тот стоит ближе всех и не успевает отшатнуться. Заламывает ему руку, заставляет опуститься

на колени, а потом вытаскивает из-за пояса такой же нож, как у Джемала. Ну, может, чуть-чуть поменьше.

— Нас здесь много, Стас, — ухмыляется Джемал. — А ты один. Ты же не хочешь, чтобы мы перерезали твоих ублюдков, как поросят?

Стас аккуратно прислоняет винтовку к стене и отряхивает руки. Что ж, героя из него действительно не получилось.

— Спускайся, Стасик, — одобрительно говорит Джемал. — Поговорим...

Как только Стас оказывается внизу, к нему подскакивает давешний богатырь с цепью (сегодня она обмотана у него вокруг пояса) и изо всех сил бьет его ногой в пах. Стас падает на пол, пытается кричать, но крик застревает у него в горле.

Джемал наклоняется над ним, заглядывает в полные боли глаза.

— Я хотел убить тебя сам, — с сожалением говорит он. — Но здесь слишком много парней, которые на тебя злы. Мне придется отдать тебя им. Молись, чтобы тебе повезло умереть быстро, мясник...

— Я не мясник, — шепчет Стас, продираясь сквозь невыносимую боль, — я доктор...

Он впервые осмеливается назвать себя доктором. Что ж, другого шанса ему все равно не представится...

Его окружают, начинают пинать ногами. Бьют сначала не очень сильно, но потом постепенно распяляются, входят в раж, топчут подкованными сапогами... Где-то далеко-далеко режут перепуганные Младшие.

Потом все вдруг затихает, и Стас с удивлением осознает, что больше не чувствует боли. Столпившиеся вокруг него Защитники отступают, словно потеряв к нему всякий интерес. Стас, кряхтя, пытается подняться на локтях — это получается у него не сразу, но, поднявшись, он встречается глазами со смертельно побледневшим Андреем и отчетливо понимает, что произошло — эмпат просто забрал его боль себе. Идиот, хочет крикнуть Стас, идиот, что ж ты делаешь, те-

бе всего тринадцать, ты же убьешь себя! Но сил на крик у него уже не остается.

— Здравствуй, Миша, — говорит вдруг Джемал. — Вот ты и вернулся. Арсен, смотри, вот он, твой племянник, живой-здоровый...

На Стаса никто уже не смотрит, все глядят на появившегося в дверях Мишутку. Стас с огромным усилием поворачивает голову. Мишутка входит в зал, непонимающе оглядывается, видит усмехающихся байкеров, видит Джемала, поглаживающего лезвием ножа беззащитную шею Ленки, видит распростертого на полу Стаса...

— Что случилось? — говорит он ломким, чужим голосом. — Стас, что здесь происходит?

Стас не знает, что ему ответить. А если бы даже и знал, вряд ли смог бы — эти уроды, кажется, сломали ему челюсть.

— Стас?

— Твой Стас — дерьмо, — громко произносит Джемал. — И все твои друзья, которых заразили этой дрянью, тоже дерьмо. Хорошо, что они не успели заразить ею тебя. Когда все закончится, дядя Арсен ответит тебя домой...

— Ты ошибаешься, — перебивает его Мишутка. — Они успели. Я заражен, дядя Джемал.

Голос его звучит теперь совсем по-другому — сильно, уверенно. Стас закрывает глаза, чтобы не видеть того, что произойдет дальше.

— Убейте их! — вопит Джемал, уязвленный до глубины души. — Убейте их всех!

Закрытые глаза спасают Стаса. Посреди зала вспыхивает маленькое злое солнце.

Он придет, вспоминает Стас последние слова Доктора, сверкающий ярче тысячи солнц, он поднимет руку и дотронется до свода небес... И у него будут крылья, у него обязательно будут крылья...

Огонь, опаливший Стасу ресницы, гаснет, и он осторожно открывает глаза. Мишутка стоит в центре

круга, образованного неподвижными — скорее всего, мертвыми — телами Защитников, и за спиной у него трепещут огромные, переливающиеся всеми цветами радуги крылья.

— Не бойтесь, — произносит Мишутка совсем взрослым, полным оттенков голосом. — Самое страшное уже позади. Теперь все будет хорошо.

Он перешагивает через трупы и идет к Младшим. Крылья медленно гаснут, превращаясь в едва заметную вуаль, потом — в ничто.

— Миша... — хрипит Стас, — Миша...

Мишутка оборачивается и смотрит на него бесконечно долгим, пронзительным, как укол шпаги, взглядом.

— Стас, — говорит он наконец. — Стас! Помнишь, вчера ты резал меня ножом, Стас?

Стас кивает — или, точнее, просто роняет голову на грудь. Мишутка понимающе улыбается.

— Я пытался сказать тебе... Пытался сказать, что, если выживу, непременно убью тебя. Ты обманул меня. Вы все обманывали меня. Вы сказали, что это игра, веселая игра. Позвали к себе в дом, к другим детям. А потом привязали к столу и стали резать ножом...

Стас шипит от боли. Видимо, у Андрея кончились силы.

— Но я передумал, — весело говорит Мишутка. — Я не стану тебя убивать, Стас. Ты умрешь сам. И тетя Лена тоже.

Он подмигивает Стасу и поворачивается к Младшим.

— Ну а с вами мы поиграем, — объявляет он. — Кто хочет поиграть со мной, признавайтесь?

Минуту Младшие молчат. Потом голос Назара неуверенно спрашивает:

— А ты умеешь играть в шарики, Мишутка?

— Конечно, умею! — отвечает Мишутка. — Ты не поверишь, как здорово я играю в шарики!

Он произносит что-то еще — слова звучат непри-

вычно, будто Мишутка говорит на чужом, неизвестном Стасу языке, — и в комнате на мгновение становится очень холодно. Воздух застывает, как студень. Где-то высоко-высоко, в гулкой пустоте небес, замирают огромные шары планет.

Это длится всего лишь миг, но Стас с внезапной ясностью слышит тот же звук, что разбудил его вчера, — тонкий звон рвущихся струн, соединяющих небо и землю. Равновесие, думает он, глядя на худенькую спину Мишутки. Сквозь тонкую ткань рубахи багровеют два набухших кровью креста. Равновесие, зависящее от одной-единственной точки. Достаточно слабого, почти неощутимого толчка...

Мишутка, словно почувствовав спиной его взгляд, начинает медленно поворачиваться к Стасу.

И тогда Стас снова замуривает глаза — крепко-крепко.

Прогулка

Пруд говорит:
были бы у меня руки и голос,
как бы я любил тебя, как лелеял.
Люди, знаешь, жадны и всегда болеют
и рвут чужую одежду
себе на повязки.
Мне же ничего не нужно:
Ведь нежность — это выздоровленье.

Ольга Сегакова

1

Из дому они вышли почти в пять. Поздновато для прогулки — Аня, уезжая, строго-настрого наказывала уходить в три, а возвращаться не позже половины шестого. Но в три Лизонька еще спала, а будить ее Антону не хотелось. Это у взрослых все просто: накинул куртку, всунул ноги в кроссовки, похлопал по карману, проверяя наличие сигарет, — и пошел. А шестимесячного малыша нужно сначала накормить, разогрев предварительно смесь в бутылочке, потом переодеть, потому что во сне он наверняка не только описался, но и что похуже, потом одеть специально для прогулки, а это тоже не самая простая процедура, если вы, конечно, не профессиональная нянька. Тем более что днем Лизонька спала редко, это была своего рода улыбка судьбы, подарок Фортуны. Материал в субботний номер горел синим пламенем, требовалось сесть и мужественно написать

шесть тысяч знаков о суровых буднях отдела по борьбе с экономической преступностью N-ского района. Писать, строго говоря, было не о чем — будни, как им и полагается, удручали своей серостью и невыразительностью, унылые разбирательства с вороватыми бухгалтерами, жуликоватыми фирмачами и беспринципными адвокатами крупных клиентов могли заинтересовать разве что самих фигурантов обэповских расследований. Но ведь не для них же газету выпускают. Попытка поговорить по душам с господами следователями Череповецким и Клямкиным на предмет выяснения захватывающих деталей их опасной и незаметной на первый взгляд службы вылилась в банальную пьянку. В результате Антон явился домой в полтретьего; у Лизоньки, как назло, поднялась температура, Аня, разумеется, не спала, высказала все, что думает о стиле работы криминального обозревателя газеты «Честный взгляд», от помощи отказалась, бросила брезгливо: «Иди отоспись». Пошел, отоспался: Все утро под Лизонькин хнык мучительно соображал, о чем же делать материал. Самым ярким пятном в неформальных воспоминаниях господ Череповецкого и Клямкина был эпизод с ночными плясками стажерок юридического колледжа на казенных обэповских столах. В результате решил отложить работу на завтра, тем более что Аня уезжала в Петербург, следовало ее проводить, а перед тем как следует помириться. Помирился, проводил, уговорив соседку полтора часа посидеть с Лизонькой, перед вагоном клялся, что будет вовремя кормить, менять памперсы, гулять исключительно по графику.

Знала бы ты, Аня:

Пять часов — это, конечно, поздно. Весна нынче выдалась странная — неделю тепло, неделю холодно, сейчас вроде распогодилось, но к вечеру наверняка подморозит. Два с половиной часа, обещанных Ане, им не прогулять, но и полтора хватит за глаза. Лизонька чудесно спит на воздухе, если повезет, то и после про-

гулки продрыхнет еще часика два, а за это время можно разделаться с материалом. Дойдем до озера, решил Антон, прокатимся немного по берегу, там безлюдно и не лают собаки, которые пугают Лизоньку, а потом вернемся. Как раз полтора часа:

Антон проверил, плотно ли повязана теплая шапочка, укрывавшая кудрявую головку дочки от коварного апрельского ветра, подоткнул верблюжье одеяльце, сунул на всякий случай под матрасик любимую Лизонькину желтую рыбку-погремушку, накинул на плечи кожаную куртку, всунул ноги в кроссовки — хорошие кроссовки, привезенные из Амстердама «Адидас Торшн» — пружинящий шаг, хлопнул по карману — пачка «Галуаз» оказалась на месте, открыл дверь и выкатил коляску в коридор. Прогулка началась.

2

Дом, где жили Антон, Аня и Лизонька, был расположен очень удачно — в пятнадцати минутах ходьбы от далеко не последней на своей ветке станции метро и на самой границе большого парка. За удачное местоположение дому прощалось многое — и загаженный подъезд, и постоянно ошивающиеся во дворе темные личности, и периодически ночующие на лестницах бомжи. Старый район, старые, еще дореволюционные, заводские корпуса, соответствующая социальная структура. У пожеванных жизнью алкоголиков, вылезавших по весне из каких-то потаенных щелей, подрастала достойная смена. В детском саду, мимо которого приходилось ходить к метро, все лавочки были засижены кошмарно одетыми, противно ржущими, постоянно обдолбанными подростками обоего пола.

И все-таки дом был расположен удачно. Потому что стоило покинуть пределы двора, пройти тенистой липовой аллеей, протянувшейся между старинных, девятнадцатого века краснокирпичных построек — бывших складов текстильной мануфактуры, — и свернуть направо, за угол чугунной ограды, как перед тобой рас-

пахивался совершенно другой мир. Границей этого мира служила железная дорога, хоть и проходившая близко к дому, но совершенно не слышимая в квартире — даже при распахнутых настежь окнах. За железной дорогой расстился огромный парк, старый и таинственный, овеянный многовековой славой. Некогда — лес. Впрочем, часть парка и поныне считалась лесом — тянулась отсюда до самой Кольцевой, перехлестывала через нее и смыкалась с реликтовыми чащобами ближнего Подмосковья. Когда-то здесь знатно пошаливали лихие люди, грабили проезжих купчишек.

В последние годы ту часть парка, которая прилегала к железной дороге, облюбовали собачники. Расчистили себе несколько площадок, понастроили всяких вышек, стенок, лестниц и прочих тренажеров для лучших друзей человека, завели даже специальный магазинчик, торгующий костями и мясными обрезками. По выходным на площадках устраивались тренировки для собак сторожевых и охранных пород; огромные псы яростно бросались на неуклюжих людей в толстых телогрейках, рычали и рвались с отчаянно лязгающих цепей. В такие дни лай, доносившийся с собачьих площадок, был слышен даже во дворе дома, где жили Антон, Аня и Лизонька.

Существовал, правда, один хитрый путь, позволявший миновать лающее скопище овчарок, ротвейлеров и ризеншнауцеров и углубиться в мало посещаемую часть парка. Путь этот пролегал по насыпи вдоль железной дороги; в определенном месте следовало свернуть и спуститься в придорожную канаву, пересечь ее и, раздвинув кусты, выйти на протоптанную местными следопытами тропинку, ведущую на северный берег озера. Антон знал этот маршрут еще со времен своей боевой юности; позже он показал его Ане, предупредив, что одной здесь лучше не ходить. Напрасное предупреждение — Аня, вполне пугливая, несмотря на экзотическую сферу интересов, девушка, боялась ходить по тайной тропинке даже в компании с Антоном. И,

разумеется, строго-настрого запрещала гулять там с Лизонькой.

Ну, запрещать-то она могла сколько угодно. Если бы Антон посчитал нужным, никакие женины запреты его бы не остановили. Но Вероника сказала, что на площадке сегодня пусто, и не соврала. Подойдя к переезду, он убедился, что со стороны площадок не доносится ни лая, ни сердитых хозяйских окриков, ни истошного визга маленьких собачонок. Будний день, пятнадцать минут шестого. Вполне возможно, что сегодня у братьев наших меньших выходной. Это давало возможность пройти к озеру более длинным, но и более сухим путем — после таяния снегов, случившегося относительно недавно, в последней декаде марта, в низинах стояла вода, и канаву под насыпью пришлось бы преодолевать вброд.

Антон постоял у переезда, поджидая, пока вынырнувшая из-за поворота грязно-зеленая гусеница электрички простучит своими колесами в направлении станции Москва-Третья, слегка нажал на ручку коляски, приподнимая передние колеса так, чтобы они встали на постеленный между рельсами деревянный мостик, и покатиЛ Лизонькин экипаж к собачьей площадке.

3

Весна притаилась в парке. Пряталась в по-зимнему голых ветвях деревьев, готовящихся вздуться тутими почками. Блестела в отражавших прозрачное апрельское небо лужах. Клокотала в гортанных криках ворон, большими стаями круживших над пустынными аллеями. Скажем так: зима уже капитулировала, но парад победы еще не состоялся.

Скоро, совсем скоро откуда ни возьмись в одночасье полезет свежая зеленая травка, брызнут нежные клейкие листочки, черным жиром залоснится земля. Но весна пока что не была уверена в своем торжестве. Кто ее знает, зиму, — вернется тайком, прокрадется, как тать в ночи, ударит ледяным кулаком, засыплет довер-

чивую травку снежной крупой и, уничтожив первые ростки новой жизни, самодовольно отступит. Антон всегда считал, что такая погода с неожиданными возвращениями снега и мороза больше свойственна предательскому месяцу марту, но в этом году и апрель выдался ненадежный. Даром что светит солнышко — в глубокой тени под осинами еще прячутся неопрятные кучи серого снега:

Осин на северном берегу озера росло видимо-невидимо — целая роща. Дорожка, по которой Антон катил коляску, была усыпана тонкими сухими ветками, противно хрустевшими под тугими пневматическими шинами. Лизонька, впрочем, не просыпалась — весенний воздух крепко усыпил ее, теплый ветерок навевал приятные сны — на сонной физиономии малышки то и дело появлялась блаженная улыбка. Спи, родная, спи, бормотал Антон, стараясь все же объезжать самые крупные ветки, вот обойдем вокруг озера, пройдем по аллежке, как раз полтора часа и пройдут:

Ни одного человека навстречу. Вроде бы недалеко от железной дороги, от собачьих площадок — а народу обычно никого. Во всяком случае, на северном берегу. На южном когда-то в незапамятные времена пытались выстроить городок аттракционов — там до сих пор торчат металлические остовы непонятных конструкций и изрисованные жуткими граффити кабинки для переодевания. Строительство закончилось вместе с эпохой развитого социализма, и теперь удивительные артефакты давно минувших дней постепенно приходили в полную и окончательную негодность.

Антон любил северный берег. Можно идти, неторопливо покачивая коляску, любоваться меняющимися в зависимости от времени года картинами природы, думать о своих творческих планах, не отвлекаясь на суетливых коллег по прогулочному делу: У всех свои подходы к прогулке. Антон предпочитал одиночество.

Положа руку на сердце, думать про материал совершенно не хотелось. Хотелось просто идти по сухо

хрустящим веткам и радоваться весне. Вдыхать чистый апрельский воздух. Любоваться серо-стальными водами озера, в которых ломкими линиями отражались рябые стволы:

Антон не сразу сообразил, что лед на озере, оказывается, растаял. За последний месяц он привык к тому, что, несмотря на жаркое временами солнце, ледяной панцирь словно бы и не становился тоньше. Лежал огромной серой нашлапкой, выделяясь на фоне стяхнувших уже снежные покровы берегов, и совершенно не собирался таять. И тут — на тебе — за какие-то два дня полностью исчез.

Глядя на освободившееся от ледового плена озеро, Антон наконец-то почувствовал удовольствие от прогулки. Голова кружилась от запахов разогретой солнцем земли, озерной воды, впитавшей в себя холодный свежий аромат недавно растаявшего льда. Колеса негромко поскрипывали в такт неторопливым шагам. Чудесно жить на свете, подумал Антон, даже если придется время от времени воспевать подвиги господ Череповецкого и Клямкина:

У поворота дорожки, плавно огибавшей небольшой обрыв, он остановился. Он часто останавливался тут во время своих прогулок. Три минуты на созерцание.

Славное место. По левую руку взбегают на невысокий пригорок крапчатые осины. По правую расстилается подернутая мелкой рябью огромная линза озера. Воздух, простор. Берег здесь был довольно крут. Почти у самой воды выламывалось из глинистого склона уродливое корявое дерево, вступившее в отчаянную борьбу с силой земного притяжения за право расти так, как хочется — то есть почти параллельно поверхности озера. Там, где бугрились вцепившиеся в размытую паводком глину узловатые толстые корни, желтел крошечный цветок мать-и-мачехи. Один-единственный. Первый в эту весну.

Минуту Антон постоял в задумчивости, глядя на одинокую желтую капельку. Когда-то в детстве он уже с конца марта принимался считать дни, дожидаясь по-

явления первых канареечных одуванчиков на газоне перед домом — и радовался им, как старым друзьям. Весна для него всегда начиналась цветами — пусть даже такими маленькими и неказистыми, как эта мать-и-мачеха.

Антон прекрасно знал, что, будучи сорванным, прекрасный золотой вестник весны превратится в невзрачное грязно-желтое растение с некрасивым толстым стеблем. Но привязанности детства сильнее, чем думают взрослые. К тому же ему очень хотелось сделать подарок Лизоньке. Пусть такой, смысла которого она не поймет. Пусть даже она сожмет мать-и-мачеху в своем пухлом кулачке и испачкает желтыми пальчиками новую пеленку. Это будет приношение символического характера. Дар оживающей природы новой торжествующей жизни. Аня, с ее любовью ко всякой зауми и двойным смыслам, оценила бы такую идею.

Он оглянулся — нет ли кого поблизости, поставил коляску на тормоз и принялся спускаться к воде. В эту минуту выглянувшее из-за легкого кисейного облачка солнце озарило своим праздничным светом и озеро, и осиновую рощу, и застывшие на противоположном берегу странные металлические формы. Антон краем глаза заметил, что на огромной, поваленной на бок водяной горке сидят вроде бы какие-то люди. Что ж, если они смотрят в его сторону, наверняка подумают, что мужик уронил с обрыва бутылку и теперь лезет ее вырывать: Обрыв оказался почти отвесным, ухватиться было не за что, приходилось все время откидывать корпус назад, чтобы не упасть в липкую, растекшуюся под весенним солнышком грязь. Спустившись метра на два, Антон уже пожалел, что затеял эту авантюру, — белые кроссовки до самого адидасовского трилистника залепило бурой, жирно поблескивающей глиной. Случись рядом Аня, непременно выговорила бы мужу за мальчишество и разгильдяйство — ребенка бросил, полез черт знает куда, пусть даже и за символическим цветком: Отступить, однако, не хотелось — дерево, изгибавшееся над водой, словно змея в параличе, было

уже совсем рядом, и до притаившегося в его корнях цветка оставалось буквально протянуть руку, когда рифленая подошва правой кроссовки Антона — «Адидас Торшн», пружинящий шаг — все-таки потеряла сцепление с полужидкой глинистой слизью склона.

В сотую долю секунды падение из прогнозируемой вероятности превратилось в единственно возможный вариант развития событий. Все мы крепки задним умом: если бы поставить ногу не туда, а на полшага левее: а если бы вообще не соваться на этот скользкий откос: да только поздно пить боржоми. Еще секунда ушла на отчаянную и безуспешную попытку удержать равновесие, а потом Антон тяжело полетел вниз, в блестящую полированную сталью воду. «Сигареты промокнут!» — успел подумать он, выбрасывая вперед руки. Ствол дерева змеился где-то справа, слишком далеко для того, чтобы можно было бы использовать его как опору и задержать падение.

Подстегнутое стремлением во что бы то ни стало избежать падения в воду, тело извернулось в воздухе, выгнулось так, что хрустнул позвоночник, и, изменив траекторию падения, всем своим девяностокилограммовым весом ударило в нависший над водой уродливый ствол. Сломанной костью хрустнул высохший сук.

Мелькнул где-то на периферии сознания образ: одинокая детская коляска на залитом закатным солнцем склоне холма.

Мелькнул и исчез.

4

Он видел пузырьки. Сотни крохотных пузырьков, поднимавшихся над серовато-зеленым илистым дном. Каждый пузырек, прекрасный, словно сферический драгоценный камень, преломлял солнечные лучи, сверкая и искрясь всю свою недолгую жизнь, — достигнув поверхности, пузырьки лопались. Антону казалось, что он может различать игру радужных теней на поверхности этих миниатюрных воздушных шариков.

Вода двигалась. Слабое течение полоскало тяжелые бурые нити водорослей, прибывало к берегу мелкий озерный мусор — прошлогодние листья, хвою, кусочки коры. В мельтешении бликов и теней дробилось и качалось на невысоких волнах отражение нависшего над водой дерева и того, кто на нем лежал.

Антону не сразу понял, чье это отражение. Со зрением что-то произошло: он видел только часть расстилавшейся под изогнутым стволом заводи. И ему никак не удавалось разглядеть то, что творилось по левую сторону от дерева. Что ж за напасть такая, почему так странно реагируют мышцы шеи на попытку повернуть голову влево? Странно: гм, какое мягкое слово — странно. Скажите лучше, никак не реагируют:

Чуть позже он понял, что видит только правым глазом.

В левом глазу была тьма. Такое впечатление, что левого глаза не существовало вовсе. Правым глазом Антон мог различить неестественно белый кончик носа, нависавший над самой водой, — на этом мир слева от него заканчивался. Голова не поворачивалась, глаз ничего не видел. Веселенькие дела.

И понесла же его нелегкая за дурацким цветком:
«Меня парализовало», — с ужасом подумал он.

В самом начале карьеры криминального обозревателя Антону довелось освещать любопытное происшествие в Бирюлеве. Некий мужик, отмечавший свой пятидесятый день рождения, спяну вывалился с балкона девятого этажа. Он остался жив и даже не получил ни одной сколько-нибудь серьезной травмы. Такое случается с пьяными и — иногда — с маленькими детьми. Когда спасатели МЧС грузили его на брезенте в «Скорую», он только удивленно моргал и косил по сторонам налитыми кровью глазами. Несмотря на фантастически удачное приземление, мужика парализовало полностью. Нервный стресс во время полета, шоковое сотрясение организма — конкретную причину врачи «Склифа», куда вслед за пострадавшим прибыл в по-

исках сенсационных подробностей дотошный криминальный корреспондент, указать не могли. Переживший свое второе рождение пьянчуга лежал на больничной койке и удивленно рассматривал переставшее повиноваться тело. Время от времени он нечленораздельно мычал — дар речи тоже покинул его в момент удара о землю. Помнится, Антон сделал из этой истории неплохой материал, анонс даже вынесли на первую страницу: Вспомнить бы только, вернулась ли к бедолаге способность двигаться, и если вернулась, то когда:

Спокойно, сказал он себе. Без паники, постарайся сосредоточиться на своих ощущениях. Мало-помалу, потихоньку чувствительность восстановится, главное — не устраивать истерику. В конце концов, мужик падал с девятого этажа, а ты с высоты собственного роста.

Почти сразу же накатило ощущение почти невыносимой тяжести, и Антон страшно обрадовался этому чувству — значит, не все еще потеряно. Когда-то давным-давно ему приходилось крутиться на центрифуге — навалившаяся тяжесть была сродни тем полузабытым впечатлениям. Словно невидимый великан не торопясь втаскивал на него огромный мешок с песком — сначала на ноги, потом на поясицу, спину, плечи:

Антон ожидал, что мешок придавит и голову, так, что лицо погрузится в воду, и приготовился задержать дыхание, но произошло непонятное. Когда мешок добрался до шеи, Антон вдруг ощутил свое тело — все, целиком. Тело ощущалось как пустой сплюснутый тюбик, из которого выдавили зубную пасту. Последние остатки содержимого тюбика плескались где-то в районе затылка. Там, под толстой черепной костью, раздувался красивый радужный шар, похожий на те пузырьки, что всплывали перед единственным зрячим глазом Антона с неглубокого дна озера. Картины, скользящие по тутим стенкам пузыря и плавно переливавшиеся друг в друга, были фрагментами воспоминаний Антона — мелькали знакомые лица, Аня, Лизонька, родители. Пузырь раздувался, заслоняя серо-зеленую воду с при-

ставшим к мелкой волне прошлогодним сухим листочком. Тяжесть внезапно исчезла, как будто великан передумал и взвалил мешок на свое великанское плечо. Радужная пленка выгнулась странной пульсирующей воронкой, и Антон, вновь переставший ощущать свое тело, почувствовал, что его мягко, но с неодолимой силой затягивает в глубину этой воронки, к перекрывавшей проход перламутрово поблескивающей мембране. За мембраной был свет, он сиял в тысячу раз ярче, чем солнце, но удивительным образом не слепил. Антон падал в это мягкое сияние, и розовые блики мерцали на его лице. Недавние страхи сменились спокойным доброжелательным любопытством. В жизни каждого человека, думал Антон, наступает момент, когда он оказывается один на один с таким светом, и надо пережить этот момент достойно: Он снова падал, на этот раз торжественно и медленно, понимая, что пути обратно уже не будет, но мысль эта его совершенно не пугала.

А потом падение прекратилось.

Где-то далеко-далеко, в миллионах световых лет от радужной воронки, возник не слишком громкий звук, заставивший его остановиться и оглянуться назад. Звуки и раньше проникали в сознание Антона, но как-то нечувствительно — монотонно плескались о глинистый берег волны озера, поскрипывали в вышине осины. Этот же, коснувшись ушей Антона, разорвал втягивающую его переливчатую воронку, как ножницы вспарывают ветхую ткань. Он входил в непримиримый конфликт с желанием поскорее покинуть неподвижное, прикованное к земле и воде тело и устремиться на поиски вечного света.

Далеко наверху, над обрывом, забытая в своей коляске, плакала Лизонька.

5

Лизоньку им Бог подарил. В буквальном смысле — на седьмом месяце вполне благополучной беременности Аня заболела гриппом, неделю лежала с высокой температурой, похудела на пять килограмм. Врач из

консультации сначала успокаивала, мол, на таких сроках уже ничего страшного, хуже, когда в первом триместре, но на УЗИ послала. В заключении врача-узиста мелькали всякие страшные слова: плацентит, перенесенное инфекционное заболевание, кальцинаты. Говоря человеческим языком, угроза для жизни ребенка.

К этому времени Лизонька была уже вполне сформировавшейся личностью — толкалась маме в животик, переворачивалась, реагировала на их голоса. Антон с ней разговаривал — придет с работы, приложит губы к теплому тугому Аниному животу и начинает выяснять, а тут ли его любимая девочка, а что она там делает, а не скучно ли ей. И девочка тут же в ответ ножкой — бах!, а потом еще и ручкой — бах!, а потом вдруг затаится, словно в прятки играет: Любил ее уже Антон, и Аня тоже любила, хотя сама с ней не разговаривала. Представить, что с их не родившейся еще, но уже живой и умненькой доченькой что-то не так, причем, может быть, очень не так, было мучительно и страшно.

Врач им сказала, что есть три анализа, которые должны все в точности прояснить, что там с Лизонькой и как ей можно помочь. Антону названия этих процедур казались каким-то диковинным шифром — КТГ, ПСП, доплерометрия. Они договорились, что анализы будут делать в очень крутой клинике, где только для своих и только за большие деньги. Тоже, конечно, не гарантия от ошибок, но все же, все же...

В ночь перед поездкой в клинику он просидел на кухне, пытаясь читать Акунина. Убеждал себя, что не волнуется, что все в норме. Аня, как ни странно, заснула быстро и рано, еще вечерние новости не закончились. А вот Антону даже мысль о том, что можно лечь и уснуть, казалась странной. Последний раз он так же чувствовал себя перед выпускными экзаменами в школе.

В два часа ночи он вышел на балкон покурить. Смотрел в серое осеннее небо, проколотое редкими остры-

ми звездами. Чувствовал, как внутри растет что-то, какое-то движение, которое необходимо придать замершему вокруг безнадежному серому миру, чтобы начал вращаться в нужном направлении. Потом уронил окурок в темный колодец двора и неожиданно для самого себя начал молиться.

Молился долго и сбивчиво. Конспект: маленькое, невинное существо, радость и свет, защиты, обереги, ты же можешь. Пусть страдают те, кто нагрешил, вот я, например, но только не это крохотное, живое, лучик надежды в океане вселенской тьмы. Прошу тебя, это же так мало, пусть только все будет хорошо, пусть она родится живой и здоровой, пусть все беды обойдут ее стороной, а я заплачу, если надо, я готов на все, только бы она оказалась здоровой. Ну и так далее, в том же духе, хорошо еще, что беззвучно. Сам бы не поверил, если бы кто сказал, что Антон Берсенев, криминальный корреспондент и, что естественно при такой профессии, циник до мозга костей, способен на подобную молитву. И, главное, так хорошо на душе после нее стало, так легко, словно бы и вправду кто-то услышал. Уснул, уже почти что не сомневаясь, что завтра все обойдется.

Так и случилось. Ни КТГ, ни ПСП, ни даже доплерометрия никаких отклонений в развитии плода не показали. Здоровенькая оказалась Лизонька, чудесная здоровая девочка. О том, что первое обследование дало совсем другие результаты, никто больше и не заикался. Впрочем, можно ли ожидать многого от чудо-техники районных поликлиник?

После этого Антон уверился окончательно, что Лизоньку им Бог подарил. Ане, правда, ничего не сказал. Аня была девушка впечатлительная, даром что тоже журналист. Телевизионный журналист, сотрудник передачи «Удивительный мир», выходящей в эфир поздно вечером, когда все дети уже спят. Иногда там показывали такие вещи, что даже Антону становилось не по себе. Всякая мистика, НЛО, секретные эксперименты,

крысы-мутанты. В общем, как у Высоцкого: «то у вас собаки лают, то у них руины говорят».

В силу профессии Аня на подобные вещи реагировала слишком даже живо. Антон же не хотел провоцировать ее интерес фактами из их собственной семейной жизни.

Главное, что Лизонька родилась здоровой — в полном соответствии с его просьбой.

6

Каждый имевший дело с маленькими детьми знает, что их жизнь подчинена довольно строгому режиму. Причем чем ребенок младше, тем этот режим строже.

Из дому они вышли в пять. До озера добирались самое большее полчаса. Лизонька была сыта (перед выходом Антон скормил ей сто двадцать граммов сухой смеси «НІРР» — полновесную обеденную дозу), одета в новые памперсы, здорова. Режим не нарушался, а следовательно, причин для плача у нее не было. Но плач ее Антон слышал явственно.

Теперь, когда он окончательно вынырнул из радужного омута (что за картинки ему привиделись? не иначе как сильно приложился головой при падении), окружающий мир вновь воспринимался ясно и четко — твердая ребристая поверхность дерева, обжигающий холод воды, в которую, по-видимому, погружалась кисть его правой руки (пошевелить ею он по-прежнему не мог, и ощущение немного напоминало фантомную боль), прохладный ветерок, обдувавший искаженное в какой-то уродливой гримасе лицо. Он видел отражение своего лица внизу, в зеркале плещущейся под стволом воды — тусклое, деталей не разобрать. Но то, что разобрать удалось, ему не понравилось.

Лицо было не слишком-то похоже на то, которое Антон привык видеть перед собой каждое утро в зеркале во время бритья. Скорее всего, причина крылась в слабых волнах, колыхавших изображение и растягивавших его, наподобие кривых зеркал в комнате сме-

ха. И все же неприятно, когда кривое зеркало показывает тебе: ну, вот, например, что у тебя на месте левого глаза нечто невообразимо уродливое — какой-то то ли нарост, то ли щупальце. И даже если это оптический обман, то что на самом деле случилось с левым глазом? Почему он ничего не видит?

Лизонька хныкала где-то за спиной, в слепой зоне. Впрочем, даже если бы он смог скосить невидящий левый глаз почти до затылка, то что бы он там разглядел? Бурую глину откоса, вывороченные корни? Коляска с дочкой осталась высоко на склоне, да еще довольно далеко от обрыва — Антон предусмотрительно поставил ее на ровное место, позаботившись, чтобы во время его отсутствия Лизонькин экипаж никуда бы не уехал. Кто мог знать, что экспедиция за цветком так затянется...

Сколько же времени он лежит на этом идиотском бревне? Сначала Антону казалось, что между его падением и выныриванием из радужных глубин прошло минуты три. Но теперь, обретя способность анализировать то небольшое, что видел его правый глаз, он начал понимать, что ошибся. Судя по переставшей отражать солнечные лучи воде, по начавшим сгущаться сумеркам, — никак не менее часа. Половина седьмого, а то и семь: неудивительно, что Лизонька забеспокоилась.

Во-первых, ее перестал укачивать мерный ритм движущейся коляски. Во-вторых, она могла проснуться и захотеть пить. Привыкла к тому, что стоит почмокать губками-бантиком, и словно по волшебству возникает бутылочка с подогретой водой (триумф западной бытовой техники, чудо-термос фирмы «Авент» был подарен соседкой Вероникой — большое ей за это спасибо). В-третьих — самый неприятный вариант, — она могла замерзнуть.

Проклиная свою неподвижность, Антон пытался вспомнить, укрывал ли он Лизоньку теплым верблюжьиным одеялом перед тем, как спуститься с обрыва. Нет, похоже, не накрывал. Пригорок ярко освещался солн-

цем, теплые лучи нежно ласкали кожу. Он еще специально отстегнул полог и слегка развернул теплую пеленку — нельзя перегреть ребенка, все просвещенные родители знают, что перегрев опасен для здоровья. Теперь, разумеется, Лизоньке было холодно. Солнце ушло, а вечера нынче морозные. Молодец Антон Берснев, своими руками выложил дочку замерзать на пронизывающий апрельский ветерок, словно гестаповец Рольф ребенка радистки Кэт в незабываемых «Семнадцати мгновениях весны».

Он попытался пошевелиться. Эффект — нулевой, мышцы не то что не слушались, а попросту не ощущались. Впечатление, что из функционирующих органов остался один лишь правый глаз, усиливалось. Сохранились бы глотательные рефлексы, наверняка бы почувствовал, как от отчаяния и безысходности сводит горло. «Как же все-таки сильно зависим мы от ощущений тела, — подумал Антон. — Вот отказали мышцы гортани — и вместо перехватывающей дыхание паники всего лишь бесцветный мысленный образ. Да, я, пожалуй, близок к тому, чтобы запаниковать. Неподвижный, беспомощный, полуслепой, бессильный помочь своему ребенку. Бедная девочка, вон как надрывается».

Он всегда очень болезненно воспринимал крики дочери. С самой первой ночи вскакивал с кровати на каждый ее всхлип, опережая медленно просыпавшуюся Аню. В тех редких случаях, когда Лизоньку не удавалось успокоить и убаюкать, ходил с ней, орущей на руках, по квартире, бормоча что-то бессвязное и успокаивающее, чувствуя, как внутри все сжимается от желания помочь и невозможности понять, что для этого следует сделать. Тогда в его распоряжении, по крайней мере, был голос.

«Лиза! — попытался произнести Антон. Губы не слушались. Он собрался с силами и предпринял еще одну попытку. — Помогите!» Ни звука. Ни малейшего дуновения воздуха — вода, которую от его губ отделя-

ло едва ли десять сантиметров, так и осталась неподвижной.

Полный абзац, подумал Антон. Одна надежда на то, что истощенный Лизонькин ор привлечет внимание кого-нибудь из собачников. Главное, чтобы нас нашли, даже не нас, а Лизу, я-то, в конце концов, и до утра могу подождать, холода ведь почти не чувствую: стоп, почти не считается. Правая рука... правая рука, которой я не могу пошевелить. Мышцы не слушаются, но я каким-то образом знаю, что руке холодно: ну-ка, что мешает нам сосредоточиться на этом ощущении?

Оказалось, ничего. Ну, почти ничего, если не принимать в расчет постоянный, то требовательно взрывающийся, то жалобно затихающий Лизонькин плач. Сначала Антон пробовал напрячь всю волю, чтобы пошевелить хотя бы пальцами, но скоро понял, что воля в этом деле не главное. Пальцы как будто существовали только в его воображении: с тем же успехом он мог бы пытаться пошевелить ими, погрузив в бутылку с жидким азотом. Скорее всего, паралич тут был ни при чем: если он провалялся на берегу час, а кисть правой руки все это время находилась в воде с температурой не выше пяти градусов Цельсия, ничего другого ожидать не приходилось. «Воспаление легких обеспечено, — подумал Антон хмуро, — а впрочем, мне бы ваши заботы... Что ж, если двигать правой рукой нельзя, то увидеть ее хотя бы можно?»

Мысленно он приказал себе сосредоточиться и успокоиться. Как ни странно, получилось, — похоже, отключение моторики тела действительно усиливало контроль над эмоциями. Так, а теперь посмотрим, распространяется ли это правило на движение глазных яблок: попробуем скосить правый глаз так, как никто и никогда в жизни глаза не скашивал, так, что станет слышен хруст мышц хрусталика... и еще немного... ну вот, молодец.

Ему действительно удалось это сделать, и он был наверняка обрадован своей маленькой победе, если

бы не зрелище, открывшееся его единственному зрителю. Антон наконец увидел свою правую руку.

Она была вывернута под невыносимым углом. Ствол дерева там почти соприкасался с поверхностью озера, и кисть правой руки Антона вяло колыхалась в неподвижной воде, став игрушкой слабых придонных потоков. Синяя, распухшая, похожая на дряблую, не до конца надутую резиновую перчатку. Ногти — как черные скорлупки гнилых орехов. Сначала он даже не понял, что это — его рука. Мало ли что прибывает к озерному берегу: вон, чуть дальше, на самой границе видимости, маячит на волнах коричневый поплавок пустой пластиковой бутылки из-под пива. Может, действительно перчатка.

Нет, не перчатка.

На уродливо раздутом безымянном пальце — широкое обручальное кольцо белого золота, подарок Ани. Прежде чем пожениться, они жили вместе два года, проверяли друг друга на совместимость. А потом, не стовариваясь, купили друг другу кольца — он ей с сапфиром, она ему с монограммой АБ на внутренней стороне. Что ж, подумал он, по крайней мере, проблем с опознанием тела не возникнет...

Криминальный обозреватель, сколько раз выезжал он на место подобных происшествий? Утопленники, замерзшие, сломавшие шею при падении с большой высоты... Антон привык к зрелищу безобразной человеческой смерти и давно уже не боялся ее. Но вид собственной руки, за какой-то час обретшей несомненное сходство с конечностью трупа, пробывшего в воде не меньше двух дней, привел его в состояние, опасно граничившее с безумием. Беззвучный крик бился где-то под сводами черепа и, если бы охваченный ужасом разум сумел восстановить контроль над голосовыми связками, непременно вырвался бы наружу. К счастью, именно в этот момент Антон потерял последние силы, удерживавшие правый глаз скошенным почти к виску,

и пухлая синяя кисть с врезавшейся в набухшую плоть полоской кольца исчезла из поля его зрения.

Да, похоже, не час он тут загорает. Солнце уже почти исчезло, во всяком случае, вода приобрела глубокий коричневый оттенок и потеряла прозрачность. Дрейфующие нити водорослей сливаются с бурными теньями, ползущими откуда-то из-за спины, из слепой зоны. Холод, леденящий холод поднимается от воды.

Отчаянно, захлебывающимся голосом плачет Лизонька.

Неужели, подумал он в безысходной тоске и муке, неужели во всем парке не найдется ни одного человека, который услышит этот крик и подойдет посмотреть, что здесь происходит? Неужели все так заняты своими делами, выгулом собак, поглощением пива, прогулками со *своими* детьми? Неужели никого не волнует, что с другим может случиться несчастье?

Разумеется, не волнует — и он знал это лучше, чем кто-либо другой. Сколько раз приходилось ему писать о том, как та или иная трагедия происходила лишь потому, что никому не было дела до творившегося рядом беззакония или просто беды. Только случай, только слепой случай мог привести в такой час на этот безлюдный берег одинокого бегуна или влюбленную парочку. И он, Антон Берсенев, еще несколько часов назад бывший здоровым, уверенным в своих силах мужчиной, обречен теперь беспомощно ждать, проявит ли судьба благосклонность на этот раз. Как тогда, в бессонную ночь на балконе, под равнодушным взглядом ледяных звезд.

Он вспомнил падающий в темный провал двора, рассыпающийся розовыми искрами окурков. Прикрыл единственный зрячий глаз, невысказанным напряжением сил оборвал рвущийся на волю беззвучный крик и постарался сконцентрироваться для молитвы. Тогда помогло — должно помочь и сейчас. Антон Берсенев никогда не относился к числу глубоко верующих людей. Вот Аня — другое дело: Аня верила во что угодно, в

том числе и в Бога. Но Аня сейчас в Петербурге, в тепле и безопасности, а он здесь, и помощь нужна именно ему. Даже не ему — Лизоньке.

Он собрался, как перед прыжком с десантного борта. Он приготовился просить Бога о последнем одолжении.

И услышал голоса.

7

Сначала их заглушал истошный Лизонькин ор. Бедная девочка кричала без перерыва уже добрых полчаса, и голосок ее изрядно охрип. Только поэтому ему и удалось расслышать доносившуюся откуда-то издалика искаженную расстоянием человеческую речь. Антон замер, охваченный счастьем и ужасом одновременно — а вдруг они идут не сюда? Вдруг удаляются? Превратиться в слух, превратиться в одно большое настороженное ухо, расслышать за повторяющимися Лизонькиными взрываниями выламывающийся ритм чужой речи... Уходят? Голоса на мгновение затихли, и Антону почудилось, что он вновь падает в черную яму отчаяния, но тут Лизонька вдруг замолчала.

— ...тихо в лесу, — заорал кто-то гнусавым голосом, — только не спит барсук...

— Заткни хлебальник, — рявкнул другой голос, бабовитый, но вроде бы женский, — задолбал уже своими песнями, мудило.

Прогрохотала за лесом невидимая электричка, и Лизонька заплакала с новой силой. Но теперь Антон был уже почти уверен — любитель песни про барсука и его спутница шли именно сюда.

— Что за концерт, — сказал третий голос, сиплый, мужской, — прямо на нашем месте? Дерут там, что ли, кого?

— Ага, — подхватил женский голос, — всех, кто туда приходит. А ты не знал? Ничего, сейчас придем, тебя тоже раком к березке поставят и...

Звук шлепка.

— Ка-зел! Дрюня, ну ты и ка-зел! У меня ж там сигареты!

— А ты метлу свою попридержи, Рыжая, и базар фильтруй. Не, в натуре, я не пойму — че там, правда, что ли, порево устроили?

Кретины, подумал Антон, неужели так трудно понять, что плачет ребенок? Главное, чтобы вы не свернули, не прошли мимо. Главное, чтобы наткнулись на коляску. И чтобы хватило мозгов понять — ребенок в беде.

— Никитос, ну-ка сбегай погляди, что там за дела, — это Дрюня распоряжается. Тот, кого он назвал Никитосом, обиженно забубнил:

— А че я, Дрюнь, че сразу я. Пусть вон Рыжая бегает, ей жир растрясти полезно.

Удар. Вскрик.

— Да ладно, пошутил я. Счас, здесь побудьте.

Дрюня ему вслед — неразборчиво, тихо, проскочило слово «менты».

Никитос:

— Ну что я, первый раз, что ли...

Голоса затихли. Лизонька надрывалась пуще прежнего. Понятно: теплее не становится, солнце спряталось окончательно, скоро наступит ночь. Антон почувствовал, что в любую секунду может не выдержать нервного напряжения и отключиться. Сейчас, сейчас невидимый Никитос доберется до коляски...

Добрался. Сквозь Лизонькины причитания пробил негромкий, но отчетливый звук шагов, потом замер. Какое-то движение наверху. Громкий, отразившийся от воды крик:

— Давайте сюда, все чики-пуки!

— Не ори так, козел! — это Рыжая. Орет не хуже Никитоса, но тут дело принципа — показать, кто главный. Вода хорошо отражает звуки — судя по тому, сколько добирался до пригорка Никитос, они не ближе, чем в пятидесяти шагах.

Лизонька рыдала по-прежнему. Никитос, находив-

шийся рядом с коляской, не делал ровным счетом ничего, чтобы ее успокоить. Да и то сказать: а что он мог сделать? Ходил, бормотал себе под нос:

— Тихо в лесу, только не спят дрозды...

Прошла, протянулась, проползла медлительной змеей бесконечная минута. Потом Антон услышал тяжелые шаги, топавшие вверх по склону, услышал, как где-то совсем рядом плеснул, словно выскочившая из воды рыба, сорвавшийся с обрыва кусочек глины.

— Ну, и че здесь не то? — голос Дрюни. — Слышь, Рыжая, это децил. Натуральный децил, да я тебе не втираю, сама сейчас увидишь. Осторожней, сумка, дура рыжая! У тебя столько лавэ за всю жизнь не будет, сколько эта сумка стоит, вовек не расплатишься...

— И правда, малой, — бас неожиданно прозвучал на полтона ниже, — а как орет, просто сирена какая-то. Гля, красный стал, как помидор. Эй, малой, ты чего такой красный?

— Ну, Рыжая, он прям как ты вчера: пузырь выжрала и носилась потом красная, как обезьянья жопа. Децил небось с утра тоже накатило и лежит теперь, отрывается на полную.

— Заткнись, урод.

Возня. Вскрикнула Лизонька.

Да что же вы там делаете, хотел крикнуть Антон, и не мог, потому что слова не доходили до губ. Вы, компания дерьмоголовых придурков, вы хотя бы на помощь кого-нибудь позвать догадаетесь?

— Гнилой расклад, — донесся сверху голос Никитоса. — Здесь рядом наверняка его родаки. Припрутся, начнут базары тереть, что да как. А то еще мусора явятся, вдруг этот децил потерялся?

Рыжая засмеялась — мерзким, икающим смехом.

— Ты даун, Никитос, ты полный дебил! Как децил может потеряться? Он что, сюда сам на коляске приехал? Ты думай сначала, а потом базлай.

— Никаких тут родаков нет, — сказал мрачно тот, кого называли Дрюней. — Один он, кинули его: бикса

какая-нибудь залетела, родила, как кошка, а на хера этот выблядок ей нужен? Отвезла в лес и оставила, к утру точно замерзнет. Все вы, бабы, такие, и ты, Рыжая, не лучше, знаю я тебя.

— С такой коляской понтовой бросила? — обиженно пробасила Рыжая. — С такими прибабасами? Ты хоть знаешь, что это такое? Это термос такой специальный, малых кормить. Он стоит знаешь сколько?

— Ладно, — буркнул Дрюня, — бери эту хреновину себе. Толканешь завтра кому-нибудь, лавэ отдашь, и так должна мне по самое не могу. А децил задолбал уже орать, Никитос, заткни его.

— Ну че ты, Дрюнь, как я тебе его заткну? Что я, знаю, что ли, как их затыкают.

О Господи, подумал Антон, из последних сил удерживаясь на краю всепоглощающей тьмы, что же за спасение ты мне послал... Дебилы, злобные, отвратительные подонки, они же ничем не отличаются от тех, кто сидел за забором в детском саду, кто кинул в Аню бутылкой. Они не станут помогать Лизоньке, они никого не станут звать на помощь, и хорошо еще, если они просто уйдут.

— Не знаешь, говоришь? Ну так смотри.

Треск ткани. Непонятные звуки, тонкий, заячий вскрик Лизоньки. Тишина.

— Вот и все, баклан. Пусть попробует поорать с тряпкой во рту.

Антону показалось, что где-то под черепной коробкой разорвалась граната. Встать, немедленно встать, выбраться из этой скользкой глиняной ловушки, раскидать посмевших прикоснуться к его дочери уродов! Встать... подняться... хотя бы пошевелиться... хотя бы крикнуть...

Бесполезно.

Он по-прежнему не чувствовал своего тела. По-прежнему не мог напрячь ни одну мышцу. Зрение и слух — вот и все, что у него осталось. Единственный глаз, видевший только крошечный участок опостылев-

шей заводи, и уши, которые перестали слышать родной Лизонькин голос.

— Что за базар, Дрюня, сколько я тебе должна? Ты вообще расценки знаешь? У меня мужики на трассе за минет по тридцатке зелени отстегивают.

— Хорошо базлать, дура. Ты мне за каждый раз по полтиннику должна, вот и соображай, сколько на тебе висит: Сейчас еще плюс пятьдесят будет. Или ты сегодня не при делах?

Звон стекла.

Никитос:

— Точно, Дрюня, она сегодня отдыхает. Ну и правильно, нам больше достанется. Там что у тебя? А ты разбодяжил? А то в прошлый раз...

— Сука ты, Дрюня, — с чувством сказала Рыжая. — Я к тебе как к человеку, а ты меня на счетчик ставишь. Ладно, я в доле. Че это у нее какой-то цвет странный?

Молчание. Шуршат какие-то тряпки.

— Подогреть надо. Никитос, запали костерок, заодно и погреемся.

— Ну че опять Никитос?..

Какой-то не слишком тяжелый предмет плюхнулся в воду чуть дальше ствола, на котором распласталось неподвижное тело Антона. Тело, сотрясаемое страшными, невидимыми глазу конвульсиями.

— Ты, урод, ты че сделал? Че сделал? Это новая бейсболка была... ты ж ее в воду кинул...

— Пойди да вытащи, — равнодушно сказал Дрюня. — А потом веток собери да костер запали.

Никитос, охая и ругаясь себе под нос, полез с откоса — выручать свою бейсболку. Дрюня подождал немного, позвенел чем-то, потом сказал с неприятной мяукающей интонацией:

— По тридцатке, говоришь, отстегивают? Ну-ка, покажи, за что...

Рыжая не успела ответить — Никитос вдруг истошно завопил и обрушил на Антона целый град ком-

ков глины — видимо, судорожно карабкался по склону наверх.

— Там... там... трупняк...

— Где? — взвизгнула Рыжая. Дрюня хмыкнул:

— Покажи.

Звук шагов над обрывом.

— Точно, валяется — похоже, и правдадохлый.

Помолчал.

— А, я понял: это тот козел, которого мы с того берега видели: все, отъездился, конь педальный...

— Как думаешь, малой его?

— Да нет, вряд ли... Хотя... нет, точно нет... Это бомжара какой-то, а у децила, ты сама говорила, коляска крутая... Пусть валяется, он тихий, не орет, дозу не просит. Ну что, Рыжая, готова? Ты, Никитос, не парься, пока огня не будет, ничего не получишь. Давай работай.

Некоторое время сверху доносились неясные тихие звуки, потом Рыжая выдохнула неестественно высоким и тонким голосом:

— А-а-о-о, супе-ер, супер, о-о-а!!!

И, словно в унисон с ней, закричала вытолкавшая свой кляп Лизонька.

У Антона от крика дочери зашлось сердце. Зашлось — и только тут он впервые обратил внимание, что оно, оказывается, бьется — медленно, с переборами, но бьется, больно молотя о сплюсненную деревом грудную клетку.

— Вот падла, — зло буркнул Дрюня, — тряпку выплюнула. Слышь, децил, лучше бы ты заткнулся. Я, бля, в натуре тебе говорю, заткнись.

— Дрюнь, правда, он так весь лес на уши поставит. Сюда щас толпа сбежится, у него голос-то какой громкий...

— А тут еще мертвяк валяется, — добавил Никитос. — Пошли отсюда, Дрюнь, давай в подвал лучше пойдем, ну его, этот парк.

— Много сюда народу сбежалось, пока мы не пришли... Заткнись, крысенок! Ща в озеро кину.

— Нет, правда, Дрюнь, он так орет, что сюда скоро мусора явятся. Раньше он вроде не так громко выл.

— Мы ему не нравимся! — расхохоталась Рыжая. Голос у нее был не такой, как раньше, — в нем появились какие-то разболтанные нотки, какая-то эйфорическая интонация. — Ему с нами в падлу на одном берегу сидеть!

— Умолкни, плесень! — взъярился Дрюня. — Я тебя точно утоплю! Молчать, сказал!

Конечно, Лизонька его не послушалась. Ее вообще нелегко было успокоить после долгого плача — даже у Ани не всегда это получалось. Тогда Антон брал дочку на руки, примащивал так, что плачущее личико прижималось к плечу, а крохотные ручки обхватывали шею, и носил до тех пор, пока Лизонька не засыпала. Как давно это было... как мало ценил он выпавшее ему счастье...

— Эх, водки бы малому налить... че там, в пробочке — ему и хватит. У Ленки мать так всегда делала, у них там детей, как у цыганей в таборе, мал мала меньше. Они как начнут орать, она им сразу водочки нацедит — и тишина.

— Водки? — переспросил Дрюня задумчиво. — Можно, конечно, и водки...

Треск замка-молнии.

— А я лучше придумал... Мы ему щас чернушки ширнем. Заодно и проверим, чего нам хачи твои впарили, а то, может, отстегнули бабки за фуффло помойное...

— Да ты охренел, в натуре? Он же кони двинет от чернушки... как ты проверишь?

Помолчал Дрюня.

— Ему и так, и так до утра не дожить. А ширнется — хоть счастливым помрет. А проверим так: если посинеет, вздуется — фуффло твои хачи. Тогда мы вернемся и их загасим. Давай, Никитос, баян.

— Дрюнь, кончай, а вдруг за ним все-таки родаки придут? — голос Никитоса дрожал.

— Никто за ним не придет, — сурово отрезал Дрюня. — Костер развел? Грей и молчи...

Беспомощный, безгласный, лежал на своей повисшей над водой плахе Антон Берсенов. Он не хотел больше жить. Он жалел о том, что не погрузился в радужный омут и не проник за мерцающую мембрану. Сделай он это тогда — и теперь бы ему не пришлось умирать мучительной смертью при каждом Лизонькином крике и неотвратимо воскресать для новых страданий. Где-то наверху, в роще, трое обезумевших от наркоты подонков готовились убить его ребенка, а он был обречен на роль свидетеля, бессильного им помешать.

Быть может, окажись на его месте кто-нибудь другой, он просто не поверил бы в серьезность их намерений. Но профессия Антона научила его придерживаться одного простого правила: какой бы ужасающей ни казалась иной раз теневая изнанка жизни, в действительности все обстоит гораздо хуже.

Он ни секунды не сомневался в том, что троица наверху может убить его дочь. Он знал, что помочь ей не в состоянии. Он больше не верил в действенность молитв.

Он устал балансировать на грани безумия и реальности, превосходившей своей жестокостью любое безумие. Его разум не выдерживал такого напряжения.

Его единственный зрячий глаз закрылся, на его слух опустилась тяжелая печать тишины. Наконец-то он перестал слышать, как заходится в истошном крике Лизонька.

Он поскользнулся на скользком бортике реальности и сорвался в глубокий бассейн воспоминаний.

8

Моментальные снимки памяти: вот Антон забирает Аню с дочкой из роддома. Конец октября, ветер метет асфальт, играя последними сухими листьями. Над серым кубом больницы — неожиданно яркий синий просвет в холодном, будто покрытом инеем сером не-

бе. Лизонька — огромный белый конверт с розовым бантом и глядящими откуда-то из кружевных глубин глазками-бусинками...

Вот они с Аней стоят около детской кроватки, в которой посапывает туго спеленутая разноцветными пеленками Лизонька... От крошечного тельца, от покрытой нежным пушком головки исходит слабый, но явственно различимый аромат молока...

Вот он укачивает дочь на руках, она плачет, потом, успокоенная звуками его голоса, затихает и начинает с интересом следить за движением губ, потом протягивает пухлую ручонку и с силой хватает отца за нос...

Вот он собирает Лизоньку на прогулку, надевает теплый комбинезон, две пары носочков, вязаную шапочку... вот они спускаются вниз на лифте, выходят во двор, останавливаются у переезда через железную дорогу... идут по тропинке к озеру... Вот Антон замедляет шаг перед поворотом, у самого обрыва... Ставит коляску на тормоз, начинает спускаться вниз, туда, где у корней дерева расцвел желтый огонек мать-и-мачехи... Вот правый кроссовок Антона теряет под собою опору, он летит вниз, к воде, изворачивается в воздухе...

...он успевает еще заметить, как навстречу ему стремительно несется черный, склизкий, изогнутый сук, похожий на деревянный кинжал, а потом что-то острое и холодное с чудовищной силой бьет его в левый глаз, и наступает абсолютная темнота.

Он открывает глаза — точнее, единственный уцелевший глаз. Второй, пронзенный деревянным кинжалом, не откроется уже никогда. Антон снова внимательно смотрит на свое страшное отражение в потемневшей, налитой недоброй темной силой воде. Он наконец понимает, что с ним произошло.

Где-то наверху, отделенный от него пятью метрами глинистого откоса, человек по кличке Дрюня берет в руки наполненный отравой шприц, чтобы вонзить его в тельце единственного ребенка Антона Берсенева.

— Разворачивай, — командует он то ли Никитосу, то ли своей рыжей подружке. — Будем вену искать.

Внизу, у самой кромки воды, Антон Берсенев смотрит на свою правую руку, вывернутую, как у тряпичной куклы. Ее кисть погружена в воду, она распухла и посинела. Теперь он знает почему. Он смотрит на нее очень внимательно.

Пальцы, раздувшиеся, похожие на перележавшие, готовые лопнуть сардельки, вдруг начинают неуверенно сжиматься в кулак. Сжимаются — светлая полоска кольца теряется в складках разбухшей плоти.

Голову Антона пронзает белая молния ослепительной боли. Но он продолжает сжимать кисть. Когда ему это удастся, осторожно вытягивает ее из воды. Он почти не чувствует эту руку — да что там почти, не чувствует ничего, кроме холода. Но каким-то образом знает, что рука извлечена из воды.

С левой рукой сложнее. Антон даже не представляет себе, как она сейчас расположена. Под каким углом к телу. Цела ли.

Но он уже верит в то, что может подчинить себе и левую руку.

И она подчиняется. Точно так же сжимаются в кулак пальцы. Упираются в шершавую кору. Правая рука подламывается, размокшая кожа рвется, как целлофан, дерево окрашивается кровью. Ничего, ему не привыкать.

Боль нарастает, грозя выжечь последние предохранители истерзанного мозга. Еще секунда... но тут Антон вовремя вспоминает, что ему это повредить уже не может. Боль не отступает, но паника тут же проходит.

Антон упирается обеими руками в ненавистный ствол. Жаль, что он совсем не чувствует ног. Не беда, скоро придет и их час. Пока важно приподнять голову. Задача номер один — голова. Напрячься. Приготовиться к приступу боли. Приподнять корпус... Рывок...

Боль — это ничто. Боль — это развлечение. Боль

можно терпеть хоть 24 часа в сутки. Любую — зубную, когда тебе удаляют нерв без заморозки, боль, когда тебя бьют ногой в пах, боль, которая пронзает все тело из-за крошечной песчинки в твоих почках, какую угодно боль можно терпеть...

ТОЛЬКО НЕ ЭТУ!!!

Голову разорвало напополам. Потом еще раз — на более мелкие части. Потом кто-то удалил остатки черепной кости и залил обнаженный мозг расплавленным свинцом. Отвратительный хруст — что-то похожее на звук, который он помнил с тех пор, как хирург в госпитале, исправляя ему свернутый набок нос, ломал щипцами носовую перегородку. Что-то льется из левой глазницы. Подняться. Подняться на ноги. Протянуть руку и пощупать глазницу. Проклятье, руки слушаются, но ни черта не чувствуют.

Главное сделано. Он вновь контролирует себя. Он слаб, он шатается, но может двигаться. Теперь взобраться наверх. Пять метров — пустыки. Даже пять метров покрытого размокшей глиной склона, даже если в наступившей темноте почти ничего не видно. Там, наверху, пляшет размытое пятно огня — Никитос разжег все-таки свой костер.

Теперь — не опоздать.

Он не чувствовал, как переставляет ноги. Он вообще ничего не чувствовал, видел лишь, как сменяется картинка перед единственным зрячим глазом. Несколько раз он поскользнулся и падал, и тогда не видел ничего, кроме размокшей глины.

Они, разумеется, услышали. Невозможно не услышать, как взбирается вверх по склону девяностокилограммовая, плохо координирующая движения туша. Услышали, напряглись, подошли поближе к обрыву — посмотреть, что же там происходит. На этом Антон выиграл почти минуту. Шприц так и остался в руках у Дрюни.

Они увидели, как поднимается над обрывом зали-

тая кровью, искаженная гримасой смертельной муки, черная голова.

И Антон тоже увидел их. Блики костра плясали на их белых блинообразных лицах, но в глубине их глаз плескалась полная, непроницаемая, абсолютная тьма. Коренастый, бритый наголо, затянутый в спортивный костюм амбал — Дрюня. Стоит, приготовившись к драке — тяжелые кулаки сжаты, руки прижаты к бокообразному туловищу в слабом подобии боксерской стойки. Крупная, плотно сбитая девица лет семнадцати с испитым бледным лицом, обрамленным копной роскошных, цвета огненной меди, волос. Пятится от обрыва к костру, большой рот с накрашенными черной помадой губами раскрыт в предвкушении истошного вопля. На границе света и тени — тощий, похожий на маленького старичка пацан, сжимающий в руке игрушечный нож-выкидушку. На лице застыло выражение крайнего изумления, смешанного с ужасом. Это Никитос.

И самое главное — за спиной у Дрюни и Рыжей, почти у самого костра — Лизонькина коляска. С бортика свисают размотанные пеленки, полураздетая Лизонька кричит в полный голос. Ничего, ничего, родная, папа уже рядом, потерпи еще минутку.

— Ну, уроды, — сказал Антон, с невероятным трудом вытаскивая ставшее словно свинцовым тело на кромку обрыва и поднимаясь во весь рост, — молитесь теперь, смерть ваша пришла.

Точнее, думал, что сказал. Говорить оказалось трудно — значительно сложнее, чем двигаться, хотя боли на этот раз он не почувствовал. Но слова застряли где-то в горле, будто увязнув в толстой ватной пробке, а когда он напрягся, чтобы вытолкнуть эту пробку наружу, изо рта вырвалось хриплое, совершенно нечеловеческое рычание, испугавшее даже его самого. Он протянул к ним руки и сделал шаг по направлению к коляске.

Рыжая завопила, мгновенно заглушив Лизоньки-

ны рыдания. Не прекращая орать, она сделала два шага назад, споткнулась и упала на спину, тут же потерявшись в царившей за пределами очерченного костюмом круга темноте. Никитос исчез среди осин с таким проворством, что Антон не успел заметить, как это произошло. Но Дрюня даже не отступил.

Он действовал значительно быстрее, чем Антон в его нынешнем состоянии. Несколько часов назад в драке с Берсенывым у него не было бы даже одного шанса из ста — но теперь все изменилось. Антон двигался медленно, настолько медленно, что обманный удар, который провел его противник, оказался просто ненужным.

Бритый амбал взмахнул правой рукой, имитируя крюк в челюсть, а левой коротко, без замаха ударил Антона в печень. Антон не успел отбить ни первого, ни второго удара. Он почувствовал сильный толчок, опустил глаза и увидел черную пластиковую рукоятку, торчащую из вымазанной в глине кожаной куртки.

Значит, нож был не только у Никитоса.

Дрюня стоял, слегка склонив шишковатую голову набок, и ждал, пока он свалится.

Антон протянул руку и схватил Дрюню за горло.

Несильно — почти вся сила ушла на то, чтобы оторваться от ствола, к которому он был пригвожден последние несколько часов, словно коллекционная бабочка к картонке. Но и простого прикосновения оказалось достаточно.

Дрюня взмахнул руками, словно пытаясь отогнать привидевшийся в наркотическом бреде кошмар. Рот его беззвучно открывался и закрывался, глаза закатились. Судорожным движением он высвободился из захвата и, повернувшись, бросился бежать, ломая тонкие, хрупкие после зимы дерева.

Антон попытался выдернуть засевший в боку нож. С третьей или четвертой попытки это удалось. Лезвие было испачкано темным, но кровь из раны не шла.

Он уронил нож на землю и, переваливаясь, словно

медведь-шатун, побрел к коляске. На полянке уже никого не было — Рыжая покинула страшное место, не дожидаясь исхода борьбы.

Лизонька сорвала голос, и ее плач стал похож на хриплые стоны астматика. Но она была жива. Она была жива.

Антон наклонился над коляской и заглянул дочери в лицо. Красное, как перезревший помидор, обиженное на весь свет, с прилипшими к щеке нитками — остатками кляпа. Вытаращенные глазенки уставились прямо на него. Антон ужаснулся — сейчас Лизонька увидит перед собой чудовище. Монстра с развороченной, окровавленной глазницей, перепугавшего даже ее привыкших к темным видениям учителей.

Он уже готов был отшатнуться, спрятаться в тень, но тут Лизонька перестала плакать и протянула к нему ручки. Одна ручонка коснулась его щеки, замерла, но не отдернулась. Пальчики у нее были холодные, но не ледяные, и Антон внезапно поверил, что все еще будет хорошо.

Он подобрал свисавшие до самой земли пеленки и попытался завернуть в них Лизоньку. Получалось неважно — пальцы совершенно перестали слушаться и казались тупыми деревяшками, концы пеленок никак не удавалось закрепить так, чтобы они не разматывались. Тогда Антон осторожно вытащил дочку из коляски и прижал к груди. Он не был уверен, что в его теле осталась хоть капелька тепла, но так было лучше.

Коляску он оставил стоять у догоравшего костерка — везти ее в темноте означало почти наверняка застрять в каком-нибудь болотце или канаве. Хотя идти, опираясь на ручку коляски и механически перебирая ногами, казалось проще, чем пробираться ощупью через кусты и подлесок, Антон решил, что дойдет. Дойдет, что бы ни случилось.

Лизонька крепко вцепилась маленькими пальчиками в отвороты его кожаной куртки. Антон примостил ее на согнутую в локте правую руку — все равно эта

рука больше ни на что не годилась. А так, согнутая в одном положении, застыла, как палка, превратившись в надежный насест для малышки. Тяжести он не чувствовал, как не чувствовал уже вообще ничего, кроме тепла прижимавшегося к нему крохотного тельца и полыхающей под черепом боли. Но с каждым шагом, уводившим его от озера по направлению к железной дороге, он с удивлением ощущал, как волны этого тепла успокаивают боль, умирляют ее, будто бы кто-то невидимый баюкает его истерзанную голову в добрых и нежных ладонях. Когда Антон вышел к затопленной канаве под железнодорожной насыпью, боль почти исчезла.

Почти исчез и весь окружающий мир. Какая-то часть угасающего сознания сохраняла память о том, что следует держаться тропы, которую он некогда показал Ане и которую она так не любила. Было очень темно: возможно, стояла уже глубокая ночь, но скорее всего, стремительно меркло зрение. Иногда он терял ориентацию, и ему приходилось топтаться на месте, пытаясь различить в наплывающем со всех сторон тумане направление тропы.

Лизонька тихонько похныкивала у него на руках — громко плакать у нее уже не было сил. Ничего, думал Антон, пробираясь к полого поднимающейся насыпи по колено в воде, ничего, главное, что мы выбрались. Тепло и свет уже совсем рядом, мы обязательно доберемся туда, где тепло и свет.

На насыпи он едва не упал, споткнувшись о рельс. Он совсем забыл про рельсы и почти не видел их. Антон постоял, качаясь, стараясь определить, в какую сторону теперь идти. Повсюду была тьма, бархатная, непроницаемая, мягкая тьма. Только далеко впереди слабо мерцал огонек, похожий на озаренное уютным домашним светом окно.

Тогда он спустился с насыпи и медленно, с методичностью заводной куклы переставляя негнущиеся ноги, побрел по направлению к этому далекому огонь-

ку. Шаг за шагом, все глубже погружаясь в смыкавшуюся вокруг него ночь.

Антон совсем не удивился, увидев, что никакого окна на самом деле нет, а есть бьющий прямо с небес конус слепящего белого света. В конусе стоял ангел, прекрасный ангел с белокурыми волосами, по которым струились волны холодного пламени. Последние шаги до ангела оказались самыми трудными.

На границе света и тьмы Антон остановился. Неуклюже протянул Лизоньку сияющей белой фигуре. Ангел медлил, глядя на Антона широко открытыми глазами. Секунды тянулись долго и мучительно, словно падающие на беззащитную кожу капли расплавленного янтаря. Потом ангел поднял свои великолепные крылья и накрыл ими Лизоньку.

Антон почувствовал, что его руки свободны. Им уже нечего было нести.

Вселенная лопнула фейерверком цветных огней.

А может быть, наоборот, все огни Вселенной погасли в один-единственный миг, и наступила абсолютная темнота.

Взрыв или тишина.

Кто знает.

Да и какая разница.

9

— Пойдем покурим, — сказала Аня. — Сил нет уже все это слушать.

Вероника понимающе кивнула. Столько нервов отнимают эти ритуалы, столько нервов! Хорошо мужикам — сидят себе, накачиваются водкой, смачно закусывают, вспоминая о причине, собравшей их за этим столом, только когда нужно произнести очередной тост. А вся работа, как всегда, на женщинах — приготовить, сервировать, вовремя сменить закуски.

— Ну их на фиг, подруга, пойдем правда покурим,

ничего с этими козлами не случится, если жареная курица появится на столе на пятнадцать минут позже.

Они вышли на балкон — никто из собравшихся даже не заметил их исчезновения.

Вероника протянула подруге пачку «Davidoff». Аня начала курить неделю назад и еще не умела рассчитывать, сколько сигарет в день ей понадобится.

Тонкие Анины пальцы, ставшие почти бестелесными за последние несколько суток, неумело вытащили из пачки длинную сигарету. Вероника щелкнула зажигалкой, поднесла ее почти к самому Аниному лицу, но попасть кончиком сигареты в пламя Ане удалось только с третьей попытки — дрожали руки.

— Никак, — всхлипнула Аня, — никак не могу поверить, что он... что его...

Вероника тяжело вздохнула — мысленно, разумеется. Аня прекрасно держалась все эти дни, ни разу не позволяла себе не то что истерики — даже слез на людях. Но сегодняшнее сборище, по-видимому, переполнило чашу ее терпения. Девять дней, девять дней... Пришли записные алкоголики из газеты, пара армейских друзей, какие-то хмыри из ОБЭПА — Череповецкий с Клямкиным, представились «близкими товарищами покойного». Случайные, ненужные люди, да ведь Ане тяжело было видеть и тех, кто действительно хорошо знал Антона... Но — ритуалы, традиции, ничего не поделаешь. И все-таки Аня сдержалась. Не заревела. Молодец, подруга, мысленно одобрила Вероника. Горжусь тобой. А здесь можешь расслабиться.

— Знаешь, Ника, — сказала вдруг Аня, — а ведь все они ни черта не знают.

— Ты о чем? — встревожилась Вероника. Аня отвела взгляд, повернулась к перилам балкона и, встав на цыпочки, оперлась на локти, неосознанно скопировав позу, в которой любил курить Антон.

— Они же все думают, что его убили. Что эти по-

донки пырнули его ножом. Их же нашли, я тебе говорила?

— Нет, — Вероника подошла к подруге, встала рядом и тоже обратила свой взгляд вниз, в черный проем двора. — Арестовали?

— Да, так мне сказал следователь. На ноже, который лежал около коляски, есть отпечатки пальцев, теперь никакие адвокаты им не помогут, да и какие у них могут быть адвокаты, они же никто, отребье.

— Ну и отлично, — твердо заявила Вероника. — Справедливость должна торжествовать, что бы ни случилось. Антона, конечно, не вернешь, но тебе однозначно будет легче, если ты будешь знать, что убийцы сидят в тюрьме.

— Вряд ли, — сказала Аня. — Вряд ли мне от этого станет легче.

— Да брось ты! Хватит заниматься всепрощенчеством. Убийцы должны сидеть, жаль только, что на смертную казнь у нас мораторий.

Аня рассмеялась — сухо, невесело.

— На ноже была кровь и кусочки клеточной ткани. Кто-то из них действительно ударил его этим ножом в печень. Но из раны кровь не текла...

Вероника замерла. Ей очень не хотелось, чтобы разговор принимал такой оборот, она предпочла бы Анину истерику, но подруга уже успокоилась и казалась на удивление спокойной и собранной.

— Я спросила следователя, почему так могло случиться. Он начал нести какую-то чушь, и я поняла, что правды он мне не скажет. Тогда я позвонила Андрюше — это вон тот светленький, в круглых очках, который целый вечер с тебя глаз не сводит, — и попросила поговорить со следователем в качестве криминального обозревателя. Они с Антоном работали вместе, в общем, он знает специфику. Короче, кровь не идет из такой раны только в одном случае — если это не рана, а разрез на трупе.

Вероника вздрогнула. Мысль о том, что в комнате на столе осталось еще довольно много водки, внезапно показалась ей очень заманчивой.

— Следователь рассказал Андриюше, что тот парень, чьи отпечатки были на ноже, клянется, что из воды вылез мертвец и схватил его за горло. Он не отрицает, что ударил Антона ножом, но все время повторяет, что удар не причинил тому никакого вреда. Он трясется от страха и вообще ведет себя как сумасшедший.

— Неудивительно, — нервно перебила Вероника, — играть психа — любимое занятие этих отмороzków, когда их припрут к стенке. Он тебе еще и не такое придумает, только бы избежать наказания.

— Официальная версия следствия, — продолжала Аня, не слушая ее, — исходит из того, что Антон подрался с ними на берегу озера, а потом шел с Лизонькой на руках еще полтора километра, зажимая рану в боку. Будто бы он добрался до липовой аллеи, там упал и напоролся на этот жуткий сук. Они все хотят убедить меня в том, что мой муж умер именно так.

Она по-прежнему смотрела не на Веронику, а в колодец двора, и выражение ужаса и отвращения, появившееся на лице подруги, к счастью, ускользнуло от ее глаз.

— Но липовая аллея — не то место, где повсюду валяются такие острые сучья. Там вообще нет осин, а этот обломок — кусок старой осины.

— Откуда ты знаешь? — спросила справившаяся наконец со своим лицом Вероника. — Ты что, ботаник?

— Ника, я журналист и умею раскапывать информацию. Узнать, что за деревяшка торчит в глазнице моего мужа — для этого не надо быть ботаником, достаточно просто уметь задавать вопросы. Так вот, в липовой аллее нет осин. Зато они в изобилии встречаются в том месте на берегу озера, где нашли Лизонькину коляску. И там, у самой воды, растет дерево, на котором я сама видела засохшую кровь.

— Откуда ты знаешь, что это была кровь Антона? Может, там спаниель утку из воды вытаскивал?

— Знаю, — отрезала Аня. — Он умер там, на этом дереве: острый обломок засохшей ветви вошел ему в левый глаз и вонзился в мозг. Я говорила со специалистами, смерть в таких случаях наступает мгновенно.

— Но это невозможно. — Вероника выронила сигарету — теперь ее пальцы дрожали не хуже Аниных. — Он не смог бы: он же дошел почти до самого дома, с девочкой на руках... Ты же понимаешь, что это невозможно...

Аня помолчала. Забытая сигарета тлела у нее в руке, крохотный огонек сапфира мерцал сквозь полупрозрачную струйку дыма. Кольцо с сапфиром, подарок Антона, следовало бы уже надеть на левую руку, как знак вдовства, но она почему-то никак не могла решиться сделать это, словно простое движение могло оборвать последнюю ниточку, связывавшую ее с мужем.

Она отвернулась, чтобы Вероника не видела, как затряслись у нее губы.

«Анечка, — думала Вероника, — Анечка, бедная ты моя! Ты ведь не представляешь, каково это — выйти уже за полночь прогулять собаку и столкнуться в темной аллее с человеком, которого прекрасно знаешь, которому симпатизируешь, которого даже, может быть, чуть-чуть хочешь. Боже, какой он был страшный, в этой словно могильной землей испачканной, исполосованной ножом куртке, со своим окровавленным, изуродованным лицом, с этим отвратительным обломком, торчащим прямо из глаза. Он двигался на меня медленно и неотвратно, как робот, и я на несколько секунд перестала дышать, сердце остановилось на половине удара, Дик, храбрый пес, поджал хвост и, припав к асфальту, пополз куда-то в тень от ярко горевшего надо мной фонаря. А потом я увидела, что он распухшими, как у утопленника, руками прижимает к себе ребеночка, Лизоньку, и Лизонька ластится к не-

му, как к живому. А ведь он мертвый был, я сразу это поняла, едва обломок увидела... а как такое возможно, что мертвый и ходит, мне тогда даже и в голову не пришло... Ты, Анечка, девушка умная, тебе лучше знать, может такое быть или нет, только никогда я тебе не расскажу о последней своей встрече с Антоном. И как он мне Лизоньку протянул, а я в его мертвый глаз заглянула и увидела в нем тьму бездонную, будто провал куда-то, глубоко-глубоко, и как стало меня в тот провал затягивать. А потом ребеночек ваш обхватил меня за шею замерзшими своими ручонками, и очнулась я, а Антон упал. Словно завод в нем кончился. И как я ментов умоляла не записывать, что это я Лизоньку нашла рядом с трупом, а сказать, будто бы они сами на Антона наткнулись, объезд свой проводя, потому что уже тогда знала — не смогу никогда признаться в этом, а особенно тебе».

Вероника вздохнула.

— Анечка, не мучай себя, тебе еще силы ох как понадобятся. Кто Лизавету поднимать будет, ты ж теперь за нее вдвойне отвечаешь. Вот о чем думать надо.

— Ника, милая, — вдруг встрепенулась Аня, — ты сходи посмотри, может, им там курицу уже нести пора, а я тут пока постою, пореву. Ты иди, иди, со мной все нормально будет, правда. Только сигарету еще оставь.

Но когда Вероника вышла, плотно прикрыв за собой балконную дверь, Аня не стала плакать. Она закурила и, положив локти на холодные перила балкона, вгляделась в пасмурное апрельское небо.

— Ты знаешь, — сказала она кому-то, тщетно пытаясь выискать в разрывах темно-серых клубов единственный лучик звезды, — ты ведь лучше всех знаешь, что за сила тебя вела... Тебе объяснять не надо...

Но звезды в эту ночь горели над иными краями, и взгляд ее, проблуждав некоторое время по затянутому облаками горизонту, упал на занавешенное полупрозрачными гардинами окно, за которым горел голубо-

ватый ночник. Окно дальней комнаты, отделенной от шумевших в столовой гостей гулкой пустотой их с Антоном спальни. Их бывшей спальни.

Доктор, выписывавший Лизоньку из больницы, предупредил, что, несмотря на удивительную стойкость, с которой она перенесла столь длительное переохлаждение, последствия нервного стресса могут оказаться намного серьезнее, и рекомендовал никогда не оставлять ее в темноте.

«Мы не знаем, что запомнила девочка из событий той ночи, — сказал он. — И, боюсь, никогда не узнаем. Но мне почему-то кажется, что темнота и холод будут пугать ее еще долго».

Поэтому лампа горела за этим окном каждую ночь.
До самого утра.

Вишня под снегом

заснеженном лесу у подножия большой горы самурай по имени Ошо повстречал воина с белой повязкой на лбу.

Сэнсей пожевал губами, потом выплюнул тонкую палочку, которой ковырял в зубах, и строго посмотрел на почтительно внимавшего ему Ученика. У него была привычка внезапно начинать рассказ о событиях, не имеющих прямого отношения к теме урока. Сегодня они говорили о силе и слабости. Слабость, сказал Сэнсей, не есть противоположность силы, как думают глупцы. Сила многолика, и слабость — всего лишь одно из ее проявлений. Если ты поймешь это, ты далеко продвинешься вперед по пути воина.

Ученик не понял. Он продвигался по пути воина очень медленно, и Сэнсея это сердило. Но отказаться от Ученика он не мог, потому что тот был не простым мальчиком, каких много, а сыном одного из самых могущественных землевладельцев Окинавы. От таких Учеников не отказываются, и Сэнсею приходилось объяснять самые простые вещи по нескольку раз крику. Иногда, отчаявшись, он принимался рассказывать увлекательные истории, которые должны были помочь тугодуму-Ученику разобраться в премудростях бусидо. Ученик любил эти рассказы; порой он даже нарочно прикидывался непонятливым, только бы послушать очередную историю. Но сейчас прикидываться не пришлось: он действительно не мог взять в толк, как это

слабость может быть проявлением силы. Когда Сэнсей начал рассказывать ему о неведомом самурае по имени Ошо, сердце Ученика учащенно забилося.

— Шел четвертый месяц войны Белых Звезд. Ошо сражался под знаменами князя Тадэмори. Войска князя встретились с армией его врага, генерала Маэды, на равнине Койсан и потерпели сокрушительное поражение. Спасти удалось немногим, но Ошо повезло. Во время битвы его оглушило ударом боевого цепа по шлему, он потерял сознание и упал на землю. Прочный стальной доспех спас его от тяжелых подков кавалерии Маэды, и, когда он вновь пришел в себя, сжимая в руке штандарт клана Тадэмори, сражение уже закончилось. По усеянному трупами полю бродили крестьяне из окрестных деревень и забирали у мертвых воинов все, чем можно было поживиться. Ошо, шатаясь, поднялся на ноги, с криком бросился на мародеров и зарубил двоих или троих, а остальных обратил в бегство. После чего, окровавленный, полубезумный, устремился в горы, где у князя Тадэмори были тайные лагеря. Чем закончилась битва, он не знал, но предполагал, что в горах наверняка окажутся люди, сохранившие верность князю.

Ошо никого не нашел в горах. Хорошо известный ему лагерь оказался покинут и частично сожжен. На тропе, уходившей к перевалу Кагосима, лежали трупы людей князя и сторонников Маэды. У сражавшихся на стороне Маэды воинов головы были перевязаны широкими белыми лентами.

Ему требовалась помощь. Хотя несколько ран, полученных им в битве перед тем, как удар боевого цепа помешал ему встретить достойную смерть, и не представляли опасности для жизни, их следовало как можно скорее промыть и перевязать. Между тем на горы спускался вечер. Начался снегопад. Обессиленный са-

мурай мог просто и бесславно замерзнуть в лесу, заблудившись в снежной метели.

Но ему снова повезло. Он чудом не провалился в глубокую волчью яму, вырытую егерями князя Тадэмори, охотившегося в этих лесах еще до войны, и не сорвался в ледяную горную речку, перейдя овраг по ненадежному мосту из упавшей осины и снега. Когда силы почти оставили самурая, тропа вывела его в хорошо укрытую от ветра долину, и он с облегчением увидел впереди золотистый свет, пробивающийся из окон одинокой хижины.

С трудом переставляя ноги, Ошо приблизился к домику и постучал в дверь. Он ожидал, что ему откроет лесоруб или крестьянин — кто же еще мог поселиться в столь уединенном месте? — и приготовился напомнить хозяину о долге перед князем Тадэмори, господином окрестных гор. Но на пороге появилась девушка, тоненькая, словно ветка вишневого дерева. При виде окровавленного самурая с безумным взглядом глаза ее испуганно расширились. Слова застряли у Ошо в горле. Он стоял в падающем из дверей золотом прямоугольнике света, пошатываясь, как пьяный, и молча смотрел на девушку.

Ее звали Миико.

Она промыла раны самурая и приготовила отвар из лесных трав, изгоняющих лихорадку. Ошо предположил, что ее отец был не простым крестьянином, а убежавшим из города лекарем или, возможно, воспитывался при монастыре — так много знала о врачевании эта девушка. Все те дни, что Миико ухаживала за ним, Ошо любовался ею, и, когда пришла им пора прощаться, сердце его готово было разорваться от нежности. Но, как бы ни хотелось Ошо остаться в горной хижине навсегда, долг самурая велел ему продолжать поиски своего сюзерена. Штандарт с цветами клана Тадэмори он, однако, оставил Миико, приказав хорошенько его спрятать.

Утром следующего дня, пробираясь к перевалу Кагосима по заваленной снегом просеке, он наткнулся на горстку солдат, уцелевших после разгрома княжеской армии. Одного из них Ошо немного знал раньше — это был старый, закаленный в боях ветеран, которого никто не мог бы обвинить в трусости. Солдаты рассказали Ошо о страшной судьбе тех, кто попал в плен к Маэде, — их сажали на колья, распинали на деревьях, перерезали сухожилия на руках и ногах, раздевали до гола и оставляли умирать на ледящем ветру. По словам ветерана, князь Тадэмори погиб в бою вместе с сотней своих отборных телохранителей.

И тут Ошо оказался в затруднительном положении. Если ветеран говорил правду, то ему надлежало вернуться в родовой замок Тадэмори и просить наследников князя принять его к себе на службу. Но сыновья князя имели право отвергнуть Ошо — слишком уж непонятным образом уцелел он в кровавой мясорубке на поле Койсан. Тогда, согласно кодексу чести самурая, ему оставалось только совершить ритуальное самоубийство-сэппуку, чтобы собственной кровью доказать верность погибшему сюзерену.

Однако солдаты могли и ошибаться. Никто из них не видел тела князя Тадэмори, который вполне мог остаться в живых и скрываться от рыскавших по лесам убийц генерала Маэды в надежном убежище где-нибудь в горах. Вспарывать себе живот в такой ситуации было бы непростительной глупостью. Ошо решил вернуться в хижину к Миико и переждать смутное время там. Рано или поздно генерал Маэда отведет свои войска обратно на Хонсю, тогда-то и станет ясно, жив Тадэмори или...

— Надо иметь в виду, что Ошо сделал свой выбор под влиянием чувств к Миико, — сказал Сэнсей, засовывая в рот новую палочку. — Если бы он неукоснительно следовал пути воина, все сложилось бы по-другому. Но он хотел вновь увидеть Миико, и он вернулся.

«Значит, он проявил слабость?» — хотел спросить Ученик, но, разумеется, не произнес ни слова. Перебивать Сэнсея, пока рассказ не закончен, было не просто невежливо, но еще и опасно. Вполне можно заработать хорошую трепку.

— Он нашел Миико неподалеку от ее хижины. Нашел по кровавому следу. Ее, обнаженную, привязали к старому дереву и расстреляли из луков. Бедрa девушки прикрывал окровавленный штандарт дома Тадэмори.

Миико не успела спрятать штандарт. Может быть, он напоминал ей о молодом самурае, ушедшем на поиски своего господина. Во всяком случае, когда люди генерала Маэды вошли в ее хижину, цвета клана Тадэмори тут же бросились им в глаза.

Ошо снимал тело любимой с дерева, когда шеи его коснулся ледяной, как декабрьский ветер, клинок. Так в синих горных сумерках самурай Ошо повстречал человека с белой повязкой на лбу.

Повисла пауза. Глаза Сэнсея двигались, словно рассматривая недоступные Танака картины, пальцы правой руки принялись ритмично сжиматься и разжиматься. Когда он заговорил вновь, голос его звучал холодно и отстраненно.

— Человек этот был старшим офицером генерала Маэды. Высокий, худой, с тонким красивым лицом. Это он шел во главе отряда, убившего Миико. Он велел привязать ее к дереву. Когда девушка умерла, он отослал своих людей: спустил их с цепи, как свору голодных псов, охотиться за другой дичью, а сам остался ждать возвращения Ошо. Каким-то образом он знал, что Ошо вернется. И теперь он стоял, прижав лезвие своего меча к горлу Ошо — вот тут...

Сэнсей медленно поднял желтую руку — Ученику показалось, что он видит, как просвечивает насквозь тонкая пергаментная кожа, — и дотронулся до шеи немного ниже правого уха.

— Он приказал Ошо встать на колени, снять перевязь с мечами и отбросить ее в сторону. Мечи были тяжелыми, они отлетели недалеко и тут же провалились в снег. Тогда человек засмеялся. Смех у него оказался приятным, но каким-то странным. Так могла бы смеяться красивая женщина.

Он сказал Ошо, что собирается убить его прямо здесь, перед деревом, к которому привязана Миико. Он со смехом рассказал своему пленнику, как она умирала. Как кричала, что ее самурай вернется и отомстит за нее. Кричала, пока стрела не пробила ей горло, и она захлебнулась кровью.

Лицо Ошо превратилось в каменную маску, но человек Маэды этого не видел. Он смотрел на затылок стоявшего на коленях врага, на его напрягшуюся беззащитную шею. На губах его бродила довольная улыбка.

Потом он спросил Ошо, самурай ли он. Ошо ответил утвердительно. Говорить ему было трудно, потому что челюсти сводило от гнева и жалости к Миико. Но он все же ответил. «Я — человек Тадэмори», — сказал он. Человек с белой повязкой снова рассмеялся. Глаза князя Тадэмори склевали вороны, а в его черепе завелись червяки, сообщил он Ошо. Князь действительно погиб в битве на полях Койсан, и генерал Маэда уже выплатил вознаграждение тем смельчакам, которые покончили с ним и его гвардейцами. Я был в их числе, гордо произнес человек, проводя лезвием меча по голый шею Ошо.

Сэнсей замолчал, глядя куда-то вдаль. Ученик представил себе, как перед взглядом Сэнсея возникают из пустоты картины далекого прошлого. Он и сам словно бы оказался там, в тихом заснеженном лесу у подножия большой горы, окутанном прозрачными лиловыми сумерками.

— Тогда Ошо попросил его о последней милости. Это далось ему нелегко; ты должен понимать, с каким

трудом он выговаривал жалкие слова, моля врага о снисхождении. И какое удовольствие испытывал человек с белой повязкой на лбу, выслушивая эту покорную просьбу.

Ошо рассказал о том, как потерял сознание во время битвы и как скитался по горам, не зная, жив князь или же погиб в бою. Но он ни словом не обмолвился о солдатах, встреченных им на перевале. У человека с повязкой должно было создаться впечатление, что о гибели князя Ошо слышит впервые. Долг самурая — уйти вместе со своим сюзереном, сказал Ошо врагу. Он не смог этого сделать там, на равнине Койсан, и теперь просит позволения совершить сэппуку и умоляет человека с повязкой исполнить роль *каймаку*, доверенного лица, стоящего за спиной самоубийцы и наносящего тому последний, перерубающий шейные позвонки удар.

Его врагу было приятно видеть унижение Ошо, но согласился он далеко не сразу. После долгих уговоров он потребовал, чтобы Ошо дал ему слово самурая в том, что действительно совершит сэппуку, и лишь после того как Ошо поклялся своей честью, снизошел до того, чтобы выполнить его просьбу. Было уже совсем темно, и в этой темноте Ошо, ползая на коленях в снегу, нашел свою перевязь с мечами. Человек с повязкой позволил ему взять только один короткий меч — *вакузаси*, а длинный засунул себе за пояс.

Сэнсей моргнул, и взгляд его водянистых холодных глаз вдруг стал совсем другим — жестким и требовательным. Он ткнул в Ученика указательным пальцем, на котором не хватало одной фаланги.

— Что ты можешь сказать сейчас о силе и слабости этих двух самураев?

— Ох, — выдохнул Ученик, не ожидавший такого резкого поворота. Он слишком увлекся рассказом, чтобы быстро сообразить, чего хочет от него учитель.

Густые белые брови Сэнсея сошлись на переноси-

це. Это не предвещало ничего хорошего, и Ученик поспешил сказать первое, что пришло ему в голову:

— Ошо был силен, а человек с белой повязкой — слаб!

Сэнсей удивился. По-видимому, именно такого ответа он никак не ожидал.

— Почему? — недоверчиво спросил он, не сводя взгляда с покрасневшего Ученика.

— Потому что сильный человек никогда не стал бы издеваться над тем, кто во всем от него зависит, — пробормотал Ученик, чувствуя, что говорит какую-то чушь. — Он должен был либо сразу согласиться исполнить просьбу Ошо, либо сразу же ему отказать. И то и то было бы благородно. Но он вместо этого захотел унижить противника и показал свою слабость.

Сэнсей издал неопределенный звук, похожий на хрюканье.

— А в чем же тогда сила Ошо?

Ученик задумался. Если первый ответ дался ему легко — как будто кто-то невидимый прошептал его на ухо, — то сейчас он просто не знал, что сказать. В самом деле, в чем сила самурая, который дал захватить себя врасплох да к тому же еще и позволил врагу издеваться над собой?

— Я жду, — напомнил Сэнсей.

— Не знаю, — честно признался Ученик. — Я, наверное, ошибся. Прошу меня простить, Сэнсей.

— Ты глуп, — на этот раз Сэнсей, кажется, рассердился по-настоящему. — И твердости в тебе не больше, чем в извлеченном из раковины моллюске! Сначала ты дал совершенно правильный ответ, а потом испугался и пошел на попятную. Ошо был сильнее своего противника, потому что самурай, столкнувшийся лицом к лицу с убийцей своего господина, обязан отомстить ему любой ценой. Даже ценой собственной чести. А пожертвовать честью во имя сюзерена может только очень сильный человек.

Сэнсей вдруг наклонился вперед, словно переломившись в поясе, и неуловимо быстрым движением стукнул Ученика по лбу. Не больно, но ощутимо. Кулак у него был словно деревянный.

Ученик непроизвольно отдернул голову — правда, его движение запоздало по меньшей мере на полсекунды. Отдернул — и увидел над собою вместо крыши дождё разлапистые, украшенные снежными шапками ветви огромной сосны...

...Ошо усаживается на корточки перед деревом, к которому была привязана Миико. Он видит посиневшие тонкие ноги девушки и пробитый стрелой край штандарта князя Тагэмори. Несколько минут он сидит совершенно неподвижно, привыкая к этому положению и определяя, где находится центр тяжести, затем возносит короткую молитву богам и отводит в сторону руку, крепко сжимающую меч.

Все это время человек с повязкой стоит позади него с обнаженным клинком в руках. Несмотря на полученное слово, он очень осторожен и готов к любым неожиданностям. Он хороший воин, хотя и смеется женским смехом. Жизнь научила его верить только смерти. Но сейчас его ждет еще одно, последнее откровение — смерть тоже обманывает.

Ошо резким движением всаживает короткий клинок себе в живот. В самый последний момент он сдерживает руку — меч пронзает плоть, но не так глубоко, как положено по канону бусидо. Раздается треск вспарываемой ткани — Ошо невероятным усилием ведет клинок слева направо, оставляя на животе глиняный поперечный разрез. Больно, очень больно. Разрез неглубок, но кровь струится рекой, и стоящему за спиной Ошо человеку с повязкой видно, как она в мгновение ока заливают притоптанный снег перед деревом Миико.

Ошо доводит разрез до конца и начинает мягко ва-

литься на бок — так бывает, когда у самурая не хватает сил сделать второй, вертикальный разрез. Человек у него за спиной поднимает свой меч, чтобы одним ударом снести Ошо голову. Он поднимает его высоко — и, поднимая, теряет контроль над ситуацией. Расслабляется на какую-то долю секунды. Его истекающий кровью враг все равно что мертв. Он может позволить себе поднять меч повыше — так красивее выйдет последний удар. Когда его меч замирает в высшей точке замаха, Ошо молниеносно разворачивается и бьет своим коротким клинком врага под колени.

Это единственное место, до которого он может дотянуться из своей, такой неудобной, позиции. Если он промахнется — попадет по наколеннику, по бедру, по щиколотке, если враг попросту отпрыгнет — все будет кончено. Поднятый меч опустится и перерубит ему шейные позвонки. Но Ошо попадает. Вакигзаси глубоко входит в податливую плоть подколенных впадин. Снова кровь, только на этот раз это кровь врага. Меч все равно опускается, но неуклюже, почти плашмя, и Ошо принимает удар, просто выставив вверх плечо. Снова боль, но Ошо ее не чувствует. Его сознание подчинено только одному — схватке с врагом.

Человек с повязкой валится на спину — мягко, как кошка, требующая, чтобы ей почесали живот. Меч в его руках по-прежнему выглядит угрожающе, но сам он почти не может двигаться. Удар Ошо рассек сухожилия и перерубил артерию — правая нога его противника держится лишь на каких-то кровавых нитях. Человек кричит, и в голосе его слышны обида и гнев. Ошо медленно поднимается с колен, по животу его по-прежнему струится кровь. На лице его усмешка — злая, некрасивая, исполненная ненависти к человеку с повязкой и ко всему миру. Не обращая внимания на крики своего врага, он поворачивается, и, зажимая разрез левой рукой, спотыкаясь и шатаясь из стороны в сторону, словно пьяный, бредет в хижину.

Крики человека с повязкой слышны еще довольно долго, они постепенно приближаются к хижине. Ошо выглядывает из окна, и я вижу его глазами, что врагу удалось перевернуться на живот, и он ползет к порогу дома Миико, пробираясь среди сугробов, как ящерица с перебитым позвоночником. За ним тянется широкий кровавый след. Когда он, опираясь на руки, подползает совсем близко к хижине, Ошо просто закрывает дверь на засов.

Пог утро крики затихают. Ошо вновь выглядывает из окна — на этот раз из другого — и видит, что человек с белой повязкой на лбу неподвижно лежит у порога. Кровь больше не течет из его ран, и падающий с неба снежок, засыпающий тело человека с повязкой, остается безупречно белым...

— Я видел! — пробормотал Ученик, понемногу приходя в себя. — Я видел их своими глазами! Сэнсей, как вы это сделали?

— Могу еще треснуть, — фыркнул Сэнсей. — Хочешь?

Ученик потер лоб. «Шишка будет», — озабоченно подумал он.

— Позвольте мне почтительно отказаться, Сэнсей.

— Когда речь заходит о твоей драгоценной шкуре, ты становишься на удивление благоразумным. Но теперь-то ты понял, в чем разница между силой и слабостью?

— Одно может притворяться другим, — сказал Ученик.

— Может, — не стал спорить Сэнсей. — Но я спрашивал тебя о разнице.

И снова вопрос Сэнсея застал Ученика врасплох. Он сидел, глядя в пол, и чувствовал, как неотвратимо краснеет. Поняв, что сегодня ответа не дожидаться, Сэнсей стал неторопливо рассказывать дальше.

— Самому Ошо удалось спастись благодаря тра-

вам и отварам Миико. Он помнил, откуда она брала свои снадобья, когда лечила его несколько дней назад. Некоторое время он думал, что стоит на пороге смерти, но лекарства Миико оказались сильнее жара и кровопотери. Прошло два дня, и Ошо наконец нашел в себе силы выйти во двор и похоронить свою любимую. Когда он заканчивал копать могилу, ветер донес до него далекие голоса. Он подумал, что цепные псы человека с белой повязкой возвращаются за своим господином.

Он приготовился принять бой — закинул за плечо лук, из которого, возможно, расстреливали Миико, пересчитал оставшиеся в колчане стрелы — их было всего шестнадцать — и полез на дерево, чтобы занять там удобную позицию среди ветвей. Перевязанный тряпками, продолжавший сочиться кровью разрез на животе очень мешал.

Но ему снова повезло. Голоса, которые он услышал, принадлежали все тем же солдатам, с которыми он столкнулся на пути к перевалу Кагосима. Они не смогли пробиться сквозь заслоны генерала Маэды и решили переждать зиму в глухих горных долинах. Они рассказали об этом Ошо, когда он, предупредив о своем присутствии специальным тайным сигналом, применявшимся в армии князя Тадэмори, покинул свою засаду на дереве и спустился к ним.

Спустя несколько дней отряд человека с повязкой действительно возвратился в долину — и нашел там свою смерть. Люди, убивающие беззащитных девушек, оказались не слишком серьезными противниками для трех доведенных до отчаяния партизан и одного нарушившего клятву самурая...

Сэнсей замолчал, сорвал очередную травинку и принялся жевать.

— Нет, не совсем так, — добавил он, подумав. — С тех пор как Ошо нарушил свою клятву и отказался от сэппуку, он перестал быть самураем. Отныне он

был ронином — воином без сюзерена, свободным мечом. Такими же ронинами стали трое его товарищей. Никто из них не знал, что Ошо клятвопреступник и человек без чести. Они по-прежнему относились к нему как к самураю, и это причиняло ему боль. Но в содеянном он так и не признался.

В хижине Миико они прожили до весны. Когда сошли снега, делавшие непроходимыми перевалы, один из солдат, уроженец тех мест, провел их потайными тропами через горы. Счастливо избегнув патрулей генерала Маэды, маленький отряд устремился на юг и вскоре растворился на просторах Хонсю.

— ...И это все? — осмелился спросить Ученик спустя пять долгих минут. Мохнатые брови Сэнсея снова недовольно сдвинулись на переносице.

— Это я у тебя должен спросить, — промолвил старик. — Понял ли ты, чем отличается сила от слабости? Или я зря потратил сегодняшнее утро, пытаюсь вдолбить в твою деревянную башку хоть капельку ума?

На этот раз Ученик не сплоховал — не зря же он молчал целых пять минут после того, как Сэнсей закончил свой рассказ.

— Вы сказали, что слабость — одно из проявлений силы, Сэнсей, — почтительно напомнил он. — Рассказанная вами история подтверждает, что сила и слабость перетекают друг в друга в зависимости от обстоятельств. Вначале человек с повязкой был сильнее, потому что сумел захватить противника врасплох. Но он утратил свою силу, когда начал глумиться над Ошо. Тот, в свою очередь, сумел превратить слабость в силу и убил врага, отомстив, таким образом, за гибель князя Тадэмори. Но потом...

Ученик запнулся. Сэнсей с интересом разглядывал его раскрасневшееся от непривычного умственного усилия лицо.

— Что же случилось потом? — подбодрил он Ученика.

— Потом... его сила вновь обернулась слабостью... — неуверенно пробормotal тот. — Ему следовало сделать сэппуку сразу же после того, как он убедился в смерти своего врага. Тогда он бы сохранил честь и остался в памяти потомков как великий воин...

— Каких потомков? — насмешливо спросил Сэнсей. — В ту пору никаких детей у него не было. Так что память о его подвиге сохранил бы в лучшем случае ворон, сидевший на сосне.

— Но откуда же тогда стало известно?.. — начал Ученик и замолчал.

Тонкие бесцветные губы старика изогнулись в некоем подобии улыбки.

— Ошо и его спутники продвигались все дальше на юг и в конце концов оказались далеко от родных мест, на островах Рюкю. Вскоре Ошо женился на тамошней девчонке посмазливее и положил начало всему твоему роду.

Сэнсей внезапно поднялся на ноги — текучим, плавным движением, которое так не вязалось с его сухим, будто из дерева выточенным телом.

Ученик тоже вскочил — поспешно, но без тени той грации, что отличала старика.

— Что же получается, Сэнсей? — растерянно спросил он. — Нарушивший слово самурая ронин Ошо — мой предок?

— Да, мальчик. И что ты теперь скажешь о принятом им решении?

— Не знаю... — Ученик сморщился, словно от зубной боли. — Как самурай, он должен был совершить сэппуку... но тогда не было бы всего нашего рода... отца... меня... А это правда? Я хотел сказать, что отец никогда не говорил мне...

— История Ошо не из тех, какими гордятся, — сухо ответил Сэнсей. — Но ты должен быть благодарен ему за то, что у него хватило ума выбрать жизнь. Жил он долго — мне кажется, лет восемьдесят или девяно-

сто. А вся эта история случилась, когда ему было двадцать шесть. Так что большую часть жизни он чувствовал себя полным дерьмом.

Он отвел взгляд от глупой физиономии Ученика и негромко продекламировал:

— *Печальный мир!
Даже когда расцветают вишни...
Даже тогда...*

И снова Ученик не понял его — ведь за тонкими стенами дождё свистел зимний ветер, и белые лепестки вишен давным-давно облетели.

РАССКАЗЫ
ИЗ БЕЛОГО СУНДУКА

Кот Эдипа

 ретья загадка, — промурлыкал голос за ширмой. — Никому до сих пор не под силу было разгадать ее, смертный. Попрощайся заранее со своей никчемной жизнью...

Голос был похож на женский, но только отчасти. Эдипу показалось, что на этот раз в нем звучали раздраженные нотки. Неудивительно — ведь предыдущие две загадки дались ему довольно легко.

— Я готов, Вопросающая, — лаконично ответил он. За ширмой завозились. Остро пахло зверем.

— Внемли же, — важно произнес голос. — Какое существо утром передвигается на четырех ногах, днем — на двух, а вечером — на трех?

В зале заброшенного храма стало очень тихо. Было слышно, как назойливо жужжит муха под потолком. Пыльные столбы света, падавшие сквозь дыры в полуразрушенной крыше, освещали расколотые капители рухнувших колонн, обезглавленные статуи богов, разбитые алтари. В восточной стене зиял пролом — за ним обрывался отвесно вниз склон горы, на вершине которой построен был храм Аполлона. Туда, в провал глубиной в пять стадиев, очень скоро полетит тело проигравшего состязание.

Эдип на всякий случай оглянулся посмотреть, на месте ли его свидетель. Леокай, конечно же, оказался на месте — сидел себе на каменном приступке, подставив лицо ласковому осеннему солнышку, и играл с малым котенком, которого Эдип неизвестно зачем подобрал сегодня с утра на городской свалке. Для Лео-

кая, старого воина, ничего особенно интересного в храме не происходило: ну, пришел к деве-львице еще один герой, ну, придется нести обратно в Фивы доспехи и меч — их чудовище обычно выбрасывает. Скучная, рутинная служба...

— Леокай, — окликнул свидетеля Эдип. — Третья загадка!

— Удачи, сынок, — равнодушно откликнулся воин. Заветы предков предписывали свидетелю внимательно выслушивать загадки и следить, чтобы никто из состязающихся сторон не жульничал, но Леокай наотрез отказался заходить в храм, заявив, что у него дома семеро по лавкам, а кормилец он один. Эдип, впрочем, подозревал, что главная задача свидетеля состоит в том, чтобы не дать одумавшемуся герою сбежать с места состязания.

«Ну и Крон с тобой, — беззлобно подумал он. — Все равно всем известно, что Сфинкс всегда играет честно...»

С другой стороны, разгадать все загадки Сфинкса не сумел еще никто, поэтому и резона нарушать правила у чудовища до сих пор не было. Но такие мысли Эдип старался от себя отгонять.

— Утром — на четырех, днем на двух, а вечером на трех, — задумчиво повторил он. — Во всем мире не сыщешь такого удивительного существа...

— Хр-рм, — удовлетворенно сказала Сфинкс. Из-за ширмы показалась страшная когтистая лапа, покрытая крупной змеиной чешуей. Эдип предостерегающе кашлянул.

— ...но ведь, если ты спрашиваешь, уважаемая, то, верно, такое существо должно быть...

Когти с противным звуком царапнули каменную плиту, и лапа неохотно спряталась обратно.

— И сдается мне, что я знаю, кого ты имеешь в виду, — торопливо добавил Эдип.

— Знаешь — говори! — рявкнули за ширмой. — И помни — попытка всего одна!

— Мудрена твоя загадка, Вопрошающая, а ответ на нее прост. Существо это — человек. В младенчестве он ползает на четвереньках, в зрелом возрасте уверенно ходит на двух ногах, а в немощной старости опирается на посох.

В зале снова повисло молчание. Потом из-за ширмы донеслось зловещее рычание, и Эдип на всякий случай положил руку на меч.

— Ты угадал, смертный! — поскучевшим голосом признала Сфинкс. — Видят боги, я не понимаю, как тебе это удалось. Может ли быть, что кто-то научил тебя ответу заранее?

Эдип перевел дух.

— Нет, Вопрошающая. Просто я от рождения хром. Много лет приходилось мне ходить, опираясь на тот самый стариковский посох, прежде чем я достаточно укрепил свои мышцы. Теперь-то я обхожусь без него, но хорошо помню, каково быть трехногим...

Сфинкс помолчала.

— Надо же, как не повезло, — пожаловалась она наконец. — Как, говоришь, тебя звать-то?

— Эдип, Вопрошающая. На языке моего народа это имя как раз и значит «опухшие ноги».

— «На языке моего народа», — передразнило чудовище. — А мы тут с тобой на каком разговариваем? На персидском, что ли?

— Сам я из Коринфа, — охотно развил тему Эдип. Победа привела его в хорошее расположение духа, и он не прочь был поговорить. — Эдипом меня там назвали. А как пришел я в Фивы, надо мною долго смеялись, потому что у фиванцев «эдип» означает «опухшие»...

— Помолчи, смертный, — властно перебила его Сфинкс. — Ты отгадал мои загадки и теперь имеешь право загадать мне свои. Условия прежние: если я все отгадаю, быть тебе задушенным. Не отгадаю хотя бы одну — прыгаю в пропасть, а ты возвращаешься в Фивы победителем. Справедливо?

— Значит, то, что я отгадал все твои загадки, не считается?

— Почему «не считается»? — обиделась Сфинкс. — Ты же пока живой?

Эдип не нашелся, что ответить.

— Ладно, — сказал он после долгой паузы. — Вот тебе первая загадка, Ответствующая: что предсказал мне дельфийский оракул прошлой весной?

За ширмой довольно заворчали.

— Тоже мне, теорема Пифагора... Ты, верно, спросил у пифии, кто твой отец с матерью и почему в Коринфе тебя зовут подкидышем, а оракул тебе возьми да скажи...

Тут голос Сфинкса внезапно стал высоким и визгливым — Эдип даже отшатнулся от неожиданности.

— «Убьешь ты своего отца и возьмешь в жены свою мать!»

— Тише! — зашипел Эдип, нервно оглядываясь. — Свидетель услышит!

— Ага! — расхохоталось чудовище. — Стыдишься, смертный? Ну что, отгадала я твою паршивую загадку?

Эдип едва не сплюнул от досады, но сдержался — в храме, пусть и заброшенном, плевать нехорошо.

— Отгадала, — нехотя признал он. — Хотя и не понимаю, откуда тебе это ведомо...

— Вообще-то я отчитываться не обязана, — сварливо сказала Сфинкс, — но уж поскольку ты мне про свое увечье поведал, я тебе тоже кое-что объясню. Пифии, смертный, сплетницы, каких мало. Чем, думаешь, они там у себя занимаются в свободное время? Перемывают кости тем, кто пришел просить у них совета. Особенно достается таким, как ты... извращенцам...

— Но-но, — прикрикнул Эдип, снова берясь за меч. — Попрошу без оскорблений!

За ширмой глухо захлопали огромные крылья, и герой проворно вскочил с каменного сиденья, загремев доспехом.

Сидевший у дверей храма Леокай тоже поднялся и осторожно заглянул в полутемный зал.

— Эй, — неуверенно позвал он, — что там у вас, госпожа Душительница? Прикажете вещички выносить?

— Я тебе дам «вещички»! — рявкнул Эдип. — Дрыхнешь там на посту, а я тут уже одну загадку загадал!

— Ох ты, — удивился солдат, снова усаживаясь на приступок. — Силен ты, парень!

— Нервы-то побереги, смертный, — посоветовало чудовище. — Прыгаешь, как бешеный... Языком молоть меньше надо, вот что! Не морочил бы мне голову своими опухшими ногами, я, глядишь, и не вспомнила бы, что пифии-то болтали прошлой весной...

«Язык мой — враг мой», — пришла в голову Эдипа мудрая, но запоздалая мысль.

— Да только все равно это не считается, — успокоила его Сфинкс. — Нельзя такие загадки загадывать. Ты бы еще спросил, какими словами тебя кормилица называла, когда ты ей в пиво надул... Ладно, у тебя еще две попытки.

Эдип сделал вид, что крепко задумался. Первую загадку он нарочно загадал легкую — так опытные игроки в кости поначалу всегда проигрывают богатому простачку, чтобы потом вернее ободрать его до нитки. К сегодняшнему состязанию герой подготовился основательно, и сейчас у него в запасе оставалось не две, а целых четыре загадки, причем про одну из них он точно знал, что решить ее ни Сфинкс, ни человек не сумеет. Загадку эту он хитростью выманил у странного мудреца, жившего в большом глиняном сосуде из-под вина; от вина там, правда, давно уже остался только дух, но мудрец тем не менее всегда выглядел здорово навеселе. Сперва Эдип хотел загадать ее в самом конце состязания, чтобы победа вышла совсем уж красивая, как в сказках, но теперь это желание казалось ему мальчишеским и едва ли не постыдным. Терять голову у него не было ни малейшего желания, а корона Фив, обещанная за победу над Сфинксом, казалась

все более и более привлекательной. Рисковать не хотелось, и герой, для виду почесав в затылке, двинулся к выходу из храма.

— Эй, ты куда? — осведомилась Сфинкс. — Если бежать вздумал, так я тебя в два счета догоню, лучше не позорься!

— Вернусь я, — пообещал Эдип. — Сейчас вот возьму кое-что и вернусь.

Леокай по-прежнему забавлялся игрой с пестрым котенком, заставляя его ловить свернутый в подобие мышки кусочек серой ткани с привязанной к нему ниткой. Котенок двигался вяло, но Леокай постоянно его тормозил, как и было велено.

— Дай сюда, — потребовал герой, остановившись в двух шагах от двери и протягивая к свидетелю широкую ладонь. Леокай тупо уставился на него.

— Зверя давай, — процедил Эдип сквозь зубы. Глаза старого солдата стали похожи на две большие и, скорее всего, фальшивые монеты. Сообразив наконец, что от него требуется, Леокай ухватил котенка за тощий загривок и нерешительно протянул герою.

Котенок был такой маленький, что без труда уместился у Эдипа на ладони. Руку Эдип предусмотрительно спрятал за спину, и котенок тут же свернулся в клубочек и затих — видно, Леокай здорово утомил его своими играми.

Обратная дорога через усеянный битыми черепками и каменным крошевом зал далась Эдипу нелегко. Ширма, отделяющая целлу храма от заалтарной комнаты, в которой сидело чудовище, показалась ему сдвинутой в сторону, как если бы Сфинкс подглядывала.

— Вот тебе вторая загадка, Ответствующая, — сказал он, останавливаясь перед ширмой. — В руке у меня некое существо — ответь, живое оно или мертвое?

Сфинкс молчала, и с каждой секундой этого гнетущего молчания Эдип чувствовал себя все менее уверенно.

«Только б не замыкал, — думал он, обливаясь хо-

лодным потом. — Эх, надо было птичку ловить, как мудрец советовал...»

— Сволочь, — негромко, но очень четко произнес голос Сфинкса за ширмой. — Сам додумался или надумил кто?

— Э, — сказал Эдип, еще не веря до конца в свою удачу, — ты сначала ответ дай, а потом уже допытывайся... А то, знаешь, грубить-то всякий может...

Ширма покачнулась, будто от сильного дуновения ветра, и медленно упала на пол.

— Эта загадка не имеет правильного решения, смертный, — торжественно произнесло скрывавшееся за ней чудовище. Оно оказалось не таким уж крупным, поменьше льва, с которым его обычно сравнивали. Большие крылья топорщились за покрытой рыжеватой шерстью спиной. Впрочем, передняя часть Сфинкса выглядела вполне привлекательно — никакой шерсти, никаких перьев, роскошная женская грудь и гладкий округлый живот. Симпатичное девичье личико обрамляли длинные, давно не мытые волосы. Черные, слегка раскосые глаза глядели на Эдипа с едва сдерживаемой ненавистью. — Скорее всего, тварь, которую ты зажал сейчас в своем кулаке, еще жива — постой, постой, это не ответ!

Эдип судорожно вздохнул и расслабил уже готовые сжаться пальцы.

— Я сказала — скорее всего! В это самое мгновение! Но если я скажу тебе: «Оно живое!», ты убьешь его прежде, чем достанешь руку из-за спины, и я увижу мертвое тельце...

«Какое пронизательное чудовище», — с уважением подумал Эдип.

— Если же я скажу: «Оно мертвое!», ты просто-напросто не станешь его убивать. Вот почему я думаю, что в настоящий момент времени оно еще живо, ведь воскрешать мертвых ты явно неспособен...

Сфинкс глухо заворчала и заскребла когтями по каменным плитам.

— Подлость твоя, смертный, неизмерима! Какой бы ответ ни дала я, неверным его ты объявишь! Ведь единственно верный ответ на загадку твою не имеет смысла для ваших ничтожных умишек, а значит, не будет засчитан!

От волнения чудовище заговорило высоким поэтическим стилем, но Эдип не обратил на это внимания.

— Что ты имеешь в виду? — подозрительно спросил он. — Что за единственно верный ответ?

— Ты все равно не поймешь, — фыркнула Сфинкс. — Твой несчастный котенок — это же котенок, верно? — для тебя может быть или жив, или мертв, это не столь уж важно...

— Чепуху говоришь, уважаемая, — перебил Эдип. — Как раз для меня это очень важно. Мне, может, этот котенок царскую корону принесет сегодня к вечеру...

— Принесет, принесет, — хмуро подтвердила дева-львица. — И корону, и еще много чего... Я же говорила, что ты не поймешь. Важно то, что для меня твой котенок ни жив, ни мертв одновременно. Для тебя есть только два ответа: живой кот или мертвый кот, а на самом деле их три. Живой кот, мертвый кот и, может быть, живой, а может быть, мертвый.

Эдип натянуто рассмеялся.

— Ну, милая, ты же сама понимаешь, что в нашем состязании «может быть» за ответ не считается. Признаешь свое поражение?

Сфинкс наградила его взглядом, способным заморозить кузню Гефеста вместе с самим богом-кузнецом.

— А для чего, думаешь, я вышла? На тебя, подлеца, полюбоваться?

Она гордо тряхнула красивой грудью и, мягко припадая на львиные лапы, двинулась к пролому в стене. «Честная, — мысленно похвалил ее Эдип. — Наглая, конечно, но честная. Будет прыгать...»

— Не держи на меня зла, Душительница, — сказал он вслух. — Я ничего против тебя лично не имею. Это состязание — кто-то выигрывает, кто-то проигрывает.

Сфинкс остановилась и обернулась.

— Ты полагаешь, что выиграл, смертный?

— Конечно, — криво усмехнулся Эдип. Он все еще осторожничал — держал котенка за спиной, аккуратно поглаживая его пальцем по костлявой спинке. Котенок мирно дремал, не подозревая, какая страшная судьба его только что миновала. — Ты же проиграла, Ответствующая.

— Ты глупец, — прошипела Сфинкс. — По-твоему, если один проигрывает, второй обязательно одерживает победу?

— А как может быть иначе?

Дева-львица возмущенно всплеснула крыльями.

— Да очень просто! Ты сюда за короной явился, так ведь? Захотел стать царем Стовратных Фив?

Эдип кивнул.

— Корону тебе Креонт обещал, царь Фиванский?

— Думаешь, обманет? — засомневался Эдип.

— Да нет, не станет. Он старый, больной, власть ему в тягость. Только правление в Фивах наследственное, ты слышал?

Герой снова кивнул, на это раз менее уверенно.

— А это значит, что корону ты получишь, только женившись на сестре царя, Иокасте.

— Ну да, она, конечно, женщина немолодая, — рассудительно проговорил Эдип. — Но привлекательная, я ее видел, когда с царем разговаривал...

Сфинкс присела на задние лапы и пренебрежительно махнула хвостом.

— Ты ее и раньше видел, несчастный. Более того, я подозреваю, что царица Иокаста — первая женщина, которую ты увидел в своей никчемной жизни.

Эдип сначала не понял, а когда понял, едва не выронил от возмущения котенка.

— Ты на что это намекаешь, Душительница?

— Лет двадцать назад эта глупая девка родила здорового мальчика, наследника трона. А муж ее, Лай, вместо того чтоб обрадоваться, велел слуге отнести

младенца на гору и оставить там, для верности про-
ткнув ему икры булавкой. Чтобы обратно не приполз,
надо полагать.

Эдип побледнел.

— Да только вместо волков да медведей ребеночка
нашли пастухи из Коринфа, — продолжала Сфинкс. —
Вот он и выжил, пусть и с опухшими ногами. Лая же в
прошлом месяце нашли на Киферонском перевале с про-
ломленным черепом. Ты там, случайно, не проходил?

— Ты все это нарочно говоришь, — огрызнулся ге-
рой. — Чтобы лишить меня радости честной победы...

— Да нужна мне твоя радость, — снова махнула
хвостом Сфинкс. — Радуйся, пожалуйста! Я просто
пыталась тебе объяснить, что победа твоя ничем от по-
ражения не отличается. Вот я сейчас прыгну в про-
пасть, ты вернешься в город, Креонт отдаст тебе в же-
ны твою же мать и сделает царем Фив. А потом, в
один прекрасный день, объявится в городе свидетель
твоих злодеяний...

— Что за свидетель такой? — крикнул Эдип, окон-
чательно потерявший самообладание.

— Думаешь, на Киферонском перевале ты всех
убил? И господина, и слуг? Нет, мой хороший. Старый
слуга твоего отца уполз и укрылся в канаве. Вот и вер-
нется он в срок, чтобы тебя обличить... Тут и почувст-
вуешь ты цену победы над Сфинксом, глупец! Отце-
убийца, муж собственной матери! Вовек не отмыться
тебе от такого позора!

Эдип почувствовал, как у него ослабели ноги, и со
стоном опустился на расколотый стилобат колонны.

— Откуда ты все это знаешь? — спросил он жа-
лобно. — Ты же прямо сейчас все это придумала...

— Ага, — фыркнула Сфинкс, — и про Киферон-
ский перевал в том числе...

Возразить Эдип не сумел. Месяц назад на Кифе-
роне он действительно уложил своим тяжелым посо-
хом какого-то богато одетого наглеца и трех его слуг.
Впрочем, было за что.

— А нечего приставать к честному юноше с такими предложениями, — буркнул он.

— Не спорю, — сухо сказала Сфинкс. — Лай никогда не вызывал у меня симпатий, так что лично я не стала бы попрекать тебя его смертью. Но ведь жителям Фив ты этого не объяснишь. А уж своей мамочке-вдове и подавно...

— Что же это получается? — пробормотал Эдип. — Я победил в состязании, а в награду получаю только все-ленский позор?

— И мучительную смерть к тому же, — безжалостно добавила дева-львица. — Иокаста повесится с горя, ты же выколешь себе глаза золотой застежкой ее платья. И пойдешь, проливая кровавые слезы, по дорогам Эллады, получая пинки и побои. Сдохнешь, как пес шелудивый, гонимый родными детьми...

— Хватит! — вскричал герой, да так громко, что котенок проснулся и испуганно замяучил. — Я понял!

— Очень хорошо, — удовлетворенно промурлыкала Сфинкс. — Теперь я могу с легким сердцем исполнить свой долг.

Она повернулась и вновь двинулась к провалу. Эдип вскочил на ноги и побежал за ней.

— Постой, Душительница! Ты не можешь так просто уйти!

— Это еще почему? Ты выиграл, а я за проигрыш заплачу жизнью...

— И ты так легко об этом говоришь?

— А что я, по-твоему, перья у себя на крыльях должна с горя выщипать? Все, прощай, герой, надоел ты мне со своими комплексами...

— Ну погоди же! — взмолился Эдип. — Ты же мудра, как сама Афина, неужели не сможешь найти выход из этой ловушки?

— Какой ловушки? Это честное состязание, ты же сам говорил. Кто-то выигрывает, кто-то проигрывает...

— Да ведь получается, что мы оба проиграли! Где же здесь справедливость-то?

Сфинкс нехотя остановилась у самого края провала и снова уселась, недовольно помахивая хвостом.

— Ну а чего бы ты хотел? Могу, конечно, предложить один вариант, но только он тебя вряд ли устроит...

— Какой? — с надеждой спросил Эдип.

— Ну, я отвечаю, что котенок твой жив, ты вправду оставляешь его живым, я, таким образом, отгадываю твою вторую загадку, потом третью...

Сфинкс замолчала.

— А потом душишь, — закончил за нее герой. — Нет уж, спасибо, мне такая справедливость даром не нужна.

— Зато никакого вселенского позора. У тебя есть предложения получше?

Эдип призадумался.

— Ну, ты, например, можешь не прыгать в эту дыру. Остаешься здесь жить как ни в чем не бывало. А я потихоньку сбегу и в Фивы уже ни ногой...

— Я была о тебе лучшего мнения, — заявила Сфинкс. — Во-первых, я не могу нарушить условий состязания. Если ты выиграл, я должна прыгнуть. Во-вторых, тебе не удастся бежать незамеченным. Все фиванские граждане, все крестьяне, все пастухи на окрестных пастбищах знают, что ты пошел расправляться с чудовищем. Тебя непременно поймают и либо забьют насмерть палками, как труса, либо с почетом внесут в Стовратные Фивы, как героя, что, как ты понимаешь, в твоем случае ничуть не лучше.

— То есть выхода нет?

— В твоем понимании — нет, — жестко сказала Сфинкс.

— А в твоем, значит, есть, — пробормотал Эдип. — Ну-ка, ну-ка, что ты там говорила про три варианта ответа? Кот жив, кот мертв и кот может быть?

Котенка он по-прежнему держал в руке, но уже не прятал за спиной, а поднес почти к самому лицу, словно пытался распознать в тощем обитателе городской свалки загадочное третье состояние.

— Эй, ты это о чем? — насторожилась дева-львица.

Эдип не ответил. Поднял котенка за шкурку и покачал на весу.

— Может быть, выиграл, а может, проиграл, — бормотал он себе под нос. — Может быть, ответил, а может, и нет... Слушай, Душительница, я кажется, придумал. Все дело в третьей загадке. Я должен загадать тебе такую загадку, на которую не только ты не сможешь дать однозначный ответ...

Сфинкс озадаченно взглянула на него.

— Это будет загадка, на которую и я не смогу ответить точно, — вдохновенно продолжал Эдип. — Тогда мы оба окажемся в состоянии «может быть», понимаешь? Никто не выиграет и не проиграет, никто не получит награды и не понесет наказания. Ну, мудрейшая, правда я хорошо придумал? И тебе умирать незачем, и мне позориться не придется...

— Умник, — скривилась Сфинкс, но от провала на всякий случай отодвинулась. — Много тут таких умников было. Спрашивали меня и о том, когда свету конец, и почему рыбке зонтик не нужен... только это все не считается. Загадка обязательно должна иметь решение. Значит, кто-то непременно должен его знать...

Эдип нахмурился, но лишь на минуту. Вскоре взгляд его прояснился, и он как-то по-новому, оценивающе, взглянул на свою соперницу. От этого взгляда Сфинкс неожиданно для себя покраснела, чего не делала уже добрую сотню лет.

— Сдается мне, красавица, что это для нас не помеха. А теперь, будь добра, помолчи и послушай меня внимательно...

— Было ли состязание честным? — мрачно спросил Креонт, царь Фиванский. — Были ли соблюдены все условия?

Стоявший перед тронном Леокай для солидности задумался и даже поскреб заскорузлым пальцем в затылке.

— Было, государь, — решился он наконец. — Три загадки загадало чудовище герою, и на все три он ответил. Трижды герой вопрошал чудовище, и дважды получил ответ...

— Так что ж ты, дубина, говоришь, что условия соблюдены? — взвилась сидевшая слева от царя Иокаста. — На один вопрос-то чудовище, получается, не ответило?

— Выходит, так, — признал Леокай.

— Тогда почему оно до сих пор живое? И мало того что живое — торчит посредине царского двора, всех до икоты пугая!

— Так ведь и герой жив, царица, — урезонил ее Леокай. — Может, вы его слушаете? Я-то человек простой, а он вам все вдругорядь объяснит...

— Пусть Эдип говорит, — согласился с ним царь Креонт. — Слуги, введите героя.

Вводить, впрочем, никого не понадобилось. Эдип вошел сам, будто дожидался под дверью. Выглядел он изрядно помятым, сильные загорелые руки были покрыты кровотокающими ссадинами, на шее темнело подозрительное пятно.

— Ответь нам, герой, — повелел царь Фиванский, — чем завершилось твое состязание со Сфинксом? Твоей ли победой?

— Видишь ли, царь, — Эдип смотрел на старого правителя открыто и честно, старательно не замечая взглядов, которые бросала на него Иокаста. — Состязание наше еще не закончилось. Последняя загадка, которую я задал Сфинксу, не может быть решена ни сегодня, ни завтра. Но, так как ответ на нее существует, хоть неизвестен до времени, условия соблюдены.

— Значит, оно проиграло? — вкрадчиво спросила Иокаста. Эдип помотал курчавой головой.

— Нет, светлейшая царица. Об этом нельзя судить, пока не исполнится срок.

— Стало быть, ты проиграл? — грозно нахмурился Креонт.

— И это неверно. Ни Сфинкс, ни я этого покамест не знаем. Потому-то мы оба и живы.

— А когда станет ясно, кто выиграл? — не унималась Иокаста.

Эдип задумался.

— Точно не скажу, царица. Однако почти наверняка раньше, чем через год.

— Год? — взвизгнула Иокаста. — И что, весь год это страшилище будет жить в наших Стовратных Фивах? Не лучше ли было в заброшенном храме остаться?

— В храме не выжил бы я, — пожал плечами герой. — Там есть совсем нечего, кроме летучих мышей. Однако теперь я вижу, что и в Фивах, славных своим гостеприимством, нам не рады. Скрепя сердце прошу вас, о царь и ты, светлейшая царица, разрешения покинуть пределы вашего славного города вместе с моей соперницей, чтобы закончить состязание вдалеке от населенных мест.

Креонт пощипал густую бороду.

— Странное дело, — сказал он. — Много я видел героев, но никто из них не отличался такой покорностью судьбе, как ты, юноша. Вольно ж было загадывать Сфинксу загадку, ответ на которую тебе самому неизвестен... что ж, если это желание твое, то иди. Сфинкса-чудовище, погубившее многих фиванцев, ты от стен городских уведешь, и то счастье...

— Да пусть катится! — поддержала его раскрасневшаяся от злости Иокаста. — Далеко ли вот только уйдет на опухших своих он ногах?

«Эх, мама, — подумал Эдип, стараясь не встречаться с ней взглядом. — Знала б ты, от какого позора я тебя избавляю...»

— Да благословят вас боги, — поклонился он вежливо. Повернулся и, подмигнув Леокаю, пошел к выходу, демонстрируя царю и царице широкую расцарапанную спину.

Сфинкс сидела посреди опустевшей городской площади, неподвижная и величественная, как статуя. Из

переулков, с безопасного расстояния, глазели на чудовище бесстрашные фиванские дети.

— Все получилось, — сообщил Эдип, подходя. — Можем двигаться в путь, красавица.

Сфинкс расправила заботливо вычищенные, блестящие на солнце крылья и несколько раз хлопнула ими по воздуху, будто раздумывая, не полететь ли ей. Потом нехотя сложила их за спиной и с кошачьей грацией поднялась на ноги.

— Все-таки люди глупы. Неужели так сложно было догадаться?

Она потянулась всем своим большим львиным телом и слегка потерлась о бедро Эдипа лоснящимся рыжим боком.

— Прежде чем мы уйдем подальше из этого города... от этих глупых людей... от нашей злой судьбы... загадай мне свою загадку еще раз, любимый...

Эдип вздохнул, наклонился к прелестной девичьей головке, откинул в сторону завиток черных как смоль кудрей и прошептал в маленькое розовое ушко:

— Мальчик или девочка?

Асимметричный ответ

1

а окнами королевской спальни стояла мрачная ночь Средневековья, кое-где тускло освещаемая путеводными огоньками костров инквизиции.

В спальне горели свечи — числом шесть. Меньшее количество свечей не давало как следует разглядеть лица собравшихся, большее рождало неуместные ассоциации. Да и воск поставщики двора Его Королевского величества поставляли этому самому величеству не даром. Король сидел в своей огромной кровати, закутавшись в одеяло чуть ли не с головой — испуганно блестели черные лисьи глаза. Разбудившие его в неурочный час посетители толпились в изножье королевского ложа, что делало их похожими то ли на нерешительных заговорщиков, то ли на консилиум врачей, собравшихся у постели больного. Второе, пожалуй, было ближе к истине.

— Испытали, значит? — спросил Король, ни к кому особенно не обращаясь. — Успешно, значит?

— Именно, Ваше Величество, — скорбно подтвердил Канцлер — высокий худой мужчина в темном камзоле. — Согласно донесениям агентуры, испытывалось сразу три разновидности троллей. Горные, болотные и, так сказать, обыкновенные...

— Полевые, — поправил его Генерал. Этот, в противоположность Канцлеру, был толст и напоминал комод из красного дерева — саму мебель фигурой, а

материал цветом лица. — Не бывает обыкновенных троллей. Военное наименование — тролли полевые.

— Да хоть луговые! — осерчал Король. — Они что, и вправду такие огромные, как в сказках рассказывают?

Повисло молчание.

— Большие, — кашлянув, ответил наконец неприметный человечек с незапоминающимся лицом. — Да, большие. Наш самоотверженный агент пытался измерить тролля в ночь перед испытанием... Сорок локтей от ступней до... кхм... чресел. Дальше измерить не удалось — сорвался, бедняга. Расшибся насмерть.

— А как же тогда узнали про сорок локтей? — недоверчиво спросил Король, буравя Неприметного своим особым королевским взглядом. Тот пожал плечами.

— Успел записать в книжечку, а напарник подобрал. Они у нас теперь только в паре работают, так надежней.

Короля это объяснение почему-то не успокоило.

— Надежней? — нехорошо прищунив глаза, спросил он. — А случись что, из тюрьмы потом тоже двоих выкупать? И так в казне уже мышь в кулак свищет! Вот сверну к чертям всю разведывательную деятельность за границей, будешь тогда знать!

Неприметный не оскорбился.

— Я-то что, Ваше Величество? Я готов хоть сегодня в отставку. В деревню поеду, рыбку ловить... Мне за державу обидно!

— Вот-вот! — Король, видно, и сам понял, что его понесло куда-то не туда. — Державно надо мыслить! По-государственному! Значит, на вооружении Постоянного Противника уже три разновидности гигантских троллей, а вы тут сопли жуете?

Он грозно посмотрел на собравшихся. Все, кроме Генерала, втянули головы в плечи. Генерал не сумел этого сделать, потому что не имел шеи. То есть, возможно, когда-то он ее и имел, но в те былинные времена плечи его еще не украшали роскошные дубовые

листья, а широкую грудь — мелодично побрякивающие ордена.

— Прошу прощения, Ваше Величество, — осмелился наконец подать голос Канцлер. — Тролли только прошли испытания, до того дня, когда они будут приняты на вооружение, еще есть время...

— И что? — ехидно поинтересовался Король. — Время-то, положим, еще есть, а денег на своих троллей у нас как не было, так и нет.

«И вряд ли они появятся, — печально подумал он, вспомнив о недостроенной летней резиденции у подножия Снежных гор. — Столько всего еще нужно купить! Одна обстановочка в стиле рококо на треть годового бюджета тянет... Да и что бюджет? Из него и половину тролля не выкроишь...»

— Так точно, Ваше Величество! — молодцевато отрапортовал Генерал. — Денег на троллей у нас нет! Король непонимающе уставился на него.

— Ну и чему ты радуешься, дубина? Или в пацифисты записался на старости лет?

Генерал иронию проигнорировал — а может, просто не понял.

— Если у нас нет денег на симметричный ответ агрессору, — по-прежнему бодро доложил он, — нужно дать ответ асимметричный!

Как видно, врываясь глубокой ночью в королевскую опочивальню, радители о государственном благе заранее расписали свои роли. Потому что не успел Король со слегка обалдевшим видом переспросить: «Какой-какой?», Канцлер, Генерал и Неприметный расступились и вытолкали вперед четвертого, доселе хранившего молчание. Новый персонаж был скорее высок, чем низок, скорее полон, чем худ, и внешность имел самую благообразную. Платье он носил цивильное, бороду и усы не брил.

— Асимметричный, Ваше Величество, — глубоким бархатистым голосом произнес он. — Позвольте, я все быстренько объясню...

— В чем сила тролля? — доверительно спросил Благообразный, разворачивая перед Королем лист бумаги с раскрашенным изображением огромного волосатого чудовища. — В его размерах! Ударом ступни он способен растоптать целый отряд меченосцев, а арбалетные стрелы причиняют ему не больше вреда, чем нам с вами — комариные укусы. Известен случай, когда тролля удалось повергнуть тяжеловооруженному конному рыцарю, но есть все основания предполагать, что за мгновение до удара копьем в лодыжку чудовище издохло само — от разрыва сердца. К тому же, упав, тролль раздавил прячущийся в засаде полк. Я уж не говорю о том, что это был дикий тролль, а нам предстоит иметь дело с созданными по последнему слову магии боевыми машинами Постоянного Противника. Итак, для симметричного ответа нам следовало бы противопоставить троллям нечто такое же огромное... но ничего такого мы противопоставить им не можем. Поэтому я предлагаю пойти совершенно другим путем.

Он ловко свернул лист с троллем и с треском раскатал перед отвесившим челюсть Королем новый, испещренный мелкими чернильными точками.

— Выход — в создании существ настолько мелких, что тролль их попросту не заметит. Не заметит и не сможет причинить зла просто по причине разницы в размерах! Здесь у меня...

— Ты мне голову-то не морочь! — неожиданно взвизгнул Король. — Я ваших магических академий не кончал, а тоже кое-что понимаю! Если они будут такие малипусенькие, какой с них прок? Ну, не заметит их тролль, моргнет — и нет их как не было!

Маг (а благообразный был именно магом, причем не просто магом, а Профессором Магической Академии) несколько не смутился.

— Извольте взглянуть сюда, Ваше Величество, — он развернул третий лист, на котором вокруг головы огромного тролля сгущалось какое-то темное пятно. —

При необходимости эти, как вы изящно выразились, малипуськи будут собираться вместе и образовывать этакие рои, наподобие пчелиных. И тут уж все зависит от их количества. Достаточное число малипусек может попросту выгрызть мозги тролля изнутри. Или даже, — воскликнул он, воодушевляясь, — подчинить себе центры управления мозгом и направить эту гигантскую боевую машину против своих же собратьев. А самое удивительное, что Противник и знать не будет, что за напасть косит его лучших бойцов! Вот что я называю асимметричным ответом, Ваше Величество!

Некоторое время Король молча изучал чертежи. Потом выпростал из-под одеяла пухлую руку и с неожиданным проворством схватил Профессора за воротник.

— И как ты, шельма, собираешься этих малипусек делать? Из кого? Каким образом? И, — тут он помедлил, — в какую сумму они казне обойдутся?

Но Профессор, разумеется, ко всем этим коварным вопросам был готов.

— Как делают боевых троллей? — все тем же доверительным тоном спросил он. — Сначала выращивают гомункулуса, потом подвергают его магическим процедурам... весьма сложным и требующим больших финансовых затрат... кормят волшебной пищей...

— Это я все и без тебя знаю! — перебил его Король. — Ты по делу отвечай!

— Большое преимущество предложенного мною метода, — как по писаному затараторил Профессор, — в том, что для создания малипусек не нужно выводить дорогостоящего гомункулуса. Мы можем взять обычных орков, которых у нас в деревнях как грязи, и уменьшать, уменьшать, уменьшать... до тех пор, пока они не достигнут требуемого размера. При этом магические процедуры на порядок дешевле тех, что применяются при производстве троллей, а волшебной пищи, по понятным причинам, требуется все меньше и меньше. Когда же орки перестанут быть видимыми глазу, они

приобретут множество новых и полезных умений и способностей...

— Это каких же? — осведомился Король, но уже без прежней подозрительности.

— Например, смогут летать, несомые ветром. Это существенно облегчит им задачу проникновения внутрь троллевого организма... Впоследствии, разумеется, возможно создание и других существ — например, крошечных дракончиков или миниатюрных василисков. Но орки пока что являются самым предпочтительным материалом для разработки, — почти по-военному закончил свой доклад Профессор.

— Сколько хочешь денег? — задушевым голосом спросил Король.

— Смету еще не составляли, Ваше Величество. На первых порах понадобятся академические исследования... тут придется закупать необходимую магическую аппаратуру, а это недешево...

Король нахмурился, и Генерал ловко толкнул Профессора железным локтем в бок.

— Но, разумеется, не идет ни в какое сравнение с затратами на производство троллей, — неуклюже вернулся Профессор. — Лично мне ничего не нужно, вы же знаете, Ваше Величество, я всегда был беззаветным патриотом своей отчизны...

— Ага, — хмыкнул Король. — Патриотизм патриотизмом, а аппаратуру опять у Постоянного Противника закупать будешь! Скажешь, нет?

Профессор с достоинством пожал плечами.

— А у кого еще? Отечественную аппаратуру еще при вашем предшественнике по винокурням растащили...

Где-то в глубине дворца гулко забили часы, и все собравшиеся в спальне вдруг почувствовали себя уютно.

— Ладно, — Король махнул рукой. — Смету составишь и доложишь как следует. Генерал!

— Здесь, Ваше Величество! — вытянулся тот, позвякивая медалями.

— Берешь дело под личный контроль. За реализацию отвечаешь. Головой. Все понял?

— Так точно, Ваше Величество!

— Ты, как тебя там... Обеспечиваешь режим полной секретности! Чтобы ни одна душа... ни ползлука... ясно?

— Куда уж яснее, — согласился Неприметный. Он давно привык, что его никогда не называли по имени, и не обижался. — Только вот что, Ваше Величество...

— Что еще?

— Надо бы придумать тайное слово. Для асимметричного ответа. Так всегда делают.

Королю эта идея не слишком понравилась.

— Нечего зря выдумывать! Так и назовите — «ответ». А кому надо, пусть голову ломают.

Так началась операция «Ответ».

3

Смета, разумеется, была составлена Профессором заранее. На самом деле смет было даже три — «академические исследования», «полевые испытания», «серийное производство». Каждая, в свою очередь, делилась на несколько частей. Финансирование должно было осуществляться не сразу, а поэтапно. Опытный Профессор хорошо знал, что само выражение «поэтапное финансирование с обязательным аудитом на каждом этапе» производит поистине магическое действие на людей, ответственных за выделение средств. По тем же причинам он не стал подсовывать смету под нос Его Величеству в ту ночь, когда операция «Ответ» получила высочайшее одобрение. Не суетиться — вот главное правило при охоте на крупного зверя. А зверь, похоже, был ОЧЕНЬ крупный. Хотя в то же время и ОЧЕНЬ мелкий. Вот такой парадокс.

Идея создания «малипусек» принадлежала, строго говоря, не самому Профессору, а одному из его учеников. Но тот по неопытности не понял, какая перспективная мысль пришла ему в голову, и вместо того, чтобы тайно вынашивать ее все долгие годы, что длится

ученичество мага, поспешил поделиться с любимым учителем. Тот подумал — и посадил ученика за расчеты. Посадил в буквальном смысле — в небольшую, со вкусом обставленную, даже уютную комнатку на глубине ста локтей под землей. В комнату можно было попасть через магический портал, ключ от которого постоянно находился только у Профессора. Нагруженный разнообразными деликатесами, Профессор навещал его через день, просматривал записи, хвалил (или ругал, в зависимости от настроения), еду оставлял, а записи уносил с собой. Подобные строгости Профессор объяснял своему ученику соображениями сугубой безопасности и в каком-то смысле даже не очень кривил душой.

Профессор, он сразу понял, что за такое невиданное в истории магической науки открытие можно получить не то что премию имени Бертольда Шварца, присуждаемую Всемирным Магическим Советом, но и кучу денег. Причем денег, разумеется, настоящих, а не тех размалеванных бумажек, что который год ходили по родному королевству. Говоря без обиняков, Профессор очень надеялся, что сумеет продать свое изобретение Постоянному Противнику — тот в таких случаях не скупился. Но делать это нужно было не сейчас, а имея в кармане хотя бы горсть готовых малипусек. Можно, конечно, прихватить записи головастого ученика да сбежать к Противнику, не дожидаясь полевых испытаний, но в этом случае придется доделывать работу за молодого — не тащить же его с собой! К тому же маги Постоянного Противника тоже ребята ушлые — вмиг ототрут от руководства проектом, сунут символическую копеечку и скажут «Аста ла виста».

На первых порах все шло гладко, без сучка без задоринки. Подопытные орки из экспериментальной Дивизии имени Генерала оказались, как на подбор, маленькими и дохленькими. Профессор, человек сугубо штатский, даже поразился, как с такими солдатами королевство не только где-то с кем-то воюет, но и до сих

пор не капитулирует. Начали с того, что постепенно стали сокращать орочий рацион. Разумеется, не по методу хрестоматийного цыгана, который учил свою лошадь обходиться без еды, а строго по магической науке. Перловку заменяли витаминными шариками, тушенку — высушенным по старинному восточному рецепту собачьим мясом, сгущенку, полагавшуюся по большим праздникам, тоже заменяли, хотя чем — сказать нельзя, государственная тайна. Одновременно Профессор и его ассистенты работали над строением скелета и мышечной структуры будущих малипусек. Кстати, королевский неологизм в строгом ведомстве Генерала не прижился. Пришлось искать будущим суперсолдатам другое имя — на это ушло немало сил и времени. Наконец Профессору, репетировавшему свою речь перед Всемирным Магическим Советом, пришло в голову прибавить к названию микроскопических существ частичку «нано» — он где-то слышал, что так обозначают что-то очень маленькое. Получились «наноорки», сократившиеся позднее до «нанорков». Так их с тех пор и стали называть.

Через полгода первые кандидаты в нанорки уменьшились в росте на два вершка и весили не больше двадцати фунтов каждый. При этом они оставались вполне жизнеспособными, хотя их бойцовские качества улучшились не сильно. Разве что на стрельбах в них реже попадали арбалетные стрелы, но это объяснялось просто — в маленькую мишень и попасть труднее. Тем не менее прошедших строгий отбор нанорков нарядили в сшитые по спецзаказу камзолчики, отвели во дворец и продемонстрировали Королю. Его Величество осталось довольно, тем более что в строго охраняемой зоне дворца никаких боевых упражнений наноркам проводить не разрешили.

Все шло просто великолепно до тех самых пор, пока коварная судьба не нанесла Профессору удар в спину.

Конечно, он и сам был отчасти виноват. Не в его возрасте, не с его положением заглядываться на со-

блзнительные ножки юных практиканток. Но на дворе звенел месяц май, а каблучки юной практикантки так призывно цокали по гулким коридорам Магической Академии... Короче говоря, Профессор влюбился как мальчик, а влюбившись, увез обладательницу соблазнительных ножек на Теплое море, к подножию Снежных гор, в те сказочные края, где ударными темпами достраивалась летняя резиденция Его Величества.

Время для Профессора остановилось.

К руководству проектом он вернулся только через две недели. И сразу же обнаружил, что произошло непоправимое.

Ученик, старательно корпевший в подземном убежище над технологией производства нанорков, умер от жажды. Вода у него кончилась в первые три дня после отъезда Профессора на море, а магические напитки он создавать не умел — не на том специализировался.

Еды у него, впрочем, тоже не было. Сначала он пытался жевать кожаные переплеты магических книг, а потом — видимо, в приступе бессильной ярости — изорвал свои последние записи в мельчайшие клочки. Профессор попробовал сложить их один к одному, потом плюнул и махнул рукой.

Операция «Ответ» лишилась своего тайного мозгового центра.

До начала фазы «Полевые испытания» оставалось четыре месяца.

4

— И где же ваши малипуськи? — брюзгливо спросил Король.

Несколько похудевший (сказывались проведенные в компании юной практикантки бессонные ночи) Профессор сделал неопределенный жест.

— Повсюду, Ваше Величество. Они некоторым образом рассеяны в пространстве. На кустах, в траве, в воздухе.

— Почему же я их не вижу? — строго осведоми-

лось Его Величество. — Полгода назад, помнится, вы мне приводили таких замухрыжек... это они, что ли, в пространстве рассеяны?

— Лучшие из них, — пришел на помощь Профессору Генерал. С начала операции «Ответ» он выстроил себе два новых загородных дома — силами подопытных нанорков и на средства, выделенные для подготовки полевых испытаний. Теперь Генерал, как человек чести, считал себя обязанным оказать Профессору хотя бы эту небольшую услугу. — Так сказать, ударный отряд. Легучий спецназ. Очень маленькие, но непобедимые. Сейчас вы убедитесь в этом сами, Ваше Величество.

На противоположной стороне полигона показался огромный тролль. Это был, разумеется, дикий, необученный экземпляр, изловленный в диких восточных степях и доставленный в столицу в бронированной клетке. По документам, однако, он проходил как боевой тролль, купленный за большие деньги у беспринципных торговцев оружием с Заокраинных Земель. Большие деньги Генерал и Профессор честно поделили между собой.

— Внимание, — торжественно сказал Генерал, — сейчас он нас увидит!

Тролль помотал огромной башкой и вдруг сфокусировал взгляд маленьких злобных глазок на Его Королевском Величестве. Хрипло зарычал и бросился вперед, ломая небольшие деревца и легко перепрыгивая через овраги.

— А если добежит? — нервно спросил Король и зачем-то посмотрел в сторону ближайших кустов. — Такая ведь зверюга...

Тролль был уже на середине полигона. «При постоянной скорости он будет здесь через минуту, — подумал Профессор. — Только бы Генерал не сплочовал... Впрочем, он ведь тоже рискует шкурой...»

— И вот наши доблестные нанорки бросаются в атаку! — воскликнул Генерал и поднял руку. — Ну, родные, не подведите!

Послышался легкий шум, как будто где-то рядом жужжал рой встревоженных пчел.

— И где же они? — не унимался Король, предпринимая попытку встать с раскладного стульчика. — Что-то я никаких нанорков не вижу...

Троль продолжал резво бежать к ним.

Потом издал какой-то невнятный звук и вдруг выбросил перед собой гигантские лапы с жутковатого вида когтями. Профессору показалось, что он собирается встать на четвереньки, но чудовище, не замедляя бега, упало вперед, вспахав лапами черную землю полигона. Огромное тело несколько раз содрогнулось в конвульсиях, троль вытянулся и издох.

— Готов, — с удовольствием констатировал Генерал. — Ударный отряд летучих нанорков проник в голову чудовища через ноздри и уничтожил его мозг. В полном соответствии с задачей маневров, — добавил он, подумав.

— Когда же они успели? — ошеломленно спросил Король. У него мелко тряслись колени. — Ты же им только скомандовал, а он уже... того?

Теперь спасти положение пришлось Профессору.

— Нанорки, Ваше Величество, не только чрезвычайно малы по размеру, но и обладают невероятной скоростью перемещения, — объяснил он. — Это вытекает из общей теории Сверхмалых Существ, согласно которой...

— Ладно, ладно, — обессиленно махнул рукой Король. — Ну, зовите сюда ваших суперсолдат. Буду благодарить их за службу от лица, так сказать, государства...

Генерал с Профессором переглянулись. К такому повороту событий они оказались не готовы.

— Один момент, Ваше Величество, — сказал Генерал. Он поднялся и, тяжело ступая, двинулся к громоздившемуся неподалеку троллю. Добравшись, залез по мохнатой лапе к исполинскому уху и что-то закричал туда, словно в бочку. Подождал немного, потом сорвал

с себя украшенную золотыми листьями фуражку и в сердцах кинул на землю.

Когда он вернулся к ожидавшим на холме Королю и Профессору, смотреть на него было жалко.

— Беда, Ваше Величество, полегли мои соколики... Почти весь ударный отряд полег. Один вот только командир остался, и тот раненый...

Он осторожно открыл ладонь и поднес ее почти к самому королевскому носу. Король поспешно отодвинулся, чтобы ненароком не втянуть в себя раненого командира.

— Как тебя зовут, боец? — спросил он, стараясь говорить в сторону.

— Они безымянные, Ваше Величество, — по красной щеке Генерала скатилась крупная слеза. — Какие уж имена у таких махоньких... Зовите его просто — Солдат.

Король посопел.

— Ну, вот что, Солдат, — сказал он наконец. — Ты сегодня это, молодцом, значит. Тролля вон завалил. Давай, Солдат, и дальше в таком же духе. На благо отчизны, да. Ребят, конечно, жалко, но их ведь все равно не вернешь, так? А теперь это, отдыхай. Заслужил.

— Спасибо, Ваше Величество, — прочувственно поблагодарил Генерал, аккуратно отводя ладонь. — Если б не вы... не ваше мудрое решение... у нас бы не было сейчас такого грозного оружия.

— Как видите, Ваше Величество, — подлил масла в огонь и Профессор, — асимметричный ответ может прозвучать вполне убедительно. Если Ваше Величество находит предложенный мной... — он замялся и искоса посмотрел на вытиравшего слезы Генерала, — предложенный нами путь перспективным...

— Нахожу, — кивнул Король. — Можете продолжать операцию.

— Деньги нужны, Ваше Величество, — шмыгая носом, сказал Генерал. — И так уже скоро будем свои вкладывать, до того душа за отчизну болит.

— Свои — не нужно, — сурово прервал его патриотические излияния Король. — Не скрою, увиденное сегодня обнадеживает. Деньги будут. Но смотрите, не расслабляться у меня! Противник, надо полагать, тоже не баклуши бьет! Так что результат чтоб был — о!

Он вскинул вверх руку с выставленным указательным пальцем, покрутил им над головой и отбыл во дворец — приходить в себя от пережитого на полигоне потрясения.

Генерал и Профессор подождали, пока королевская карета скроется за поворотом, молча побродили по полю, подошли к поверженному чудовищу.

— Ну, ты молодец, академик, — одобрительно прогудел Генерал, хлопая Профессора по тугой спине. — Невероятная скорость перемещения! Надо же! Я б ни за что не додумался!

Профессор недовольно поморщился.

— А что это он так быстро бежал? Была ж договоренность, что твои солдаты его маковым молочком напоят?

Генерал басовито хохотнул.

— Да ты что, академик? Будут они такой товар на безмозглую зверюгу переводить! Сами и вылакали, а что не вылакали, барыгам загнали. Солдату, ему тоже жить надо! А вот той скотине, которая половину пороха из фугаса отсыпала, я собственноручно пальцы обрываю!

— Какого фугаса? — не понял Профессор. В детали плана Генерал его не посвящал, сказал: «Не ссы, академик» — и все.

— В ухе который был. Должен был на середине поля рвануть, а ты видал, с каким замедлением работало? Я уж думал, он до нас доберется... Ничего, Бог не выдаст, свинья не съест!

Помолчали, думая каждый о своем.

— И что теперь? — с тоской спросил Профессор. — Следующий этап — серийное производство. Ну, выделят нам еще денег... а нанорков мы откуда возьмем?

Как ты (тут он злобно дунул себе на ладонь) — из воздуха?

Взгляд, который бросил на него Генерал, был полон естественного превосходства военного над штатским.

— И не такие крепости брали, — горделиво сказал он, хотя отродясь никаких крепостей не брал, а стратегический талант развивал в основном в кабинетных баталиях. — Не ссы, академик, прорвемся.

5

— Я слышала, у тебя были очень удачные испытания, — промурлыкала обладательница соблазнительных ножек, прижимаясь к Профессору всем своим крепким и юным телом. — Говорят, Его Величество остался тобой очень доволен и вот-вот пожалует тебе то ли поместье, то ли орден, то ли и то и другое вместе...

Разнежившийся от ласк Профессор не сразу понял, что его подружка говорит о вещах, которые в ведомстве Неприметного проходили под грифом «государственная тайна». А когда понял, так испугался, что едва не скинул молодую обольстительницу с постели.

— Откуда ты могла это слышать? — заикаясь от волнения, спросил Профессор. — Кто тебе мог это сказать?

Две маленькие крепкие ладошки нежно обхватили убаюканную сединами голову Профессора и привлекли ее на пышную белую грудь.

— Успокойся, глупенький, — засмеялась Практикантка (Профессор мысленно продолжал называть подругу именно так, хотя уже давно устроил ее на полную ставку в один из департаментов Магической Академии). — Мне многое известно. И совсем не нужно из-за этого волноваться. Наоборот — нужно радоваться. У меня есть друзья...

— Какие друзья? — ревниво вскинулся Профессор, но крепкие ладошки надавили ему на затылок, и он снова утонул в белом и мягком.

— Не перебивай! Не такие друзья, как ты дума-

ешь. Очень, очень серьезные люди. У них много, очень много денег. Они знают, что ты работаешь над УЖАСНО секретным проектом, и готовы помочь тебе...

— В чем? — полузадушенно булькнул Профессор. Практикантка на секунду замялась.

— Ну, доставить все твои записи и всех этих твоих... малышей... туда, где тебя смогут оценить по заслугам.

Профессор ошарашенно молчал. То, о чем он мечтал, начиная операцию «Ответ», вдруг материализовалось перед ним в облике прекрасной соблазнительницы, но Профессор не чувствовал ни радости, ни облегчения. Возможно, потому, что предложить «друзьям» Практикантки ему было нечего.

— Сомневаешься, глупыш? — захихикала девушка, перебирая густые еще волосы любовника. — Думаешь, это ловушка твоего Неприметного? Не бойся, его люди такие же лентяи и ротозеи, как и все в нашем королевстве...

— Господи, — ахнул Профессор. — Про Неприметного-то ты откуда знаешь?

— Говорят же тебе — мне известно куда больше, чем ты думаешь. И о том, что ты уже два года работаешь с орками, делаешь из них таких маленьких-премаленьких орчиков, которых даже не видно без лупы. Это правда, кстати?

— Что — правда? — обреченно переспросил Профессор.

— Ну, насчет лупы?

На этот раз Профессор долго думал, прежде чем ответить. Но Практикантка и не торопила.

— Нет, — сказал он наконец. — Это неправда.

— Значит, их можно увидеть? — Она вдруг стала непривычно — и неприятно — серьезной. — Покажи мне их, дорогой, ну что тебе стоит?

Профессор все-таки поднял голову — благо крепкие ладошки ослабили свою хватку.

— Хорошо, — ответил он коротко. — Одевайся. Я тебе все покажу.

Пока Практикантка приводила себя в порядок (повоенному быстро, машинально отметил Профессор), он вызвал Черную Карету и подписал два пропуска на дорогой гербовой бумаге. Как руководитель проекта он имел право приводить на секретный объект кого угодно. Подумав, рассовал по карманам десятка два сухарей.

Ехали долго — казармы нанорков располагались на самой окраине столицы. Хорошо еще, что Черную Карету с государственными гербами на каждой дверце беспрепятственно пропускали через все дорожные заставы.

— Выходи, — сухо велел Профессор Практикантке, когда Карета наконец остановилась у низкого кирпичного здания. Он ненавидел это место. Здесь нашли бесславный конец его тщеславные мечты о покорении мира, о премии имени Бертольда Шварца, о золотых скрижалях истории... Осталась только кирпичная пыль и запах кислой капусты, которой в последние месяцы кормили нанорков.

— Как интересно, — щебетала Практикантка, спускаясь за ним по выщербленным ступеням. — А почему здесь так темно? Неужели не разрешают зажигать свечи?

— Разрешают, — буркнул Профессор. — Только зажигать нечего...

«Все разворовали, сволочи, — в бессильной злобе подумал он. — Может быть, у меня бы и получилось... даже без этого умника, не сумевшего продержаться без воды каких-то несчастных две недели... я ведь, в конце концов, тоже кое-что понимаю в магии! Но поди добейся здесь хоть какого-нибудь результата, когда воруют и свечи, и витаминные шарики, и даже вяленую собачатину!»

Скрипнула проржавевшая железная решетка, и Профессор со своей спутницей вошли в обширное, погруженное во мрак помещение, заполненное тихим тоскливым шорохом, похожим одновременно на шелест осенних листьев и вкрадчивый голос ночного прибора.

Практикантка остановилась на пороге, а Профессор прошел дальше, уселся на кучу битого кирпича и вынул из кармана сухарь.

— Идите ко мне, мои крошки, — позвал он с едва сдерживаемым отвращением. — Идите к папе!

Практикантка не верила своим глазам. Из темноты к Профессору осторожно приближались маленькие темные тени. Подходили, вставали рядом и безмолвно ждали, не проявляя ни нетерпения, ни любопытства.

— И ты тоже иди сюда, — крикнул Профессор, и Практикантка догадалась, что на этот раз он обращается к ней. Аккуратно переступая через скопившиеся на полу лужицы воды, подошла поближе. Несколько темных фигур повернулись к ней и уставились большими, фосфоресцирующими глазами. Скособоченные, с тяжелыми печальными лицами, обрамленными густой бородой, они напоминали внезапно состарившихся детей. Сходство усиливалось еще и тем, что самое высокое из существ доставало ей примерно до колена (правда, и ноги у Практикантки были замечательно длинными).

— Держи, — Профессор неожиданно ловко кинул ей сухарь. — Угости их, они будут довольны, вот увидишь!

Не вполне понимая, что происходит, Практикантка протянула сухарь ближайшей темной фигуре. Холодные пальцы коснулись ее руки, сухарь исчез.

— Кто это? — преодолевая поднимающийся из глубин души страх, спросила она. — Милый, кто они?

— Те, кого ты так хотела увидеть. Нанорки. Невидимые глазу сверхсолдаты.

Некоторое время в подвале царило молчание — только сверхсолдаты негромко похрустывали сухарями.

— Такими уж они вышли, — извиняющимся тоном продолжал Профессор. — Меньше не становятся, хоть тресни. Бойцы из них — как из дерьма пуля, как любит выражаться мой друг Генерал. Правда, в темноте видят хорошо, и еды им много не нужно...

— Не держи меня за дурочку, — хмыкнула Практикантка. — А как же твои знаменитые испытания? Моим друзьям не нравится, когда их пытаются водить за нос!

— Все обман, — устало махнул рукой Профессор. — Ну, ты же знаешь, как все везде делается...

— Значит, нет никаких нанорков? Нет никакого асимметричного ответа?

Профессор тяжело вздохнул.

— Ну, почему же нет. Вот он, перед тобой. Только, боюсь, он получился слишком уж асимметричным...

Практикантка цокнула языком. Стряхнула с ладони прилипшие к ней ржаные крошки, пробормотала что-то неразборчивое и выбежала из подвала, толкнув железную решетку.

6

— Значит, все впустую? — спросил Канцлер.

Неприметный пожал плечами.

— Ну, кое-чего они все-таки добились. Вывели новую породу существ, прекрасно ориентирующихся в темноте, очень выносливых и неприхотливых. Мы присвоили им кодовое название «гномы» и планируем использовать для специальных операций под землей. Так что определенные результаты получены.

— А вы знаете, сколько средств потрачено на этих гномов? — с горечью спросил Канцлер. — Да на эти деньги десяток троллей можно было вырастить...

Слабая улыбка тронула уголки губ Неприметного.

— Не стоит переоценивать троллей, ваша светлость. Мои агенты доносят, что наш Постоянный Противник теряет в Гоблинских Болотах в среднем по троллю в день. И знаете почему? Гоблины просто лезут на тролля всей кучей, опрокидывают в болото и топят... Вот вам и высокие технологии...

— Я вообще не понимаю, зачем они сунулись в эти Гоблинские Болота, — нервно сказал Канцлер. — Как будто им своего торфа мало...

— И все же, — прервал его геополитические размышления Неприметный, — все же я не советовал бы совсем списывать в утиль идею нашего друга Профессора. Нанодраконы, нанотролли, нанорки — это, конечно, чепуха. Но вот наношпионы кажутся мне гораздо более перспективным направлением. Представьте — крохотные существа, для которых не существует ни преград, ни охраны! И главное, никаких проблем с серийным производством! Шпионы, по определению, товар штучный, так что...

— Я понял, — в голосе Канцлера появились тоскливые нотки. — Вы хотите организовать свой собственный проект, ведь так?

Неприметный радостно закивал.

— Вы, как всегда, проницательны, Ваша Светлость. Поскольку этот проект будет не таким масштабным, как операция «Ответ», мне кажется, нам не стоит тревожить Его Величество. Вашей санкции будет вполне достаточно...

— Вам потребуется специальное финансирование, — Канцлер не спрашивал, он констатировал факт. — Отдельной строкой в бюджете, так?

Неприметный снова кивнул.

— Когда вы сможете предоставить смету?

— Дня через три, — подумав, ответил Неприметный, на шаривая в кармане свернутую в трубочку бумажку с цифрами. — Мне нужно еще раз хорошенько все обдумать. В том числе и опыт предшественников. На этот раз, конечно же, мы не допустим нецелевого расходования средств. Все будет осуществляться под личным контролем Вашей Светлости.

И он тонко улыбнулся Канцлеру.

Птица цвета ультрамарин

1

еферент аккуратно положил на полированную поверхность стола крохотную телефонную трубку и, тщательно скрывая удивление, улыбнулся Андрею.

— Господин Лемберт вас примет. У вас есть десять минут.

Андрей выбрался из глубокого кресла, одернул костюм и повернулся к огромному, занимавшему всю торцевую стену приемной, зеркалу. Пиджак ощутимо топорщился в плечах и под мышками. Купленный на распродаже галстук был завязан плебейским двойным узлом. Щеки, несмотря на утреннее бритье, отливали густой синевой. Больше всего человек, отражавшийся в зеркале, напоминал недавно закодировавшегося алкоголика.

Двери, ведущие в святая святых Восточноевропейской Инвестиционной Корпорации, распахнулись под мелодичный перезвон колокольцев. Андрей мысленно пожелал себе удачи и перешагнул порог.

— Здравствуйте, господин Лемберт, моя фамилия Царегородцев...

— Знаю, знаю, — нетерпеливо перебил его маленький круглоголовый крепыш, восседавший за столом размером с футбольное поле. — Переходите к делу, пожалуйста!

— Как вам будет угодно. Вам знакома легенда о Синей птице?

Лицо Лемберта окаменело.

— Что за чушь? В вашей заявке было написано, что вы хотите обсудить перспективный бизнес-план. Обычно такие вопросы решаются на уровне моих помощников, но вам, господин Царегородцев, необыкновенно повезло — для вас я сделал исключение. Видимо, я ошибся.

Андрей выставил перед собой ладони, будто пытаясь остановить натиск хозяина кабинета.

— Прошу меня извинить, но перед тем как перейти к обсуждению бизнес-плана, я должен убедиться в том, что вы знакомы с темой — хотя бы в общих чертах. Итак, что вам известно о Синей птице?

— Что известно? — медленно багровея, проговорил Лемберт. — Черт возьми, да вы издеваетесь? Вы пришли поговорить со мной о пьесе Метерлинка? Вы что, театральный режиссер?

— Нет, что вы, — замахал руками Андрей. — Я орнитолог... изучаю пернатых... Вот вы упомянули Метерлинка — значит, вам доводилось слышать о том, что Синяя птица издревле считается существом, приносящим удачу? Помните, дети в пьесе поют песенку: «Мы дружной вереницей идем за Синей птицей?»

— К делу, Царегородцев! К делу!

— О Господи, как же можно быть таким нетерпеливым! Знаете, в нашей профессии терпение просто необходимо — чтобы подкараулить редкий экземпляр, приходится порой сутками сидеть в засаде. А пернатые так пугливы... Ладно, ладно, если уж вы настаиваете, я перехожу прямо к сути вопроса. Дело в том, что Синяя птица — не миф. Она существует и действительно способна приносить удачу...

Лемберт фыркнул и принялся быстро набивать что-то на невидимой Андрею клавиатуре. Несколько секунд он смотрел в монитор, напоминавший подсолнух на тонкой ножке, потом хмыкнул и резким движением развернул экран к Андрею.

— Поисковая система сообщает, что Синей пти-

цей традиционно называют южноамериканского колибри-медососа. Если вы спешили поделиться со мной этой информацией, то зря потратили мое время...

— Это ошибка! — горячо запротестовал Андрей. — Медососы действительно очень красивы, и окрас у них вполне подходящий, но к Синей птице они никакого отношения не имеют! Медососы входят в семейство Meliphagidae, а настоящая Синяя птица скорее должна быть причислена к семейству Trichoglossinae, иначе попугаев-медоедов. Вы наверняка знаете представителей этого семейства, в него входят многие щеткоязычные попугаи, например, лори...

— Вы сумасшедший? — с искренним интересом спросил Лемберт. — Вы хоть представляете себе, чем занимается моя корпорация? Мы вкладываем деньги в бизнес, а не в попугайчиков!

— Ну, погодите минутку! Сейчас вы все поймете... Я со студенческих лет был уверен, что семейство попугаев-медоедов изучено не до конца. Легенды не рождаются на пустом месте! Я искал Синюю птицу двенадцать лет! Клянчил гранты у всяких фондов... впрочем, это неважно... Одним словом, прошлой весной я нашел ее! На Ила-Палау, это небольшой остров недалеко от Новой Гвинеи. Местные жители считают ее могущественным духом и не приближаются к ее гнездовьям... Мне стоило большого труда увезти с острова нескольких птенцов...

— Поздравляю, — Лемберт оглядел Андрея с ног до головы. — И что, они действительно принесли вам удачу?

— Не «они». Она. Моя Принцесса. Понимаете, у каждого человека может быть только одна Синяя птица... это довольно трудно объяснить. Но мне и одной с лихвой хватает. Да вы и сами видите...

— То, что я вижу, значительно расходится с моими представлениями об успехе, — сухо заметил Лемберт. — Кстати, у вас осталось пять минут.

— Вы согласились принять меня, — быстро сказал

Андрей. — Без рекомендаций, даже не зная, о чем пойдет речь. Вы же сами сказали, что мне необычайно повезло...

Лемберт хмыкнул и принялся листать ежедневник.

— Что же касается успеха, — торопливо продолжал Царегородцев, — то «успех» и «удача» понятия не тождественные. Последние месяцы мне страшно везет, однако мои финансовые обстоятельства по-прежнему остаются... как бы это правильнее выразиться... неблестящими. Видите ли, я думаю, что каждая Синяя птица имеет предрасположенность к какому-то конкретному виду удачи. Моя в основном приносит удачу в общении с людьми...

— Вот что, — Лемберт прихлопнул короткопальцами ладонями по столешнице. — По-моему, вы — обыкновенный шарлатан и жулик. Так что либо вы немедленно предъявляете мне доказательства, либо отправляетесь дурить голову кому-нибудь еще!

— Доказательство я принес, — Андрей махнул рукой в сторону двери. — Но охранники не позволили мне войти с ним в приемную.

— И правильно сделали, — буркнул Лемберт и ткнул пальцем в кнопку переговорного устройства. — Олег, что там у тебя? Да, то, что принес этот... Царегородцев. Клетка с попугаем? Ладно, неси сюда.

— Единственный способ убедить вас, — сказал Андрей, — это подарить вам Синюю птицу. За ней не так-то просто ухаживать, однако результат, который вы получите, превзойдет все ваши ожидания...

Он не договорил. На пороге возник высокий охранник, державший на вытянутой руке накрытую платком птичью клетку.

— Сними, — велел Лемберт, указывая на платок. Охранник послушно сдернул ткань. В клетке сидела ослепительно синяя птица с большим плоским клювом. Она недовольно взъерошила перья и внимательно посмотрела на Лемберта.

— Это Бонни, ваша Синяя птица, — торжественно произнес Царегородцев. — Ей сейчас год, а живут они долго, во всяком случае не меньше, чем крупные тропические попугаи. Так что, если вы ей понравитесь, удача будет сопутствовать вам всю жизнь.

Птица, не отрываясь, смотрела на Лемберта. Лемберт смотрел на птицу.

— Очень важно сразу же установить эмоциональный контакт, — пояснил Андрей. — Тогда птица поймет, что именно вы — тот человек, которому она должна приносить удачу...

— Помолчите, — хрипло сказал Лемберт. Он выбрался из-за стола, подошел к застывшему охраннику и слегка постучал ногтем по прутьям клетки. Птица моргнула. — Чем они питаются?

— Я принес распечатку с рекомендациями по кормлению и уходу...

— Положите на стол. Олег, свободен. Нет, клетку оставь.

Когда охранник вышел, прикрыв за собой дверь, Лемберт обернулся к Андрею и снова смерил его взглядом с ног до головы.

— Она может приносить удачу в делах?

— Все зависит от того, к чему у нее есть предрасположенность. Вероятно, эти изначальные способности поддаются дрессуре, но я еще не успел...

— Если она не поможет мне в моем бизнесе, я вам ее верну, — пообещал Лемберт. — Я не намерен тратить время на чепуху...

Он осекся и посмотрел на птицу. Та склонила голову набок и принялась чистить перышки.

— У вас осталось две минуты. Может быть, вы все-таки сообщите мне о цели вашего визита? Хотя бы ради приличия?

Андрей извлек из кармана серебристый футлярчик и осторожно положил на столешницу.

— Вся информация тут, на флэшке. Коротко говоря, я предлагаю заняться промышленным разведением

Синих птиц. К счастью, при соблюдении определенных условий они могут размножаться в неволе...

— Зачем? Какой смысл в том, чтобы разводить попугаев, пусть даже и синих?

Андрей улыбнулся. Ради этого вопроса он и шел на встречу с Лембертом.

— Как вы полагаете, сколько может стоить удача? Не иллюзорная, зависящая от игры случая или расположения звезд, а самая настоящая, стабильная, гарантированная удача? Синие птицы могут продаваться по цене «Мерседеса», и их все равно будут покупать. Затраты на оборудование и персонал минимальны, по сути, речь идет об обыкновенной птицефабрике. А вот рентабельность такого производства будет на несколько порядков выше...

— Хватит, — оборвал его Лемберт. — Не нужно говорить о том, в чем вы не разбираетесь.

Он отвернулся от Царегородцева и подошел к большому панорамному окну, из которого открывался прекрасный вид на город.

— Через две недели состоится тендер по некоему крайне выгодному контракту. Проводиться он будет, скажем так, не вполне честно. Шансов у нашей компании почти нет, и все это понимают. Мы участвуем в тендере в основном для поддержания репутации. Вопрос: ваша птица может помочь нам получить этот контракт?

— Поймите, Бонни не разбирается в экономике! То, что делает Синяя птица, — природный феномен, такой же, как способность некоторых попугаев повторять слова своих хозяев или, скажем, способность мексиканских собачек лечить ревматизм и артрит. Нельзя заранее предсказать...

Лемберт выразительно взглянул на часы.

— Сожалею, но ваше время истекло. Желаю удачи.

Андрей подошел к клетке и осторожно погладил ее прутья.

— Удачи и вам, господин Лемберт! Я уверен, что теперь она вас не покинет!

На самом деле никакой уверенности он не чувствовал. Бонни выглядела недовольной — судя по всему, ей не слишком нравился новый хозяин. «Ты уж постарайся, родная, — шепнул ей Андрей. — От тебя зависит будущее всего твоего рода. Не подведи, ладно?»

Птица открыла клюв и показала ему похожий на маленькую щетку язычок.

Две недели спустя Лемберт позвонил Андрею на мобильный.

— Вы меня заинтриговали, Царегородцев, — сказал он. — Наша корпорация выиграла тендер — не понимаю, каким образом, но выиграла. Кстати, Бонни последнее время стала выщипывать у себя чересчур много перьев. Я беспокоюсь, не подхватила ли она какую-нибудь птичью инфекцию. Предлагаю вам заехать и посмотреть, что с ней. Заодно обсудим детали вашего бизнес-плана. Я пришлю за вами машину.

2

— Дорогой, посмотри, какой милый попугайчик!

— Си-ень-кий, он си-ень-кий! Хочу си-ень-кого!

— Ксюша, они здесь все синие... Хорошо хоть не голубые...

— Дорогой! Дети...

— Мама, папа, а можно мы вот этого возьмем, у него хвост пышнее...

— погоди, Дарья, не лезь к клеткам! Сейчас папа во всем разберется.

— Я хотел бы поговорить с менеджером. Насчет этих... попугайчиков... ну я знаю, что это Синие птицы, просто похожи-то они на попугаев, верно?

— Это не более чем распространенное заблуждение. Что конкретно вас интересует?

— Да мы тут смотрим... на птиц этих, на цены... Попугаи вроде все одинаковые, а цены разные. Это почему так?

— Все дело в специализации. Все птицы, продающиеся в нашем салоне, прошли специальное обучение, что подтверждается сертификатом компании «Блю Берд», единственной, имеющей лицензию на продажу Синих птиц...

— Си-их пиц! Си-их пиц!

— Да, Ксюшенька, синих птиц, не мешай папе, он разговаривает...

— Абсолютно все наши птицы приносят удачу своим владельцам, но вид этой удачи вы можете выбрать сами. Например, в тех клетках у нас экземпляры, ориентированные на удачу в бизнесе. Цены на них, разумеется, выше, чем на птиц с бытовой специализацией. Вон та самочка, с хохолком, — эксклюзивный экземпляр, выдрессированный для работы с ценными бумагами. Стоит... ну, в прайс-листе все указано... А эти, в углу, приносят удачу автомобилистам. Уверю вас, их владельцы никогда не попадут в аварию — даже самые безнадежные «чайники». На автомобильных птичек у нас, кстати, скидки — до двадцати процентов, очень выгодное предложение. Есть птицы, приносящие удачу в личной жизни... понимаю, вас это не интересует, у вас и так все замечательно... Вы ведь здесь с семьей? В таком случае могу предложить совершенно новую разработку — Синяя птица, приносящая счастье в дом. Да-да, не лично вам, а именно в ваш дом. Согласитесь, это необычно, ведь считается, что Синяя птица воздействует только на своего владельца, к тому же эти удивительные существа весьма ревнивы и не выносят сосуществования с себе подобными... Здесь же благодаря революционной методике дрессировки ваша Синяя птица будет оказывать положительный эффект на всю вашу семью! Это особенно важно, если у вас есть дети... Милые девочки, вам нравятся эти птички? А вы знаете, что, если папа и мама купят вам Синюю птичку, вы забудете о том, что такое простуда, не получите «двойку» за забытую дома тетрадь и наверняка поедете летом на море? Знаете или нет?

— Пич-ку! Хочу си-юю пич-ку!

— Ксюшенька, помолчи. Вы уверены, что эффект будет именно такой? Я имею в виду болезни и проблемы в школе?

— Ну, разумеется, не только это! Здоровье, успехи в учебе, спорте, симпатии одноклассников — это лишь малая толика того океана удачи, в котором будут купаться ваши очаровательные детишки... К тому же вероятность несчастных случаев снижается почти до нуля. Вам не нужно будет бояться за своих девочек, когда они будут гулять во дворе или останутся ночевать у подружки...

— Ой, мамочка, а можно мы купим птичку и я пойду на день рождения к Алеське? Ведь с птичкой ты уже не будешь за меня волноваться?

— Дарья! Кому сказано, не лезь к взрослым! И сколько же стоит эта ваша птичка для детской?

— Вот прайс. Цены колеблются в зависимости от природных способностей каждой птицы. Могу посоветовать вам вот этот экземпляр, он недешев, но идеально подходит для маленьких девочек...

— Ни хрена ж себе «недешев»! Прости, дорогая...

— Разумеется, у вас есть возможность выбрать птицу подешевле. Здесь указаны цены на птиц, специально выведенных для помощи в учебе или в общении со сверстниками. Как видите, они гораздо ниже...

— Нет уж, если покупать птицу, то такую, чтобы от нее толку было побольше! Ты согласен, милый? Что ты молчишь?

— Думаю. Если мы сейчас купим этого попугая, то про новую машину можно будет забыть...

— Ничего, поездишь и на старой. Для тебя всегда железки были важнее детей!

— Солнышко, давай не будем выяснять наши проблемы при посторонних... Ладно, мы берем эту, которая идеально подходит. Дарья, не хватай птицу за хвост! Вы карточки «Виза» принимаете?..

Няня неплотно прикрыла балконную дверь, и порыв летнего ветра распахнул ее. Сидевшая в клетке Синяя птица встрепенулась и принялась чистить себе перышки. Клетка стояла высоко на комод, взбираться на который детям строго-настрого запрещалось.

Но дети уже не проявляли к Синей птице прежнего интереса. Попугайчик и попугайчик, к тому же неговорящий. Дарья болтала по телефону с подружкой, а маленькая Ксюша сидела на полу, играя с куклами. Няня гремела на кухне кастрюлями — варила картофельный суп.

Распахнувшаяся балконная дверь заставила Ксюшу забыть о куклах. На балконе хранилось много интересных вещей, в том числе сложенные друг на друга колеса от папиной машины. Мама все время ругалась на папу, говорила, что колеса нужно отнести в гараж, но папа только отмахивался. Ксюше колеса очень нравились, по ним, как по лесенке, можно было взбираться до самого подоконника. А с подоконника было видно и узкую дорожку далеко внизу, и сновавших по ней крошечных человечков, и небо с облаками.

Ксюша бросила игрушки и подошла к двери. Ей запрещалось выходить на балкон без разрешения, но сейчас никого из взрослых поблизости не было. Дашка, хоть и не взрослая, но та еще вредина, как вцепится в свой телефон, ничего вокруг не видит. Ксюша перелезла через высокий порог и очутилась на балконе.

Карабкаться по колесам было несложно. Ксюша и сама не заметила, как уже стояла на подоконнике. Что за красота! Небо за окном было синим-синим, словно сидевшая на комод птица... Правда, между Ксюшей и небом была еще и сетка — мелкая такая, почти незаметная, но очень противная. Это не Ксюша, это мама так говорит: противная сетка. Если бы не она, небо выглядело бы еще красивее, а так оно все будто черной ручкой расчерчено...

Ксюша изо всех сил толкнула пухлыми ручками противную сетку, отделявшую ее от неба, и та неожиданно легко поддалась.

Синяя птица склонила голову набок и посмотрела на возившегося на подоконнике ребенка. Моргнула раз, потом другой. Недовольно взъерошила перья. На застекленном балконе происходило что-то неправильное. Что-то совсем неправильное.

Легкая рама противомоскитной сетки, уже давно болтавшаяся на двух плохо закрученных болтах, выскочила из пазов и ухнула вниз с пятнадцатого этажа. Ксюшу шатнуло вслед за ней, она взмахнула ручками и, не успев даже пискнуть, вывалилась из окна.

Синяя птица закричала.

Голос у Синих птиц громкий, но противный. К счастью, кричат они редко.

— Да замолчи ты, курица несчастная! — раздосадованно шикнула на Синюю птицу Даша и швырнула в клетку подушкой. Подушка пролетела мимо, птица продолжала орать. И как бы вторя ей, откуда-то со стороны балкона раздался истошный визг Ксюши.

Прибежавшая из кухни няня едва не потеряла сознание от ужаса. Трехлетний ребенок висел за балконным окном, зацепившись лямкой комбинезона за торчавший из рамы болт, и орал от страха, молотя ручками и ножками по воздуху. Няня крепко ухватила Ксюшу обеими руками, с нечеловеческой силой дернула на себя, порвав при этом лямку комбинезона, и втащила в комнату, где села на пол и горько расплакалась. Наблюдавшая за всем этим с комода Синяя птица успокоилась и снова принялась прихорашиваться.

3

— Ну и что мне теперь делать? — тоскливо спросил Макс у телефонной трубки.

— Вешайся, — жизнерадостно посоветовала трубка. — Кончилась твоя «Транснефть», все, финиш. Я только сейчас оттуда — офис оцеплен, прокурорские уже в здании. Завтра ее акции будут стоить не дороже резаной бумаги.

— Мама дорогая, — застонал Макс, — я же неделю назад все в них вложил! Все, понимаешь? Дом на Кипре продал, квартиру на Кутузовском... У брокера с плечом один к десяти накупил этой «Транснефти»... ведь обещали мне, что после контракта с англичанами она на сто пунктов взлетит...

— Сочувствую, — хмыкнул его собеседник. — Попробуй завтра с самого утра их слить, хотя, конечно, слухи быстро расходятся... Но может, хоть что-то вернешь...

— Мне не нужно хоть что-то, — чужим, мертвым голосом сказал Макс. — Я ведь еще и в долги влез... Убьют меня, Шура...

В трубке помолчали.

— Тогда беги, — проговорил наконец Шура. — На билет-то деньги еще есть?

— Ага, — Макс зачем-то полез в бумажник. — На билет есть, хоть до самой Бразилии... Только что я там делать буду?..

— А то еще, — сказал Шура, — пойди да купи себе Синюю птицу. Знаешь, некоторым помогает. Не, че ты материшься, я ж серьезно!.. Я сам вон у нас в газете материал делал — «Синяя птица спасает ребенка»!..

Макс нажал отбой и прошел по мягкому ковру к зеркальному бару. Достал оттуда бутылку «Гленlivetа» и налил полный стакан. Выпил, не закусывая. Налил еще.

После третьего стакана он схватил мобильник и, пугаясь в кнопках, набрал номер.

— Это салон «Блю Берд»? Да, мне нужна птица. Синяя. Да, блин, как синий-синий иней. Птица цвета ультрамарин, песенка такая была, может, слышал? Зачем? Удача мне нужна позарез. Пруха, да. Дела идут хреново, братан, хреновей не бывает. С чем дела? А твое какое... а, специ-али-зация! Так бы сразу и говорил... Фондовая биржа. Акции-шмакции, голубые фишки. Скоко? Скоко-скоко? Ты не ошибся, братан? Ладно, понял. Слышь, а вы ценными бумагами там не принимаете?

Не? Напрасно, напрасно... а то у меня тут их целый чемодан... погоди-ка, наличными тоже что-то было... слышь, а поменьше птички нету? Ну, не такую дорожную... мне ведь не обязательно, чтобы всегда везло, мне хотя бы один раз, вот завтра повезет и все... я б ее даже в аренду у вас взял. Нет? Не работаете так? Давай договоримся, братан, я тебе даю все, что у меня есть, честно, мне все равно уже эти деньги не пригодятся, если завтра... ну, короче, ты понял. А ты мне привозишь эту птаху на одни сутки. Если не поможет, забирай ее, и деньги забирай, и мы в расчете, все равно мне вешаться. А если выгорит, я покупаю ее у вас по полной стоимости, и тебе еще пять штук баксов на карман. Ну? Давай решайся, я ж ничего противозаконного тебе не предлагаю, ага? Перезвонишь? Ну давай, звони, пока я еще не надумал себе пулю в лобешник пустить. Адрес? Ну, записывай, братан, записывай, улица Рябиновая...

«КТО СТОИТ ЗА ПАНИКОЙ НА ФОНДОВОЙ БИРЖЕ?»

Текст: Александр Козлов.

Сегодняшние торги на фондовой бирже начались лавинообразным падением акций крупнейшего сырьевого холдинга «Транснефть», головной офис которого вчера подвергся настоящей атаке со стороны Генеральной прокуратуры. Стоимость акций компании, считавшейся одной из наиболее перспективных на отечественном рынке и заключившей недавно договор о совместной эксплуатации месторождений Восточной Сибири с международным гигантом «Бритиш Петролеум», к часу дня упала до критического уровня. Игроки начали массированный сброс акций, в результате чего рынок ценных бумаг в буквальном смысле слова залихорадило. Когда цены упали на 15%, торги по бумаге были остановлены. В АДРах цены продолжали падать всю ночь, и к закрытию рынка в США цены

по сравнению со вчерашним закрытием снизились на 75%. Тем большей неожиданностью для всех стало телеобращение Президента, последовавшее в девять утра следующего дня. В нем глава государства предостерег Генеральную прокуратуру от — цитирую — «немотивированных наездов» на отраслеобразующие сырьевые компании. «Не нужно раскачивать лодку, — предупредил Президент, — в которой все мы плывем». Сразу же после этого сотрудники силовых ведомств были выведены из офиса «Транснефти», и компания возобновила работу в обычном режиме. К обеду стоимость акций «Транснефти» взлетела на двадцать пунктов и продолжала расти до самого закрытия торгов. Остается только догадываться, чей заказ выполняли сотрудники Генпрокуратуры, деятельность которой в последнее время все больше напоминает другой, гораздо более древний промысел...

— Шура, это Макс! Бросай все и жми ко мне, быстро! Как что делать? Пить будем, обмывать мою ненаглядную. Как кого? Птичку мою драгоценную, я ее знаешь, как назвал? Фишка! Есть фишки голубые, а у меня синяя. Ты что, не понял, что вчера на бирже случилось? Нет? Это ж ты все сделал, точнее, я, точнее, птичка, которую я по твоему совету купил! Приезжай, борзописец, а не приедешь, я за тобой сам прилечу, в голубом вертолете, блин! Я теперь хоть вертолет могу купить, хоть звездолет, ты понял?..

4

— Дела идут лучше, чем мы ожидали, — Лемберт отвернулся от монитора и подмигнул Андрею. — Знаете, кто покупает у нас больше всего птиц? Страховые компании. Пятнадцать тысяч особей только в последнем квартале. Если так пойдет и дальше, нам придется строить третью птицефабрику.

— Почему именно страховщики? — из вежливо-

сти спросил Андрей. Ему было скучно. Он пришел к Лемберту не для того, чтобы выслушивать отчет о развитии индустрии Синих птиц. Приближался сухой сезон, единственные три месяца в году, когда путешественник мог проникнуть во внутренние области Ила-Палау, и Андрею не хотелось терять время.

— Это же очевидно, — улыбнулся Лемберт. — Страховым компаниям выгодно, чтобы с их клиентами ничего не происходило. Некоторые включают Синих птиц в пакет предоставляемых услуг, другие — те, что похитрее, — подсылают к своим клиентам агентов, которые убеждают их купить Синюю птицу в ближайшем салоне «ББ». В результате выплаты страховых компаний по несчастным случаям сократились почти до нуля. Неудивительно, что они заказывают у нас все новых и новых птиц!

— Странная логика, — покачал головой Андрей. — Как только люди поймут, что Синие птицы действительно защищают их от ущерба, никакие страховые компании им уже не понадобятся.

Лемберт поцокал языком.

— Ну так они выдумают что-нибудь еще. В конце концов, это их проблемы. Главное, продажи растут день ото дня. У вас светлая голова, Андрей! Кстати, я во многом отношу успех нашего предприятия на счет малышки Бонни. С тех пор как она со мной, дела идут все лучше и лучше. Представьте, мы даже ухитрились подзаработать на биржевом кризисе в прошлом месяце. А что нового у вас, в лаборатории? Как поживают фундаментальные исследования?

— Как раз об этом я и хотел с вами поговорить. Мне нужно понаблюдать за поведением Синих птиц в дикой природе. Хочу разобраться в механизме... впрочем, это неважно. Одним словом, я собираюсь организовать новую экспедицию на Ила-Палау. Соответственно, мне потребуются деньги. Я составил смету...

— Дорогой мой, — прервал его Лемберт. — Денег я вам с удовольствием дам. Не нужно даже никакой

сметы. Мы ведь с вами партнеры, разве не так? Вопрос в другом — что вам делать на этом клочке земли? Кого вы там хотите наблюдать?

— Синих птиц, — терпеливо повторил Андрей. — Небольшую популяцию, которая осталась на острове после того, как мы... одним словом, после того, как был запущен наш проект.

Лемберт вздохнул и опустил глаза.

— Но ведь там никого не осталось, Андрей. Со всем никого. Неужели вы всерьез полагали, будто я могу пойти на такой риск? Оставить даже горстку Синих птиц конкурентам? Вы знаете, какой интерес проявляют к нашей индустрии на Западе? А какие предложения делают нам японцы? Нет, дорогой мой, мы вывезли с острова всех птиц. На Ила-Палау не осталось ничего, достойного вашего внимания. — Он покровительственно улыбнулся и потрепал Андрея по плечу. — Разумеется, я не собираюсь отговаривать вас от поездки. Более того, я и сам подумывал предложить вам возглавить экспедицию, но не на Ила-Палау, а на близлежащие острова. Кто знает, вдруг вам посчастливится обнаружить Синих птиц и там. В конце концов, маловероятно, что они сохранились только в одном месте, не так ли?

— Да-да, — рассеянно согласился Андрей. — Это маловероятно.

Он ослабил галстук, который теперь завязывал настоящим кембриджским узлом, и покрутил головой.

— Я думал, вы понимаете, почему мы пускаем на продажу только самцов, — ухмыльнулся Лемберт. — Самочки есть только у меня и у вас, дорогой мой. Не в наших интересах допустить утечку биоматериала. То, что происходит на рынке сейчас, — всего лишь прелюдия к безжалостным схваткам, которые начнутся в самом скором времени.

— На вашем месте я не стал бы беспокоиться на этот счет, — устало сказал Андрей. — С нашим-то секретным оружием...

Лемберт озадаченно уставился на него.

— А, вы имеете в виду Синих птиц! — рассмеялся он после минутного замешательства. — Но ведь они продаются совершенно свободно!

— Об этом я как-то не подумал, — пробормотал Андрей. — Противостояние двух невероятно удачливых противников... пожалуй, тут есть над чем поразмыслить...

— Вот и прекрасно, — Лемберт подошел к нему и крепко пожал руку. — Поразмышляете об этом по дороге в Новую Гвинею. Когда вы планируете выехать?..

5

Телеканал «Культура»

Программа «Инженеры человеческих душ»

С писателем Ардалионом Заречным беседует журналист Александр Козлов.

— *Ардалион Степанович, слава пришла к вам после выхода в свет романа «Мертвые глаза бессмертия», общий тираж которого к настоящему моменту составил более полумиллиона экземпляров. От души поздравляю вас с этим успехом!*

— Спасибо, спасибо.

— *Однако, насколько я знаю, это уже шестой ваш роман. Я не ошибся?*

— Не ошиблись, не ошиблись.

— *Шестой роман... а предыдущие пять выходили тиражом от трех до семи тысяч экземпляров и лавров вам, в общем-то, не снискали. Надеюсь, я вас не обидел?*

— Не обидели, не обидели. Путь к славе, знаете, долог и тернист. Пер аспера, как говорили древние, пер аспера ад астра, значит. Ад астра — это, по-нашему, «к звездам». К звездам, значит, пер аспера. Ну, это вы и сами должны понимать, что такое.

— *Через тернии — к звездам, вот так звучит эта актуальная и в наше время пословица в переводе на русский язык. Чем же вы объясните тот шквал по-*

пулярности и народной любви, который достиг вас именно после шестого романа?

— Чего здесь объяснять-то? Работать, работать надо! Не лениться, значит, и тогда все будет, и любовь, и, как говорится, тиражи. Я вот не ленился, работал, писал одновременно по два-три романа — и добился, так сказать, успеха. И вообще, я вам так скажу, Александр, — как умному человеку, как, что называется, коллеге по перу, — писать, Саша, надо лучше! И все у вас сразу будет!

— *А вот злые языки поговаривают, что успехом своего романа вы обязаны не столько таланту, сколько пресловутой Синею птице, которую приобрели на прошлое Рождество в салоне «ББ» на Тверской. Представляете, Аргалион Степанович, нашлись свидетели, видевшие вас, бредущего с клеткой под мышкой по направлению к метро «Пушкинская». А пожелавшая остаться неизвестной девушка-секретарь из одного крупного издательства заявила, что незадолго до рождественских каникул видела на столе у редактора рукопись вашего романа «Мертвые глаза бессмертия» с пометкой: «ЧУДОВИЩНО». Что вы скажете в ответ на эти высосанные из пальца обвинения?*

— А почему я чего-то должен на них отвечать? Я что, в суде, на скамье, понимаете, подсудимых? Молоть-то языком всякий может, а ты попробуй написать такой роман, чтобы он полумиллионным тиражом разошелся! Птицу действительно покупал. Только не Синюю, а обыкновенного попугая. Голубоватой окраски. У меня с детства попугайчики жили, волнистые там, пятнистые, всякие. И хватит об этом, надоело мне уже про эту птицу рассказывать. Десятое интервью все только про птицу да про птицу! Вы вот лучше девушкой той поинтересуйтесь, пожелавшей, значит, остаться. Вот пойдите в издательство и спросите: а где, мол, эта неизвестная девушка? Нету уже ее там, как будто и не было никогда. Потому что нечего трепаться о том, чего не знаешь! Там у моего романа первое название

было — «Чудовищно мертвые глаза бессмертия», а потом редактор предложил, значит, его подсократить. В целях маркетинга. А кобыла эта безмозглая, ну, в смысле, девушка, пожелавшая, она, не разобравшись, и ляпнула. За что и была уволена, как говорится, с волчьим билетом. Вот, Саша, и вся история.

— *Благодарю вас за откровенные и исчерпывающие ответы, Ардалион Степанович. Больших вам творческих успехов и, конечно, больших тиражей!*

6

ДНЕВНИК АНДРЕЯ ЦАРЕГОРОДЦЕВА

15 октября. Торресов пролив.

Спутниковая тарелка, установленная на «Виктории», ловит сто пятьдесят каналов, так что информационный голод мне не грозит. Мы болтаемся в здешних водах уже второй месяц, а в Большом Мире события, похоже, развиваются с головокружительной скоростью. Кажется, Лемберт был прав, говоря о «безжалостных схватках». Мои птички перестали быть игрушкой скачущих богачей и превратились в непременный атрибут типичного представителя миддл-класса. Совершенно не понимаю, откуда Лемберт берет такое безумное количество птиц. Клонировал он их, что ли? Мне всегда казалась смешной та секретность, которой Лемберт окружил коммерческую сторону нашего предприятия, но до недавнего времени меня это совсем не волновало. Работа в лаборатории отнимала все мое время. И только здесь я наконец задумался над тем, что скрывал от меня Лемберт. И почему так охотно согласился отпустить меня в эту экспедицию... Да что там — согласился! Своими руками выпихнул меня подальше от Москвы, от Синих птиц... Как хорошо, что моя Принцесса по-прежнему со мной! Вот ее Лемберт не хотел отпускать. Пугал меня какими-то тайными агентами, которые пойдут на все, чтобы заполнить самочку Синей птицы...

Зачем шпионам возиться с моей Принцессой, когда на птицефермах «ББ» тысячи таких самочек? Или Лемберт настолько уверен в своей службе безопасности?

25 октября. На траверзе острова Киваи.

Я как в воду глядел. Сегодня увидел в передаче ВВС из Москвы бледного, осунувшегося Лемберта. Он пытался доказать журналистам, что никакого ограбления на птицеферме «ББ» под Звенигородом не было. Ехидная девчонка-репортер спросила его, согласится ли он повторить это утверждение после того, как где-нибудь на Каймановых островах начнут разводить своих Синих птиц. Лемберт не ответил и позорно бежал к своему лимузину. На майке у девчонки-репортера была изображена Синяя птица, похожая на оципанную курицу.

2 ноября. Остров Киваи.

Поиски Синих птиц пока не дали результатов. До начала сезона дождей остаются считанные дни, а необследованных островов, на которых могут находиться малые гнездовья, не меньше дюжины. Если бы от так называемых помощников, навязанных мне Лембертом, была хоть какая-нибудь помощь! Но они, кажется, приставлены ко мне совсем с другими целями. Особенно меня тревожит Ольгерд, этот молчаливый гигант с глазами убийцы. Но и другие хороши. Никто из них, разумеется, понятия не имеет о биологии, зато все превосходно владеют оружием. Впрочем, я все равно их не боюсь. Ведь у меня есть моя Принцесса.

10 ноября. Остров Кауриру.

Лемберт вышел со мной на связь и пытался уговорить вернуться. Зачем-то я ему стал очень нужен — подозреваю, что все дело в краже птиц с фермы. От-

ветил ему в том смысле, что не собираюсь возвращаться с пустыми руками. Он вышел из себя, принялся угрожать... Под конец обвинил меня в том, что я подсунул ему некондиционную птицу — очевидно, имея в виду Бонни. Мол, настоящая Синяя птица уберегла бы его компанию от тех неприятностей, которые... Тут он спохватился, что наговорил лишнего, и резко замолчал. Я вежливо попрощался.

Начинается сезон дождей.

13 ноября. Остров Каириру.

Какая-то подозрительная компания «Лаки Берд», зарегистрированная на Багамах, объявила о предварительном размещении заявок на так называемых «Блю Рашен Пэрротс». Первые птицы должны появиться в продаже не раньше чем через год. Цены совершенно запредельные. Представляю, как бесится Лемберт.

Тот же день, позже.

Ольгерд явился ко мне в каюту и заявил, что мы идем во Владивосток. Выражение лица у него было такое, что я предпочел не спорить. Просто сказал, что мне потребуется еще двое суток для того, чтобы завершить полевые исследования. В результате договорились, что «Виктория» задержится на Каириру еще на сутки. Когда он ушел, я запер дверь и сел на койку, обхватив голову руками.

Почувствовав мое смятение, Принцесса слетела со своего насеста и удобно устроилась у меня на плече.

17 ноября. Остров Каириру.

Я сбежал. Удрал от Ольгерда и его головорезов. Унес с собой клетку с Принцессой. Без нее мне ни за что не удалось бы проскользнуть мимо моих «помощников». Все они были вооружены и по очереди дежури-

ли на палубе. Но на моей стороне была удача, и я обманул их.

Сейчас они рыщут по острову, мобилизовав в помощь себе все местные полицейские силы — комиссара и двух сержантов. Остров невелик, но человеку, привыкшему к джунглям, затеряться здесь совсем несложно. К тому же местные полицейские ищут меня весьма своеобразно — уходят в ближайшую рощу и устраивают там пикник. Иногда я наблюдаю за ними в бинокль.

Думаю, скоро Ольгерд и его компания будут вынуждены вернуться домой. Начинает дуть северо-западный муссон, и стоящую в бухте «Викторию» болтает на волнах, как щепку. У меня складывается впечатление, что Лемберту действительно перестает везти!

1 декабря. Остров Кауриру.

«Виктория», как я и предполагал, ушла обратно в Россию. Дожди выгнали меня из моего убежища, и я вынужден был спуститься в селение. Комиссар полиции — добродушный стосемидесятикилограммовый папуас — от души хохотал, слушая мои рассказы о жизни в джунглях. Кажется, мы подружились.

Жалею ли я о том, что остался на острове? Ведь за последние пять лет я добился на родине всего, о чем мечтал, — получил в полное распоряжение лабораторию с неограниченным бюджетом, солидный банковский счет, собственный загородный дом... А сейчас сижу в покосившемся бунгало, по окнам которого хлещут струи тропического ливня, пью дешевый голландский ром и чувствую себя совершенно счастливым...

Все, чего мне здесь не хватает, — это информации. Единственное средство связи на острове — допотопное радио, ловящее передачи из Порт Маресби, да и то с пятого на десятое. Что ж, проживу некоторое время Робинзоном, пережду те самые «безжалостные схватки», о которых предупреждал меня смешной человек Лемберт...

Неприятности начались, как вообще им свойственно, неожиданно.

И начались они вовсе не с похищения с подмосковной фермы двух дюжин самочек Синей птицы. Как раз с этим-то похищением Лемберт разобрался быстро. Подключил лучших в Западной Европе адвокатов, Интерпол — и без особого труда съел всю компанию «Лаки Берд» с потрохами. Затем, не дожидаясь появления новых пиратов, энергично вывел свой бизнес на международный уровень. Офисы компании «ББ-интернешл» открывались по всему миру. Над салонами ББ красовался лозунг, по слухам, позаимствованный пиарщиками компании у кого-то из классиков прошлого: «СЧАСТЬЕ ДЛЯ ВСЕХ, И ПУСТЬ НИКТО НЕ УЙДЕТ ОБИЖЕННЫМ!» Злопыхатели утверждали, что в оригинале у классиков фигурировало еще слово «ДАРОМ», но их, разумеется, никто не слушал. В бульварной прессе Лемберта окрестили Продавцом Счастья.

А потом начался чемпионат мира по футболу.

Уже на встречах в одной восьмой финала ни одна из команд так и не смогла открыть счет в течение основных 90 минут. Назначенные дополнительные пятиминутки неизменно заканчивались со счетом 0:0, что не давало судьям возможности применить правило «золотого гола». Единственным исключением стал позорный проигрыш команды Румынии, закончившей матч с Парагваем со счетом 0:12. После матча неизвестными был жестоко избит некий Раду Дуда, массажист румынской команды. Полицейское расследование показало, однако, что Дуда вовсе не массажист, а врач ветеринарной клиники в Тимишоаре. Журналистам же удалось разнюхать, что между собой румынские спортсмены ругали Дуду за то, что он, по их выражению, «загубил птичку».

Выяснилось, что каждая команда привезла с собой на чемпионат свою Синюю птицу. ФИФА немедленно приняла решение о введении моратория на использо-

вание Синих птиц на время матчей. На этом инцидент с чемпионатом мира вроде бы исчерпал себя, хотя требование румын о пересмотре результатов их игры с парагвайцами так и осталось неудовлетворенным.

Следующими почуяли беду страховые компании. Как и предполагал Царегородцев, люди, ставшие обладателями Синих птиц, перестали покупать страховые полисы. Вначале доля этих отказников была невелика, но по мере того, как число птиц росло, росли и убытки страховых компаний. Компании выкручивались как могли: лоббировали законы об обязательном страховании и даже пытались страховать самих Синих птиц. Но время шло, и становилось ясно, что в мире, где всем сопутствует удача, страховой бизнес просто не нужен. Крупные страховщики, бывшие некогда самыми ценными клиентами Лемберта, в одночасье превратились в его врагов.

Но самый тяжелый удар пришелся по фондовому рынку. Пока Синих птиц покупали отдельные биржевые игроки, рынок держался, несмотря на необычайно резкие перепады котировок. А потом, в один прекрасный момент, в игре остались только обладатели Синих птиц — остальные просто не выдержали конкуренции. И рынок медленно сполз в состояние комы.

Схема биржевой игры не так уж сложна. У одних игроков прибыль зависит от падения котировок, у других — от роста. Кому-то везет, а кому-то нет. Однако, если все игроки одинаково удачливы, курс акций будет стоять не шевелясь.

Через какое-то время акции просто перестали продавать и покупать. На рынке остались только стратегические инвесторы, державшиеся до последнего. Последовало еще несколько судорожных рывков на длинных позициях — у кого-то не выдерживали нервы, и он начинал безудержно скупать все подряд, — но это была уже агония.

Рынок впал в кому, а вместе с ним оказалась парализованной вся экономика страны, тесно завязанная

на биржевую игру. Ряд сырьевых корпораций потребовал от правительства принять закон об уголовной ответственности за использование Синих птиц биржевыми брокерами. Закон был принят и немедленно отменен Конституционным судом, расценившим его как грубое вмешательство в личную жизнь граждан. Недоброжелатели объясняли такой шаг интригами Лемберта, но на этот раз могущественный Продавец Счастья был ни при чем — ведь и его империя тоже пострадала из-за охватившего фондовый рынок оцепенения.

А потом умерла Бонни.

8

— Что с ней? Почему она лежит на боку и дергает лапками? Где врач, черт побери? Где этот коновал? Немедленно вызовите его сюда! Быстро! Вы что, не видите, ей плохо!

— Господин Лемберт, успокойтесь, прошу вас... выпейте воды, примите таблетку...

— Да идите вы со своей таблеткой! Где врач? Сделайте же хоть что-нибудь, идиоты! За что я плачу вам такие деньги? Моя Бонни умирает, а они стоят как истуканы!

— А вот и врач, врач уже здесь, теперь все будет хорошо... Возьмите таблеточку...

— Что случилось, господин Лемберт?

— Это вы мне скажите, что случилось! Смотрите, что с моей Бонни! У нее из клювика что-то желтое течет... Она ножками вот так сучит! Ей больно, спасите ее, доктор!

— Дайте-ка я посмотрю... кажется, она подавилась... ей давали нешлифованные зерна? Нет? Странно: что ж, будем делать резекцию гортани.

— Сделайте, доктор, сделайте, иначе я сделаю что-нибудь с вами!

— Ну-ну, успокойтесь, господин Лемберт, не нужно мне угрожать... Лучше освободите помещение от посторонних. Мне понадобится ассистент. Ничего

особенного, просто держать инструменты. Вот этот, здоровый, подойдет. Остальных попрошу выйти. И вас, господин Лемберт, тоже. Подождите в коридоре...

— ...к сожалению, мы потеряли ее. Нет, она ничем не подавилась. У вашей Бонни был ураганный отек легких. Она не простужалась? Ее не выносили на сквозняки? В таком случае позвольте мне провести исследование трупика. Да, возможно, она была отравлена. Да, это можно проверить. Я сразу же сообщу вам, господин Лемберт.

— Бонни... моя Бонни... моя птица Удачи... как же я теперь без тебя...

9

Пожилой человек с очень загорелым лицом спрыгнул с велосипеда у крашенных серебристой краской ворот. Прислонил велосипед к кирпичному забору и нажал кнопку переговорного устройства.

Вокруг было очень тихо, едва слышно поскрипывали сосны в вышине.

— Слушаю, — раздалось из динамика. — Говорите.

— Добрый день, — вежливо поздоровался загорелый. Он произносил слова со странным певучим акцентом. — Я бы хотел поговорить с господином Лембертом.

— Господин Лемберт никого не принимает.

— Подождите, — торопливо проговорил загорелый. — Меня зовут Андрей Царегородцев, передайте, пожалуйста, господину Лемберту, что я вернулся...

Минуту динамик молчал. Потом что-то щелкнуло, и створки ворот медленно поползли в стороны.

Дом Лемберта напоминал оборонительное сооружение — массивный, приземистый, угрюмый. Встретивший Андрея у крыльца охранник быстро охлопал его ладонями по бокам, но, разумеется, ничего не на-

шел. Ткнул пальцем в деревянную коробку, привязанную к багажнику велосипеда.

— Что это?

— Подарок для господина Лемберта. Показать?

— Покажите.

Андрей повиновался. В коробке, выложенной красным бархатом, лежал изогнутый кусок дерева, испещренный причудливыми знаками.

— Можете закрывать, — равнодушно сказал охранник. — Проходите.

«Так всегда, — подумал Андрей. — Совершенное оружие редко выглядит грозным. Если бы я хотел убить Лемберта, мне бы никто не смог помешать».

Но он не хотел убивать Лемберта. Лемберт сидел в инвалидном кресле, очень старый, с трясущейся лысой головой. Жизнь и так почти убила его.

— Вы совсем не изменились, Царегородцев, — тихо засмеялся он. — Пребывание в тропиках пошло вам на пользу. А я, как видите, стал развалиной.

— Я привез вам подарок, — сказал Андрей. Он шагнул к старику и положил коробку ему на колени. — Его сделал вождь по имени Палоа. Надеюсь, он вам понравится.

Узловатые, искалеченные артритом пальцы Лемберта откинули крышку. Некоторое время старик молча рассматривал подарок, потом мелко закивал головой.

— Бумеранг, да? Остроумно... впрочем, вы всегда были неглупым человеком, Царегородцев. Вы один догадались, что смутные времена лучше пересидеть в спокойном месте...

Андрей пожал плечами.

— Поначалу я и не думал прятаться. Просто захотелось побыть одному, подальше от всей этой суеты. А когда узнал, что у вас тут творится, решил не возвращаться...

— Но вернулись же, — заметил Лемберт. — Да, в общем-то, и правильно сделали. Сейчас здесь уже спокойно. Жизнь понемногу налаживается. Даже меня

почти перестали тревожить, а ведь еще лет пять назад от желающих расправиться с Продавцом Счастья отбоя не было...

Он тяжело вздохнул.

— Сумасшествие, Царегородцев, это было настоящее сумасшествие. Все началось с того, что мою Бонни отравил подонок парикмахер... из зависти, я полагаю. Когда Бонни умерла, я почувствовал, что мир во круг рушится. Я так привязался к ней, так привык полагаться на удачу, которую она приносила... Одним словом, это стало началом конца. Рынок в то время уже почти умер... дела вроде бы шли неплохо, но как можно получать удовольствие от бизнеса, если вокруг везет абсолютно всем? Впрочем, когда Бонни не стало, для меня это везение, разумеется, закончилось...

Он закашлялся и замолчал, глядя куда-то сквозь Андрея.

— Потом начались первые птичьи погромы. Толпы бедняков, люмпенов, просто озлобленных неудачников, которым не хватало денег, чтобы купить Синюю птицу, разграбили и сожгли две наши птицефермы. Погибло больше половины самочек, производство птиц резко сократилось, а цены, разумеется, взлетели еще выше... Мне не раз предлагали взять новую Синюю птицу, но я не мог переступить через себя. Все равно такой удачи, какую приносила мне Бонни, не принесла бы ни одна другая птица на свете...

Андрей вспомнил их первую встречу много лет назад и едва заметно улыбнулся.

— Я продал свою долю в компании и уехал из страны, — продолжал старик. — Но безумие царило повсюду. Синих птиц обвиняли во всех бедах мира — от стагнации мировой экономики до кризиса в литературе. Вы слышали о самоубийстве писателя Заречного? Его романы выходили миллионными тиражами... до тех пор, пока Синими птицами не догадались обзавестись остальные писатели. Книжный рынок захлебнулся потоком бестселлеров, люди просто перестали по-

купать книги... Тогда Заречный свернул своей птице шею, а потом повесился на шнуре от компьютера. А через несколько лет на Синих птиц и их владельцев начали охотиться. Появилась новая профессия — птицебой. Так назывались киллеры-виртуозы, которые убивали вначале Синюю птицу, а затем и ее хозяина. Понимаете, Царегородцев, людей истребляли только за то, что они были удачливее остальных! Удачливее толпы...

Последнее слово Лемберт произнес с явным отвращением.

— Казалось, на землю вернулись Темные века. Не прошло и двух лет, как «удача» стала бранным словом в большинстве цивилизованных стран, а те немногие, кто сохранил своих Синих птиц, превратились в изгоев и подонков общества! Об этом вы мечтали, Царегородцев?

— Я ошибался, — признался Андрей. — Там, на островах, у меня было достаточно времени, чтобы все обдумать... По-моему, все дело в том, что мы пытались сделать счастливыми слишком многих. Это как пытаться натянуть простыню на футбольное поле — все равно ничего не получится. Тех, кому не везет, в жизни всегда будет намного больше, чем счастливых, — это, видимо, фундаментальный закон природы...

— Иными словами, — перебил его старик, — человечеству позарез необходимы неудачники, а счастливики должны вечно оставаться крохотным меньшинством. А наши Синие птицы нарушили этот баланс...

— И тогда их всех истребили, — горько сказал Андрей. — Я читал об этом. Кажется, последнюю Синюю птицу торжественно сожгли на костре года три назад...

— Зато экономика снова на подъеме, — ухмыльнулся Лемберт. — Жизнь входит в прежнюю колею... Да и нравы заметно смягчились — видите, мне даже позволили вернуться на родину.

Он повертел в руках бумеранг.

— Вы привезли мне хороший подарок, Царегородцев. Удача — тоже своего рода бумеранг. Если зазеваешься, она паразит тебя самого...

— Просто он очень красивый, — сказал Андрей. — А больше там ничего подходящего не было.

Лемберт внимательно поглядел на него.

— Кстати, — спросил он, понизив голос. — А что случилось с вашей Принцессой? Вы бы не прошли таможенный контроль...

— Я ее выпустил, — ответил Андрей и печально улыбнулся, вспомнив, как Принцесса, жалобно крича, описывала круги у него над головой. — Мне все-таки удалось обнаружить на одном из островов маленькую колонию Синих птиц, и я отвез ее туда. Она не хотела покидать меня, но я настоял...

Минуту Лемберт молчал, сжимая в руке бумеранг, потом поднял голову и посмотрел на Андрея слезящимися глазами.

— Уходите, — тихо произнес он. — Уходите и никому больше об этом не рассказывайте.

— До свидания, — сказал Андрей.

Он вышел во двор и забрал у охранника свой велосипед. Выкатил его за ворота, легко вскочил в седло и не торопясь поехал вдоль по сонной улице дачного поселка.

С ветки сосны за ним внимательно наблюдала сойка, синяя-синяя, будто зацепившийся за дерево кусочек неба.

Ультралайт

Лтром 31 августа Антон Протасов приблизился к своей цели еще на триста пятьдесят граммов. Он узнал об этом, встав на тонкий сенсорный лист весов. На жидкокристаллическом дисплее зажглись цифры «38,655»... потом экранчик неуверенно мигнул, и последняя пятерка на глазах у затаившего дыхание Протасова перетекла в ноль. Славный такой, пустотелый нолик. 38, 650.

— Йес! — прошептал Антон, когда весы загрузили окончательный результат тестирования в память домашнего компьютера. — Ай дид ит! Ай наконец дид ит, рили!

Привычка говорить с самим собой по-английски появилась у него после того, как супервайзер их подразделения объявил борьбу усложненным лексическим конструкциям, делающим речь и мышление сотрудников офиса слишком *тяжелыми* для восприятия. Хотя супервайзер ни слова не сказал о том, что это за конструкции, все поняли, чем конкретно он недоволен. Конечно, английский куда более логичный и легкий язык — легче его, наверное, только эсперанто, однако эсперантистов в штате «Москоу Ультралайт Интеллекшуал Текнолоджис» не было.

Еще вчера весы показывали ровно 39 кило. Но таблетки для бессонницы, прописанные доктором Шейманом, оправдали свою запредельную цену — Антон полночи ворочался на надувном матрасе, чувствуя, как его бросает то в жар, то в холод, и заснул лишь перед самым рассветом. И вот вам результат — минус триста пятьдесят граммчиков!

Настроение у Протасова улучшалось с каждой минутой. Он покрутил педали на велотренажере, потом быстро принял душ, стараясь получить наслаждение от каждой капли трех с половиной литров воды, составлявших половину дневной нормы, и, хотя на подмышки капель, как всегда, не хватило, почувствовал себя свежим и обновленным. Вытираясь, Антон раздумывал, стоит ли ему завтракать, рискуя отличным утренним результатом, и в конечном итоге решил, что не стоит. Достаточно будет и чашки растворимого кофе «Nescafe-Acorn» (отличный вкус и ноль калорий!), а сэкономленные десять минут можно потратить на подбор галстука к новому темно-синему костюму из тончайшего льна. Тудэй о нэвер, повторил про себя Протасов, завязывая галстук небрежным кембриджским узлом. Сегодня я пойду к супервайзеру и прямо скажу о том, что мою ставку необходимо пересмотреть. Тридцать восемь шестьсот пятьдесят — да такого результата ни у кого в отделе нет!

Закончив с галстуком, Антон достал из шкафа титановую раму своего кара, и, стараясь не испачкаться, потащил ее к лифту.

Лифта пришлось ждать долго. Малогабаритная холостяцкая квартирка Протасова располагалась на сорок восьмом уровне типового стоэтажника — лифты шли вниз, под завязку набитые обитателями верхних этажей. Наконец ему удалось втиснуться в кабину, где, заученно улыбаясь, толкались локтями человек двадцать — некоторые, как и Антон, везли с собой рамы каров. Места в подземном гараже были раскуплены еще до заселения дома, а со стоянки во дворе кары уводили с пугающей регулярностью — не помогали ни сигнализация, ни стальные цепочки. Антон, разумеется, зацепил углом своей рамы какую-то старушеницу, и та немедленно раскудахталась: смотреть надо вокруг, совсем уже проходу не стало от этих автомобилистов, глядишь, скоро порядочным людям и джоггингом негде будет заниматься... В другой день Протасов, возможно, обозлился бы на нее (старушка казалась

мрачной и неприлично полной для своих лет), но утро началось слишком хорошо, чтобы портить себе настроение из-за сумасбродной бабки. К тому же старуха очень смешно выговаривала слово «джогтинг» — у нее получалось нечто среднее между «жогинг» и «шопинг», и Протасов только одарил ее снисходительной улыбкой.

Во дворе он извлек из кейса портативный компрессор и быстро надул шины и корпус кара. Он ездил на «Мицубиси Балуун», подержанной, но вполне пристойной машине с переделанным левым рулем. Место, где располагался когда-то родной японский руль, было заклеено суперпрочным полимерным патчем, но клей, произведенный в Стране восходящего солнца, не выдержал сурового российского климата, и теперь приборная панель время от времени немного сдувалась. Главным достоинством машины была ее маневренность — несущие оси при необходимости укорачивались чуть ли не вдвое, и умелый водитель, уменьшая объем колес, мог пролезть даже в самую узкую щелочку. Правда, внешний вид «Мицубиси» оставлял желать лучшего — ярко-желтая некогда резина кузова от едкого московского смога приобрела нездоровый серый оттенок и покрылась сеткой страшноватых трещин. Можно было, конечно, потратиться на новый кузов, но Антон предпочитал дожидаться повышения и купить «Тойоту Эйр Круизер», положенную по статусу главе маркетингового отдела крупной корпорации.

На съезде с Четвертого кольца на Рублевку Протасов все-таки попал в пробку — такую, что даже юркая, как муравей, «Мицубиси» безнадежно встала между роскошным, угольно-черным «Мерсед-Эйром» с тонированными пленками окон и совершенно бандитским «Чероки Пневматик». Рублевка, насколько мог видеть Антон, была девственно чиста, но основание эспланады перегораживали неприятно массивные, ошестинившиеся стальными шипами броневики дорожной полиции, проскользнуть мимо которых казалось делом совершенно безнадежным. Протасов вздохнул, заглушил мотор и, достав мобильник, позвонил Ие.

— Хай, Тони, — голос у Ии был озабоченный, как, впрочем, и всегда. — Ты о'кей?

— Я о'кей, — привычно ответил Антон. — Сейчас в пробке стою, на Рублях. Не посмотришь по своим каналам — надолго это?

— Ах-х, — сказала Ия недовольно. Подразумевалось: вечно ты грузишь меня своими проблемами, используя мое хорошее отношение к тебе в корыстных целях, эгоист несчастный. Но вслух, конечно, ничего такого она сказать не могла — это означало бы признаться в том, что ей тяжело выполнить просьбу бойфренда. Поэтому вся нотация и ограничилась невнятным «ах-х». Антон слышал, как подруга шустренько стучит клавишами. Ия работала в Администрации, почти на самом верху, и ухитрялась при этом оставаться добросердечной и безотказной девушкой. На самом деле ее звали Валерия, но секретарь Большого Босса должен откликаться на короткое имя, смешно думать, что у занятого человека нет других дел, кроме как произносить «Ва-ле-ри-я» каждый раз, когда ему захотелось выпить кофе.

— Да, — произнесла наконец трубка. Антон удивленно уставился на крохотный экран мобильного — лица Ии все равно было не различить, но что-то в интонации подруги его насторожило.

— Что «да», хани?

— Ты спросил, надолго ли это. Да, надолго. Еще что-нибудь?

Упс, подумал Протасов, неужели обиделась? Но на что?

— А у меня новость, хани, — сказал он, искренне желая порадовать подругу. — Сбросил еще триста пятьдесят, представляешь? Пойду сегодня к Теду, поставлю вопрос ребром...

— Я рада, — сухо ответила Ия. — Прости, я занята сейчас. Позже созвонимся.

Минуту Антон сидел, тупо разглядывая погасший экранчик, потом засунул мобильник обратно в портмоне и решительно потянулся к кнопке аварийного стравливания воздуха.

Когда он заталкивал сдувшийся кузов в рюкзак, пленка, затягивавшая боковое стекло «Чероки», с треском отлепилась, и из джипа высунулась острая, как у хорька, мордочка.

— Братан, — тонким голосом осведомилась она, — этот попандос всерьез?

Протасов не любил, когда к нему обращались так фамильярно, но запас хорошего настроения еще не истощился, поэтому он наклонился прямо к носу хорька и произнес ритуальный слоган:

— Будь проще, и тебе станет много легче!

— Проще! — возмущенно пискнул хорек. — У нас стрела на пол-одинадцатого на Гребных каналах, а тут крутом эти ежики бешеные торчат...

— Пешком ходи, — посоветовал Антон, широко улыбаясь. Он протиснулся перед широким надувным капотом «Мерсед-Эйра» и, обернувшись, помаhal бандюге рукой. — Сжигай калории!

Осторожно лавируя между машинами, он вытащил раму «Мицубиси» на обочину и сноровисто принялся разбирать ее на части. На андеграунде доберемся, подумал он бодро, чай, не лендлорды... сейчас в подземке как раз самая толчая, если повезет, еще грамм пятьдесят сойдет с потом!

Здание штаб-квартиры «Москоу Ультралайт Интеллектуал Текнолоджис» украшал гигантский неоновый слоган «WE TAKE I.T. EASY!!!», хорошо различимый с любой точки внутри Садового кольца. Глядя на него, Антон испытывал привычную гордость за принадлежность к столь могущественной и богатой организации, но сегодня к этому чувству примешивалось еще и сладкое предвкушение близкого торжества. Он не вошел, а буквально влетел в просторный холл, сдал разобранный на части кар в камеру-паркинг и побежал взвешиваться. У тестинг-панели, которую некоторые остроумцы называли Стеной Валтасара, толпился народ. Становясь на весы, Протасов краем уха ловил обрывки фраз: «Поздравляем, Эф Пэ!», «Превосходный

результат!», «Экселлент!!!» и даже «Руководство, несомненно, оценит!». Риска вводить в заблуждение компьютер, реагирующий на малейшее мускульное усилие, Антон повернул голову и увидел невдалеке бухгалтера департамента Федора Петровича Хомякова, окруженного кольцом восторженных коллег. Выглядел Эф Пэ плохо — на обтянутом желтой кожей лице лихорадочно горели огромные, как у совы, глаза, обширная лысина блестела от пота. Бухгалтер, пошатываясь, отходил от тестинг-панели, причем Антону показалось, что, если бы не заботливые руки сотрудников, он упал бы прямо посреди зала.

— Тридцать килограмм! — громко сказал кто-то из свиты Хомякова. — Анбиливибл!

Протасова словно окатило ледяной водой. В отделе и раньше шептались, что Хомяков последние месяцы стремительно улучшает свою физическую форму, но тридцать килограмм — это было уже слишком. Чтобы достичь такого результата, самому Антону пришлось бы каким-то образом сбросить еще восемь килограмм и шестьсот пятьдесят грамм, а как это сделать, когда в буквальном смысле слова борешься за каждую лишнюю унцию веса?

Это был удар. Антон с трудом дождался, пока компьютер выдаст ему распечатку результатов тестирования, и, даже не взглянув на нее, сунул в карман. Ничего, твердил он себе, направляясь к лестнице, ничего, мы еще поборемся... ви шелл оверкам, Эф Пэ, ви шелл оверкам самдэй...

На второй ступени лестницы Протасов остановился и выругался. Обычно он поднимался на свой восемнадцатый этаж пешком, сжигая лишние калории, но сегодня эта самоэкзекуция показалась ему бессмысленной. Рекорд бухгалтера был недостижим, а насиловать себя из-за каких-то паршивых двадцати грамм Антону внезапно расхотелось. А вот хрен вам, злобно подумал он, непонятно кого имея в виду, я вам не белка в колесе — задаром километры наматывать... Пойду сегодня к Теду и скажу: или двигай меня на позицию

выше, или я уйду на фиг... И легко! От этой мысли Антону действительно полегчало, и он, отчасти восстановив душевное равновесие, принялся подниматься по ступенькам, привычно останавливаясь передохнуть после каждого пятого пролета.

В отделе только и разговоров было о сегодняшнем феноменальном результате Хомякова. Протасов убедился в этом, просмотрев файлы внутренней переписки сотрудников в локальной сети. Женская половина коллектива взахлеб спорила о том, какая именно диета помогла бухгалтеру стать абсолютным чемпионом подразделения — белковая или углеводная, мужчины же строили язвительные предположения о некоторых особенностях интимных привычек Эф Пэ. Читать все это было забавно, но куда больше интересного Антон нашел в письмах самого Хомякова. Угрызений совести он не чувствовал — выполняя негласное распоряжение Теда, Протасов раз в неделю готовил для него обзор настроений в отделе. Обычно такое происходило в пятницу, но никто, разумеется, не запрещал Антону поделиться своими мыслями с начальством в любой другой день. Едва дождавшись, когда у супервайзеров отделов закончилось их ежедневное совещание, он снял трубку и набрал номер Теда.

— Тони! — голос начальника показался ему еще более оптимистичным, чем обычно. — Хау а ю?

— Файн, Тед! У меня есть к тебе один вопрос... ты не мог бы уделить мне десять минут?

— Легко, Тони! Поднимайся!

Супервайзер встретил Протасова на пороге своего маленького кабинета. Впрочем, как ни мал был кабинет, он выгодно отличался от той прозрачной клетушки, в которой трудился сам Антон, да и стоявшая в углу персональная беговая дорожка ненавязчиво подчеркивала статус хозяина. Миниатюрный, похожий на подростка Тед энергично потряс руку Протасова и произнес стандартную формулу приветствия:

— Тудэй из беттер, зен йестердэй, май френд!

— Индид, — не стал спорить Антон. — Тед, я хотел поговорить о своих достижениях... это возможно?

— Ну разумеется! — супервайзер широко улыбнулся. — Ты не против, если я буду в это время бегать? Вчера я, кажется, немного перебрал в баре...

«Выделяется», — подумал Протасов. Тед пил только безалкогольное низкокалорийное пиво «Стар-Лайт», перебрать которого можно было, выпив разве что цистерну. Однако сомневаться в словах начальства не стоило. Антон понимающе поднял брови и вытащил из кармана распечатку.

— Мой вес — тридцать восемь шестьсот пятьдесят, Тед.

— Прекрасно! — Супервайзер бодро вспрыгнул на дорожку и принялся деловито перебирать тонкими ножками. — Отличный результат, Тони!

— Да! — в тон ему откликнулся Протасов. — Я тоже так думаю! Я шел к этому долго, Тед. Упражнения, медитации, самоограничения... И вот, наконец...

— Такое достижение нужно отметить. Позволь угостить тебя витаминным коктейлем, Тони. В шкафу есть бутылки, смешай себе порцию...

Антон кашлянул.

— В связи с этим, Тед, я хотел бы поговорить о своей карьере. Я уже два года...

Жужжание беговой дорожки усилилось — видимо, Тед включил форсированный режим.

— Я уже два года сижу на должности координатора по хьюман ресорсез. Ты прекрасно знаешь, что это уровень тех, кто весит больше сорока килограмм. Все эти годы я упорно совершенствовался... и я достиг многого. Мне пора расти дальше, Тед. Мой вес...

— Говори проще, — посоветовал супервайзер. Он уже не улыбался — по худому лицу стекали крупные капли пота, — но продолжал бежать к какой-то невидимой Антону цели. — Не отвлекайся на мелочи.

Протасов глубоко вздохнул и приготовился произнести фразу, которую обдумывал последние три месяца.

— Я считаю, что достоин занять место начальника отдела.

— Нет, — лаконично ответил Тед. — Недостоин.

— Но почему? Мой вес...

Взгляд супервайзера заставил его замолчать.

— Твой вес почти на девять килограмм больше, чем у Хомякова. Так кто из вас более достоин занять это место?

— Но Эф Пэ — бухгалтер! — Протасов изо всех сил пытался сдержать раздражение. — Он не может претендовать на эту должность!

Тед холодно усмехнулся.

— При весе в тридцать килограмм он может претендовать на все, мой друг. Даже на место в совете супервайзеров, если, конечно, такая мысль придет ему в голову...

— Да, сэр, — Антон опустил глаза. Пришла пора выкладывать на стол последний козырь, но ему почему-то не слишком хотелось это делать. — Вы, безусловно, правы. Однако есть одно обстоятельство...

— Какое же?

— Мне известно, что блестящий результат Хомякова никак не связан с его стремлением к совершенствованию. Эф Пэ попросту болен — и болен очень серьезно!

Он извлек из кармана крошечный лазерный диск и аккуратно положил его на пластиковую столешницу.

— Здесь сообщения от его лечащего врача, — пояснил он. — Судя по этим материалам, болезнь Хомякова прогрессирует довольно быстрыми темпами. Черт возьми, босс, да этот парень отбросит коньки через пару месяцев!..

Тед спрыгнул с тренажера и погрозил Антону пальцем.

— Опять избыточные лексические конструкции! Я же просил тебя выражаться проще...

Он вытер лицо влажной салфеткой и подошел вплотную к Протасову.

— Я осведомлен о проблемах мистера Хомякова. И скажу тебе, Тони, что они на самом деле ничего не меняют. Пусть даже всего лишь два месяца — но Эф Пэ будет занимать место, которого достоин! Место, которое тебе еще предстоит заслужить!

— Но это же идиотизм! — взорвался Антон. — Я уже достиг необходимого уровня, мне просто нет

смысла ждать, пока этот тощий хрен наконец сдохнет! Что я, черт возьми, буду делать эти два месяца?

Лицо Теда застыло хрупкой гипсовой маской.

— Будем считать, что я не слышал твоих последних слов, Тони. Ты славный парень, и мне было бы жаль потерять такого ценного сотрудника. Но на твой вопрос я все же отвечу. Эти два месяца — или сколько там времени отмерил Господь бесстрашному мистери Хомякову — ты будешь продолжать совершенствоваться. Ты БУДЕШЬ СТАНОВИТЬСЯ ЛЕГЧЕ!!!

— Чтобы сдохнуть, как Эф Пэ? — тихо спросил Антон. — Невозможно терять вес бесконечно, босс. Как бы мы ни стремились к идеалу, существуют природные ограничители... Мы не можем...

Супервайзер прервал его, нетерпеливо взмахнув рукой.

— Посмотри на меня, Тони. Как ты думаешь, сколько я вешу?

— Тридцать пять кило, — хмуро ответил Протасов. Тед довольно рассмеялся.

— Шестьдесят два фунта. Тридцать килограмм и четыреста грамм, по-вашему. Я похож на умирающего?

«К сожалению, нет», — зло подумал Антон. Иногда он ненавидел своего начальника.

— Пятьдесят лет назад взрослого мужчину, весившего сорок килограмм, сочли бы дистрофиком или карликом! А теперь это повсеместная норма! Врачи прошлого века с ума посходили бы от методов, которыми наше общество регулирует физические параметры своих граждан, уж поверь мне. А ведь эти методы доказали свою эффективность! Гормональная коррекция, генетический контроль, программы питания... но главное — непрерывное стремление к совершенствованию! Без этого фактора все прочие — ничто. Неужели ты думаешь, что речь идет о способе преодолевать ступеньки карьерной лестницы? Не разочаровывай меня, Тони, — мы говорим о спасении цивилизации!

Лицо Теда покраснело, глаза лихорадочно блестя. Все это было так не похоже на сдержанного обычно супервайзера, что Протасов невольно испугался.

— Ресурсы планеты ограничены, а людей с каждым днем становится все больше и больше, — продолжал меж тем Тед. — Ты же читаешь книги, Тони, не отпирайся, я знаю... нет, я не детективы имею в виду. Ты наверняка слышал, что есть такая штука, как демографическое давление. Переполненные мегаполисы, истощившиеся запасы нефти и газа, нехватка питьевой воды... Десять миллиардов особей волей-неволей должны ограничивать свои потребности, не так ли? К счастью, мы оказались достаточно разумны, чтобы понять, в чем наше спасение. Не войны, не принудительная стерилизация... а добровольная, осознанная миниатюризация! И этот процесс будет продолжаться! Да, возможно, те ограничители, о которых ты говорил, и существуют для отдельных личностей — но не для человечества в целом. Эф Пэ Хомяков не способен преодолеть тридцатикилограммовый барьер без необратимых изменений в своем организме, а Антону Протасову это удастся. Каждый из нас может стать Адамом нового мира, Тони! И не заставляй меня думать, что ты хуже всех...

Протасов молчал, ошарашенный неожиданным приступом красноречия своего шефа. Тед извлек из пакетика новую салфетку и вытер вспотевший лоб.

— Надеюсь, ты все понял, — сказал он обычным тоном. — Больше мы к этой теме возвращаться не будем. Иди работай.

Несколько секунд Антон раздумывал над тем, что бы ответить шефу, но так ничего и не придумал. Ограничившись легким кивком, он шагнул к двери.

— Вэйт, — сказал ему в спину супервайзер. — Если через два месяца будешь весить тридцать два килограмма, подавай документы на начальника отдела...

Выйдя из кабинета, Протасов, шатаясь, добрался до туалета и, склонившись над раковиной, плеснул себе в лицо холодной водой. Зеркало над умывальником отражало изможденную физиономию с запавшими щеками и тонкими бледными губами мертвеца. Антон бросил быстрый взгляд на своего зеркального двойника и отвернулся.

— Адам, блин, — с отвращением произнес он. — Тридцать два килограмма... Фак ю, крейзи бастард!

Но в голове его уже с грохотом вращались барабаны цифровых машин, и чей-то механический голос бесстрастно вел каунтдаун:

«Тридцать восемь шестьсот... тридцать восемь двести... тридцать семь восемьсот пятьдесят...»

После работы расстроенный Протасов заехал к Ие. От их утреннего телефонного разговора на душе остался неприятный осадок, и, хотя Антон по-прежнему не понимал, в чем он провинился, ситуацию следовало исправить. По дороге в Кузьминки, где обитала Ия, он купил роскошный букет искусственных голландских роз и очень кстати попавшийся на глаза новый бестселлер культового автора Марьи Простецовой «Диета для людоеда». Ия, как и все девушки ее возраста и социального положения, обожала Простецову, и Антон не без основания предполагал, что подарок поможет ему вновь обрести сердечное расположение подруги.

Ия долго не открывала. Антон топтался на лестничной площадке, сжимая в руках чересчур сильно пахнущие розы, а его воображение услужливо подкидывало ему все новые и новые версии происходящего в квартире. Наконец, когда надежда почти оставила Протасова, щелкнул замок, и дверь медленно, словно бы нехотя, отворилась. Ия стояла на пороге, в халате на голое тело, и смотрела куда-то сквозь Антона. За спиной девушки чернел темный провал комнаты, и такая же темнота и пустота была в ее огромных, ничего не видящих глазах, похожих на окна покинутого дома...

Слава богу, она успела выпить только половину упаковки. Правда, таких таблеток Антон раньше не видал — на зеленой пачке была нарисована Дюймовочка в балетной пачке, танцующая на листе кувшинки с надписью «ВЕЙТ КОРРЕКШЕН СУПЕРСМАРТ». Выкидывая оставшиеся таблетки в мусоропровод, Антон испытал легкое чувство вины — пару дней назад подруга спрашивала его о безопасных средствах для сни-

жения веса, а он, как обычно, посоветовал ей заниматься шейпингом...

«Скороу» Антон вызывать не стал. Вместо этого он приготовил раствор марганцовки и кое-как промыл Ие желудок. Потом растолок в чашке три таблетки активированного угля и, разведя водой, влил черную взвесь ей в рот. Когда щеки девушки слегка порозовели, Протасов осторожно поднял ее невесомое тело на руки и отнес в спальню. Уложил в подушки, укутал теплым одеялом, поцеловал в лоб и уселся в уютное кресло рядом с кроватью, положив себе на колени «Диету для людоеда». Читать, впрочем, он даже не пытался. Сидел, глядя на мерно вздымающееся одеяло и думая о том, что он скажет Ие, когда она проснется, и сам не заметил, как задремал.

— Ты чего здесь сидишь? — Ия тормошила его за колено. Протасов вздрогнул от неожиданности и уронил книжку на пол. — Иди в кровать, замерзнешь же...

— Ия! — Антон лихорадочно старался найти подходящие к ситуации слова, но в голове, как назло, крутилась только ритуальная фраза «тудэй из беттер зен йестердэй». — Ия! Чтобы больше этого... чтобы больше такого не было!!!

— Чего? — девушка смотрела на Протасова так, словно у него выросла вторая голова. — Почему ты кричишь? Я ничего не понимаю!..

Последние слова она произнесла так жалобно, что Антону захотелось немедленно обнять ее, но он, разумеется, сдержался.

— Ты пыталась покончить с собой, — сказал он жестко. — Выпила полпачки этих дурацких таблеток... Кстати, где ты их достала?

Ия недовольно дернула худеньким плечиком.

— Мне их выписал мой доктор. Но с чего ты взял, что я... как ты выразился? Пыталась покончить?..

— Хочешь сказать, ничего такого не было?

— Разумеется, нет! Я выпила пять таблеток — доктор сказал, что ударная доза обеспечивает особенно эффективный результат, — но, похоже, немного не рассчитала... — Девушка наткнулась на грозный взгляд

Протасова и немедленно сменила тон. — Ой, Тони, они же совершенно безвредные, эти таблеточки! А мне знаешь как нужно немножко похудеть... У нас сокращение наклеывается, всех девчонок, которые весят больше тридцатника, будут переводить с понижением в муниципалитет... а я, ты же знаешь, тридцать два с половиной... вот и решила по-быстрому...

— Дура ты, — сказал Антон, чувствуя невероятное облегчение. — Дура ненормальная. По-быстрому... Нет чтобы мне позвонить — помнишь, как мы с тобой за уик-энд по полтора килограмма потеряли?..

— Помню, — Ия выскользнула из-под одеяла и прижалась к нему всем своим горячим тельцем. — Конечно, помню, Антошка... Но ведь это так давно было... а с тех пор мы все отдаляемся и отдаляемся друг от друга... и вообще, знаешь, мне кажется, что ты меня разлюбил...

Протасов фыркнул и принялся расстегивать рубашку.

— Глупости только не говори, — благодушно проворчал он. — Разлюбили ее... да с чего ты только это взяла?..

— Взяла! Ты же сам сейчас сказал про уик-энд... мы тогда с тобой из постели не вылезали... а сейчас что? Физкульт-пятиминутка перед сном — и все?

— Ах, да перестань ты! — с досадой ответил Антон. — Сама же видишь — времени ну вообще нет...

— Просто тогда ты этого больше хотел, — упрямо поджала губки Ия. — Нет, не спорь. И я... я, наверное, тоже этого хотела сильнее, чем сейчас... Тони, тебе не кажется, что мы теряем что-то очень важное?..

Протасов аккуратно повесил брюки на спинку кресла и залез к подружке под одеяло. Обнял ее за худенькие плечи и на минуту почувствовал себя самым сильным человеком в мире.

— Мы совершенствуемся, — успокаивающе сказал он, припомнив сегодняшнюю проповедь супервайзера. — Мы все избавляемся от лишнего груза... Мы станем легче, и мир вокруг нас становится лучше...

Некоторое время он гладил Ию по голове, прислушиваясь к голосу плоти. Голос, как назло, молчал, и

Антон, поняв всю тщетность своих попыток, откинулся на подушки.

— Знаешь, Тони, — прошептала Ия, свернувшись калачиком у него под рукой. — Мне так иногда хочется, чтобы у нас был ребенок...

Глупышка, подумал Протасов устало. Только этого нам еще и не хватало...

— Подожди немножко, малыш, хорошо? Я говорил сегодня с Тедом — через два месяца меня почти наверняка сделают начальником отдела. Вот тогда и подумаем о ребенке.

Плечо девушки окаменело, и Антон немного смягчился.

— Ты пока наведи справки в банках генофонда, — шепнул он в маленькое прозрачное ушко. — Бог с нами, с деньгами, главное — качество. Ребенок — он же надолго...

— Я не хочу через банк! — тихо всхлипнула Ия. — Я хочу своего... чтобы родить самой... как раньше...

Крыша поехала, подумал Протасов испуганно, ну и таблетки ей доктор выписал...

— Малыш, ну успокойся, ну что ты, в самом деле... Кто же сейчас так делает? Это раньше, когда все были огромные и толстые, как слоны, женщины могли себе такое позволить, не думая об эстетике... представь только, как это некрасиво... как неряшливо... как тяжело...

Ия перестала всхлипывать и повернулась к нему спиной.

— Ты ничего не понимаешь, Тони, — голос ее звучал тихо-тихо. — Совсем ничего...

— Все-таки узнай насчет банков, — сказал Протасов. — И давай спать. Сегодня день был...

Он едва не сказал «тяжелый», но вовремя остановился. На самом деле такого просто не могло быть. Каждый день был легким. Лайт дэй, подумал он, медленно погружаясь в сон. А завтра будет ультралайт дэй. Потому что тудэй из олвэйз беттер, зен йестердэй...

Маленький словарь лайт-инглиш-сленга

1. Ай дид ит, рили! — Я на самом деле сделал это!
2. Джоггинг — спортивный бег трусцой.
3. Хани — ласковое обращение — «золотко», «лапа».
4. We Take I.T. Easy — лозунг «Москоу Ультралайт Интеллекшуал Текнолоджис» — «Мы не напрягаемся по поводу Интеллектуальных Технологий».
5. Экселлент — великолепно.
6. Анбиливибл — невероятно.
7. Ви шелл оверкам самдэй — однажды мы победим.
8. Тудэй из беттер, зен йестердэй — сегодня лучше, чем вчера.
9. Индид — на самом деле.
10. Вэйт — подожди.
11. Фак ю, крейзи бастард — пошел ты, сумасшедший ублюдок.
12. Каунтдаун — обратный отсчет.
13. Вейт коррекшен суперсмарт — суперинтенсивная коррекция веса.
14. Лайт дэй — легкий день.

АПОКРИФЫ

Красный город

Ногда мне исполнилось четыре года, я обнаружил дверь, ведущую в Красный город. Помню, что это случилось сразу после моего дня рождения. Я сидел на большой кровати в комнате бабушки и дедушки и перебирал игрушки, которые подарили мне накануне. Кажется, больше всего мне нравился желто-красный мяч: его можно было крутить, как волчок, и тогда цветные пятна сливались в завораживающие взгляд спирали. Довольно долго эта забава мне удавалась, но потом мяч вдруг скатился с кровати и, весело подпрыгивая, ускакал под шкаф. Я слез на пол, лег на живот и пополз за мячом. Под шкафом скопилось огромное количество пыли — бабушке уже тяжело было наклоняться, и обычно она ограничивалась поверхностной уборкой. Подозреваю, что большую часть пыли я вытер своими штанишками.

Мяч лежал у самой стены, там, где старые пожелтевшие обои прятались под темный от времени плинтус. За мячом я увидел Дверь.

Нелегко описать ее сейчас, по прошествии стольких лет. В детстве предметы обычно кажутся больше, а иногда детские глаза видят совсем не то, что увидели бы взрослые. Игрушечный пароходик, стреляющий водой из носовой пушечки, представлялся мне белоснежным огромным и мощным крейсером. Двадцать лет спустя я наткнулся в чулане на невзрачный серый кораблик с грубо нарисованными иллюминаторами и западающей красной кнопкой насоса и долго не мог по-

верить, что это и есть прекрасный крейсер моего детства. Поэтому я вряд ли смогу внятно объяснить, что именно я увидел под шкафом. Больше всего Дверь походила на широкую щель между шкафом и стеной комнаты — не в самой стене, а именно между. Я знал, что сбоку к шкафу был приставлен старомодный, обитый вытертым зеленым плюшем пуфик. Но щель выглядела достаточно широкой, чтобы разглядеть, что никакого зеленого пуфика за ней нет — напротив, там мерцало что-то красноватое, как будто светил сквозь туман круглый глаз светофора. Такой светофор стоял на перекрестке под окнами нашей квартиры, и я, забравшись на широкий подоконник (что мне, к слову сказать, строго запрещалось), часто наблюдал за перемигиванием красных, желтых и зеленых огоньков. В дождливые осенние дни, когда в воздухе висела мокрая серая взвесь, красный казался тусклым, приглушенным, уставшим — и именно такой свет лился из щели под шкафом. Хотя «лился» — неправильное слово. Слабый, едва пробивающийся наружу отблеск — вот как это выглядело. Я не испугался — в четыре года если чего боишься, то темноты, а я даже темноты никогда не боялся. Забыв про мячик, я подполз поближе и заглянул в щель.

Понимаю, насколько странно выглядит такое признание, но я с трудом могу описать, что именно я увидел. Ощущение необычайно большого, может быть, даже огромного пространства, непонятно каким образом поместившегося в углу бабушкиной комнаты, — вот, пожалуй, и все, что я помню. Кажется, я смотрел на открывшийся мне вид сверху вниз, словно бы с края крыши, и не слишком обращал внимание на детали — настолько заворожило меня мое открытие. В памяти остался только свет, ровный, красноватый, заливавший раскинувшийся подо мной мир. То, что это именно мир, а не комната этажом ниже, я, несмотря на свой малый возраст, понял сразу.

На этом мое первое знакомство с Дверью, веду-

щей в Красный город, закончилось — даже если я и увидел тогда что-то еще, любая попытка восстановить это увиденное будет не воспоминанием, а измышлением. Спустя несколько минут я выполз из-под шкафа, сжимая в руке мячик, и помчался на поиски взрослых, чтобы поделиться с ними поразительной новостью.

Бабушка пекла пироги на кухне и сообщение о том, что за шкафом, оказывается, есть целая дыра, в которую мог бы пролезть даже медведь (эта фраза потом цитировалась в рассказах моих домашних, хотя никто, разумеется, не уточнил у меня, какой именно медведь имелся в виду — настоящий, которого я однажды видел в зоопарке, или плюшевый, размером с небольшого котенка), восприняла без всякого энтузиазма. Когда вечером с работы вернулся дедушка, я повторил ему свою новость, и он отнесся к информации о дыре более серьезно — взял швабру и несколько раз ткнул ею под шкаф. Слышно было, как палка глухо стукнулась об стену. На этом экспертиза закончилась, и единственным ее итогом стала лекция о том, как опасно маленьким детям залезать под кровати, серванты и другие предметы мебели.

Разумеется, уже на следующий день я снова наведялся под шкаф и ничего там не обнаружил. Щель словно затянулась за ночь: от нее не осталось ни следа. В зазор между стеной и шкафом просвечивала скучная зеленая обивка пуфика.

Я никак не мог смириться с этой потерей и каждый день предпринимал попытки отыскать таинственную Дверь. Для детской психики такая настойчивость совсем не удивительна; удивительно то, что в моем случае она увенчалась успехом, не прошло и года.

Это случилось до обидного просто. Я сидел на полу, рассматривая книжку с картинками (кажется, это было роскошное румынское издание «Пиноккио» с иллюстрациями Марайи). В какой-то момент я поднял голову и увидел знакомое красноватое свечение, пробивающееся из-за шкафа. Несколько секунд я сидел

не шевелясь, боясь, что свет сейчас угаснет. Потом я швырнул книгу на пол и бросился к шкафу.

На этот раз я отчетливо видел Дверь. Нет, как бы получше объяснить — я видел проем двери, залитый красноватым сиянием, а самой двери не было. Допускаю, что для нормального взрослого человека эти слова звучат дико, но ребенок, по счастью, воспринимает мир значительно проще. Проем несуществующей двери казался достаточно широким, чтобы я мог в него протиснуться; естественно, я так и поступил. Возможно, на столь решительный поступок натолкнули меня долгие месяцы поисков и ожиданий — ведь, увидев щель в первый раз, я не сделал попытки туда пролезть. Как бы то ни было, я проскользнул в раскрывшийся проем и оказался в Красном городе.

Теперь я расскажу вам, что видит человек, впервые попавший туда таким путем. Дверь, ведущая в Красный город, может открываться из разных мест, но пейзаж, открывающийся с той стороны, всегда одинаков. Под ногами хрустят круглые пористые окатыши железисто-бурого цвета. Они очень легкие и не тонут в воде, пока не пропитаются ею насквозь. От двери до стен Красного города тянется плоская, усыпанная бурыми окатышами равнина. Кое-где на равнине возвышаются большие, белые с позолотой, конусы. Средняя их высота — около трех метров, но в отдалении виднеются конусы размером с пятиэтажный дом. К ним можно приблизиться, но для этого нужно долго идти по бурым окатышам, а это довольно утомительно. Единственная дорога, ведущая через равнину, протянулась от двери до самых ворот Красного города. Она залита черным, похожим на янтарь материалом, просвечивающим в глубину. Конусы, стоящие по бокам от дороги, сравнительно невелики и выглядят очень старыми — позолота на них поблекла, белые стены потрескались и сквозь зияющие в них щели можно различить ячеистую структуру этих странных сооружений, похожих на огромные соты. От двери до

городских ворот не больше километра: хорошо видны обвалившиеся кирпичные стены города и неряшливые громады его полуразрушенных дворцов. Все вокруг залито неярким красным светом, напоминающим свет закатного солнца в ветреную погоду. На самом деле солнца здесь нет: небо, если оно существует в этом месте, постоянно затянуто багряной дымкой.

В тот раз я прошел по дороге всего лишь несколько шагов. Место, в котором я очутился, казалось совершенно безжизненным, и тишина и пустота, царившие в нем, пугали мое детское воображение. Я поминутно оглядывался на Дверь, боясь, что она исчезнет так же внезапно, как и появилась, но она по-прежнему была приоткрыта. В конце концов любопытство пересилило страх, и я зашагал по черной, слегка пружинящей под ногами дороге. Впрочем, хватило меня ненадолго — стоило мне услышать шорох со стороны одного из конусов, как я развернулся и со всех ног бросился обратно к Двери. Обернувшись, я с облегчением убедился, что никто за мною не гонится; тогда я уселся на землю перед самой Дверью и принялся кидать круглые пористые камушки в направлении ближайшего конуса. За этим увлекательным занятием я провел минут десять; потом я услышал, как меня громко зовет кто-то из взрослых, вскочил и, запихнув в кармашек горсть бурых окатышей, вывалился обратно в бабушкину комнату.

На сей раз я повел себя осмотрительнее и не стал рассказывать о своем приключении взрослым. Несколько легких камушков, похожих на керамзит, ничего для них не значили — для меня же они служили неопровержимым доказательством того, что я действительно прошел через волшебную Дверь. Надо ли говорить, что сразу после моего возвращения проем, ведущий в мир Красного города, исчез, словно его и не бывало. Будь я постарше, наверняка бы заинтересовался, как под шкафом, где и ползком не развернешься, открылась вдруг дырина размерами побольше фор-

точки. Но мне было пять лет, и я принимал мир таким, каким его видел.

Не стану утомлять вас деталями своих последующих путешествий. Шло время, Дверь иногда открывалась, и я забирался все дальше и дальше, понемногу привыкая к странному миру приглушенных красноватых тонов и багровых оттенков. Скоро я понял, что Дверь может открываться не только из бабушкиной комнаты — однажды она распахнулась передо мной во дворе соседнего дома, где я иногда гулял. Там, среди разросшихся кустов акации, стояли две трогательные в своей наивности статуи — гипсовые, покрытые серебряной краской. Одна изображала олененка Бемби, вторая — кудрявого мальчика с плутоватой улыбкой. Проем открылся за спиной мальчика, и на его серебряном костюмчике заблестели тревожные багряные отблески. Я воровато оглянулся — нет ли поблизости других детей, которые могут увидеть Дверь и воспользоваться ею. По счастью, дети редко забредали в этот уголок двора, предпочитая площадку с качелями и горками, так что, если не считать олененка, разглядывавшего красноватое сияние своими выпуклыми блестящими глазами, я был единственным свидетелем этого чуда.

Несколько секунд я колебался — мне пришло в голову, что за то время, которое я пробуду за Дверью, во двор может кто-нибудь войти. Кажется, меня испугала мысль о том, что он неизвестным мне способом закроет Дверь с этой стороны (хотя, как я уже упоминал, Дверь всегда возникала в виде проема, не ограниченного ни косяками, ни притолокой) или, что еще хуже, позовет милиционеров. Ребенком я очень не любил и боялся милицию (не могу сказать, что с возрастом это прошло). Наверное, проникновения в красный мир воспринимались мною как очень серьезная провинность, за которую меня могут арестовать и даже посадить в тюрьму. Потом любопытство, как обычно, победило, и я юркнул в открывшуюся Дверь, пообещав себе пробыть в Красном городе совсем чуть-чуть.

Основной моей целью было добыть трофей, на который я зарился уже давно. На полпути до городских стен в относительной близости от черной дороги вышался конус с почти нетронутой позолоченной верхушкой. В отличие от других придорожных строений, старых и тусклых, его стены сверкали почти ослепительной белизной, а золотые узоры купола казались такими яркими, что слепили бы глаза, выглядывая тут хоть изредка солнце. Однако немного ниже заостренной верхушки конуса все же зияло небольшое рваное отверстие: выпавший обломок белого материала с фрагментом золотого орнамента лежал в каких-то десяти шагах от края дороги. Размером он вряд ли превосходил среднюю детскую книжку, и я надеялся, что он не окажется слишком тяжелым. Принести домой такую вещь значило для меня очень много — это вам не пористые окатыши, которые можно найти на любой стройке, а исключительный, невиданный в нашем мире предмет. (Сейчас я употребил бы термин «артефакт», но тогда, помнится, я предпочитал обозначать предмет своего вожделения словами «золотой камень».) До сих пор какое-то подсознательное беспокойство не давало мне сойти с дороги и приблизиться к конусу. Теперь же, решив, что пробуду в красном мире всего несколько минут, я почему-то боялся значительно меньше. «Добегу до того места, схвачу золотой камень и сразу назад», — сказал я себе. Бежать по черной дороге было легко, и скоро я уже увидел обломок. Он, разумеется, лежал на том же месте, где я обнаружил его впервые — в мире Красного города никогда ничего не менялось, к тому же я ни разу не видел там ни животных, ни птиц, ни даже насекомых.

Конус, как оказалось, стоял в небольшом углублении, незаметном с дороги, и тут, на пологом склоне, я поскользнулся. Детские сандалии с плоской и гладкой подошвой не слишком подходили для бега по круглым камням. Я упал и немного проехался на животе. Было не больно, но очень страшно — казалось, кто-то вот-

вот прыгнет мне на спину. Поднявшись, я обнаружил, что стою прямо перед «золотым камнем». На близком расстоянии он походил на тонкий кусок гипса, раскрашенный ярко-желтыми узорами. Я протянул руку и коснулся его.

— Хочешь забрать его с собой? — спросил чей-то голос. От неожиданности я подскочил и чуть было не упал снова. — Он тебе нравится, не правда ли?

Мне ужасно хотелось развернуться и броситься обратно к Двери, но вместо этого я почему-то замер на месте. Возможно, потому, что я всегда был слишком любопытен. Голос, который я слышал, доносился как бы изнутри конуса. Если не считать испугавшего меня в первый раз шороха, это был первый звук, рожденный безмолвным до того красным миром.

— Я тебя не вижу, — сказал я довольно грубо. Голос принадлежал взрослому, но я, как многие воспитывавшиеся дома дети, не привык обращаться ко взрослым на «вы».

— А тебе хотелось бы? — вкрадчиво осведомился голос. — Хотелось бы увидеть меня?

На этот раз я промолчал — мне показалось, что вопрос с подвохом. Ответишь «да», а потом откуда ни возьмись выскочит какое-нибудь чудище и сожрет тебя. И ничего не попишешь, сам же согласился.

Тот, кто говорил со мной, видно, понял, что ответа не дождетя. Послышался негромкий хруст бурых окатышей, и из-за конуса вышел человек. Никакое не чудище, обыкновенный дядька, не слишком высокий, полный, с круглым добродушным лицом. Я почему-то сразу подумал, что он садовник — довольно глупая мысль, учитывая тот факт, что никаких растений в красном мире я не встречал. Наверное, меня сбил с толку мешковатый комбинезон на лямках, с огромным количеством карманов, и странного вида ножницы на длинных деревянных ручках, обмотанных на концах изолентой. Похожий инструмент использовал дедушка, подрезая ветви сирени на даче, — он назывался ди-

ковинным словом «секатор». Правда, ножницы, которые держал в руках круглолицый, были значительно длиннее; их причудливо изогнутые лезвия показались мне измазанными какой-то бурой краской. «Садовник», — решил я про себя и немедленно успокоился.

— Не бойся, мальчик, — сказал человек, останавливаясь в некотором отдалении. — Как тебя зовут?

Я ответил. Он одобрительно покивал. Тогда я, окончательно осмелев, спросил, кто он такой.

— Мое имя слишком сложно выговорить, — ответил он. — И ты все равно его не запомнишь. Поэтому можешь называть меня Волшебником.

На волшебника он походил гораздо меньше, чем на садовника, но у меня хватило ума не сообщать ему об этом. Я уже собирался спросить, как он оказался в красном мире, но Волшебник опередил меня.

— Кто рассказал тебе об этом месте, мальчик? Кто рассказал тебе про Город?

— Никто, — честно признался я. — Я сам нашел Дверь... сначала под шкафом, потом в углу... а теперь в саду. А в Городе я еще не бывал.

Волшебник очень внимательно оглядел меня. Мне показалось, что он чем-то обеспокоен. Потом он пожевал губами, словно вспоминая забытое заклинание, и неожиданно улыбнулся.

— Да, совершенно поразительно, но да, да. Сам, сам нашел Дверь. Кто бы мог подумать, такой хорошенький мальчик... — тут он добавил еще несколько слов, которых я не понял. — Что ж, будем считать, нам обоим сегодня очень крупно повезло. Значит, тебе никто-никто не рассказывал о Красном городе?

Я помотал головой. Где-то в глубине души я чувствовал нарастающее беспокойство — возможно, оно было вызвано непонятными словами Волшебника. Я начал прикидывать, догонит ли меня этот неповоротливый с виду дядька, если я внезапно развернусь и рвану к Двери.

— Что ж, тогда, возможно, тебе предстоит узнать

о нем много интересного. Только не жди, что я стану рассказывать тебе о Городе. Сам все узнаешь и сам решишь, стоит ли говорить об этом другим. Ты ведь еще никому не говорил о том, что здесь видел?

— Нет, — почти честно ответил я, рассудив, что попытку удивить бабушку с дедушкой известием о дыре под шкафом можно в расчет не принимать. — И не собирался. Это только моя тайна.

— Она не перестанет быть твоей, если ты поделиться с кем-то, кому можно доверять. С лучшим другом, например. Наоборот, только тогда ты по-настоящему поймешь, что у тебя есть тайна. Ведь тайна — это всегда что-то, во что можно посвятить. Ты меня понимаешь?

— Понимаю. Но, если я расскажу об этом месте друзьям, они захотят прийти сюда вместе со мной. Я никого не хочу приводить сюда! Это мое место, я его нашел, и оно будет только моим.

Волшебник засмеялся. Когда он смеялся, его круглый живот ходил ходуном под грязноватой тканью комбинезона, а в многочисленных карманах позвякивали какие-то металлические инструменты.

— Умный мальчик. Тогда не рассказывай никому о том, что ты нашел Город. Приходи сюда один, всегда только один. Когда-нибудь ты осмелишься дойти до Красного города и увидишь, какие чудеса он скрывает. Тогда тебе непременно захочется поделиться с кем-нибудь тем, что ты узнал, это уж точно. А пока храни свою тайну, храни ее, мальчик.

Потом он посерьезнел и указал своими длинными ножницами на бело-золотой обломок, по-прежнему валявшийся у меня под ногами (честно говоря, я совершенно забыл о нем):

— Ты ведь сюда за этим пожаловал? Можешь забрать. Мне это больше не нужно.

— Спасибо, — поблагодарил я, наклонился и поднял «золотой камень». Он оказался значительно легче, чем я предполагал. — Я пойду.

— Иди, конечно, иди. Когда вернешься сюда снова, можешь спокойно идти в Город — для тебя там опасностей нет. Все, что понравится, можешь уносить с собой — теперь ведь это и твой Город тоже. Подумай только, как ты объяснишь, откуда взялось, например, вот это! — Он снова указал на мой трофей изогнутым клювом «секатора».

— Нашел, — ответил я коротко и, боюсь, не слишком вежливо. Беспокойство, которое я испытывал уже несколько минут, достигло апогея. — Ну... пока!

Выкрикнув последние слова, я развернулся и во всю прыть помчался к безнадежно далекой Двери, крепко зажав под мышкой «золотой камень». Чересчур крепко, к несчастью, — когда я снова вывалился в уютный и безопасный садик, кусок похожего на гипс белого материала треснул посередине, превратив один трофей в два.

Дома, к моему удивлению, на мою добычу внимания не обратили, и она без особых проблем переключалась ко мне под кровать, где заняла почетное место в коробке с двумя комплектами оловянных солдатиков и пластиковой пушечкой, стреляющей шариками от пинг-понга. Время от времени я извлекал свои трофеи из коробки и подолгу рассматривал загадочные обломки, вспоминая странную встречу с круглолицым Волшебником.

Прошло семь лет.

Все эти годы я продолжал наведываться в красный мир. Не слишком часто — иногда раз в месяц, иногда еще реже, — но достаточно регулярно, чтобы не забыть о его существовании. Я уже приблизился к воротам Красного города и даже прошел сквозь них. За воротами меня ожидали новые открытия, одно другого удивительнее и загадочнее. Я добыл в руинах много новых трофеев, которые теперь хранились у меня под кроватью — в обычных картонных коробках, спрятанные от постороннего глаза среди игрушек. Никто не интересовался ими; даже если родители случайно за-

мечали тот или иной предмет, то с характерной для взрослых невнимательностью к деталям считали, что я нашел его где-то на улице. В каком-то смысле так оно и было; вот только улицы, на которых можно обнаружить подобные сокровища, лежат далеко за пределами нашего мира. Полупрозрачный шар, будто бы выточенный из мерцающего серебристого хрусталя. На ощупь он чуть шероховат, а весит совсем немного, словно сделан не из хрусталя, а из бумаги. Если долго смотреть сквозь него на свет, в глубине шара начинают проступать контуры другой сферы, поменьше, а затем еще одной, совсем крошечной. Возможно, вложенных друг в друга шаров куда больше, но глаз способен различить только три. Если вглядываться долго и внимательно, можно дожидаться момента, когда разноцветные сферы начнут вращаться — каждая по своей орбите, отчего серебристая вселенная, заключенная в хрустальную оболочку, обретет странное сходство со сложным часовым механизмом.

Чудесная птица, вырезанная из кусочка светлого дерева. Размером с фалангу пальца, она сделана так искусно, что кажется живой. Глаза у нее похожи на маковые росинки и блестят словно стеклянные. Если взять ее в руки, то можно услышать тихое ритмичное биение, будто в ладони бьется крохотное теплое сердце. Птица не движется, не шевелит плотно прижатыми к туловищу крыльями, но это только обман. Я точно знаю, что стоит отвернуться, оставив ее без надзора, особенно на краю стола под открытой форточкой, как она бесследно исчезнет. Поэтому птицу я держу в плотно закрывающемся деревянном ящике из-под кубиков — сами же кубики, за ненадобностью, я тайком выкинул в мусоропровод.

Среди моих сокровищ встречались странные металлические цветы, или, вернее сказать, напоминающие цветы конструкции из переплетенных, стыкующихся под немыслимыми углами тонких трубочек и штырьков. Их было много в неглубоких ямах сразу за

городской стеной, где они росли из красноватой пыли, словно диковинные сорняки, издавая тихое-тихое, на пределе слышимости, гудение. Это гудение поначалу отпугивало меня — похожий, только более громкий звук я слышал под линиями высоковольтных передач и потому опасался, что, притронувшись к металлическим кустикам, получу удар током. Но любопытство пересилило, и однажды, вооружившись длинной сухой палкой, я отбил верхушку одного из сорняков. Она отлетела неожиданно легко, откатившись к самому краю ямы, и я без особого труда извлек ее оттуда. В яме остался обезглавленный металлический стебель, угловатый и поблескивающий серебром свежего скола. Сам цветок оказался очень легким, приятным на ощупь и, что самое поразительное, продолжал негромко гудеть. Гудение не прекратилось ни через день, ни через год — видно, оно было таким же неотъемлемым свойством этой штуковины, как шум волн, таящийся в глубине морской раковины.

Именно из-за металлического цветка и погиб Леха Плотников.

Леха был моим другом. Мы жили на одной лестничной площадке, наши квартиры имели общую стенку. Помню, мы даже собирались выпилить в этой стене потайную дверь, чтобы бегать друг к другу в гости в любое время и не спросясь родителей. Мы резали руки и смешивали кровь. Каждый из нас знал тайны и секреты другого. Во всяком случае, я думаю, что Леха действительно ничего не скрывал от меня. Да и какие серьезные тайны могут быть у двенадцатилетних мальчишек? Но у меня такая — была, и все те годы, что мы дружили с Лехой, я успешно боролся с искушением рассказать ему о Красном городе. Останавливала меня только иррациональная уверенность, что вдвоем мы все равно не сможем туда попасть, что Дверь распадется только перед одним из нас, и совсем не обязательно этим одним буду я. Можно ли назвать такое чувство ревностью? Страхом потерять что-то, принад-

лежащее только тебе одному? Тогда я еще не так хорошо разбирался в таких вещах, и теперь уже трудно сказать, что помогало мне молчать семь лет подряд: неясные эти страхи или тревожное воспоминание о словах Волшебника, предлагавшего мне поделиться тайной Красного города с кем-то из своих друзей. В этих словах чудился скрытый подвох; неясным образом они связывались у меня в памяти с позвякиванием инструментов в карманах мешковатого комбинезона Волшебника и бурой краской на концах его огромного секатора. Каждый раз, когда я собирался рассказать Лехе о своих прогулках в Красный город, я вспоминал странную улыбку Волшебника и останавливался на полуслове.

Но однажды у Лехи случился день рождения, а подарка у меня, как назло, не было. Перед родителями я в чем-то провинился, так что просить у них денег не имело смысла. Подумав, я решил, что не будет ничего худого, если я подарю Лехе какую-нибудь диковину из Красного города. После некоторых размышлений я остановил свой выбор на поющем цветке.

Разумеется, мой друг сразу понял, что эта вещь из другого мира. Неочевидное для взрослых никогда не ускользнет от незамутненного взгляда ребенка. Леха пристал ко мне с расспросами; смущенный его настойчивостью, я соврал, что знакомый отца привез цветок из Африки, и Леха сделал вид, что поверил. Однако прошло несколько дней, и, дождавшись, пока я выйду из комнаты, Леха полез под кровать и вытащил одну из моих тайных коробок. Я, видно, что-то почувствовал, во всяком случае я кинулся назад и распахнул дверь в тот момент, когда друг безжалостно вываливал содержимое коробки на пол. Сначала, конечно, на полу оказалась всякая чепуха — рваные книжки без обложек, тряпочные куклы, надевающиеся на руку, в общем, вся моя нехитрая маскировка. А уже сверху на эту рухлядь посыпались настоящие сокровища.

Помню, что мне было стыдно. Я действительно очень

переживал из-за того, что все эти годы, как Кощей Бессмертный, чах над своим золотом, и все же жутко разозлился на Леху, который без спроса забрался в мою святая святых. Мы подрались, и мой друг, который был выше, крепче и сильнее меня, победил. Сидя на мне верхом, он потребовал немедленного и чистосердечного признания, без всякой лабуды про дядю из Африки, и я, распластанный на полу среди даров Красного города, во всем признался.

Я рассказал Лехе про Дверь, которая внезапно распаивается передо мною в самых неожиданных местах; про красноватое манящее сияние, про плоскую, усыпанную бурыми камнями равнину, на которой возвышаются белые с золотом конусы, изнутри похожие на огромные пчелиные соты, про залитую черным янтарем дорогу, протянувшуюся до ворот Города, про сами эти ворота, выкованные из облезавшего зелеными чешуями металла, про ямы, засыпанные рыжим песком, из которого торчат серебристые антенны гудящих цветов...

Не рассказал я ему только про Волшебника. Более того, когда Леха, слушавший меня с широко раскрытыми глазами, спросил, живут ли в Городе люди, я отрицательно помотал головой. Сейчас, по прошествии стольких лет, я понимаю, что это решительно ничего не меняло. Но тогда мне казалось, что, охраняя этот последний осколок тайны, я могу уберечь своего друга от чего-то страшного. От чего — я и сам не знал.

Очень скоро выяснилось, что я ошибался.

Несколько дней мы увлеченно изучали сокровища Красного города — оказалось, что делать это вместе куда интереснее. Мы открывали новые свойства прозрачных шаров, деревянных птиц и янтарных спиралей, мы придумывали сказочные истории для каждого таинственного предмета, назначение которого не могли объяснить... Леха просто заболел Красным городом. Он постоянно спрашивал меня, из какого места чаще всего открывается Дверь, и страшно злился, когда я в

тысячный раз повторял ему, что это невозможно предсказать заранее. Он вырвал из меня обещание, что, как только Дверь откроется в следующий раз, я немедленно сообщу об этом ему и не стану уходить в красный мир в одиночку. Снова и снова он заставлял меня рассказывать о том, как выглядит Красный город и окружающие его земли.

А потом Леха пропал.

К нам прибежала взволнованная Лехина мама и принялась расспрашивать меня, не знаю ли я, где ее сын. Я честно отвечал, что не знаю — гулять меня в тот день не пустили, потому что накануне я схлопотал «двойку» по математике и теперь в наказание должен был перерешать едва ли не все задачи из учебника. Леха же, придя из школы, быстро похлебал приготовленный бабушкой суп, крикнул «Бабуль, пока» и убежал на улицу. Больше его никто не видел и не слышал.

Когда обзвонили всех наших друзей и одноклассников, стало ясно, что с Лехой стряслась беда. Мои родители позвонили в милицию (мама Лехи уже не могла связно выговорить двух фраз) и сообщили о пропаже ребенка.

Смутно помню какие-то длинные переговоры с огромными людьми в форме, топтавшимися в нашем маленьком коридорчике. Помню плач Лехиной мамы, отрывистый голос моего отца... Помню, что хотел примкнуть к поискам Лехи, но был безжалостно отослан в постель и не узнал о том, как нашли Леху.

Он упал в канализационный колодец с плохо закрепленной чугунной крышкой. При падении он ударился головой о край этой самой крышки, потерял сознание, свалился в скопившуюся на дне колодца воду и захлебнулся. Во всяком случае, так заявил следователь.

Хоронили Леху спустя два дня. Леха лежал в гробу маленький, аккуратный, совсем не похожий на мертвеца. Казалось, что он только играет в смерть. Я не отрывал глаз от его спокойного, сосредоточенного лица, ожидая, что вот сейчас он моргнет и, улыбаясь, вылезет

из дурацкого деревянного ящика, куда лег понарошку. Но Леха, разумеется, не моргнул и не улыбнулся, а в крематорий, куда унесли его гроб, меня не пустили родители. Вечером, лежа в постели, я представил себе Леху, въезжающего ногами вперед в ревущую огненную печь, и почувствовал, что задыхаюсь от страшного жара. Неделю я провалялся в постели с высокой температурой и бьющей в виски головной болью, а когда немного поправился, увидел в углу комнаты большой проем, из которого струилось знакомое красноватое сияние.

Впервые в жизни мне не хотелось подходить к Двери. Воображение мое еще не вполне освободилось от пагубного влияния болезни, и приступ страха, неожиданно обрушившийся на меня, оказался настолько силен, что я забился в самый угол дивана и даже завернулся в одеяло. Дрожа, вжимаясь лопатками в стену, я ждал, когда же исчезнет красноватый прямоугольник, но Дверь, как нарочно, и не думала закрываться. Красный город словно говорил мне, что я нужен ему и что он не собирается отступать, пока не получит то, в чем нуждается. Эта странная дуэль продолжалась не меньше получаса; в конце концов я сдался, слез с дивана, кое-как натянул на себя висевшие на стуле джинсы и футболку и обреченно побрел к Двери.

У самого входа меня поджидал Волшебник.

Он сидел на раскладном табурете, обтянутом выцветшим на солнце брезентом, и рассеянно водил по земле острым клювом своего огромного секатора. Он ничуть не изменился с момента нашей первой встречи — такой же добродушный, круглолицый, в том же замызганном комбинезоне. За те семь лет, что я навещал Красный город, мы виделись едва ли пять раз, но никогда еще Волшебник не подходил так близко к Двери. Я переступил порог и остановился, настороженно глядя на него.

— Проходи, проходи, не стесняйся, — подбодрил меня Волшебник. — Второго стула у меня, к сожалению

нию, нет, но ты можешь сесть на землю. Что-то ты неважно выглядишь сегодня, мой мальчик. Что-нибудь случилось?

— У меня друг умер, — хмуро ответил я, по-прежнему не приближаясь. На круглом лице Волшебника мелькнула печальная улыбка, и это меня взбесило. — После того как я ему рассказал про Город! Я не хотел ему ничего говорить, он сам у меня все выпытал! А потом свалился в этот дурацкий колодец...

Волшебник пощелкал ножницами. Звук вышел довольно зловещий.

— И ты думаешь, это произошло из-за того, что ты ему все рассказал?

— А то из-за чего! — дерзко ответил я. — И еще я думаю, вы специально меня уговаривали рассказать о Городе своим друзьям...

Волшебник неожиданно быстрым движением поднялся со своего табурета, и я сразу же отпрянул к Двери. Но он и не думал меня хватать.

— Хочешь, я тебе кое-что покажу? Это кое-что связано с твоим другом. Правда, придется немного прогуляться. Вон туда, — он показал секатором в сторону от Города, туда, где сверкали под затянутым дымкой небом высокие белые конусы. — Нет, заставлять я тебя не буду. Не хочешь — оставайся здесь или возвращайся к себе. Но если все же решишься... обещаю, ты многое поймешь.

Разумеется, я согласился. Мне было страшно, очень страшно, но в то же время ужасно любопытно. И вот мы пошли по красной равнине, наступая на хрусткие бурые камни, — впереди Волшебник со своим неизменным секатором, а за ним я, пошатывающийся от слабости, но чрезвычайно гордый собственной смелостью. Шли мы долго — так далеко в ту сторону я еще ни разу не забирался. Наконец Волшебник остановился у одного из бело-золотых конусов и несильно ударил по нему рукоятью своих длинных ножниц. Конус отозвался тихим печальным гулом — словно колокол,

звонящий на ушедшей под воду колокольне, — и в этом медленном гуле я неожиданно услышал голос своего друга. Он доносился издалека, словно бы из-под земли, и звучал слабо и приглушенно, но, несомненно, принадлежал Лехе.

Я бросился к конусу и прижался к нему ухом. Едва ощутимая вибрация поднималась откуда-то из глубины, пронизывая все сооружение. Я не сразу заметил, что этот конус кажется совсем мягким на ощупь — в отличие от старых, растрескавшихся куполов. Он был мягким и теплым, словно бок какого-то большого животного. И дрожь, пробежавшая по нему, тоже напоминала о большом животном, может быть, слоне или корове. И где-то там, внутри у этого животного, тихо жаловался на свою судьбу сгоревший в пламени крематория Леха.

— Что это? — спросил я, отшатываясь от подрагивающего бело-золотого бока. — Кто это говорит?

Волшебник внимательно посмотрел на меня, как будто решая, не прикидываюсь ли я дурачком.

— Твой друг. Тот самый друг, которому ты так красочно описал наш с тобой Город.

— Где он? — закричал я, не обратив внимания на слова «наш с тобой». — Он там, внутри? Выпустите! Выпустите его немедленно!

— Кого? — поинтересовался Волшебник, с готовностью раскрывая секатор. — Твоего друга? Как можно выпустить того, кто сгорел и превратился в кучку серого пепла? Ты считаешь, что я держу его взаперти? Смотри, сейчас я разрежу конус, и ты увидишь, что там никого нет...

Он поднял руку и занес страшный изогнутый клюв, намереваясь вонзить его в податливую мягкую поверхность. В эту секунду конус затрепетал еще больше, будто бы предчувствуя удар, и я отчетливо представил себе, как лезвие, проткнув бело-золотую шкуру, вонзается в спрятанного внутри Леху. Я пронзительно закричал, и Волшебник опустил секатор.

— Не хочешь, чтобы я его трогал? Пожалуйста, не буду. Только не надо так кричать, — попросил он, страдальчески сморщившись. — Я отвык от громких звуков, знаешь ли. Итак, могу ли я считать, что ты мне поверил?

— Где он? — упрямо повторил я, косясь на секатор. — Где Леха? Пусть его нет внутри, но откуда тогда идет голос?

Волшебник задумчиво почесал светлую бровь.

— Хороший вопрос, — пробормотал он. — А ты никогда не задумывался, почему жужжат металлические цветы? Кстати, твой друг пришел сюда именно за ними... Видишь ли, звуки вообще могут долгое время существовать сами по себе. Вот эхо, например. Ты крикнул и замолчал, а оно еще долго будет повторять твой крик. Так и тут. Считай, что голос, который ты услышал, всего лишь эхо твоего погибшего друга.

— Значит, он был здесь! Значит, он прошел через Дверь! Но ведь он обещал, что никогда не пойдет сюда без меня...

Я оглядел бело-золотой конус едва ли не с ненавистью.

— Он не обманул тебя, — поспешил вступить за Леху Волшебник. — Никакой Двери он вообще не заметил. Просто оказался по эту сторону, вот и все. Так оно обычно и бывает, мой мальчик...

— Бывает с кем? — крикнул я. — Я всегда проходил в Дверь, ясно? А больше здесь никого и не было!

Родители, разумеется, учили меня, что перебивать взрослых нехорошо. Но Волшебник вроде бы не обиделся.

— Так обычно бывает с теми, кому показывают дорогу в Город, — терпеливо объяснил он. — Ты же пришел сюда сам, не так ли? А твой друг попал в Город потому, что ты показал ему дорогу.

— Никакой дороги я ему не показывал, — возмутился я. — Как я могу показать то, чего сам не знаю?

— Ты рассказал ему о Городе, — безжалостно пре-

рвал меня Волшебник. — Ты очень хорошо все описал. Так хорошо, что он легко вообразил себе это место, а ведь вообразить Город — значит почти что оказаться в нем. Вот что значит показать дорогу, мальчик мой. Я рад, что не ошибся в тебе...

— Что вы с ним сделали? — тихо спросил я, чувствуя себя предателем. — Почему он свалился в этот колодец? И голос... почему я слышал здесь его голос?

На этот раз я ничего не успел сделать — изогнутый стальной клюв взлетел и опустился, вонзившись в бело-золотой бок конуса. Послышался тихий шелестящий звук, как будто из воздушного шарика выпустили воздух, и я увидел, как по поверхности сооружения прокатилась волна крупной дрожи.

— Потому что часть твоего друга навсегда останется здесь, — пояснил Волшебник, вспарывая трепещущую плоть конуса.

Раскрылась широкая черная щель, отороченная по краям бело-золотой материей. Внутри что-то дышало, надувалось и опадало, переплетались какие-то трубы, хлюпала какая-то жидкость. Зрелище было настолько неприятным, что я поспешил отвернуться. Единственное, что я успел уловить, — внутренности эти ничем не напоминали высохшие пчелиные соты тех конусов, что стояли у янтарной дороги.

— Они все разного возраста, — объяснил Волшебник, будто прочитав мои мысли. — Молодые, такие, как этот, — живут, переваривают пищу, поют песни. Потом они начинают потихоньку высыхать и мало-помалу превращаются в те развалины, куски которых лежат у тебя под кроватью...

Я замолчал, пытаясь представить себе, каково это — быть эхом, запертым в утробе гигантского то ли растения, то ли животного, обреченного на превращение в известковый купол. Мне стало жутко.

— Подумай о том, что твой друг будет жить еще долго, — негромко сказал Волшебник. — По крайней

мере, его голос... ты даже можешь с ним поговорить, если, конечно, не боишься...

Но мне уже не хотелось ни с кем разговаривать. Я с трудом сдерживал желание развернуться и драпануть со всех ног к Двери, за которой остался мой привычный, понятный мир. Когда-то, при первой встрече с Волшебником, я именно так и сделал, но теперь я стал старше и не мог позволить себе столь явное проявление трусости.

— Я больше никому не расскажу о Красном городе! — крикнул я, медленно отступая от конуса. — Никому, никогда, слышите?

Волшебник рассмеялся и снова пощелкал секатором. Рваная рана на боку трепещущего сооружения быстро затягивалась, становясь похожей на розовый лишай или расчесанный укус комара.

— Это твое дело, мальчик. Раз уж ты нашел Город сам, без чьей-то подсказки, ты волен делать здесь все, что хочешь. Но если ты когда-нибудь все-таки решишься рассказать кому-нибудь о Городе, знай, что этот человек непременно сюда попадет. Потому что ты не простой мальчик, а Проводник.

— Что это значит? — дрожащим голосом спросил я. Волшебник находился уже довольно далеко от меня, но я все еще боялся, что он может прыгнуть на меня, схватить и затолкать в один из этих ужасных живых конусов.

— Когда-нибудь ты поймешь, — с добродушной улыбкой ответил Волшебник. — А пока тебе надо только запомнить, что любой человек, которому ты расскажешь о Городе, рано или поздно окажется здесь. И чем красочнее будет твой рассказ, тем короче будет его дорога...

Он подмигнул мне, потом повернулся спиной и шагнул куда-то в сторону, мгновенно пропав из виду. Это был предпоследний раз, когда я встречался с Волшебником.

В течение года, прошедшего после гибели Лехи, я

не позволял себе даже думать о Красном городе. Точнее сказать, не думать о нем было так же невозможно, как и о пресловутой желтой обезьяне, но я мужественно гнал эти мысли прочь. Дверь временами возникала передо мной — то дома, то на улице, — словно призывая одуматься и продолжить исследование таинственного красного мира. Я неизменно отворачивался и уходил прочь, втайне надеясь, что Дверь, обиженная таким невниманием, перестанет являться мне вовсе. Этого, однако, не произошло, и, когда мне исполнилось четырнадцать, былая решимость навсегда забыть о Красном городе выветрилась из моей души. Однажды утром я снова перешагнул порог и оказался посреди бурой, усыпанной пористыми камнями пустыни. На горизонте громоздились руины Города, похожие на кубики, разбросанные по земле исполинским ребенком. Здесь все было по-прежнему, здесь ничего никогда не менялось, и ощущение это наполнило мою душу невыразимым покоем. Внезапно я понял, как же мне не хватало Города все это время. Поднял с земли камешек и, запустив его в сторону ближайшего конуса, двинулся по дороге из черного янтаря к городским воротам.

Еще четыре года я посещал Город постоянно. В школе мы ходили в двухдневные турпоходы, и я приучился всюду таскать с собой флягу с водой и спички. С этими нехитрыми запасами я мог пройти куда большее расстояние и добраться до самых заповедных уголков Города.

Я расскажу вам о том, что видит человек, оказавшийся за городскими воротами. Сразу за полуобвалившейся кирпичной стеной черная дорога обрывается, словно обрезанная ножом. Пространство, примыкающее к воротам, завалено обломками кирпичей, камнями, какими-то проржавевшими металлическими конструкциями и вообще весьма напоминает свалку. По краям этой свалки расположены ямы с гудящими цветами, засыпанные мелкой красно-бурой пылью. Я не

знаю, насколько они глубоки — во всяком случае, палка длиной с мою руку свободно уходит в пыль, не встречая никакого сопротивления.

Если перебраться через груды строительного мусора, попадаешь на вымощенную камнем мостовую, ведущую к мрачному зданию из темно-зеленого полированного мрамора. В нем три этажа, но нет крыши: она обвалилась внутрь, отчего здание стало похоже на пустую коробку. Двери, ведущие в здание, засыпаны мелким щебнем, но попасть внутрь все-таки можно — через высокие узкие окна первого этажа. Другое дело, что в самом здании нет решительно ничего интересного — только прах, битый мрамор и столбы пыльного света, проникающие через провалы перекрытий.

Неподалеку расположен странный сухой бассейн, выложенный разноцветными круглыми дисками. В закрученную спиралью чашу спускаются две лестницы без перил. На дне бассейна лежит нечто, сильно смахивающее на консервную банку. Я несколько раз пытался спуститься по лестнице и посмотреть на этот предмет вблизи, но так и не смог этого сделать. Почему — объяснить не берусь. Когда вы подходите к бассейну, он кажется совершенно обычным местом, ничуть не хуже и не лучше любого другого в Городе, но стоит поставить ногу на первую ступеньку лестницы, на вас немедленно накатывает волна необъяснимого страха. Может быть, это как-то связано с едва различимым запахом, поднимающимся со дна бассейна. Он немного похож на запах затянутого тинной болотного окна, нагретого летним солнцем. Да, совсем забыл: ступени одной лестницы выложены из белого камня, а второй — из черного...

...Шесть лет я держал свою клятву и никому не рассказывал о Красном городе. Все это время я много путешествовал по Городу, но Волшебника больше не встречал. Несколько раз я подходил к конусу, в котором была замурована частица моего друга, и пытался разговаривать с ним. Дважды мне казалось, что Леха

отвечает. К сожалению, его голос был слишком слаб, чтобы различить слова. Конус за эти годы ощутимо прибавил в размерах и стал похож на роскошный бело-золотой шатер. Мне оставалось только надеяться, что он проживет еще долго и будет становиться все больше и больше. И что Лехе в нем будет просторно.

Потом мне исполнилось восемнадцать лет, и я ушел в армию.

Рассказывать о своих армейских буднях я не собираюсь. В них не было ровным счетом ничего интересного. Достаточно сказать, что самым ярким моим воспоминанием о днях службы стали три недели, которые я провел в военном госпитале, в восьмидесяти километрах от нашей заставы. В госпитале, по крайней мере, были девушки.

Однако именно в армии я нарушил клятву, данную Волшебнику, и рассказал о тайне Красного города человеку, который пытался превратить мою жизнь в ад.

Да что там пытался! Несколько месяцев он успешно осуществлял свое намерение. Ефрейтор Хуснутдинов, любимец начальника заставы, чемпион Закавказского военного округа по боксу, большую часть своего времени тратил на то, чтобы заставить новобранцев почувствовать себя полным дерьмом. При этом он вовсе не был тупой скотиной и к делу своему относился философски. По мнению Хуснутдинова, только пройдя через немыслимые унижения и не сломавшись, можно было стать хорошим бойцом.

Хуснутдинов любил читать: на его тумбочке постоянно лежала книга. Книга называлась «Черви»; автором ее был какой-то американец, фамилию которого я запомнил. В книге со знанием дела описывались издевательства сержантов морской пехоты США над молодыми солдатами; стараниями Главпура она имела в те годы почти в каждой армейской библиотеке, но вместо ожидаемого чувства морального превосходства над разлагающимися наймитами капитализма вызывала у «дедушек советской армии» ассоциации

совершенно иного свойства. Некоторые пытались использовать «Червей» в качестве прикладного пособия. Другие — как, например, Хуснутдинов — черпали в этой выдающейся книге аргументы в пользу своей моральной правоты. Так или иначе, вряд ли кто-нибудь из моих ровесников — тех, что не пренебрегли своим священным долгом и почетной обязанностью, — сказал бы автору «Червей» большое спасибо, доведись им встретиться ночью в узком переулке. Но мне эта книга, наоборот, помогла, так что кто-кто, а я воздержусь кидать камни как в ее автора, которого я все равно не помню, так и в мудрецов из давно приказавшего жить Главпура.

Итак, Хуснутдинов любил читать. «Черви» лежали у него на тумбочке символически: за полтора года службы он расправился со всеми сколько-нибудь интересными произведениями нашей небогатой библиотеки, а также с личными книгами жены начальника заставы, молоденькой и симпатичной украиночки Олеси. То показное равнодушие, с которым Хуснутдинов смотрел на Олесю, выдавало его с головой. На затеррянной в диких горах заставе, где на тридцать пять человек всего одна женщина — она же жена начальника, — солдаты, а особенно старослужащие просто не имеют морального права смотреть на нее так. Олеся и Хуснутдинов вели себя очень осторожно, но вся заставка была уверена, что они встречаются. Как, где — этого не знал никто. Может, как раз в те минуты, когда ефрейтор заходил за книгами. Начальник заставы, майор Зверев (которого, разумеется, никто иначе как Зверем не звал), проводил дома не так много времени, чтобы следить за каждым шагом своей благоверной. Да и подозревать своего любимца он бы не стал. Майор, одышливый полноватый дядька, только что разменявший сороковник, был человек жестокий, но прямой и честный. А Хуснутдинов, двадцатилетний двухметровый красавец, похожий скорее на истинного арийца, чем на татарина, всегда напоминал мне коварную и

смертельно опасную змею. Впрочем, я, разумеется, пристрастен.

Как-то раз, заправляя койку Хуснутдинова (это входило в перечень его наименее затейливых поручений), я нечаянно толкнул тумбочку, и аккуратно обернутый розовой бумагой — подарком Олеси — томик «Червей» громко хлопнулся на пол. Я потянулся за ним, чтобы поднять, и тут же почувствовал, как в правом ухе взрывается что-то очень похожее на гранату. Чемпион по боксу наградил меня легкой затрещиной.

— Подними, — сказал он ласково. — Подними и посмотри, что ты сделал с книгой.

Я наклонился и взял томик в руки. На первый взгляд ничего страшного с «Червями» не произошло.

— Переверни, — подсказал ефрейтор совсем уже медовым голосом. Я перевернул. От падения на пол розовая бумага слегка запылчилась.

— Видишь? — озабоченно спросил Хуснутдинов. — Грязь! Немедленно слижи ее!

— Слижи? — тупо переспросил я и заработал еще одну оплеуху.

— Я что, должен повторять дважды?

Человеку, никогда не имевшему дела с ефрейтором Хуснутдиновым, сложно будет понять, почему я не стал играть в героя. Я поднес книжку к лицу и, высунав язык, послушно провел языком по серому пыльному следу.

— Еще! — скомандовал Хуснутдинов. — И не слюни так, бумага размокнет!

Голова гудела, как рельсы, по которым только что проехал груженный товарный состав. Перед глазами плыли разноцветные круги. Половина казармы смотрела на меня — некоторые с сочувствием, другие со злорадством.

Именно в этот момент я решил, что нарушу клятву. Собственно, я уже давно задумывался над тем, как хорошо было бы отправить Хуснутдинова в Красный город, но барьер, который сам собой возник у меня в

мозгу после гибели Лехи, не позволял перевести эти размышления в практическую плоскость. Вылизывая розовую оберточную бумагу, в которую были завернуты «Черви», я почувствовал, как этот барьер рассыпается в прах.

Спустя неделю мы с Хуснутдиновым вместе оказались на патрулировании. Патрулирование — это дежурство по периметру системы, пограничной полосы, нашпигованной датчиками и местами обнесенной колючей проволокой. Обычно в патруль ходят вчетвером — двое старослужащих и двое молодых. Так получилось и на этот раз, но у реки, по которой проходил участок границы, мы разделились и пошли группами по двое — по высокому, заросшему лесом берегу и по отмелям, на которые иногда выбирались нарушители с той стороны. Мы с Хуснутдиновым шли поверху, по узкой, петляющей лесной тропе.

В обычных условиях ефрейтор вряд ли стал бы со мной разговаривать, но патрулирование — довольно утомительная и скучная штука. Поэтому, когда я спросил его, читал ли он другие книги автора «Червей», он не оборвал меня, а поинтересовался, что это за книги и где я их читал. В нашей библиотеке, само собой, таких книг не было.

Я ответил, что читал их в Москве. Что все они написаны не менее увлекательно, чем «Черви», но рассказывают о приключениях американских морских пехотинцев в разных экзотических странах. Особенно, сказал я, мне понравилась книга, которая называется «Красный город».

Глубоко внизу грохотала по камням горная речка. Если бы я изо всех сил толкнул Хуснутдинова, он бы наверняка упал и расшибся о камни. Но я совсем не был уверен, что у меня это получится. К тому же Хуснутдинов наверняка догадывался о чувствах, которые я к нему питаю, и был настороже. Не мог же он знать, какой сюрприз я для него заготовил.

Как я и предполагал, он попался на крючок и по-

требовал, чтобы я рассказал ему содержание «Красного города». Ломаться я не стал, тем более что сюжет, придуманный мной за последние несколько дней, казался мне вполне занимательным.

Во время вьетнамской войны группа американских морских пехотинцев получает задание спасти племянницу консула США в Бирме, волею судеб оказавшуюся на территории печально известного «золотого треугольника» и захваченную то ли партизанами, то ли вооруженным отрядом наркомафии. Племянница консула в моем пересказе удивительным образом напоминала пухленькую и грудастую жену майора Зверева, а командир морпехов, двухметровый красавец Джо, явно имел что-то общее с ефрейтором Хуснутдиновым. Разумеется, все эти детали были придуманы мной для того, чтобы вернее привлечь внимание к рассказу. И, похоже, цели своей я добился. Заметив, что на ходу мне рассказывать не слишком удобно — я то и дело спотыкался, поскольку все время оборачивался к идущему позади Хуснутдинову, — он scomандовал привал, и мы удобно уселись на поваленное дерево в стороне от тропинки.

Морские пехотинцы преодолевают массу препятствий и наконец оказываются в загадочном Красном городе, в руинах которого, предположительно, неведомые злодеи держат племянницу консула. С этого момента я начал рассказывать чрезвычайно подробно. Я описал бурую равнину, усыпанную пористыми камнями, бело-золотые конусы, тянущиеся до самого горизонта, дорогу, залитую черным полупрозрачным янтарем, бронзовые ворота с отслаивающимися зелеными чешуйками, полуразрушенные кирпичные стены, груды строительного мусора сразу за воротами, засыпанные красной пылью ямы с гудящими цветами, трехэтажное здание из темно-зеленого мрамора, пыльные столбы света, гуляющие в его сумрачных залах, сухой бассейн, пахнущий болотом, и две лестницы — черную и белую, по которым можно спуститься на дно,

выложенное разноцветными дисками. Я рассказал о величественной колоннаде — двенадцати огромных, вырезанных из черного камня столбах высотой с пятиэтажный дом, украшенных странными символами, похожими на обезглавленных птиц. Когда-то эти колонны венчала массивная крыша, но теперь она рухнула, и осколки тяжелых плит торчат из земли, словно окаменевшие кости допотопного чудовища. Если пройти между колоннами, то под ногами вместо привычного красного песка захрустят крошечные — размером с ноготь мизинца — черепа. Их там тысячи, если не миллионы, и среди них нет никаких других костей — только маленькие, легкие черепные коробочки. Колоннада заканчивается лестницей, ведущей куда-то под землю; черный проем подземного хода забран очень прочной и совершенно не пострадавшей от времени решеткой.

Я рассказал Хуснутдинову о сиреневых куполах дворцов, сложенных из розоватого камня, о глубоких колодцах, над которыми всегда стоит пахнущий тмином туман, о поваленных в пыль статуях, изображающих зверей с человеческими головами, о садах каменных деревьев, украшающих облицованные полированным гранитом террасы... Я рассказал об удивительных находках, которые встречаются среди руин: о прозрачных шарах, деревянных птицах и обломках каких-то странных машин, сделанных из бронзы и черного хрусталя.

В ореховых глазах Хуснутдинова замелькали смутные тени. Я почти физически почувствовал, что он видит мой Город, и странная ревность овладела мной. Что, если Хуснутдинов проникнет в красный мир и окажется сильнее Волшебника? Может быть, открывая перед ним дверь в Красный город, я совершаю ошибку...

Я не успел закончить рассказ. Внизу, у реки, загрохотали автоматные очереди.

Хуснутдинов взлетел в воздух, как огромная гибкая змея, и, срывая с плеча автомат, метнулся к обрыву. Мелькнул среди деревьев и тут же пропал, прыгнув ку-

да-то вниз. Я осторожно приблизился к краю тропинки. Ефрейтор, отчаянно тормозя ногами, скользил по каменистому склону. Мне тут же пришло в голову, что, если бы я поддался минутному искушению и попробовал столкнуть его с тропы, он скорее всего добрался бы до реки целым и невредимым, а потом переломал бы мне все кости. Вторая мысль, пришедшая мне в голову, была такой: «Сейчас его убьют». На берегу стреляли — уже не очередями, а одиночными выстрелами, но похоже было, что стреляют не только наши. Я представил себе, как Хуснутдинов, не снижая скорости, вылетает прямо на отмель и попадает под прицельный огонь противника... и даже зажмурился от изумления. Неужели избранная мной методика настолько действенна? Раздумывать, впрочем, времени не было. Подражая Хуснутдинову, я снял с плеча свой «АК» и тоже начал спускаться к реке. Спускался я гораздо медленнее, чем ефрейтор; неудивительно поэтому, что на берегу я оказался, когда бой уже закончился. Живой и здоровый Хуснутдинов вместе со вторым старослужащим уже вязали руки и ноги нарушителям. Ими были обычные крестьяне, искавшие потерявшихся коз. Из оружия при них имелась только старая двустволка, а боезапас они, кажется, уже израсходовали. Единственным пострадавшим в перестрелке оказался Маркеев, пришедший на заставу в один день со мной, — ему рассекло щеку осколком каменной глыбы, в которую попала пуля из крестьянской двустволки. Он сидел на песке, время от времени отнимая от лица перемазанную в крови руку, тупо глядел на нее и икал от страха. Проходя мимо, Хуснутдинов отвесил ему дежурную затрепину.

— Что, баклан, обосрался? Брал бы с дружка пример!

С этими словами он небрежно кивнул в мою сторону. Изумление, в которое поверг меня этот случайный жест, трудно описать. Меньше всего я ожидал такого от Хуснутдинова, который за все три месяца моей

службы на заставе не сказал обо мне ни одного доброго слова. Неужели получасового рассказа о выдуманной книжке оказалось достаточно, чтобы купить себе благорасположение грозного ефрейтора? На секунду мне стало стыдно за тот хитроумный план, который я разработал, стремясь отомстить Хуснутдинову. Но только на секунду.

Спустя два дня Хуснутдинова застрелил майор Зверев.

Накануне майора вызвали в штаб округа. Позднее стало известно, что из Москвы приехал его давний приятель, занимавший высокую должность в Минобороны, и Зверь, настроившись на масштабную пьянку, укатил в город, сообщив жене, что вернется дня через два. Вышло, однако, так, что не успел высокопоставленный друг сойти с трапа самолета, как его тут же выдернули обратно в Москву — разбираться с каким-то ЧП. Майор, выяснив, что приехал зря, матюкнулся и велел шоферу возвращаться на заставу. По пути у них полетела трансмиссия, так что на заставе злой и относительно трезвый Зверев оказался только в два часа ночи. Жену дома он, к своему удивлению, не застал. Надо отдать должное Зверю — он не стал устраивать шум и поднимать заставу по тревоге. Он просто взял одну из служебных овчарок и сунул ей под нос первую попавшуюся Олесину тряпку. Собака привела его к дверям ленинской комнаты, перед которыми майор на некоторое время остановился. Из глубин ленинской комнаты доносились вполне недвусмысленные звуки. Майор постоял около двери, послушал...

Потом он пинком распахнул дверь и открыл огонь из табельного «ПМ».

Олесе повезло — пуля пробила ей мякоть икры, после чего она потеряла сознание — от страха или болевого шока — и упала на пол, уйдя с линии огня. А вот Хуснутдинову досталось по полной программе. Когда дежурные по заставе прибежали к ленинской комнате, ефрейтор был уже мертв. С пулевым отвер-

ствием в сердце и двумя пулями, засевшими в легких, долго не живут.

Зверю дали два года условно. Кажется, помог тот самый московский приятель, из-за которого все и завертелось.

Прошло несколько дней, прежде чем я окончательно удостоверился в том, что Хуснутдинов погиб не случайно. Вообще-то я старался не злоупотреблять отлучками в Красный город, который казался все желаннее — на фоне серых армейских будней. Дверь по-прежнему регулярно появлялась передо мной в различных укромных местах, где никто, кроме меня, не мог ее видеть, но отлучиться куда-либо на отрезанной от мира заставе — задача не из легких. Поэтому количество моих визитов в Красный город в это время можно было пересчитать по пальцам одной руки. Однако в тот раз я почувствовал, что не в силах преодолеть искушение. Дверь открылась, когда я стоял на посту у оружейной комнаты. До конца дежурства оставалось еще почти три часа. Рассудив, что риск внезапной ночной проверки постов относительно невелик, я шагнул в багровый прямоугольник, придерживая рукой автомат. Впервые я попал в мир Красного города с оружием в руках.

Довольно быстро я обнаружил то, что хотел. Большой, совсем еще мягкий конус, чьи бока слегка вздымались и опадали, как если бы он дышал. Я приблизился, чтобы приложить ухо к подрагивающей бело-золотой поверхности, и тут меня словно током трянуло.

Хуснутдинов КРИЧАЛ.

Его было слышно даже на расстоянии нескольких шагов от конуса. Если слабый голос Лехи едва угадывался в мешанине хрипов и бульканий, доносившихся из утробы диковинного то ли растения, то ли животного, то рев Хуснутдинова перекрывал собой все прочие звуки. В этом реве смешивались страх и бешенство, ненависть и мольба о помощи. Я не знаю, что именно

происходило с ефрейтором, но, по-моему, ему было куда хуже, чем Лехе.

— Хуснутдинов, — позвал я громко, — эй, Хуснутдинов!

Он не слышал меня. Это было обиднее всего. Я кричал, приложив ладони ко рту, молотил по податливому бело-золотому боку прикладом автомата, но Хуснутдинов меня не слышал. А мне так хотелось спросить, понравился ли ему Красный город... И еще мне хотелось признаться, что это я отправил его сюда. Без этого моя месть казалась неполной.

Но ефрейтор продолжал кричать так, будто его рвали на куски. Я почувствовал сильное желание поднять автомат и выпустить очередь по дрожащему конусу, разом прервав этот разрывающий душу вой. Однако, сделав так, я, возможно, положил бы конец мучениям Хуснутдинова, а это в мои планы не входило. К тому же за расстрелянный в Красном городе боезапас пришлось бы неизбежно отчитываться на заставе. Поэтому я еще немного потоптался около конуса, соображая, как мне привлечь внимание ефрейтора, так ничего и не придумал и отправился восвояси.

За те полтора года, что прошли между гибелью Хуснутдинова и моим долгожданным дембелем, я трижды пытался заговорить с ефрейтором. Один раз мне показалось, что он меня все-таки услышал. Когда я в очередной раз позвал его, крики, доносившиеся из глубины значительно увеличившегося в размерах конуса, вдруг прекратились. Я постучал по затвердевшей поверхности, вызывая Хуснутдинова на связь морзянкой. Ответом была тишина. Я продолжал стучать и звать, но бело-золотой купол безмолвствовал. С тех пор я больше не слышал криков Хуснутдинова. Возможно, с ним произошло что-то, лишившее его возможности кричать, но я склонен думать, что он просто не захотел унижаться. В конце концов я перестал ходить к конусу, поглотившему ефрейтора. В Городе было много куда более интересных мест.

Демобилизовавшись, я несколько месяцев наслаждался гражданской жизнью, а потом сделал весьма пространную ошибку — женился. Многие мои знакомые совершили тот же роковой шаг в первые полгода после дембеля. С точки зрения физиологии это вполне понятно; странно только, что никто не предупреждает отслуживших два года солдат о самой большой опасности, которая поджидает их на гражданке. Так или иначе, я женился и довольно скоро пожалел об этом. Если быть точным, к концу первого года совместной жизни.

Мою жену звали Карина. У нее были великолепная фигура, симпатичное личико, огромные фиалкового цвета глаза и очень доброе сердце. Настолько доброе, что в нем находилось место для каждого существа мужского пола. Ну, или почти для каждого. Супруга майора Зверева по сравнению с Кариной выглядела монашкой-кармелиткой.

К стыду своему, я понял это не сразу. Сначала я был просто счастлив и, как все влюбленные, слеп. Потом я устроился на работу, отнимавшую массу времени и сил, и поступил на вечернее отделение института связи. С Кариной мы теперь виделись лишь ночами, что, как выяснилось, вполне ее устраивало. Она даже не слишком осторожничала. Во всяком случае, какие-то мелочи — поздние звонки, разорванные записки — периодически всплывали на поверхность, и при желании их можно было сложить в цельную (хотя и неприглядную) картину. Такое желание впервые возникло у меня после того, как на новогодней вечеринке она заперлась в ванной с незнакомым мне хмырем с щегольской испанской бородкой. Мне сообщила об этом ее подруга. Некоторое время я стучал в дверь ванной, за которой шумно лилась вода, чувствуя себя последним идиотом и страстно желая иметь под рукой табельный «ПМ». Но пистолета у меня не было, а ломать дверь, выставляя себя на посмешище перед всей компанией, я не решался. Карина появилась минут через двадцать, бледная, с мокрыми волосами и расширенными, как

от атропина, зрачками. Поддерживавший ее под локоть хмырь с бородкой объяснил, что девушке стало плохо и он, как дипломированный врач, оказывал ей необходимую помощь. Возможно, я бы даже поверил ему, если бы не одно обстоятельство: я слишком хорошо знал, при каких обстоятельствах у моей жены расширяются зрачки.

После этого случая я, словно коллекционер, стал собирать все мелкие и крупные улики, которые Карина со свойственной ей небрежностью оставляла дома и на работе (она числилась лаборанткой в одном НИИ). Через месяц я узнал достаточно для того, чтобы немедленно подать на развод. Однако судебная процедура в моей ситуации казалась мне слишком уж унижительной. Требовать развода на основании бесконечных измен жены — все равно что публично признаваться в собственной несостоятельности. Кроме того, я неожиданно обнаружил, что испытываю к Карине чувство, весьма похожее на ненависть. Вероятно, я действительно любил ее. Когда Карина прижималась ко мне в постели, свежая, пахнущая весной и цветами, я думал о том, что происходило с этим прекрасным, упругим, благоуханным телом несколькими часами ранее, и в глазах у меня темнело от ярости и тоски. В какой-то момент я понял, что развод не принесет мне облегчения. Проблему следовало решить радикально.

Это оказалось не так просто. В отличие от ефрейтора Хуснутдинова Карина не любила читать и не проявляла никакого интереса к сюжетам книг или фильмов. Описать ей Красный город было труднее, чем уговорить вести праведную жизнь. Но я и тут нашел выход.

Слабостью Карины были сны. О них она могла рассказывать бесконечно. Единственная книга, которую она перевезла в нашу квартиру из родительского дома, называлась: «Истинный и Правдивый Сонникъ, или Тайны Морфея». Карина уверяла, что книга досталась ей от бабушки, известной гадалки, и с энтузиаз-

мом бралась за толкование самых запутанных сновидений.

Однажды утром я объявил Карине, что видел странный сон. Она, разумеется, тут же наострила уши, а я принялся описывать ей бурую равнину и волнистые линии бело-золотых конусов, протянувшихся до самого горизонта. Однако не успел я в своем рассказе добраться до полуразрушенной городской стены, как Карина полезла в свой Правдивый Сонник. Конечно же, «Тайны Морфея» не могли разъяснить мой сон, и Карина мгновенно потеряла к нему интерес. Я растерялся, потому что надеялся рассказать ей куда больше — в ушах у меня звучали слова Волшебника: «Чем красочнее рассказ, тем короче дорога». Мне пришлось растянуть описание Города на целый месяц: время от времени я снова видел все тот же сон, но уже с новыми подробностями. Карине волей-неволей приходилось все это выслушивать, хотя было заметно, что она просто старается меня не обидеть. Но я методично и планомерно делал свое дело. Я провел ее мимо трехэтажного здания с рухнувшей крышей, мимо пустого бассейна, на дне которого блестела металлическая штукovina, напоминавшая консервную банку, между колоннами, украшенными изображениями безголовых птиц, по кладбищу крошечных черепов, и дальше, к нависшей над крутым обрывом балюстраде из белого мрамора. Это самая высокая точка Города; ниже, под обрывом, тянутся кварталы безликих одноэтажных зданий, уходящих за горизонт. Стоя на площадке, обнесенной балюстрадой, трудно отделаться от ощущения, что все, что ты видишь вокруг, — всего лишь искусно нарисованные декорации, скрывающие истинную сущность этого места. Отчасти в этом виновато небо — тяжелое, затянутое багровой дымкой, оно нависает так низко над площадкой, что кажется потолком театрального зала.

Через месяц Карина заболела.

Я как раз дошел до описания широкой гранитной

лестницы, спускавшейся к нижнему городу. Карина слушала меня с плохо скрываемым раздражением. Чувствовалось, что мои сны о Красном городе надоели ей хуже горькой редьки. Она стала дерганой, нервной, похудела, начала жаловаться на рези в желудке...

Я заставил ее пройти обследование у гастроэнтеролога. После этого обследования ее направили еще на одно, уже к другому врачу. Через неделю Карину положили в больницу.

Я приходил к ней, приносил цветы и фрукты. Сидел рядом с ее постелью, гладил по тонкой, почти прозрачной руке, пытался развлечь ее веселыми историями. Мне было очень плохо в те дни. После случаев с Лехой и Хуснутдиновым я поверил, что Красный город всегда забирает свои жертвы быстро и почти безболезненно. Оказалось, что он может делать это не торопясь, медленно и со вкусом. В какой-то момент я почувствовал, что больше не выдержу. Я дождался, пока мы останемся в палате одни, и, наклонившись совсем близко к Карине, прошептал:

— Забудь о Красном городе.

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

— Те сны, о которых я тебе рассказывал, — упорствовал я. — Это нехорошие сны... ты должна забыть их, очиститься от них, и тебе станет легче. Пожалуйста, попробуй...

— Не понимаю, о чем ты, — ответила Карина. — Красный город — это мой сон. Он снился мне вчера... и позавчера, кажется... такое странное место... там совсем нет солнца...

Еще через месяц она умерла. После похорон я первый раз в жизни напился так, что потерял всякое представление об окружающей меня действительности. Мне почудилось, что я прошел через Дверь, оказался в Красном городе, добрался до балюстрады и встретил там Карину, Леху и ефрейтора Хуснутдинова. Кроме них, на площадке стояли сотни незнакомых мне лю-

дей, и все они смотрели на клубившуюся на горизонте багровую мглу.

— Привет, — весело сказала Карина и поцеловала меня в щеку. — Рада тебя видеть!

— Здорово! — крикнул Леха, хлопая меня по плечу. — Что так долго не появлялся?

— Ну что, баклан, — недобро прищурился Хуснутдинов. — Думаешь, я не знаю, что ты тогда пост у оружейки оставил?

— Чего вы ждете? — спросил я, с трудом ворочая языком. — Куда вы все смотрите?

— Солнце, — ответил Леха, радостно улыбаясь. — Скоро должно взойти солнце...

Тогда я повернулся к обрыву и стал вместе со всеми обитателями Города ждать солнца. Но солнце так и не взошло, а я пришел в себя за какими-то гаражами, весь перепачканный в блевотине. Когда через несколько дней Дверь действительно возникла передо мной, я даже не стал к ней подходить.

Десять лет я жил, не вспоминая о Красном городе. Дверь больше не появлялась. Возможно, я действительно перестал в ней нуждаться.

А потом я попал в аварию. Уснул за рулем, возвращаясь от своей новой подруги — юной и весьма требовательной девицы. Две бессонные ночи сделали свое дело. Мою машину вынесло на встречную полосу и бросило на груженный щебенкой самосвал.

В себя я пришел в больнице. Пять операций, одна тяжелее другой, непрекращающаяся боль в спине, бессмысленные попытки встать на ноги... С тех пор я передвигаюсь исключительно в инвалидной коляске. Никакой надежды на то, что мои ноги однажды вспомнят о том, для чего они предназначены, у меня нет. За долгие месяцы, в течение которых я привыкал к своему новому положению, мне много раз приходило в голову, что все происшедшее со мной — это возмездие. По зрелом размышлении я отказался от этой мысли. Возмездие должно быть соразмерно преступле-

нию, а в моем случае это явно не так. Леха погиб из-за собственной любознательности, Хуснутдинов был садистом и соблазнителем чужих жен, а Карина... Карина меня предала. К тому же можно ли расплатиться за поглощенные Красным городом три жизни одним сломанным позвоночником? На мой взгляд, в такой бухгалтерии явно не сходилась дебет с кредитом.

Я убедил себя в том, что авария была случайностью, но легче мне от этого, разумеется, не стало. Вся наша жизнь, в сущности, не что иное, как непрерывная цепь случайностей, но инвалидное кресло и утка под кроватью — удел далеко не каждого. Чем больше я думал об этом, тем поганее становилось у меня на душе. С детства я гордился причастностью к великой тайне и, даже перестав посещать Красный город, по привычке продолжал считать себя избранником судьбы. И вот судьба неожиданно ощерилась мне в лицо всеми своими бесчисленными, острыми, как у акулы, зубами...

Жизнь моя стала невыносимо скучна. Та самая подруга, из-за которой, собственно, я и попал в аварию, исчезла с моего горизонта прежде, чем меня выписали из больницы. Друзья и знакомые, навещавшие меня поначалу, стали вызывать жуткое раздражение своим несокрушимо здоровым видом. Постаревшие родители, к которым я переехал жить, оказались абсолютно чужими людьми. Я попал в ловушку одиночества. Все чаще и чаще я вспоминал угасшую на больничной койке Карину, веселого Леху Плотникова и даже Хуснутдинова. Мне чудилось, что уж они-то, прошедшие через кошмар Красного города, могли бы меня понять.

В один из мучительно долгих вечеров, когда я сидел в своем кресле, укутавшись в шерстяной плед и равнодушно глядя в телевизор, в комнате что-то произошло. Я почувствовал это всем телом — кожей, волосы на которой поднялись, словно над ними провели наэлектризованной расческой, напрягшимися до боли мышцами, желудком, внезапно сжавшимся в ледяной ком. Медленно-медленно, боясь спугнуть нежданное

чудо, я повернул голову и увидел Дверь. В первый раз за десять лет.

Она выглядела такой же, как и раньше, — разве что чуть пошире. У меня даже появилась надежда, что я смогу проехать в нее на инвалидной коляске. Отблески тусклого красноватого света падали на паркет. Я подъехал совсем близко к светящемуся прямоугольнику, потом развернулся, подкатил к двери своей комнаты и аккуратно закрыл ее на задвижку. Как в детстве, когда я скрывал посещения Красного города от родителей...

Коляска действительно протиснулась в проем Двери. Под колесами захрустел песок, и я оказался на широкой бурой равнине, усеянной хрусткими окатышами.

Оказался — и замер в нерешительности. Красный город не слишком-то приспособлен для передвижения по нему в инвалидных креслах. Дорога из черного янтара была ровной и широкой, но сразу за городскими воротами начинались завалы строительного мусора и ямы с песком. Коляске такие препятствия не одолеть. Некоторое время я раздумывал, не отправиться ли мне в пустыню — навестить конусы Лехи и Хуснутдинова, но мысль о том, что я могу наткнуться на конус Карины, пугала меня. Не так-то сильно, оказывается, хотел я встретиться с теми, кого сюда отправил...

Я сидел у открытой Двери, пытаюсь принять хоть какое-нибудь решение, когда из-за ближайшего окаменевшего конуса вышел Волшебник.

Он совсем не изменился за прошедшие с нашей последней встречи годы. Такое же добродушное, полное лицо, та же смутная, блуждающая на губах улыбка. Даже комбинезон — мешковатый и грязный — был все тем же. Ну и, разумеется, секатор. Длинные деревянные ручки и хищно изогнутый металлический клюв, испачканный чем-то бурым.

— Мой мальчик, — задумчиво произнес он, оставаясь в отдалении. — А я-то думал, что больше тебя не увижу...

Я пожал плечами. Что можно сказать в такой ситуации? «Я тоже так думал»? Или: «А вы замечательно сохранились»? Глупость...

— Но ты все-таки пришел. Или, выражаясь точнее, приехал. У тебя ведь что-то с ногами, не правда ли?

— Заметили? — саркастически осведомился я. — Да, кое-что с ногами. Они не ходят, знаете ли. И вряд ли когда-либо пойдут.

Улыбка Волшебника стала печальной. Он сочувственно поглядел на меня, потом рассеянно пощелкал ножницами.

— И чего же ты от меня хочешь, мой мальчик? — спросил он наконец.

— С чего вы взяли, что я вообще хочу от вас чего-то? — выверился я. — Я увидел Дверь — между прочим, в первый раз за долгие годы! Увидел и решил заглянуть, только и всего!

— Ну-ну, — успокаивающе пробормотал он. — Не стоит так нервничать. Неужели ты до сих пор думаешь, что Дверь появляется перед тобою случайно?

— Нет, конечно, — хмыкнул я. — Это вы ее мне открываете...

— Почему ты так думаешь?

— Ну, вы же Волшебник, разве не так? В чем же тогда проявляется ваше волшебство?

— Уж, по крайней мере, не в том, чтобы раскрывать Двери! Это обязанность привратника. Но уж он-то свое дело знает, могу тебя уверить!

— А вы? — насмешливо спросил я. — Вы-то как, знаете свое дело? Можете, к примеру, вернуть мне здоровые ноги, а?

Улыбка сошла с лица Волшебника.

— Нет, этого я сделать не могу.

— Почему-то я совсем не удивляюсь, — усмехнулся я. — Вы такой же Волшебник, как я Проводник. Все это сказки...

Он покачал головой.

— Ты ошибаешься. Мое волшебство бессильно

там, откуда ты пришел, так же как твой дар не имеет смысла здесь, в Красном городе. Мы могущественны каждый в своем мире. Другое дело, мой мальчик, что ты загубил свой дар, зарыл его в землю и так и не стал великим Проводником...

— Ничего себе — зарыл! Отправить на прокорм этим, — я кивнул на ближайший бело-золотой конус, — троих уже называется зарыть дар в землю? Сколько же, по-вашему, я должен был сюда привести народу?

Волшебник внимательно поглядел на меня, потом поднял свой секатор и повел им в сторону конусов, стоявших по левую руку от дороги.

— Видишь, сколько их там? Никогда не пытался считать? Ах, пытался, но сбился... Что ж, скажу — их там что-то около тысячи. А скольких человек ты отправил в Красный город за тридцать лет своей жизни? Троих? Тебе не кажется, что это *маловато*?

— Тысяча? — ошеломленно пробормотал я. — Но кто же это сделал?

— Зачем тревожить их имена? Достаточно и того, что те Проводники были не тебе чета. Они-то хорошо понимали, что Город может быть источником силы. И что чем больше ты его кормишь, тем больше силы он тебе дарит.

Я подумал.

— Ну, и как я могу получить причитающуюся мне силу? Или три человека — это так мало, что и рассчитывать не на что?

— Почему же? — усмехнулся Волшебник. — Три человека — не много, но вполне достаточно. Попробуй пошевелить ногой.

За последний год я множество раз слышал эту фразу от врачей и приучился воспринимать ее не как утонченное издевательство, а как дежурную формальность. Я прекрасно знал, что, как ни напрягай мускулы, как ни собирай в кулак волю, результат будет одним и тем же — то есть никаким. И все-таки скорее по при-

вычке, чем в надежде на чудо я попробовал пошевелить пальцами ног.

Левая нога дернулась.

Я почувствовал боль — неострую, похожую на зуд в занемевших мышцах. Пальцы там или не пальцы — но левая нога определенно оживала. Вот ее свело судорогой, вот дрогнуло колено... Я обхватил его обеими руками и застыл, ошеломленно глядя на Волшебника.

— Видишь? — спокойно спросил он. — Не так уж это и мало — три человека...

— Значит, вы все-таки можете? — заикаясь от волнения, проговорил я. — Можете вернуть мне здоровые ноги?

И снова Волшебник покачал головой.

— Нет, мой мальчик. Во-первых, я здесь почти ни при чем. Это твоя сила, а не моя. Во-вторых, как это ни печально, когда ты вернешься к себе, твоя нога станет такой же, как раньше. Бесчувственной деревяшкой.

Я заскрипел зубами. Если бы я мог дотянуться до Волшебника, то наверняка бы его придушил.

— Зачем же тогда?.. Зачем все это?..

— Чтобы ты понял, — неожиданно жестко сказал он. — Все зависит только от тебя. Хочешь ходить на ногах — корми Город. Твой дар не иссяк. Чем больше людей ты сюда приведешь, тем сильнее станешь. Ноги — пустяк. Скоро ты поймешь, какие возможности перед тобой открываются... Город станет служить тебе... Может быть, ты даже сумеешь превратиться в Волшебника...

— Но для этого мне придется здесь жить, — возразил я.

— А тебе бы этого не хотелось? Тебе так хорошо там, у себя?

— Нет, — признался я, поразмыслив. — Мне там совсем не хорошо.

Волшебник поцелкал секатором.

— Тогда говорить нам, в сущности, больше не о

чем. Возвращайся и делай то, для чего ты появился на свет.

— Но как я узнаю... — начал я, но он меня перебил.

— Помогать тебе я больше не стану. Ты и так слышал более чем достаточно. В конце концов, тебе будет полезно поработать головой. Прощай, мой мальчик.

Он повернулся ко мне спиной и побрел к рядам конусов, пиная ногами бурые камешки.

— Последний вопрос, — крикнул я ему вслед. — Что такое Красный город?

Волшебник остановился, будто споткнувшись. Укоризненно посмотрел на меня.

— Ты прекрасно знаешь, что он такое, — проговорил он недовольным тоном. — Ведь так?

Это было совсем не так, но я отчего-то утвердительно мотнул головой.

Мне осталось рассказать вам совсем немного. После разговора с Волшебником я долго думал о том, как глупо я распорядился своим даром, как бессмысленно были потрачены годы, когда я мог хоть каждый день обзаводиться новым источником силы. Безногий Проводник — в самом сочетании этих слов проглядывала злая усмешка судьбы. Кому, скажите на милость, станет описывать таинственные здания и удивительные пейзажи Красного города прикованный к своему креслу инвалид, весь круг общения которого ограничен родителями да медсестрами? Некоторое время я обдумывал, не сделаться ли мне учителем и наставником для играющей в нашем дворе детворы. Завоевать уважение детей не так сложно. Надо начать с разговоров о фильмах (у меня прекрасная коллекция), книгах, рассказах о своих приключениях в дальних краях... Играть с ними в шахматы, «монополию», в любые настольные игры, доступные калеке. Рано или поздно вокруг меня станут собираться большие компании, и тогда наконец я смогу поведать им о Красном городе. Но

кто знает, сколько источников силы потребуется мне для того, чтобы встать на ноги? Да и одновременная гибель такого количества детей наверняка вызовет ненужное любопытство...

Я размышлял, отбрасывая вариант за вариантом, пока наконец не остановился на беспроигрышном, с моей точки зрения, решении. Воплощение этого плана требовало времени, зато эффект мог превзойти самые смелые ожидания. Ключом к решению послужила очень простая мысль, посетившая меня в одну из бессонных ночей, когда я лежал, скрючившись, на своей кровати, разглядывая трещины в потолке.

«Кто сказал, — подумал я, — что Проводник должен обязательно рассказывать о Красном городе? Что, если он будет его описывать — в буквальном смысле этого слова?»

Первым делом я проверил свою догадку. Я переписываюсь с некоторыми добросердечными людьми, искренне полагающими, что их письма помогают мне выжить в этом жестоком мире. Некоторые из них такие же инвалиды, как и я. Я описал Красный город в пространном письме к одной девушке, больной церебральным параличом, — она проживала где-то за Уралом. В ответ я получил очень эмоциональное послание, в котором говорилось, что мне непременно нужно попробовать себя в литературе — настолько живым и красочным показался ей выдуманный мною город. Это письмо оказалось последним — спустя два месяца родственники девушки сообщили мне, что она умерла от закупорки сосудов.

Я решил воспользоваться ее советом и стал писателем.

Разумеется, получилось это не сразу. Прежде чем первый мой рассказ увидел свет на страницах какого-то малотиражного провинциального журнала, прошло два года, заполненных напряженным трудом и общением с редакторами и издателями. Но я был настойчив и в конце концов добился своего.

Я не знаю точно, какой тираж у книги, которую вы

читаете. Готов, однако, поспорить, что не меньше пяти тысяч экземпляров. Меньшие тиражи сейчас просто нерентабельны.

А теперь я хочу еще раз напомнить вам о том, что видит человек, впервые попавший в Красный город.

Дверь, ведущая в Красный город, может открываться из разных мест, но пейзаж, открывающийся с той стороны, всегда одинаков. Под ногами хрустят круглые пористые окатыши железисто-бурого цвета. Они очень легкие и не тонут в воде, пока не пропитаются ею насквозь. От двери до стен Красного города тянется плоская, усыпанная бурыми окатышами равнина. Кое-где на равнине возвышаются большие, белые с позолотой, конусы. Средняя их высота — около трех метров, но в отдалении виднеются конусы размером с пятиэтажный дом. К ним можно приблизиться, но для этого нужно долго идти по бурым окатышам, а это довольно утомительно. Единственная дорога, ведущая через равнину, протянулась от Двери до самых ворот Красного города. Она залита черным, похожим на янтарь материалом, просвечивающим в глубину. Конусы, стоящие по бокам от дороги, сравнительно невелики и выглядят очень старыми — позолота на них поблекла, белые стены потрескались, и сквозь зияющие в них щели можно различить ячеистую структуру этих странных сооружений, похожих на огромные соты. От Двери до городских ворот не больше километра: хорошо видны обвалившиеся кирпичные стены города и неряшливые громады его полуразрушенных дворцов. Все вокруг залито неярким красным светом, напоминающим свет закатного солнца в ветреную погоду. На самом деле солнца здесь нет: небо, если оно существует в этом месте, постоянно затянуто багряной дымкой...

СОДЕРЖАНИЕ

ПОВЕСТИ

El Corazón	7
Коралловый остров	180

РАССКАЗЫ ИЗ ЧЕРНОГО СУНДУКА

Точка Лагранжа	261
Прогулка	286
Вишня под снегом	328

РАССКАЗЫ ИЗ БЕЛОГО СУНДУКА

Кот Эдипа	345
Асимметричный ответ	361
Птица цвета ультрамарин	381
Ультралайт	411

АПОКРИФЫ

Красный город	429
-------------------------	-----

Литературно-художественное издание

Бенедиктов Кирилл Станиславович

ТОЧКА ЛАГРАНЖА

Ответственный редактор *В. Мельник*
Редактор *Н. Скибина*
Художественный редактор *Е. Савченко*
Технический редактор *Н. Носова*
Компьютерная верстка *О. Шувалова*
Корректор *Е. Чеплакова*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 27.02.2008.
Формат 84x108¹/₃₂. Гарнитура «Балтика». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 25,2.
Тираж 7000 экз. Заказ № 7704

Отпечатано с электронных носителей издательства.
ОАО «Тверской полиграфический комбинат». 170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.
Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34, Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page - www.tverpk.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpk.ru

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться в ООО «Форум»: тел. 411-73-58 доб. 2598.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 268-83-59/60.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО ДЦ «Эксмо-Украина», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым» ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:

117192, Москва, Мичуринский пр-т, д. 12/1. Тел./факс: (495) 411-50-76.
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел.: (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12, тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

Серия

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

С НАЧАЛА 2007 ГОДА В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- Роман Афанасьев «Стервятники звездных дорог»
- Виктор Бурцев «Очередь за солнцем»
- Роман Глушков «Боевые псы Одиума», «Аварийная команда»
- Александр Громов «Змееныш», «Крылья черепахи»
- Владислав Крапивин «Ампула Грина»
- Олег Курылев «Невозвращенец»
- Игорь Огай «Уровень атаки»
- Сергей Осипов «Демоны вне расписания», «Ночная охотница»
- Роман Папсуев «Цейтнот»
- Андрей Плеханов «Слепое письмо»
- Вадим Проскурин «Прививка от космоса», «Небесные воины»
- Виталий Романов «Вариант «Зомби», «Разум чудовища»
- Вячеслав Рыбаков «Звезда Полян»
- Вячеслав Силин «Монополия на чудеса»
- Александр Сухов «Танец на лезвии ножа»
- Сборник «Академия Шекли»

**Лучшие произведения русской фантастики
в одной серии!**

www.eksmo.ru

МАСТЕР ФЭНТЕЗИ №1

Ник ПЕРУМОВ

ПЕРВАЯ КНИГА НОВОГО ЦИКЛА
«Семь Зверей Райлега.
ТЁРН»

**НОВАЯ
КНИГА**

www.eksmo.ru
www.perumov.com

**Скоро! Книга 2. "Алиедора"
Книга 3. "Исход Дракона"**

**Более 12.000.000 проданных книг
Лучший фантаст Европы 2004
Лучший фантаст России 2003 и 2006**

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

ТОЧКА ЛАГРАНЖА

Русские дайверы, высадившись на островке в Красном море, сталкиваются с древним ужасом глубин... В волшебном королевстве осуществляется военный проект на основе нанотехнологий... В недалеком безумном будущем продвижение по службе зависит от весьма специфических причин...

Загадочный странный текст беспощадно уничтожает своих читателей...

Об этом и многом другом — в новой книге лауреата престижных литературных премий Кирилла Бенедиктова.

